

ДАРИА АУБЕР

ПО ТУ СТОРОНУ
ВРЕМЕНИ

12+

Дариа Айвер

По ту сторону времени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65519538

SelfPub; 2021

Аннотация

Что есть время по своей сути? Есть ли у него начало и конец? Мы принимаем знания о прошлом, как данность, а о будущем, как неопределённость. И не пытаемся ничего изменить. Но, что будет, если не принять прошлое, а ясно определить будущее и свою судьбу?

Но Кристианом Старом движет не это. Его судьба была уже давно определена без его участия, а сам он – лишь шестеренка, одна из многих, в огромном механизме времени. Оказавшись по ту его сторону, Кристиан пытается привыкнуть к мысли, что «сейчас» минуту назад в его линейном времени, было на тридцать лет в будущем.

За очередной дверью он лицом к лицу сталкивается с девушкой из прошлого. И очень скоро становится ясно, что их обоих связывает нечто большее, чем просто эксперимент...

Дариа Айвер

По ту сторону времени

Часть 1

Глава 1

Перемещение далось Кристиану нелегко. Но уже сам факт того, что он стоял на твёрдой поверхности, к тому же живой и невредимый, не мог не радовать.

Ему понадобилось несколько долгих минут, чтобы прийти в себя: в голове кружилось, в ногах ощущалась слабость и ему пришлось присесть, чтобы не упасть. Пол под ним протяжно скрипнул и Кристиан замер, стараясь даже не дышать, пока прислушивался к звукам вокруг.

Но вокруг была тишина, царил ночной полумрак, разбавляемый лишь блеклым светом луны. Ее лучи неровной дорожкой освещали дальнюю часть комнаты: широкий диван, над которым висели круглые часы с крупным циферблатом, показывающим 23:51; небольшой журнальный столик, умещавший на себе высокую вазу с цветами и раскрытую книгу. В скрытых тенью предметах слева от Кристиана угадывался силуэт невысокого шкафа со стеклянными дверцами.

«Неужели, я действительно в прошлом?» – спросил он у самого себя.

Это была его первая мысль после перемещения, сразу поставившая его в тупик. Он огляделся повнимательнее в поисках ответа. Насколько он мог судить, окружающая обстановка была довольно старомодной, с непривычно большим количеством мебели и мелких деталей. Помимо дивана, шкафа и столика, в комнате ещё были два кресла, по правую руку от Кристиана, а также небольшая тумбочка в самом дальнем углу. Не говоря уже о том, что настенные часы уже лет двадцать, как никто не использовал. Им на смену уже давно пришли более удобные голографические проекторы.

Доказательства его пребывания в прошлом были довольно весомыми, но недостаточными, поэтому Кристиан решил аккуратно, а главное тихо, продолжить осмотр помещения, в котором оказался. Прямо за его спиной располагалась единственная дверь, которая вела из комнаты в небольшой коридор, в котором по левую сторону находились еще две двери, а справа виднелся арочный проем.

Кристиан медленно прошёл вперёд. Каждый шаг в этой звенящей тишине отдавался набатом в его голове. Один, два, три. Ладони Кристиана моментально вспотели, дыхание участилось, а под ритм биения сердца чечётку можно было танцевать. Хоть видимой опасности ниоткуда и не исходило, его нервы были на пределе и ему казалось, что темнота сжимает его со всех сторон огромными тисками.

Остановившись у ближайшей двери, Кристиан прислушался. С противоположной стороны не доносилось ни звука,

что его немного успокоило. После секундного колебания, он все же повернул ручку и аккуратно заглянул внутрь. В эту комнату не проникал лунный свет и в ее темных очертаниях различить что-либо оказалось гораздо труднее. Медленно пройдя чуть вперёд, Кристиан прикрыл за собой дверь, но не до конца, оставляя себе возможность для быстрого отступления. Глаза постепенно привыкли к темноте, и он смог осмотреться.

Эта комната оказалась меньше предыдущей. Значительную ее часть занимала широкая кровать, располагавшаяся посередине, и массивный шкаф в дальнем правом углу. В огромном окне напротив двери темнело очертание кроны раскидистого дерева, ветки которого пригибались под сильным напором ветра, свистевшего снаружи. Очевидно, что за окном бушевала непогода, отголоски которой, при всём при этом, не тревожили обитателей этого места, если здесь вообще кто-нибудь был.

Вдруг, внимание Кристиана привлекло движение со стороны кровати. Приглядевшись, он понял, что был в комнате явно не один, а прислушавшись, уловил еле слышное чужое дыхание. Его накрыла второй волной паники, которая теперь была вполне обоснованной. Несколько минут, которые показались ему самыми долгими за всю его жизнь, он не решался сдвинуться с места.

Убедившись, что его присутствие до сих пор никто не обнаружил, а значит, скорее всего, кто бы там не находился,

он явно спал, Кристиан все же подошёл ближе, постепенно обходя кровать, чтобы лучше рассмотреть спящего, который лежал к нему спиной. А вернее спящую.

Ее длинные волосы мягкими волнами рассыпались по подушке, плечо мерно подымалось в такт спокойному дыханию, а сама она закуталась в одеяло, свернувшись калачиком.

Непонятно зачем, но у Кристиана возникло стойкое желание разглядеть девушку получше, что по-прежнему было проблематично из-за темноты вокруг. Ему пришлось подойти максимально близко и слегка наклониться вперёд. Теперь он смог увидеть лицо незнакомки: ее вполне можно было назвать симпатичной, но ничего выдающегося красивого в ней не было. Небольшой аккуратный носик, чуть помятые губы, слегка подрагивающие, длинные ресницы. Лицо ее выражало расслабленность, только быстрое движение глаз под сомкнутыми веками выдавало некую обеспокоенность. Возможно, ей снился кошмарный сон.

Каждую минуту рискуя быть обнаруженным, Кристиан, тем не менее, никак не мог оставить наблюдение за девушкой, чтобы продолжить осмотр других помещений.

Неведомая сила удерживала его на месте и многим позже он так и не смог объяснить своё оцепенение.

Внезапно, (но точно в срок, чего совсем нельзя было сказать о ситуации) тишину комнаты пронзил резкий писк сигнала, издаваемый прибором на его руке. От неожиданности

Кристиан вздрогнул и перевёл взгляд на дисплей: времени оставалось немного. Снова посмотрев на девушку, он встретился с ее широко открытыми, испуганными глазами.

Сам Кристиан не столько испугался, сколько растерялся, не зная, что ему предпринять. Он боялся, что она сейчас закричит и на ее крик может ещё кто-то прибежать, ведь полностью осмотреть помещение он так и не успел.

Но она молчала. Даже не шевелилась, а просто смотрела на него. И взгляд, полный страха, сменился паникой.

Чтобы хоть как-то ее успокоить, Кристиан сказал первое, что пришло ему в голову:

– Не бойся, я не причиню тебе вреда.

Для наглядности он поднял обе руки в примирительном жесте.

Девушка никак не отреагировала, только ее дыхание стало более громким, частым и прерывистым.

– Эй, – Кристиан положил руку ей на плечо и слегка встряхнул его. – С тобой все в порядке?

Девушка будто вышла из оцепенения и резко села на кровати. От неожиданности Кристиану пришлось даже отступить на пару шагов назад, неотрывно следя за ее реакцией. Она закрыла глаза и помотала головой из стороны в сторону, словно отгоняя от себя дурной сон. Медленно, с опаской она приоткрыла один глаз, но, увидев, что Кристиан все еще стоял перед ней, отползла от него подальше, инстинктивно натягивая одеяло повыше.

– Кто ты? – хриплым от сна голосом прошептала она. –
Что ты здесь делаешь?

Кристиан попытался подойти поближе, чтобы как-то ее успокоить, но она только дальше отодвигалась, параллельно шаря в темноте руками в поисках выключателя лампы на прикроватной тумбе за ее спиной.

Ее попытки в конце концов увенчались успехом и комнату озарило желтоватое свечение, в котором они могли лучше рассмотреть друг друга.

Кристиан ещё раз бегло сверился с прибором на руке и вместо ответа сам спросил о том, что его волновало:

– Какой сейчас год?

Девушка удивленно уставилась на него, сбитая с толку таким вопросом.

– Ну же, у меня мало времени.

Кристиан торопился, у него и правда оставалось от силы секунд двадцать.

– 2019-ый, – коротко ответила она, мельком оглядевшись вокруг в поисках чего-то.

«Я все же в прошлом», – тем временем промелькнуло в голове у Кристиана и от внезапного осознания он расплылся в глуповатой улыбке, будто сам себе не верил, что у него получилось.

– Я из будущего, – признался он, то ли в попытке ей что-то объяснить, то ли просто озвучивал поток своих мыслей вслух.

– Я не верю. И сейчас вызову полицию, если ты не уйдёшь.

– Я не вру. И совсем скоро ты в этом убедишься.

Кристиан начал медленный обратный отсчёт, едва заметно шевеля губами:

– Десять... девять...

Бросив взгляд на вконец ничего не понимающую девушку, он спросил:

– Как тебя зовут?

Не ясно зачем ему понадобилась эта информация, как и весь, затеянный им, бессмысленный разговор, но он ощущал острую необходимость узнать ее имя.

– Кэтрин, – чуть запинаясь, ответила она.

Уголки его губ дрогнули в слабой улыбке.

– Крис, – слегка наклонив голову, представился он.

На дальнейшие разговоры не было времени, да и особого смысла: через несколько секунд их будут разделять даже не километры – годы.

– Три, два.

Он встал ровно, прижал руки по бокам и, последний раз взглянув на Кэтрин, плотно закрыл глаза. На счёт «один» он бесследно исчез.

А Кэтрин ещё долго не могла уснуть, снова и снова обдумывая произошедшее. Четкого определения тому, что же именно она увидела, она не смогла подобрать. В своих размышлениях она дошла до того, что стала сомневаться в своём психическом состоянии.

Как бы там ни было, заснуть она смогла только ранним утром. Но даже во сне ее мысли о таинственном Крисе материализовались в сновидение о нем. А может, она и не спала вовсе, только его образ продолжал стоять перед глазами.

Его тело опять поглотила непроглядная тьма. Он ощущал ее даже через сомкнутые веки: бешено вращающуюся и увлекающую за собой через время и пространство. Сколько это продолжалось, Крис не знал. Быть может минуту или целый час. А может и доли секунды. В этом месте (чем бы оно ни было) привычные законы и понятия, казалось, теряли свой смысл.

Крис представлял себе, что летит через длинный тоннель, как сквозь отдельное измерение, непостижимое уму, но постижимое современной наукой. Соединяющий прошлое и будущее, далекий 2019-ый, когда его самого ещё даже не существовало, и родной 2049ый.

Пребывая в этом неизведанном пространстве, в неопределенный момент времени, Криса посетила мысль о том, что сейчас он может и не вернуться в своё время. Любая мелочь – и все пойдёт наперекосяк: его закинет к динозаврам или во времена крестовых походов.

Или он просто останется здесь навсегда: блуждать в темноте, не ощущая времени, когда одна секунда длится вечность, а вечность уместается в секунду.

Но его страхам не суждено было сбыться.

Под закрытые веки стал упорно проникать свет, заставляя глаза открыться, а тело – наконец ощутило под собой твёрдую поверхность. Он оказался в ярко освещённой лаборатории, из которой и отправился в прошлое совсем недавно.

Вокруг него уже суетились люди в белых халатах. Первым делом они записали показания с прибора на его руке, таймер на котором остановился на отметке 14:54:18 в минутном исчислении.

Пару раз кто-то окликнул его по имени. Но Крис уже ничего не слышал и не замечал. Все происходило на уровне ощущений. Усталость тяжелой волной разлилась по телу, заполняя собой каждую его клеточку. Он лишь почувствовал, как чьи-то руки аккуратно уложили его на что-то горизонтальное и мягкое, прежде чем провалиться в небытие.

Когда Крис очнулся, то обнаружил, что лежит на широкой кушетке все в той же лаборатории. Он медленно поднялся, свесил ноги на пол и осмотрелся. В голове немного шумело, а в ушах прямо-таки звенело от тишины. В комнате он был один. Неужели, он так долго был без сознания, что все успели разойтись?

Ярко-белый свет от лампы, направленной прямо на него, начал слепить глаза и Крис зажмурился. Слева послышался шорох раздвижных дверей, а затем – стук приближающихся шагов. Снова чуть приоткрыв глаза, Крис увидел возвышающуюся над собой фигуру в белом халате. Взгляд сфокусировался, и он понял, что перед ним стоит доктор Харрис, руко-

водитель проекта. Это был высокий мужчина средних лет с темными волосами, едва тронутыми сединой и неизменной улыбкой, внушавшей добродушие и благосклонность ее обладателя.

– С возвращением, мистер Стар. Как Вы себя чувствуете?

Крис слабо улыбнулся. Чувствовал себя он, по меньшей мере, странно. Физически, он совершенно точно был в этой самой комнате, здесь и сейчас, но его мысли возвращались в прошлое, а сознание было на грани между полным отрицанием и принятием случившегося. Он оказался не готов в сию секунду принять факт произошедшего с ним и до сих пор не мог понять, как согласился на эту экспериментальную авантюру.

– Немного уставшим и ... На самом деле я ещё сам до конца не понимаю, как я себя чувствую, – признался Крис.

– Это естественно, учитывая то, что Вы только что сделали. Первооткрывателям всегда нелегко. Но тем ценнее Ваш вклад. Надеюсь, Вы продолжите участие в проекте?

Эта воодушевляющая речь немного смутила Криса, но он все равно ответил даже не раздумывая:

– Да, я готов продолжать.

«Как будто у меня есть выбор», – добавил он про себя.

– Отлично! – казалось, доктор Харрис ничуть не сомневался в его ответе. – В таком случае, Вы можете идти. Вам ещё нужно пройти полное обследование в медицинском отделении и предоставить отчёт мыслей.

– Вы даже не спросите, что я видел в прошлом? – уточнил Крис в недоумении. – Кого встретил?

– А Вы кого-то встретили?

Крису показалось, что Харрис даже не удивился его заявлению. По крайней мере, он не выказал даже малейшей заинтересованности.

– Представьте себе, встретил, – раздраженно ответил Крис, но тут же понизил тон, под посуровевшим взглядом доктора, и продолжил уже спокойнее, – там была девушка. Она видела меня. Это плохо?

Лицо Харриса осталось бесстрастным. Хотя, на долю секунды в его глазах что-то промелькнуло. Но Крис не успел понять, что именно и не особо придал этому значение.

– Мы проанализируем Ваш отчёт, но не думаю, что возникнут проблемы. Вероятность того, что Вы своими действиями повлияли на прошлое крайне мала. Вы получите дальнейшие подробные инструкции перед следующим сеансом. Будьте готовы через две недели. Есть ещё вопросы?

– Сколько я был там?

– Вас не было почти 12 минут, как мы и рассчитывали.

Было видно, что доктор Харрис откровенно хотел поскорее закончить этот разговор. От былого добродушия не осталось и следа. Крис так и не понял, чем была вызвана такая резкая перемена настроения, но вида не подал.

А сам Харрис, пресекая возможность получения любых других вопросов, поспешно добавил:

– А теперь я все же попрошу Вас пройти в мед. отделение, а затем в кабинет № 6. После этого Вы можете быть свободны.

На этом разговор был окончен и Харрис незамедлительно вышел, прежде чем Крис успел что-либо сказать.

Кабинет в медицинском отделении всем своим видом передавал атмосферу стерильности: белая дверь, которая только что закрылась за Крисом, стены, просто слепящие своей белизной, к которым примыкали такие же пол и потолок. Даже вертикальные лампы в каждом углу кабинета источали стерильно белый свет.

Всю центральную часть комнаты занимал прозрачный цилиндр – бокс фермионного резонанса. Под определенным углом пространство, где он стоял, казалось абсолютно пустым. Аппарат проводил комплексную диагностику состояния внутренних органов и считывал все основные жизненные показатели, чтобы иметь возможность определить любые изменения физического состояния участников эксперимента.

Криса встретила медсестра, которую он уже видел на первом осмотре при приеме добровольцев. Кажется, ее звали Сидни, но, по правде говоря, Крис забыл ее имя также быстро, как оно было произнесено.

– Здравствуйте, мистер Стар, – поприветствовала она Криса, одарив его радостной улыбкой. – Прошу, проходите,

присаживайтесь.

Крис чуть задержал на ней взгляд. На вид ей было не больше двадцати. Крупные локоны пшенично-золотистых волос обрамляли ее милое личико, на котором отчётливо выделялись ярко-голубые глаза. Она была безусловно красива, но Крис был настолько вымотан, что почти сразу потерял к ней интерес.

Поэтому в ответ на ее поразительно воодушевленное приветствие он лишь сухо поздоровался, добавив при этом «мисс» с неловко затянувшейся паузой после.

– Софи, – тут же поправила она его, – можете называть меня Софи.

– Софи. Конечно. Тогда меня – Крис, раз уж на то пошло.

– Хорошо. Крис.

Она намеренно выделила его имя и не приминула широко улыбнуться.

Крис неловко улыбнулся в ответ и присел на предложенный ей стул рядом со столом, на котором уже лежало все необходимое для процедуры: шприц и бутылочка с прозрачным содержимым.

Ему предстояло получить инъекцию ферроксида – специального контрастного агента, который улучшал четкость изображения на снимке внутренних органов.

Как и в прошлый раз, укол вызвал болезненную реакцию и Крис поморщился, с силой втянув воздух через ноздри.

Вещество стало быстро распространяться по телу, подго-

няемое частыми ударами сердца.

Софи аккуратно достала иглу и протерла кожу антисептиком, от которого место укола мигом перестало кровить, а края – крепко стянулись вместе.

– Вот так, – сказала она, внимательнее, чем нужно осматривая руку Криса. Он осторожно высвободился из ее хватки.

Пробормотав еле слышное «Ой», Софи отпрянула от него и попросила, намеренно громко, чтобы скрасить неловкость:

– Теперь наденьте, пожалуйста, коверы.

Аппарат слева от бокса обтянул его ботинки, как только он их подставил, прозрачным плотным материалом, полностью повторяя изгибы обуви.

– Можем приступать, – пригласила его Софи.

Подойдя ближе к боксу, Крис поднёс руку к слабо мерцавшей при ярком свете лампы сенсорной панели. Бокс разделился пополам отъехавшей вправо дверью и Крис прошёл внутрь.

Сама процедура занимала не более пяти минут и сопровождалась легким покалыванием во всем теле: сначала в местах наибольшей пульсации, а затем, поочередно, в областях расположения внутренних органов.

– Все результаты в норме, отклонений не обнаружено, – сразу отрапортовала Софи, едва Крис вышел из бокса.

– Спасибо. Я могу идти?

– Да, конечно. Надеюсь, скоро увидимся.

– Мне сказали, что через две недели.

И, немного потоптавшись на месте, Крис поспешно вышел в коридор, бросив напоследок дежурное «До свидания». Сегодня он не был настроен на милые беседы, лишь хотел побыстрее добраться до своей кровати и хорошенько отоспаться.

Крису оставалась последняя задача на сегодня – составить отчёт мыслей, хоть он и слабо представлял, что это означает.

Спустившись на три этажа вниз и пройдя по коридору до упора, он остановился у единственной темной двери с ярко-красным номером шесть на ней. Он трижды отрывисто постучал: в отличии от остальных дверей, эта была самой обычной, без раздвижной системы и датчиков движения.

– Проходите, – послышался голос по ту сторону и Крис повергнул ручку.

Кабинет оказался полной противоположностью других помещений. Слабый свет давала единственная лампа у самой двери, от чего остальная комната была погружена в полумрак. Само пространство было разделено пополам стеклянной перегородкой. По ту сторону стоял невысокий худощавый парень в белом больничном халате, как у всех работников Центра. Приглушённый свет делал его, и без того бледное лицо, призрачно-белым и вытянутым, резко выделявшимся на фоне темной стены. На вид ему было едва ли на пару лет больше, чем самому Крису.

– Добрый день, – поприветствовал он вошедшего Криса,

который с интересом осматривал комнату, в которой оказался. – Меня зовут Джо Гуд. Я младший ассистент исследовательского центра «Кайт».

– Здравствуйте. Я – Кристиан Стар.

– Приятно познакомиться, мистер Стар. Мы с вами ещё не встречались. Поздравляю Вас с успешным началом проекта.

“Интересно”, – пронеслось у Криса в голове, – “их дружелюбность – это часть протокола?”

– Спасибо. Можете называть меня Крис, – сказал он уже вслух, пройдя чуть вперед и остановившись возле просторного кресла.

– Тогда можно просто Джо. Вы ещё никогда не составляли отчёт мыслей?

– Ещё нет, – признался Крис.

Его взгляд зацепился за самый большой объект во всей комнате. Прямо напротив двери, по левую сторону от перегородки, находился экран, вмонтированный в стену. Помимо всего перечисленного, в комнате было пусто.

– Это нейронный сканер, – объяснил Джо, поочередно указывая на кресло и на экран и, увидев вопросительный взгляд Криса, продолжил:

– Он считывает картинку нейронных связей Вашего мозга с помощью специальных датчиков и преобразует их в изображение, выводя Ваши воспоминания на экран. Это, если вкратце. Теперь, можете присаживаться. Когда будете готовы, мы начнём.

Крис расположился в кресле, которое оказалось мягким и удобным, и опустил голову. Из подголовника выехали чёрные датчики и прижались к его голове с двух сторон в районе висков.

Джо набрал на приборной панели несколько клавиш, после чего входная дверь в кабинет скрылась за непроницаемой сплошной стеной, а единственный источник света погас.

– А теперь расслабьтесь и представьте все, что увидели за Ваш сеанс. Готовы?

– Да, – ответил Крис, глубоко вздохнул и на мгновение прикрыл глаза.

Его сконцентрированные воспоминания уже через 10 секунд стали проявляться на экране, расходясь из точки в центре до краев. Изображение превратилось в темную комнату, освещенную лунным светом, и менялось, следуя за мыслью Криса, как картинки в калейдоскопе.

Кадр за кадром, шаг за шагом, прожитые минуты заставляли Криса вновь испытывать те же эмоции, хоть и не так ярко. Однако, стоило на экране появиться Кэтрин, как видеоряд исказился помехой, умело копирующей сильный удар его сердца. Ее удивленное лицо в миг сменялось испуганным, а затем на нем проявились явные признаки паники. Их, такой нелепый, короткий диалог отпечатался на подкорке и был воспроизведен сканером с точностью до слова. С одержимостью художника Крис улавливал и запоминал любую мелочь, каждую черту девушки.

– Три, два, – прозвучал с экрана его собственный голос и через секунду запись оборвалась темнотой.

– На этом все, – сообщил Джо, включая свет и убирая стену перед входом.

Крис несколько мгновений продолжал гипнотизировать пустой экран, прежде чем перевёл взгляд на Джо, который, казалось, перестал его замечать, а полностью погрузился в обработку отчета.

– Я могу идти? – громко спросил Крис, поднимаясь.

– Да, конечно. До свидания, – ответил Джо, бросив беглый взгляд на Криса.

– До свидания, – эхом отозвался тот, хотя и не был уверен, что его услышали.

Только, когда Крис вышел из Центра, то смог облегченно вздохнуть: наконец-то этот длинный день подошёл к концу.

Глава 2

6 апреля-7 апреля 2019 г

Я проснулась от резкого звука похожего на писк небольшой сирены и открыла глаза. Зелёные блики на часах стали чётче – цифры тут же сменили своё положение, показав 00:01. Понадобилось непозволительно много времени, по крайней мере мне так показалось, чтобы понять – я в комнате не одна. В паре шагов от меня я различила незнакомую фигуру. Темнота мешала толком ее рассмотреть. По телу прокатилась ледяная волна страха и мне бы закричать,

вот только я не издавала ни звука. Мозг снова и снова делал отчаянные попытки достучаться до тела, но все без толку. Сначала я подумала, что сплю и мне снится кошмар. Стала задумываться, как же мне проснуться, как вдруг мой “кошмар” заговорил, поразительно ласковым голосом. Он, а голос был именно мужским, попросил меня не бояться, сказал, что не сделает мне ничего плохого. Мозг, как назло, начал подкидывать мысли о маньяках, и я все отчаяннее хотела закричать и проснуться. И не понятно, чего больше. Сердце стучало, как сумасшедшее, отдавалось в ушах и, по ощущениям, готово было выскочить наружу, равно, как и воздух из легких.

Наверное, панику в моих глазах можно было прочесть даже в темноте, потому что, внезапно, мой “кошмар” наклонился ко мне, положил руку на плечо, слегка встряхнув его, и спросил, все ли со мной в порядке. Интересно, он правда считал, что для меня вполне нормально посреди ночи встречать в своей спальне незнакомых парней? Ну, конечно же, он так не считал, и вообще, вряд ли об этом думал. Но эта мысль так и осталась невысказанной, зато я почувствовала, что мое тело стало снова мне подчиняться. Я подумала, что просыпаюсь и решила помочь себе: крепко зажмурила глаза и помотала головой из стороны в сторону. В фильмах часто показывают, что это помогает, если кто-то или что-то мерещится. Но, когда я открыла глаза, он не исчез. Вспомнила, что в этих самых фильмах этот приём не работает. Расстро-

илась и испугалась ещё больше. Когда я наконец смогла заговорить, голос вышел хриплым и будто не моим.

Незнакомец, до этого стоявший от меня на некотором отдалении, вдруг начал подходить ближе, оставив вопрос о том, кто он и что ему нужно, без ответа. Я инстинктивно отползла подальше. В голове возникали варианты дальнейших действий, если он решит напасть на меня. Идеи были одна нелепей другой, если честно. Стрессовые ситуации всегда даются мне нелегко.

Оглядевшись в поисках хоть какого-то орудия защиты, из-за темноты вокруг, я увидела только этот дневник. Нелепое бы вышло оружие!

Все это время он не сводил с меня глаз и следил за мной с настороженностью.

Пошарив рукой в темноте, мне все же удалось зажечь лампу и я, наконец, увидела нарушителя моего спокойствия. Мне показалось, что мы довольно долго друг друга рассматривали. Признаюсь честно, я залюбовалась. На какие-то считанные секунды я и думать забыла о возможной опасности с его стороны.

Он был красив, определенно красив. Примерно моего возраста или чуть старше, высокий, с довольно светлыми волосами и большими выразительными глазами. Я не смогла точно рассмотреть, какого они были цвета. Определенно светлые. И проникли они глубже положенного.

Я будто снова впала в оцепенение. И вышла из него толь-

ко после его вопроса. Очень странного вопроса. “Какой сейчас год?” Он даже днём и при более благоприятных обстоятельствах звучит дико. Но я зачем-то ответила ему. После его следующей реплики я с ужасом решила, что имею дело с психом. Что было несомненно хуже моей предыдущей версии о маньяке. Наверное.

Так вот. Он заявил, что он из будущего.

Я не успела закрыть рот своему внутреннему скептику, как уже говорила, что не верю ему и, что ещё хуже, стала угрожать полицией. Признаться, я сразу ожидала от него агрессии, хоть и не была к ней готова.

Но он, наоборот, стал меня успокаивать и сказал, что скоро уйдёт.

Я окончательно запуталась и уже начала думать, что сама схожу с ума.

Посмотрев на него, мне показалось, что я увидела в его взгляде скорее страх и неуверенность, но совсем не враждебность.

Посмотрев на браслет на своём запястье, он стал медленно считать, как в обратном отсчете при запуске ракеты, начиная с десяти. Я мельком заметила на дисплее браслета таймер, но рассмотреть получше не успела – он отвлёк меня вопросом:

– Как тебя зовут? – спросил он.

Я ответила, а он представился Крисом.

Хоть я больше и не чувствовала оцепенения в теле, но,

кроме своего имени, больше не смогла сказать ему ни слова. Я молча наблюдала за своим странным ночным посетителем. На удивление, я больше не чувствовала страха. Было опасение, но ещё больше – любопытство.

За пару секунд до того, как его отсчёт закончился, он выпрямился, прижал руки по бокам и закрыл глаза. И тут произошло самое странное, пугающее и необъяснимое – он просто исчез. Только что стоял в двух шагах от меня, а потом испарился, словно растворился в воздухе за один взмах ресниц.

Сейчас, когда я все это пишу, я не могу четко сказать, что я чувствую. Безусловно, я должна быть жутко напугана. Но он оставил после себя какое-то особенное спокойствие. Может, потому что он не пытался мне навредить.

Очень надеюсь, что он – просто плод игры моего воображения, вроде неудачного сна. Даже, если и наяву. Я где-то читала, что, если резко проснуться, сон может какое-то время продолжаться после пробуждения.

Постоянное переутомление явно не идёт мне на пользу. Нужно просто хорошенько отдохнуть и к утру о нем останется лишь эта запись в дневнике.

Тот же день 4:21

Официально заявляю, что попытки заснуть провалились. Как только я закрываю глаза, я встречаюсь взглядом с его глазами.

Его имя, все, что он сказал, плотно засело у меня в голове. Я снова и снова прокручиваю в мыслях все детали нашей встречи, пытаюсь разложить все по полочкам, чтобы хоть немного понять, что произошло. Но, пока что, возникают только вопросы. Кто он такой? Как он проник в квартиру и что вообще здесь забыл?

Кстати, могу добавить ещё одну странность к уже существующим. Я проверила входную дверь, вскоре после того, как он исчез: она была заперта на оба замка, как обычно. Не знаю, что я хотела доказать таким образом? Ведь прямо на моих глазах он растворился в воздухе! Но факт остаётся фактом.

Интересно, от часовых размышлений об одном и том же можно сойти с ума? Надеюсь, что нет.

Сегодня же расскажу обо всем Мире. Возможно, она поможет найти более-менее разумное объяснение?

9 апреля 2019 г 7:05

“Это был просто сон” – шептало подсознание.

“Это был просто сон” – не уставала повторять Мира.

Чем бы он ни был, он стал навязчивой идеей, сродни мании. Как раз, как я “люблю”.

Знаю, что накрутила себя сверх меры, но все равно не могу перестать думать о Крисе.

Я даже по имени его уже называю!

Как будто он мой старый знакомый, а не плод моего боль-

ного воображения.

Но я ведь видела его! Я точно в этом уверена.

Жаль, что в это больше никто не верит. Включая рациональную часть меня.

14 апреля 2019 г 10:18

Только сейчас заставила себя выбраться из кровати. Вчерашний вечер, который плавно перетек в ночь, определенно удался. В особенности, после знакомства с Майком. Я была совсем не против, что он украл меня с той вечеринки и повёл гулять по городу. Ночной Лондон был абсолютно прекрасен: лёгкий запах дождя, который смешивался с ароматом цветущих деревьев, яркие огни вывесок, завлекающие поздних посетителей, узкие улочки, в которых хотелось потеряться, плеск вод реки Brent.

Удивительно, как всего один вечер, смог отвлечь меня от целой недели напряженных мыслей.

Тут уж нужно сказать спасибо Мире. Во-первых, за то, что всю эту неделю придумывала 1000 и 1 способ, чтобы я не думала о Крисе. И, во-вторых, что познакомила меня с Майком. Он мне очень даже понравился. Он симпатичный, с ним можно говорить обо всем на свете и шутить о разных глупостях.

У меня так всегда: я или чувствую себя с человеком свободно и удобно или нет. Я редко ошибаюсь.

Мы гуляли практически до самого утра, а потом Майк

проводил меня домой.

Дома, наедине с собой, опять вернулись и мои навязчивые мысли. Но все дело в том, что я, пока что, хочу думать о Крисе. Я сделала некоторые выводы на его счёт: он не был плодом моего воображения – за все время я больше не видела его. Признаков психических отклонений Мира во мне не обнаружила. Хотя, есть вероятность, что они ещё просто не начали активно проявляться.

Доводы в пользу правдивости его слов все ещё кажутся незначительными, но уже не настолько неубедительными.

Если бы я только увидела его ещё раз. Я одновременно хочу и боюсь этого.

3 мая 2019 г 7:17

Майк только что ушёл. Сегодня он впервые остался у меня на ночь.

Меня, откровенно говоря, пугает, как стремительно развиваются наши отношения. Наверное то, что между нами происходит, можно назвать отношениями. Майк бы точно так и назвал.

Я же пока не могу озаглавить все происходящее таким сильным для меня словом. Мне нравится проводить с ним время. Во всех смыслах и положениях. Но иногда Майка становится слишком много в моей жизни и это начинает напрягать.

Возможно, я поступаю нечестно по отношению к нему. Но

я ведь ничего ему не обещала. Хотя я и не уверена, что он это понимает.

4 мая 2019 г 8:21

Вчера был абсолютно паршивый вечер. У меня даже не было сил записать свои мысли, как обычно, в дневник.

Начался он, конечно, очень даже хорошо. У меня было свидание с Майком. Мы сидели на террасе уютной кофейни, которая выходила прямо на Темзу, обсуждали очередной супергеройский блокбастер, отмечая глупости и нелогичности сюжета. Мы смеялись, кажется, чересчур громко – люди за соседними столиками часто на нас оборачивались – что заставляло нас смеяться ещё громче. Мне вообще нравится, как Майк смеётся. Всегда так искренне и заразительно. И надо же мне было сказать ему об этом, используя слово “люблю”. А он вмиг стал серьезным, посмотрел на меня долгим взглядом (клянусь, прямо, как в дешевых мелодрамах) и сказал то, что хотели бы услышать многие девушки, но я не из их числа:

– Я тебя люблю.

Как гром среди ясного неба, а я без зонтика.

Хорошо, что в тот момент я додумалась засунуть своё чувство юмора куда подальше, а взамен включить сочувственно-понимающий взгляд. Что-то вроде: спасибо, конечно, но я к такому не готова.

К признаниям через две недели знакомства вообще мож-

но подготовиться? Я просто раньше с подобным не сталкивалась и не знала, как реагировать.

Он, видимо, хотел от меня что-то услышать, но все мои идеи казались способными обидеть его ещё больше, чем затянувшаяся пауза. Неудобная для нас обоих, а оттого создающая ощущение, что длилась она целую вечность.

Я попыталась, хотя бы, взять его за руку, но он резко ее отдернул, вскочил со стула и, не сказав ни слова, пулей вылетел из кофейни.

Я не стала его догонять, чтобы дать ему время остыть.

Но, вместе с тем, я чувствовала, что в этой ситуации я должна сделать первый шаг. Поэтому, уже через час стала звонить ему и писать везде, где только можно, но в ответ получала лишь красноречивое молчание. Видимо, в отместку за мое собственное.

Только сегодня утром на экране высветилось короткое сообщение от него:

«Отвали».

Просто отлично! Сам же не дал мне ничего объяснить, а теперь делает виноватой в том, что я не стала обманывать его и давать ложные надежды. Не понимаю я его. Да, я не ответила на его чувства. Это должно быть неприятно. Наверное. Но ведь можно было обсудить все, как взрослые люди, вместо того, чтобы сбегать.

Ко всему прочему, мне всю ночь снились путанные сны с участием его и Криса. О последнем я теперь снова думаю.

Ну что ж, с добрейшим тебя утром, Кэтрин!

7 мая 2019 г 16:47

Сегодня после занятий, выйдя на улицу под тёплые лучи солнца, я решила пройтись до дома пешком. Я шла по своему обычному маршруту, сворачивая, где возможно, с шумных улиц в тихие закоулки, петляющие вдоль кварталов. В какой-то момент поймала себя на мысли, что за мной кто-то следит. Это чувство было таким реальным, осязаемым и взялось не пойми откуда. Просто в голову пришла эта мысль и через все тело сразу пробежала холодная волна паники. К счастью, она прошла так же быстро, как и появилась, стоило мне выйти на более оживленную улицу.

Вот только, что это было и откуда взялось?

Глава 3

Две недели спустя Крис, как и положено, явился в Центр “Кайт” для второго сеанса.

Громадное здание Центра возвышалось над ним и, казалось, стремилось подавить его своей мощью. Лучи августовского солнца отражались от темных стёкол, а может наоборот – поглощались ими, вызывая странные ассоциации с чёрными дырами.

Доктор Харрис уже ждал Криса на проходной. Сегодня он опять вернулся к своей подчёркнуто приветливой манере общения, не забывая при этом улыбаться.

Они прошли через просторный вестибюль с высокими потолками, отделанными безупречным белым, что ярко контрастировало с фасадом здания.

Лифт поднял их на 17ый этаж, а длинный коридор, как и в первый раз, вывел к кабинету Харриса.

За все время, пока они шли, Крис не встретил ни одной живой души, не считая самого доктора. Коридоры были безлюдными, будто здесь никто и не работал.

«Странно, – подумал Крис, – в прошлый раз в Центре было полно персонала». Все ужасно суетились и из многих кабинетов был слышен приглушённый гул голосов.

Сейчас же было тихо, только шаги двух пар ног создавали небольшое эхо в окружающей пустоте.

Крис шёл за спиной доктора, а потому мог, не привлекая лишнего внимания, оглядываться по сторонам в поисках хоть какой-то активности. Пару раз он даже замедлял шаг, проходя мимо знакомых кабинетов, в которых бывал в прошлый раз или до этого – на отборе, но так ничего и не услышал.

– Персонал сейчас работает в другом крыле, – громко сказал Харрис, даже не обернувшись, будто прочитал его мысли.

Крис в недоумении уставился на спину доктора, но ничего не сказал.

Когда они вошли в кабинет и Крис расположился на стуле, Харрис сразу приступил к инструктажу:

– В этот раз Вы отправитесь в прошлое на более длительное время.

Сам он остался стоять, опершись на край дубового стола, и смотрел на Криса сверху вниз.

– Предварительно, около часа, – продолжил Харрис после утвердительного кивка Криса.

– У меня будет какое-то конкретное задание?

– Нет. Все, как и в прошлый раз. Только этот сеанс будет дольше. Ведите себя естественно, насколько это вообще возможно. Старайтесь не привлекать лишнего внимания.

– А что насчёт контактов? В прошлый раз могли возникнуть проблемы.

– Но их не возникло, – спокойно отрезал Харрис. – Вы можете, при необходимости, вступать в контакт с окружением. Но не в коем случае не выдавайте какие-либо сведения о нашем времени. Ограничьтесь, как и две недели назад, рассказом о том, что Вы из будущего. Если захотите, расскажите лично о себе. И я бы попросил Вас воздерживаться от близких контактов, более чем с тремя людьми.

Заметив вопросительный взгляд Криса, он пояснил:

– Контакт с девушкой из Вашего предыдущего отчета можно считать близким.

Крису такие инструкции показались по меньшей мере странными. Он не особо разбирался в путешествиях во времени с научной точки зрения. Однако, даже его знания не вязались с разрешением на взаимодействие с людьми из дру-

того времени без риска как-то повлиять на будущее.

Свои соображения он, тем не менее, оставил при себе, ещё хорошо помня недавнюю реакцию Харриса на любые возражения.

Доктор Харрис, посчитав, что у Криса больше нет вопросов, отошёл от стола к сейфу в другом конце кабинета. Достав оттуда металлический цилиндр, он передал его Крису.

– Мы немного усовершенствовали Ваш браслет. Видите эту красную кнопку справа? Это кнопка экстренного возврата. Для самых крайних случаев. Она активируется через 3 секунды после нажатия, так что помните про группировку: мы же не хотим получать Вас обратно по частям.

Крис кивнул, стараясь отогнать от себя жуткие картинки, которые живо нарисовало его воображение.

– Напоминаю, что сигнал браслета оповестит Вас, когда до возврата останется одна минута.

Второй кивок и Крис, получив неизменную порцию пожеланий удачи, вышел из кабинета и вошёл в дверь напротив – до невозможности светлую лабораторию.

В ней ничего не изменилось: из мебели были только стул, кушетка и большой шкаф в дальнем конце. Лампы все также слепили глаза, а вокруг по-прежнему никого не было.

На кушетке лежал ещё один металлический цилиндр, внутри которого Крис обнаружил браслет – брата-близнеца того, что он получил от Харриса. Единственное отличие – отсутствие красной кнопки.

Зафиксировав второй браслет на левом запястье, Крис осмотрел оба дисплея, на которых отражались по два показателя на каждом:

1)

Заряд: по 4 %

2)

Плотность энергии: на правой руке – 1,8; на левой – (-2,0).

– Мистер Стар, – механический голос, который обратился к нему, словно исходил из стен. – Прошу подтвердить Вашу готовность.

– Подтверждаю, – уверенно заявил Крис.

Сегодня им владела невероятная решимость. Он был заметно спокойнее, по сравнению с прошлым сеансом, а волнение от неизвестности сменилось все возрастающим интересом к предстоящему путешествию, приправленному хорошей долей адреналина.

– Параметры перемещения введены, – продолжил голос. – Нажимайте кнопку “Пуск” через 5,4,3,2,1.

Указательным пальцем Крис коснулся сенсорного экрана браслета на правой руке и его затянула уже привычная и знакомая пустота. Было так странно, после относительной тишины лаборатории, нарушаемой только голосом из-за стены, услышать тишину абсолютную. Таковую, что в ней даже не слышно собственных мыслей. А может, они просто растворились в темноте, такой же абсолютной, как и безмолвие вокруг.

Как бы то ни было, эта мысль пришла к нему в голову, когда он уже обеими ногами стоял на твёрдой поверхности. А открыв глаза, обнаружил, что находится посреди уже знакомой гостиной, которая теперь утопала в лучах солнца. В этот раз он уже был не один – в дверях напротив стояла причина его недавних помех при записи воспоминаний.

Все планы Кэтрин на спокойный день в компании самой себя и книги полетели к небезызвестной бабушке того самого рогатого существа. Когда, едва переступив порог своей собственной гостиной, она увидела виновника своих частых мыслей в течении месяца. Ее сердце, даже все время вокруг, будто замедлилось. Руки сами собой опустились, а книга приземлилась на пол с громким стуком.

Оказалось, что когда она вновь встретила Криса, как и хотела, то испугалась. Чувствуя зарождающуюся внутри себя панику, она машинально бросила взгляд ему за спину на часы, которые показывали 16:01. Это был один из ее своеобразных способов успокоиться – ненадолго перевести центр своего внимания на запоминание мелочей.

Крис опомнился раньше и начал подходить к Кэтрин. Время снова пришло в движение, и она, опомнившись, отошла от него на пару шагов.

– Не подходи ко мне, – прошептала она с отчетливым оттенком страха в голосе.

Ее дыхание стало глубоким и тяжелым, глаза расшири-

лись и бегло осматривали Криса, опасаясь нападения.

– Мы ведь это уже проходили, – как можно более спокойно сказал Крис, – я не сделаю тебе ничего плохого.

Он остановился, поднял руки ладонями наружу, показывая, что Кэтрин нечего опасаться.

– Что тебе нужно? – Кэтрин то и дело ловила ртом воздух, изо всех сил стараясь привести себя в чувства.

– Для начала – поговорить, наверное. Разреши мне все тебе объяснить и потом, если захочешь, я уйду.

Кэтрин отошла ещё немного. Сознание стало потихоньку проясняться. Она опустила глаза, размышляя над его словами, и уже хотела было согласиться и выслушать его, как в последний момент сказала:

– Зачем мне вообще тебя слушать? Просто уходи.

Крис явно не ожидал такого поворота событий, а потому растерялся, не зная, что еще сказать, чтобы убедить ее. Он и сам, по правде говоря, совершенно ничего не понимал, но раз уж он во второй раз оказался в одном и том же месте, не мог не воспользоваться случаем, чтобы узнать об этом времени и о самой девушке побольше.

Кэтрин демонстративно отошла в сторону. Сомнения в правильности своих действий крутились в голове, но она была слишком напугана, чтобы уступить им и своему любопытству.

Крис решил предпринять последнюю попытку поговорить.

– Кэтрин, – начал он мягко. – Ты же видишь, что я не делаю и не сделаю тебе ничего плохого. Я понимаю, что ты напугана, но, поверь, я напуган не меньше. В каком-то смысле.

Заметив, что Кэтрин внимательно его слушает и даже неосознанно слегка подалась вперёд, Крис продолжил:

– Я понимаю, что для тебя это звучит невероятно, но я действительно из будущего. А точнее – из 2049 года. В этот раз я задержусь подольше, но я не собираюсь как-то тебе навредить.

Он уже хотел продолжить свои успокаивающие речи, как Кэтрин резко прервала его:

– Ладно.

– Ладно? – переспросил Крис, сбитый с толку тем, что она так быстро согласилась.

– Ладно, – повторила Кэтрин чуть растягивая слова и делая между ними паузы. – Но не думай, что ты так легко отделался. У меня есть к тебе вопросы, и я хочу получить на них правдивые ответы.

Кэтрин прошла в комнату и устроилась на диване. Она постаралась напустить на себя самое серьезное выражение, на которое только была способна, сощурила глаза, а ее взгляд намертво упёрся в Криса так, что ему даже стало не по себе. Кивнув головой, чтобы он начинал, она скрестила руки на груди и приготовилась слушать.

Крис почувствовал себя, как на допросе. Не хватало только света яркой лампы прямо в лицо, как в старых шпионских

фильмах, которые он в детстве засматривал до дыр.

– Итак, – начал он, немного потоптался на месте, растягивая время, чтобы собраться с мыслями.

Беглый взгляд на Кэтрин дал понять, что она даже бровью не повела.

– Я из будущего. Я участвую в тестировании устройства. Условно говоря, машины времени. Я не могу рассказать тебе все подробности, можешь даже так на меня не смотреть.

В глазах Кэтрин и правда промелькнуло любопытство, чему Крис невольно улыбнулся. Уголок ее губ чуть дернулся вверх, но она быстро моргнула, чтобы скрыть свою секундную слабость и вернулась к серьёзному образу. Не то, чтобы ей это особо нравилось. Но так она могла сосредоточиться и вовремя уловить, если Крис будет ей врать. По крайней мере, она очень надеялась на это.

– Если честно, чего-то большего об эксперименте я и не знаю. Для меня это что-то вроде подработки после учебы, способ заработать на жизнь.

Последние слова Криса тяжело повисли в воздухе. Тут уж Кэтрин окончательно растеряла всю строгость и даже руки опустила. Ей вдруг стало не по себе от самой себя и от своего поведения. В оправдание перед собой она могла привести только свой испуг, крайнюю растерянность и панику.

Она прошептала “Прости” так тихо, что сама едва услышала, но, зато, услышал Крис.

– Тебе не за что извиняться. Я явился, не пойми откуда,

заявляю, что из будущего. Любой бы на твоём месте не поверил.

– Хорошо, – сказала она после долгой паузы. – Допустим, что ты из будущего. Ты исчезаешь и появляешься. Прямо на моих глазах. И это пока что единственное, что подтверждает мое допущение. Ещё тебя зовут Крис, ты прибыл из 2049 года и участвуешь в испытаниях машины времени. Я ничего не упустила?

– В общих чертах все так и есть, – согласился Крис.

– Но почему я? Почему ты перемещаешься именно ко мне в квартиру?

– Я не знаю, может параметры перемещения не меняли?

– Тебе же не могли не сказать, зачем тебя отправляют в прошлое?

– Могли, не могли. Какая разница? Они тестируют свой аппарат. Я получаю за это деньги. Если со мной что-то случится и я не вернусь, платить будет не кому. Они точно в выигрыше. Не нужно искать скрытый смысл там, где его может и не быть.

Кэтрин смотрела на него во все глаза, поражённая его пламенным монологом, в котором ощущалась боль, выплеснувшаяся наружу.

– Конечно. Ты прав. Я отойду на минутку?

И она, не дожидаясь ответа, аккуратно проскользнула мимо него в коридор, а оттуда – на кухню.

Ей просто необходимы были несколько минут наедине с

собой, чтобы немного прийти в себя и привести мысли в порядок.

Верила ли она ему? Да она даже себе не доверяла в этой ситуации. Боялась ли она его? Больше нет. Имея он на уме что-то плохое, у него уже был миллион возможностей исполнить задуманное. Он же, напротив, сделал все, чтобы ее успокоить, за что она была ему даже благодарна.

Чтобы чем-то занять себя, Кэтрин стала заваривать чай.

По прошествии 5 минут она вернулась в гостиную, где нашла Криса, стоящим у окна. Он разглядывал медленно тянущийся поток машин и людей, спешащих по своим делам. Он услышал, что Кэтрин вернулась, но сделал вид, что не заметил ее.

Поставив поднос с чашками и блюдцем с бисквитами на столик у дивана, она неслышно подошла поближе к Крису. В его позе читалась напряженность и настороженность: прямая спина, скрещённые перед собой руки, взгляд, прикованный к одной точке. Кэтрин решила взять инициативу в свои руки:

– Выпьешь со мной чай? – громко сказала она, чтобы обнаружить свое присутствие. – Я не знала, какой ты любишь больше, поэтому заварила и чёрный, и зелёный.

Крис все же обернулся. Он перевёл скептический взгляд с девушки на поднос и обратно.

– Не смотри на меня так, будто в чём-то подозреваешь. Это просто чай.

Теперь уже Кэтрин старалась говорить, как можно более

миролюбиво.

– Послушай, мы с тобой не очень хорошо начали. Но пусть это будет наш первый шаг к знакомству друг с другом. Раз уж мы оба оказались в это время и в этом месте.

Она нерешительно улыбнулась ему и вздохнула с облегчением, когда он все же сдвинулся с места и расположился в просторном кресле с чашечкой чая, остановив свой выбор на зелёном.

– Вот и славно, – с энтузиазмом сказала Кэтрин и присел на край дивана, поближе к Крису. – Как говорит моя мама: чай – это всегда хорошая идея.

На какое-то мгновение Крис так и застыл с чашкой в руках, но быстро отогнал от себя несвоевременное воспоминание и поспешно сделал глоток горячей жидкости. Она приятно согрела тело, но имела, по его мнению, какой-то странный вкус. О чем он, однако, благоразумно промолчал.

– Давай, я начну, – предложила Кэтрин и не дожидаясь ответа продолжила, – меня зовут Кэтрин, мне 21 год. Я учусь на факультете журналистики в Университете Сити в Лондоне. Живу в Бренте, вернее снимаю здесь квартиру, в которой мы и находимся. А ты из Лондона?

– Нет. В моем времени Лондона не существует. Но я тоже из Англии.

– Как это, не существует? – перебила его Кэтрин, ошеломлённая этим фактом.

– Ой, – Крис понял, что сболтнул лишнего и ругал себя за

досадную невнимательность. – Я не должен был тебе этого рассказывать.

– Нет уж, договаривай.

– Не могу. Они ведь узнают, что я тебе здесь рассказывал. А вдруг меня выгонят из проекта? Я просто не имею права потерять эту работу.

– Кто они?

– Руководители проекта. Руководитель, вернее. Каждый раз по возвращении я сдаю отчёт мыслей, в котором ведётся запись всего, что со мной происходило.

– Ладно, – ответила Кэтрин, оставив попытки выяснить подробности, хоть и сгорала от любопытства. Но у неё не было никакого желания подвергать Криса риску лишиться работы.

– Тогда расскажи о себе. Этого ведь твой босс не запрещает?

– Это – нет, – ответил Крис, усмехнувшись.

– Что смешного?

– Я встречал такое обращение к руководителям только в старых криминальных драмах.

– Ты сейчас так назвал меня старой? – уточнила Кэтрин строго.

– И в мыслях не было.

Крис уж было собрался просить ее не обижаться, как она залиvisto рассмеялась и у него не было другого выбора, как присоединиться к ее веселью.

Беседа после этого потекла легко и непринужденно, неловкость все больше сходила на нет, сменяясь взаимным интересом двух молодых людей.

Кэтрин говорила больше: о своей учебе, об увлечении астрономией и буднях начинающей журналистики. Она показала Крису разные безделушки из прошлого, которые он раньше видел только в качестве картинок в учебных материалах.

Их прервал уже знакомый протяжный сигнал. Крис сверился с прибором, отмечая время, от которого начался отсчёт оставшейся минуты.

– Ты скоро уйдёшь?

Полувопрос, полуутверждение Кэтрин прозвучал как-то грустно.

– Да, уже через 50 секунд.

– Ясно.

А больше ей нечего сказать. Она сама толком не могла объяснить, почему ей хотелось, чтобы Крис остался. Хоть ненадолго, только, чтобы их не прерывали. Чтобы их вынужденное знакомство не заканчивалось вот так.

– Я не знаю, увидимся ли мы ещё.

Они оба не знали. В головах вертелись вопросы, получить ответы на которые, можно будет только спустя время. Так неизбежно всплыло понятие “судьба” или, скорее, “предопределенность”. Но может ли быть судьба в математически точном сочетании параметров?

– Было приятно познакомиться, Кэтрин.

Он протянул ей руку.

Бросив на него беглый взгляд, она протянула руку в ответ. Легкое касание, не более двух секунд. Ровно на столько же встретились их глаза: его ярко-голубые и ее серовато-зеленые.

– Мне тоже, Крис.

Все слова между ними были сказаны.

Крис вновь опустил взгляд на браслет и начал обратный отсчёт.

Вот, он уже встал ровно и был готов к перемещению обратно.

Секунду спустя они остались каждый по свою сторону времени.

Глава 4

Рассуждения о прошлом и будущем, возможном и невозможном занимали мысли Кэтрин все время, пока она ждала Миру. Чем дольше она думала, тем больше убеждалась, что ее встречи с Крисом – это скорее закономерность, чем случайность. Не судьба, но следствие решений, ее или чьих-то ещё, спустя тридцать лет.

Ее саму достаточно увлекал вопрос возможности путешествий во времени. Она была в самых общих чертах знакома с мнением современных ученых, которые делились на диаметрально противоположные. Одни утверждали, что путешествия во времени в принципе не возможны. Другие, что

такая возможность все же есть, но из-за цикличности времени прошлое нельзя изменить, что делает путешествия, как таковые, лишёнными их главного смысла. С другой стороны, можно было бы стать непосредственным участником исторических событий, будь то строительство великих пирамид в период расцвета Древнего Египта или посещение крупных киностудий начала прошлого века в Золотую Эру Голливуда. Что само по себе, даже без изменения прошлого, было бы весьма заманчивой перспективой.

Но больше всего Кэтрин беспокоили вопросы. Каким же образом Крис попал в прошлое? Какую цель он преследовал? Известно ли ему на самом деле больше, чем он рассказал? Увидит ли она его ещё раз? И, если увидит, что это будет означать?

Все свои переживания Кэтрин высказала Мире, которая, уже через час после ее звонка, сидела в ее гостиной и с беспокойством выслушивала подругу.

Рассказ Кэтрин о некоем Кресе из будущего, с которым она “пила чай на этом самом диване” мог бы сойти за очень неудачную шутку. Если бы не два “но”: подруга уже рассказывал о нем раньше и сейчас ее серьезность не оставляла сомнений – она совсем не шутила. Вот, что действительно пугало. Вспомнились университетские лекции о психологических расстройствах, коротко говоря – о шизофрении. Но она не была врачом, чтобы ставить диагнозы.

– Ты ведь мне совсем не веришь? – спросила Кэтрин, со-

крушенно разводя руками, глядя, как Мира уже в который раз кивает, не столько ей, сколько своим размышлениям.

– Кэт, милая, а тебе не могло просто показаться?

– Показать? Как может показаться, что я целый час с ним разговаривала, и он мне отвечал?

– Ну, подумай сама. Ты видишь парня, якобы из будущего, который появляется из ниоткуда и исчезает в никуда. Кроме тебя, его больше никто не видел.

– Не разговаривай со мной, как с больной, Мира.

Кэтрин возмутила реакция подруги. Она надеялась на понимание и поддержку с ее стороны. А вместо этого получила обидные подозрения и недоверие.

– Я не могла его выдумать, – Кэтрин убеждала в этом, прежде всего, Миру, но без самовнушения тоже не обошлось. – Он был слишком реальным. Я разговаривала с ним, прямо как с тобой сейчас.

Кэтрин просто физически ощущала бессилие своих аргументов перед здравым смыслом и логикой.

– Может, я и вправду схожу с ума?

Ей было страшно признаваться в такой возможности даже самой себе, что подкреплялось боязнью, что Мира может узнать ее тайну, которую она тщательно и трепетно оберегала от всех ее теперешних знакомых.

Но Мира видела только, что подруга тонет в собственных сомнениях и страхах и поспешила обнять ее за плечи.

– Нет, – вдруг сказала она тихо, но уверенно, – не схо-

дишь. Я гораздо легче поверю в гостя из будущего, чем в то, что моя лучшая подруга сумасшедшая. Знаешь, я была бы даже не против с ним познакомиться.

Кэтрин от удивления даже рот приоткрыла и ошеломлённо глядела на подругу, ощущая все возрастающую благодарность. И пускай, эта резкая перемена совсем не была показателем, что ей удалось переубедить Миру. Но она не дала самой Кэтрин погрузиться в пучину самокопания, которая ещё не известно к чему бы привела.

– Я даже не уверена, что сама его ещё увижу.

Мира внимательно посмотрела на Кэтрин и как-то загадочно улыбнулась.

– Кэээт, мне кажется или кому-то кто-то понравился?

– Совершенно не понимаю, о ком ты говоришь, – как можно непринужденнее ответила Кэтрин, но улыбка выдала ее с головой.

– Твой загадочный герой должен быть так же хорошо собой, как и невероятен.

– Ну, он симпатичный.

– Значит он даже лучше, чем я предполагала.

– Все, тут больше не о чем говорить, так что прекращай допрос.

– Я же только начала! – не унималась Мира.

От очередного полу возмущённого ответа Кэтрин отвлёк звонок мобильного. Посмотрев на экран, она отключила звук и отложила телефон подальше.

– Что-то случилось?

– Майк звонит. В который раз.

– Может уже с ним поговоришь?

– Может. Но не сейчас. Мне, пока что, нечего ему сказать.

– Ох, подруга, ты прямо нарасхват.

– Да уж, – невесело ответила Кэтрин.

Звонок Майка, перед которым она до сих пор чувствовала себя виноватой, снова испортил ей настроение.

– Эй, ты чего? Ну вот, опять. Так, собирайся.

– Куда? – только и успела спросить Кэтрин, как Мира уже тащила ее в сторону шкафа с одеждой.

– Мы с тобой идем гулять, – безапелляционно заявила Мира. – Даю тебе 5 минут.

И демонстративно захлопнула за Кэтрин дверь.

Когда девушки вышли на улицу, солнце уже клонилось к закату и его красновато-розовые лучи отражались в стёклах проезжающих машин. Они свернули в сторону парка Brent Walk.

Постепенно, обеих покинули тревоги этого длинного дня, и они снова болтали, как ни в чем не бывало, пили кофе и улыбались прохожим.

Время пролетело неожиданно быстро. Хотя, кто может с точностью определить его скорость? Как бы то ни было, домой Кэтрин вернулась уже поздно вечером. Уставшей, но в приподнятом настроении. Сил хватило только на то, чтобы переодеться и упасть в мягкие и удобные объятия кровати.

Тревожные мысли и образы больше не напоминали о себе и Кэтрин быстро погрузилась в безмятежный сон.

Только недопитый чай в чашке, из которой Кэтрин совершенно точно не пила, остался безмолвным доказательством реальности сегодняшней короткой встречи.

Кристиан Стар пробыл в прошлом 59 минут 59 секунд 10 миллисекунд, а отсутствовал в своём настоящем около 48 минут.

Вопрос в том, куда девается эта разница? Может ли время в прошлом протекать быстрее, чем в настоящем? И, в конце концов, можно ли считать, что он ещё больше десяти минут находился в прошлом относительно самого себя, догоняя сэкономленное время?

Но Криса в данный момент, а точнее в момент, когда он, условно говоря, уравнивал оба этих времени, волновали совсем другие вопросы:

Считать ли это простым совпадением или сбоем настроек, что он и на первом, и на втором сеансе видел одну и ту же девушку? Увидит ли он ее ещё раз? И, если да, то всплывает самый главный вопрос: как связана Кэтрин и эти эксперименты?

Когда доктор Харрис, как обычно, зашёл в лабораторию, чтобы лично справиться о самочувствии Криса, тот воспользовался случаем и озвучил то, что его так беспокоило. Уже после первого вопроса, Харрис дал вполне однозначный от-

вет и на все последующие:

– Ваше участие в этом проекте так хорошо оплачивается ещё и потому, чтобы Вы не задавали лишних вопросов, мистер Стар. Надеюсь, я ясно выразился?

Крис поймал себя на мысли, что доктор Харрис еле выносит его присутствие и их вынужденное общение. Хоть и не мог понять причины. Он начинал догадываться, что ввязался во что-то большее, чем испытания, пусть и секретные.

– Предельно, – ответил он, пытаясь скрыть своё недовольство и возмущение за ровной интонацией.

Доктор Харрис как-то странно на него посмотрел: долго, еле сдерживаясь, чтобы не закатить глаза, будто свысока. Крис выдержал этот взгляд, не имея права проявить слабость. Пусть сейчас он и отступил.

– Чудно, – сказал Харрис, вполне удовлетворённый таким ответом. – В таком случае, Вы можете быть свободны.

Крис и не собирался задерживаться. Сухо кивнув на прощание, он вышел из лаборатории и, завернув за угол, направился в мед. отделение, которое располагалось этажом выше.

Здесь Криса определенно были рады видеть больше: красивое личико Софи светилось искренней улыбкой во все 32. Ее улыбка заслуживала звание “Мисс Обаяние”, “Очарование” и все тому подобные эпитеты. Крис мог бы по достоинству ее оценить, если бы радостное настроение девушки не было на таком сильном контрасте с его внутренним состоя-

нием. У него было только одно желание: как можно быстрее оказаться подальше от этого Центра. Сеансы давались ему гораздо тяжелее, как в физическом, так и моральном плане, чем он предполагал.

Крис обронил вежливое, но равнодушное “Добрый день”, на что Софи ответила тем же, но в приторно-радостной форме.

– Как прошёл Ваш сеанс? – поинтересовалась она, пока раскладывала необходимые инструменты на столе.

– Довольно интересно, – не вдаваясь в подробности, ответил Крис и поспешил спросить:

– Что Вы знаете о проекте?

С лица Софи резко сошла улыбка, а в глазах отразилось волнение, но она быстро совладала с собой.

– Мне известно то же, что и Вам. Это экспериментальный правит...

– Правительственный проект, – закончил за нее Крис. – Я знаю. Знаю.

Он видел, что ей явно известно больше, чем она пыталась показать. Крис уже открыл рот, чтобы спросить ее ещё раз, но Софи схватила его за руку, чуть сжав ее, заставляя его поднять глаза, и легонько покачала головой, как бы говоря: “Не сейчас”. Со стороны все выглядело так, будто она собиралась сделать укол.

Крис едва заметно кивнул в ответ. Больше они не проронили ни слова. Софи методично и четко провела необхо-

димые обследования. Уже перед самым уходом Криса она подошла к нему и еле уловимым движением передала сложенный в несколько раз лист бумаги. При этом она неловко улыбнулась и быстро отвела смущенный взгляд.

– Позвоните мне сегодня вечером.

Ни одна камера в каждом из углов кабинета не заметила, что на самом деле она жутко нервничала. Выглядело это, как вполне убедительный флирт.

Крис пару секунд просто смотрел на девушку, а затем улыбнулся, как можно шире и радостнее, поддерживая ее игру.

– Я обязательно позвоню.

Конечно, он позвонит. Ведь Софи явно что-то известно. Возможно, что-то действительно важное. А ему сейчас необходима любая информация, малейшая зацепка.

– До вечера, – попрощался он, с едва скрываемым воодушевлением.

Отчёт мыслей... Можно ли вообще придумать ещё более официозное название? Воспоминания, мысли, образы, чувства – слишком тонкие материи, чтобы они могли быть отражены каким-то отчетом. Можно попробовать убрать эмоциональную составляющую, чтобы в сухом остатке осталась только информация, голые факты.

Но, как бы Крис не старался, эмоции все равно прорывались наружу.

Запись только началась, а экран уже исказила помеха. Она была первой из многих на сегодня. Эмоция удивления. Когда он только увидел Кэтрин. Таковую потерянную, испуганную, ничего не понимающую, сжимающую книгу в руке, как утопающий соломинку. Ее хотелось обнять, если бы она к себе подпустила.

Помеха номер два. Растерянность. Кэтрин задавала вопросы, на которые у него не было ответов. Как он мог ее в чём-то убедить, когда у самого в голове ни черта не складывалось? Ему почему-то было очень неприятно опять видеть столько страха на ее лице, которому сам и был причиной.

Третья помеха. Удивление. Переломный момент. Когда страх пересилило любопытство, сменившееся интересом. Теперь Крис мог четко увидеть границу, когда Кэтрин перестала быть враждебно настроенной по отношению к нему. Стена недоверия ещё не рухнула окончательно, но она уже не устояла, теряя кирпичик за кирпичиком. Кэтрин перестала видеть в нем объект своего страха, а увидела просто человека, со своими переживаниями и эмоциями.

Потом она ушла, а он не знал, что и думать. Что она хотела сделать? Как быть ему, если она вызовет полицию? Куда бежать во времени, где он не знает ничего дальше этой квартиры? Тогда, наблюдая за потоком проезжающих машин, он ещё острее осознал свою беспомощность. Там он был один и, поэтому неосознанно тянулся к Кэтрин, как к единственному более-менее знакомому человеку. Ему было важно, что-

бы она его не оттолкнула.

Когда она вернулась со своим чаем случилась помеха номер четыре. Облегчение. От ее несмелой улыбки. Теперь это была его эмоция, не ее. Но вызванная ею. Оказалось, что в его жизни не хватало, казалось бы, таких незначительных вещей, как искренние улыбки.

Еле уловимая эмоция боли, его собственной, не отразилась помехой на экране. Но ее отголосок Крис почувствовал ещё раз.

А вот пятая помеха оказалась сильнее всех предыдущих и была истинной радостью. Изображение теперь то замедлялось, почти останавливаясь, четко фокусируясь на моменте, то ускорялось, как в быстрой перемотке. Эта часть отчета была настолько личной, что Крису в дальнейшем захотелось получше контролировать свои мысли, чтобы убрать самые эмоциональные воспоминания. Все равно, для проекта они вряд ли имеют какую-то ценность.

Последняя помеха стала разочарованием. Этим дурацким сигналом. От того, что ещё столько ей не сказал. От того, что может больше ее никогда не увидеть. Неужели, это стало для него настолько важным? Пожалуй. Раз уж все эти помехи-эмоции были связаны с ней. Раз ее отсутствие смогло поселить внутри него крошечную, но уверенно разрастающуюся, пустоту.

Этот отчёт отнял у Криса последние эмоциональные силы, уравнив их с физическими. Выражение “как выжатый

лимон” больше не было размытой метафорой, а довольно точно описывало его состояние.

Не удивительно, что внимание Криса не привлекла реакция Джо Гуда, который все это время находился по другую сторону перегородки. Тот был крайне удивлён увиденным и задавался теми же вопросами, что и сам Крис. Но, в отличие от последнего, у него была возможность, а главное – доступ к информации, которая могла помочь во всем разобраться. Из чисто научного интереса.

Этот длинный день все никак не хотел заканчиваться. Он был лишь одним из многих в череде одинаковых дней. Их, как правило, называют серыми буднями, потому что в них не происходит ничего необычного – ни плохого, ни хорошего. Они прекрасны в своём постоянстве и в незначительных отличиях одного дня от другого.

Жизнь Криса действительно была похожа на подобие шаблона. И состояла, впрочем, как и у многих, из трёх элементов: учеба, дом, работа. И лишь последний был величиной переменной.

Но это хрупкое и постоянное равновесие вполне устраивало Криса. На самом деле, он боялся изменений в своей жизненной системе. Особенно тех, которые могли разрушить ее до основания.

Сейчас, когда он стоял в небольшой больничной палате и вслушивался в тихое, размеренное дыхание женщины, ле-

жащей напротив, у него в голове, как на повторе, вертелась фраза лечащего врача: “У неё все по-прежнему, без изменений”. И совершенно не важно, что в этих словах не было ничего обнадеживающего, для Криса они означали, что время ещё есть.

– Привет, мама, – тихо сказал Крис, слабо улыбаясь.

Он сел в небольшое кресло в углу, не сводя с неё глаз.

Набрав в легкие побольше воздуха, он попытался придать своему голосу весёлые нотки. Ему было важно верить, что она его слышит, хоть и не может ответить.

– Я сегодня опять виделся с той девушкой. Помнишь, я рассказывал о ней пару недель назад?

Для Криса уже давно стало нормой получать в ответ лишь неспешные колебания пульса на мониторе. Это была его личная ужасная реальность. Но ещё ужасней было то, что другого ответа он уже давно не ждал.

– Ее зовут Кэтрин, – продолжил он, улыбаясь своим мыслям и воспоминаниям. Было так странно и в то же время естественно делиться с мамой своими сокровенными переживаниями.

Раньше, ещё до аварии, она все время выпрашивала у Криса, нравится ли ему какая-то девушка. С тех самых пор, как ему исполнилось пятнадцать. Он всегда закатывал глаза на такие вопросы и старался быстрее перевести тему. Сейчас же, он сам хотел делиться этим с мамой. И все бы отдал за ее, такой нужный, совет.

– Она бы тебе понравилась. Она очень напоминает мне тебя. Ты также всегда много говорила и ...

Он осекся на середине фразы. Все звуки застряли где-то в горле и с приглушённым хрипом рухнули обратно. А глаза начало щипать от резко подступивших слез. Он запретил себе использовать прошедшее время в ее отношении. Она есть. Сейчас. В настоящем. Лежит в паре шагов от него.

Ее время, пусть и безмолвно, но текло вперёд.

Пару минут Крис молчал, заставляя мысли вернуться в позитивное русло. Ему помогли воспоминания о Кэтрин.

– Вот только чай она заваривает из рук вон плохо, – он смог улыбнуться сквозь ещё не высохшие слезы. – Это можно считать ее главным недостатком. В остальном – она идеальная. Красивая. Добрая. Не сразу, конечно, но со временем. С чувством юмора. С ней интересно. А ещё она очень смелая.

Ещё ни об одной девушке Крис не отзывался в подобном ключе. Хоть он и сам не мог до конца понять, чем же его зацепила эта девушка из прошлого.

“Она невероятная”, – ответил он сам себе. И говорил он далеко не о ситуации в целом.

– Кстати, – внезапно вспомнил Крис. Он порылся в рюкзаке и достал оттуда книгу в твёрдом переплете. – Я принёс тебе одну из твоих любимых книг. Купил ее пару дней назад у старика на улице. Сейчас уже таких давно не выпускают, но я знаю, как ты терпеть не можешь электронные книги. Хо-

чешь, я почитаю тебе немного?

И пускай сам Крис считал эту книгу чересчур романтической, слишком наивной и, к тому же, невозможно устаревшей: все эти барышни, кавалеры, их постоянные ужимки и горы предрассудков давно не имели ничего общего с реальной жизнью. Но он изо дня в день приходил сюда и читал своей маме все новые и новые книги. Потому что это, пока, было чуть ли не единственным, что он мог для неё сделать.

Спустя полчаса к ним зашла медсестра – напомнить, что время посещений подошло к концу.

– Я очень скоро снова приду, и мы обязательно продолжим. У нас ещё будет время, – пообещал Крис, как делал каждый раз перед уходом.

Он подошёл к ее кровати, склонился и коротко поцеловал ее в лоб.

– Я люблю тебя, мама.

А в голове, как молитва, как самая большая просьба:

“Ты только дождись”.

Глава 5

Книги... Кэтрин всегда любила книги. Непременно печатные, которые можно прочувствовать подушечками пальцев, перебирая страницы, загибая уголки, чтобы вернуться к запомнившимся моментам. В книгах Кэтрин привыкла находить ответы на мучившие ее вопросы, иногда такие очевидные, что, казалось, автор просто записывал ее мысли.

Из всего многообразия тем, Кэтрин, в последнее время, отдавала предпочтение, ни-разу-не-очевидному направлению фантастики – путешествиям во времени. Как будто Герберт Уэльс мог с точностью подсказать, как устроена машина времени. А Рей Бредбери одним названием “... и грянул гром” – объяснить все причины и последствия таких путешествий. И даже Льюис Кэррол, предлагая следовать за белым кроликом, мог внести какую-то ясность.

Но понимание не приходило, причинно-следственные связи упорно не складывались, а понимание убегало все дальше, как кролик с часами от Алисы. И не поймать, не перегнать.

В голове все смешалось запутанным клубком из мыслей, фактов, предположений и сомнений, а затёкшее от долгого сидения в одной позе тело, все настойчивее требовало движения.

Кэтрин пошла у него на поводу и медленно опустила голову: вверх-вниз, вверх-вниз, разминая шею.

Отложив увесистый том, она поднялась с дивана, чтобы немного пройтись по комнате. За окном не прекращался ливень, который с самого утра поливал Лондон. Но Кэтрин даже нравилась такая погода. Когда можно было без угрызений совести просидеть целый день дома, занимаясь, чем захочется, попивая тёплый какао с зефиром, отвлекаясь только на стук крупных капель по подоконнику. Она ценила такие вечера, как этот, наедине с собой.

Но ее единение было прервано звонком в дверь. Кэтрин никого не ждала, да и время, ровно 22:00, не располагало к спонтанным визитам.

Когда-то в детстве, когда Кэтрин оставалась дома одна, и кто-то звонил в дверь, она старалась вести себя, как можно тише, чтобы этот кто-то подумал, что дома никого нет и ушёл. Даже став взрослой, она частенько так делала, когда приходили назойливые промоутеры или проповедники. И неизвестно, кто был хуже.

Звонок повторился протяжным “дзынь”. Кэтрин нехотя отвернулась от окна и пошла открывать, на ходу поправляя слегка распустившуюся ленту в волосах, под оглушительный и резкий третий звонок. Она прошла по коридору к входной двери, мысленно готовясь послать настойчивого гостя. Она ещё не придумала, куда именно, но определенно далеко и не обязательно в цензурной форме.

– Только его ещё не хватало для полного счастья, – пробурчала Кэтрин себе под нос, едва заглянула в глазок. – Не мог просто звонить мне ещё пару дней?

Но делать нечего, пришлось открывать. Придав своему лицу невозмутимое и спокойное выражение, она дважды повернула замок.

– Майк, – сказала она на выдохе, даже не улыбнувшись ему. По большей части из-за того, что не до конца решила, злиться она на него или нет.

– Привет, Кэтрин, – чуть растягивая слова, проговорил

Майк.

Она впервые видела его таким. Его темные волосы были слегка взъерошены, взгляд то и дело терял фокус, а глаза казались темными из-за расширенных зрачков, которые почти закрыли зеленую радужку. От него исходил легко уловимый запах крепкого алкоголя, что абсолютно не было на него похоже. Даже на той вечеринке, в день их знакомства, она не помнила, чтобы он пил что-то, крепче пива.

– Майк, что тебе нужно? Ты пьян.

И для кого эта очевидная констатация факта?

– Я ... ты ... Прости, что ушёл тогда. Просто ты молчала, а я подумал, что зря это сказал. Только все испортил. Я злился на тебя. На себя. Не хотел разговаривать. Ты же не виновата. Это все я.

– Хорошо, давай поговорим, – Кэтрин прервала путанную тираду и затащила его в квартиру.

Осмотрев его с ног до головы и подметив, что он почти не промок в такую непогоду, она строго поинтересовалась:

– Надеюсь, ты сюда не на машине приехал? В твоём состоянии это было бы полной безответственностью.

– Я, пока ещё, в своём уме, – парировал Майк, но под взглядом Кэтрин продолжил уже спокойнее, – я взял такси.

– Ладно, тогда проходи, чувствуй себя, как дома.

Пока Майк возился с кроссовками в коридоре, оставляя вокруг себя мокрые следы и попутно ругая себя на чем свет стоит, Кэтрин прошла на кухню.

– Ты что-нибудь будешь? Есть немного пиццы и имбирный лимонад.

– Я же не поесть к тебе пришёл, – пробурчал Майк, когда появился в арке кухни.

В воздухе уже витал аромат расплавленного сыра и бекона, а его живот протестующе заурчал.

– Тебе не говорили, что горячая пицца – лучшее средство для поддержания важных разговоров?

Кэтрин развернулась к нему и расплылась в улыбке. Смущенный и виноватый вид Майка отбивал всякое желание на него обижаться.

– Впервые слышу, – буркнул он в ответ.

Но уголок его губ, вопреки его словам, предательски дрогнул и Кэтрин поняла, что попала в цель.

– Значит теперь я тебе это официально заявляю. Беседа не начнётся, пока ты не съешь хоть кусочек.

И демонстративно поставила перед ним целую тарелку таких кусочков.

Одним Майк, конечно же, не ограничился и опустошил все содержимое тарелки за считанные минуты. Зверский аппетит стал следствием приличной дозы алкоголя, выпитой на голодный желудок. А теперь опьянение отступало.

– Знаешь, я, наверное, не буду приглашать тебя на ужин, если, даже без такой цели, ты съедаешь столько.

– Очень рад, что тебе весело, но я правда пришёл поговорить.

– Скажи это пище, – иронично подметила Кэтрин.

И тут же сама себя одернула:

– Прости. Это было лишним. Я тебя слушаю.

А он будто вмиг растерял всю свою уверенность и решимость. Молчание затянулось на несколько минут и Кэтрин, чтобы чем-то себя занять, стала убирать со стола, давая Майку возможность собраться с мыслями. Она, скорее неосознанно, чем специально, громко гремела посудой, только бы не оставаться наедине с неловкой тишиной. К тому же, и в общении с Майком, после того случая, она не ощущала прежней легкости. Слово он на удачу разрушил все мосты, а надежда построить новые так и не сбылась.

– Я не должен был тогда уходить, – наконец заговорил он, смотря куда-то за спину Кэтрин. – Я думал, что между нами что-то есть и, что ты тоже это чувствуешь.

А теперь он посмотрел Кэтрин прямо в глаза, чтобы уловить ее реакцию.

– Майк, я ...

И куда делось все ее красноречие, когда дело дошло до серьезных разговоров?

– Ты правда очень хороший и ты мне нравишься.

– Но?

Кэтрин не могла смотреть ему в глаза. Это “но” дамокловым мечом нависло над ней, рискуя оборвать их, и без того хрупкие, отношения.

– Прости меня. Я, наверное, просто не готова к отноше-

ниями.

– Почему?

Такой простой вопрос. Хватило одного слова, чтобы его задать. Вот только с ответом все не так просто. От части, потому что Кэтрин даже самой себе не могла признаться почему. У неё было несколько причин, начинающихся с потому что.

Ты для меня просто друг. Сейчас – да, но, кто знает, что будет в будущем? К тому же, раньше ей ничто не мешало заниматься с Майком совсем не дружескими делами.

Много времени отнимает учеба и его не будет хватать на полноценные отношения. Так и есть, но мы ведь всегда находим время для того, чего действительно хотим.

Меня устраивает статус “без отношений. К которому обычно крепится приписка “без обязательств”. И дело не в свободе. А в возможности время от времени. Когда, скорее не надо, но отпустить жалко.

И последняя причина: я испугалась. И тогда, предыдущие три становятся лишь предложениями.

А тут ещё, как всегда вовремя, проснулась совесть. И вопрос расширился до: “Почему ты пудришь парню мозги?”. А чувство вины уже сопливо вопило в ответ: “Я не знаю. Я просто не знаю”.

– Я не знаю, – честно призналась Кэтрин, окончательно запутавшись в причинах, потерявшись между “за” и “против”. – Можешь назвать меня просто законченной эгоисткой,

но я не хочу терять тебя. Но и к отношениям я не готова.

Горько усмехнувшись, она добавила:

– Забавно. В моей голове это звучало более логично. На деле же получился полный бред.

Майк продолжал молча смотреть на неё. И по взгляду было не понятно, то ли он сейчас встанет и уйдёт навсегда, то ли рассмеется ей в лицо.

Но он не сделал ни того, ни другого, а продолжил молча выслушивать Кэтрин.

– Я не прошу твоего понимания, когда у меня самой его нет. Знаю, что поступаю неправильно по отношению к тебе. Ты бы знал, как я себя сейчас ненавижу. За то, что не хочу, чтобы ты уходил. За то, что ты вынужден выслушивать весь этот бред, в котором все правда, но она ничего не решает. За то, что не отвечаю тебе взаимностью. Прости меня.

Для пущего драматизма ей бы разрыдаться, но она не из тех, кто играет в плачущую девочку.

– Эй, – окликнул Майк девушку и ее виноватые глаза встретились с его. – Ты права, понятней мне не стало. Но давай попробуем оставить все, как есть. Я не буду торопить тебя.

Он подошёл к Кэтрин, чтобы обнять и успокоить.

“Я все равно с тобой”, – без слов говорили его действия.

“Чем я заслужила такое отношение?” А в мыслях сразу всплыл ответ голосом Майка, с которого и началась вся эта ссора: “Я люблю тебя”.

– Спасибо, – прошептала Кэтрин ему в плечо, потому что он все ещё крепко обнимал ее. – Уже поздно. Останешься на ночь? Я постелю тебе на диване, – поспешно разъяснила она.

– Останусь, – не задумываясь ответил Майк, от чего Кэтрин улыбнулась с облегчением.

Уже лежа в своей кровати, она долго не могла уснуть. И все думала, думала, думала. О том, что Майк хочет быть с ней, не смотря ни на что. И как это эгоистично с ее стороны. Что все же дала ему ложные надежды. Не честно. Что не рассказала, о ком на самом деле часто думает по ночам. Подло.

Но она ведь расскажет, когда сама во всем разберётся.

Последние фонари погасли за окном, погружая комнату в темноту. Оставляя ее наедине с одним-единственным вопросом:

“Ну что, тебе правда стало легче, Кэтрин?”

Этой ночью Кэтрин так и не удалось нормально выспаться. Ворох мыслей в голове все никак не хотел успокаиваться. Полуреальные видения плясали под веками, насылая тревогу и опасения. Ей становилось, то жарко, то холодно. Подушка перестала быть удобной и была сброшена на пол, а одеяло послужило своеобразным коконом, в котором ей, однако, не стало уютней.

Она проснулась уже ближе у утра, когда за окном ещё не рассвело и мир утопал в тишине, особенно отчетливой в предрассветные часы. Она лежала, боясь открыть глаза и да-

же пошевелиться, из необъяснимого предчувствия присутствия чего-то плохого. Когда-то в детстве, она так же ждала первых лучей восходящего солнца, чтобы все ночные кошмары исчезли.

Из другой комнаты доносилось еле слышное сопение Майка, приносившее хоть немного спокойствия.

Пролежав так ещё какое-то время, Кэтрин осторожно перевернулась на спину, попутно выпутываясь из одеяла, и медленно приоткрыла глаза. В комнате еле заметно посветлело, а небо за окном стало серовато-голубым. Первые оранжевые лучи окрасили подоконник и Кэтрин, наконец, полностью открыла глаза, облегченно вздохнув. Ночная мгла отступила. Ей даже стало легче дышать, а разум смог избавиться от недавних тревог.

Выбравшись из кровати, Кэтрин прошла на кухню, чтобы заварить себе бодрящий кофе. Поспать ей так толком и не удалось, и она уже чувствовала себя уставшей.

Придвинув стул поближе к окну, она долго всматривалась в тихую, сонную улицу, под шум кипящей воды в чайнике. На это время у неё получилось ни о чем не думать, сосредоточив свой взгляд на чьей-то желтой машине по ту сторону дороги.

Кэтрин даже не заметила, когда на кухне появился Майк. Он все ещё зевал и сонно потирал глаза, в попытке окончательно проснуться.

– Доброе утро, – сказал он тихо, но Кэтрин все равно

вздрогнула. – Прости, не хотел тебя напугать.

Он так и застыл на месте, не сделав ни шагу, пока она не повернулась к нему и приветливо не улыбнулась.

– Доброе утро. Да, все в порядке. Просто немного засмотрелась и не услышала, как ты вошёл.

– На что?

Майк подошёл поближе и заглянул за спину Кэтрин, чтобы разглядеть, что так привлекло ее внимание.

– Ни на что конкретное. Просто редко выпадает возможность увидеть улицу такой тихой, без толп людей.

Майк неопределённо кивнул, а Кэтрин задумалась, насколько странно прозвучало ее объяснение.

Щелчок чайника прервал образовавшуюся неловкость.

– Будешь кофе? Я как раз готовлю.

– Нет, спасибо. Я бы ещё поспал. А который сейчас час?

– Начало седьмого. Прости, я тебя разбудила. Я старалась не шуметь.

– Когда я не дома, я очень чутко сплю.

Майк присел за стол, оперся на него локтем и ещё раз зевнул.

– А ты почему так рано проснулась? Все в порядке?

– Да, – отмахнулась Кэтрин, – все в порядке. Просто не спалось.

– Точно? – не отставал Майк.

– Конечно, не переживай.

– Ладно, – недоверчиво протянул он, но расспрашивать

не стал. Уж очень не хотелось нарушать их хрупкое перемирие. – Если хочешь, я могу уехать?

– Нет, – слишком быстро и резко ответила Кэтрин, но тут же смягчилась, – то есть, оставайся. Ты же хотел ещё поспать. В общем, я не против, чтобы ты остался.

И вот опять эта секундная надежда, промелькнувшая в его глазах.

Кэтрин сильно сжала чашку с кофе, пока ждала, что же он скажет. Больше всего на свете ей не хотелось, чтобы он неправильно ее понял. В который раз. Но Майк лишь кивнул в ответ и собрался уходить.

Его остановил громкий стук во входную дверь.

– Ты кого-нибудь ждёшь?

– Тише, – шикнула на него Кэтрин. Она аккуратно подошла к нему, стараясь не шуметь. – Никого из тех, кто бы мог прийти так рано. К тому же, у меня есть звонок.

Кэтрин говорила почти беззвучно, одними губами, так, что сама себя едва слышала. Майк рефлекторно взял ее за руку, чтобы успокоить и, при необходимости, защитить. Она не возражала и даже сжала его ладонь в ответ.

Стук повторился. Теперь кто-то прямо-таки барабанил в дверь с такой силой, что та рисковала слететь с петель.

– Веди себя тихо, – напомнила Кэтрин и, под руку с Майком, стала пробираться поближе к двери, чтобы лучше слышать, что происходит снаружи.

– Выбьем дверь? – послышался грубой мужской голос.

Кэтрин и Майк так и замерли на месте. Она, чисто интуитивно, прижалась к нему поближе и затаила дыхание. Сердце колотилось, как сумасшедшее и, казалось, его стук был слышен на несколько метров вокруг.

– Нет, – ответил другой голос. Он звучал выше и не так устрашающе. – Нам сказали только припугнуть ее, без привлечения внимания.

– Так мне выбить дверь? – недоумевал первый голос.

– Выбитая дверь как раз и привлечёт внимание, идиот.

Похоже, до них обоим не доходило, что они своим утренним визитом привлекают внимание ничуть не меньше.

– Что будем делать? Похоже, ее нет дома.

– Сам вижу. Подсунем послание от босса в дверь и сматываемся.

– А она точно здесь живет?

– Нам дали этот адрес, а остальное – не наши проблемы.

Через пару секунд Кэтрин и Майк, которые так и остались стоять на месте, услышали, как те двое что-то просунули в щель в двери, а потом – звук удаляющихся шагов.

Первым в себя пришёл Майк. Он, все также осторожно и стараясь не шуметь, подошёл к двери, из которой торчал белый конверт, и вынул его.

– Это тебе, – шепотом сказал он подошедшей Кэтрин. – На нем твоё имя.

– Не понимаю, как они меня нашли? – сказала она себе под нос.

Взяв письмо, она ушла в гостиную, оставив недоумевающего Майка одного.

– Как нашли? То есть, ты их знаешь?

Ответа не последовало. Когда Майк, следом за Кэтрин, вошёл в гостиную, она стояла у окна и уже углубилась в чтение. Ее взгляд быстро бегал по строчкам и становился все мрачнее.

– Кэтрин, – окликнул ее Майк. Она лишь на мгновение подняла на него голову, но так ничего и не сказав, вернулась к чтению. Закончив, она со злостью скомкала письмо и, отвернувшись к окну, опёрлась обеими руками на подоконник. Она время от времени тяжело вздыхала, словно вела в своей голове спор с самой собой.

– Черт, – разозлённо крикнула она в стекло, пока ее пальцы методично превращали послание в горстку порванной бумаги.

Майк молча наблюдал за этой странной сценой. Сейчас он видел другую Кэтрин. У которой была тайна. И, судя по тем двоим, кому-то эта тайна мешала жить. Странно, но Кэтрин не выглядела напуганной. Недовольной? Да. Даже злой.

А вот он за неё боялся. И не понимал, как ей помочь и от чего защитить. Он был готов, что она сейчас попросит его уйти и не станет ничего объяснять. Но верно было только второе.

– Не спрашивай у меня ничего, пожалуйста. Я не могу ничего рассказать. Не хочу тебя впутывать.

Кэтрин говорила спокойно, но голос немного дрожал. Лица ее не было видно – она все ещё стояла спиной к Майку.

– Но я могу помочь.

– Нет, не можешь, – сказала она, резко развернувшись. – Это только мое дело. Ее тон не оставлял места возражениям, и Майк не стал настаивать. Пока.

– На этом закончим.

С этими словами Кэтрин сгребла все клочки бумаги в руку и вышла из комнаты.

А за окном было все также тихо и ничего не напоминало о недавно разыгравшейся сцене. Кроме одного: ярко-желтая машина, так выделявшаяся на фоне серого асфальта, теперь исчезла.

Последний раз взглянув на себя в зеркало, Софи игриво подмигнула своему отражению и поспешила выйти из дома. Она и так уже безбожно опаздывала, но это того стоило: выглядела она потрясающе.

Стук ее каблучков по асфальту отдавался гулким эхом, когда она подходила к пустынной парковке Центра, вглядываясь в неясные очертания вокруг.

Резкий порыв осеннего ветра закружил опавшие листья у ее ног, заставляя остановиться. Глупое детское суеверие – не наступать в водоворот из листьев.

– Привет, – окликнул ее Крис с противоположной стороны парковки.

Софи чуть вздрогнула от неожиданности, но быстро со-
владала с собой. Расправив плечи, она легкой походкой про-
шла к яркому кругу света от уличного фонаря, в который
ступил Крис.

– Добрый вечер. Давно ждёте? – спросила Софи с неиз-
менной улыбкой.

И откуда она их только брала?

– Нет, не очень. И давай перейдём на ты. Мы же уже не
на работе.

– Хорошо.

Кажется, что функция улыбаться была встроена в неё по
умолчанию.

– Может, пройдемся немного? – предложила она следом. –
Здесь явно не лучшее место для разговора.

Удивительно, как умело она прятала за улыбкой своё вол-
нение.

– Давай, я не против.

Они отошли уже довольно далеко от парковки, прежде
чем Крис первым нарушил молчание.

– Так, что тебе известно о проекте?

Он нетерпеливо ждал ответ, засунув руки в карманы курт-
ки, и требовательно смотрел на неё.

Софи опустила глаза, смущенная его пристальным взгля-
дом.

– На самом деле, не так уж и много. Я начала работу в Цен-
тре два месяца назад во время отбора кандидатов. Их бы-

ло около 50. Все – примерно одного возраста, насколько я помню из их медицинских карт. Я занималась их первичным осмотром.

– Это вполне объяснимо, – заключил Крис. – В заявке было указано, что нужен выносливый, здоровый молодой человек от 20 до 25 лет.

– Да, – кивнула Софи. – Только это ещё не все. Имена.

– Что, имена?

– Их имена были очень похожи между собой: Кристофер, Кристиан, Крис, Кристоф. Был даже один Кристор, если я не ошибаюсь. Ни одного Алана, Джона, Джека, понимаешь?

Софи даже остановилась и повернулась лицом к Крису. Он выглядел растерянным, взгляд выражал полнейшее непонимание. Когда вместо ответов, возникало ещё больше вопросов.

– Что все это значит? – наконец спросил он.

– Я не знаю. Я правда не знаю. Но все это странно.

– Ты даже не представляешь насколько.

Они медленно двинулись дальше по улице. Вокруг них завывал холодный ветер, небо затягивало тяжелыми тучами и редкие крупные капли дождя уже срывались на землю.

– Расскажи мне, что ты там видел? – неуверенно попросила Софи, кутаясь в полы своего пальто.

– Это, конечно, не добавит понимания ситуации. Но, если вкратце, то я уже два раза перемещался в одно и то же место. В одну и ту же комнату, если быть точным. И видел одну и

ту же девушку.

– Девушку? Кто она? – чуть резче, чем следовало, спросила Софи.

Крис лишь пожал плечами.

– Обычная девушка. Из 2019го года. Зовут Кэтрин. Думаю, это можно считать случайностью, что я дважды переместился к ней. Наверное, пространственные параметры не меняли или что-то вроде того.

– Не думаю, что это случайность.

– С чего такие выводы?

– Потому что есть ещё одна странность. После отбора я не видела ни одного из кандидатов, кроме тебя. Похоже, что ты единственный, кого выбрали.

– Ты думаешь, что искали именно меня?

– Все указывает на это.

За их разговором они и не заметили, как подошли к зданию с яркой неоновой вывеской и незатейливым названием “Бар”.

– Хочешь зайти? – предложил Крис.

– Угу, – с готовностью отозвалась Софи.

В этом году конец сентября не радовал тёплой погодой, и она уже успела порядком замерзнуть.

Крис толкнул дверь, пропуская Софи вперёд и сам зашёл следом.

Посетителей в баре практически не было, если не считать бедолагу, перебравшего с выпивкой и заснувшего прямо за

барной стойкой.

Сделав заказ, они прошли к дальнему столику в самом углу.

– Здесь довольно ... мило, – заключила Софи, присаживаясь.

– Не думал, что тебе нравятся подобные заведения.

Крис уже расположился напротив и откинулся на спинку стула. Его взгляд блуждал по залу, нет-нет да задерживаясь на собеседнице. Ее милая, почти кукольная, внешность резко контрастировала с окружающей обстановкой: светлые локоны на фоне чёрных стен, чашка кофе, о которую она сейчас грела руки – с обилием алкоголя на баре.

– Главное, ведь, кто находится рядом, – ответила Софи с кокетством в голосе и смущением на щеках.

И тут же сменила тему, заметив вопрос в глазах Криса:

– Каково это?

– Что, прости?

– Перемещаться во времени? На что это похоже?

– На полоскание в стиральной машине на полных оборотах, я думаю, – немного поразмыслив и не придумав лучшей аналогии, сказал Крис.

Софи недоверчиво уставилась на него, а потом рассмеялась: громко и почти до слез. Смех перешёл в улыбку, и она отчаянно сжимала губы, чтобы не рассмеяться по новой, то и дело, бросая на Криса взгляды на грани флирта. Которых он, к ее сожалению, совсем не замечал.

– Ты говоришь с таким знанием дела.

Ей удалось сдерживать серьёзный тон лишь на пару секунд: уголки ее губ постоянно дёргались в попытках уползти вверх.

– Нуу, – протянул Крис, который теперь и сам не смог сдержать улыбку, – я знаком с процессом только в теории, но ощущения, должно быть, очень похожие.

– И что было потом? После того, как ты переместился?

– Я очутился в небольшой комнате. В первый раз – ночью. В ней никого не оказалось, и я пошёл дальше. Не то, чтобы я искал кого-то, но стоять на месте, согласись, было бы глупо. В другой комнате я и увидел девушку – Кэтрин. Она спала. Я не собирался ее будить, но прибор сделал это за меня. Она была очень напугана, грозилась вызвать полицию. От неё я узнал, что угодил в 2019 год. В общем, мы познакомились и я, почти сразу, переместился обратно.

– Во второй раз ты переместился туда же?

– Да, я снова оказался в той же комнате, теперь уже днём и через месяц после нашей первой встречи. Ты бы видела ее лицо! Я и сам более чем удивился. Ты думаешь, что мы с ней можем быть как-то связаны?

От Софи не ускользнуло то, как Крис рассказывал об этой девушке: увлечённо, даже, если не вдавался в подробности. Его выдавали глаза и, легкая улыбка. Такая, должно быть, появлялась у самой Софи, когда она с ним разговаривала.

– Я не знаю, – ответила она, пожимая плечами.

Следующий вопрос она задала прежде, чем пришло понимание, что же она спросила:

– А она красивая?

Крис смутился. Он довольно долго обдумывал ответ, который и так знал, но в котором не собирался признаваться Софи.

Сам собой напрашивался ещё один вывод. Но озвучивать его ни Крис – в качестве утверждения, ни Софи – в качестве вопроса, не стали.

– Она вполне милая.

Все вышеперечисленное не дало ни единого шанса поверить его равнодушному тону.

– Ясно, – и опять Софи не смогла сдержать резких ноток в голосе. – Я, пожалуй, пойду, уже поздно.

– Да, конечно. Тебя проводить?

– Нет, – отрезала Софи. – Я живу недалеко.

– Все хорошо? Я что-то не так сказал?

“Конечно, сказал”, – наверняка кричал ее внутренний голос.

– Нет, все в порядке. Я просто устала, извини.

В который раз пожалев о том, что она сначала говорит, а потом думает, Софи медленно встала и собралась уходить.

– Спасибо за приятную встречу. И за кофе.

Но в мыслях благодарности не было и в помине. А занимали их, далекие от сегодняшнего дня и этой встречи, идеи. Озвучивать которые она конечно бы не стала.

– Тебе спасибо, – ответил Крис, также поднимаясь. – Я все же провожу тебя. Не стоит молодой девушке ходить одной поздним вечером.

Его предложение было продиктовано элементарной вежливостью и чувством благодарности. Но, по внезапно расцветшему виду Софи, становилось ясно, что она могла сделать совершенно другие выводы.

Что ж, людям свойственно ошибаться. Особенно в других людях. Неисправимые оптимисты найдут в таком самообмане плюсы в виде жизненного опыта. Пессимисты – лишь ещё больше разочаруются в людях. А реалисты, если повежёт, сделают правильные выводы. Но, что делать молодым, влюблённым барышням?

Глава 6

Возникало ли у Вас желание сбежать от всего мира? Особо остроумные умники непременно возразят, что для этого нужна, как минимум ракета и то, если принимать за мир планету Земля.

На самом деле сбежать можно разными способами: уйдя с головой в любимое хобби, отправившись на прогулку в уединенное место, даже просто слушая музыку погромче. Такие моменты действуют, как переключатель. Кляц. И ты чувствуешь себя беззаботно, а в голове остаётся приятная пустота и ясность. Это ощущение не остаётся надолго и его можно познать только наедине с собой.

У Кэтрин на этот счёт был свой особый метод: пустынное шоссе, словно все машины разом скрылись в неизвестном направлении; шум ветра за стёклами, словно скорость уносила надоедливые мысли; яркое солнце в самом зените, словно сегодня не последний день лета.

Особых поводов сбегать вот так вот у Кэтрин не было. Но к чему эти предлоги, когда в салоне звучат ритмичные биты, мимо проносятся ярко-зеленые холмы, а впереди маячат миражи, которые складываются во вполне знакомую фигуру.

“Стоп, что?”

Действительно: что? И действительно: стоп!

Визг тормозов, казалось, был слышен за мили вокруг. На дороге осталась пара длинных чёрных полос, вильнувших вправо и резко оборвавшихся.

Кэтрин понадобилось с десятков долгих секунд, чтобы немного успокоиться. Она просто сидела молча и смотрела перед собой, крепко вцепившись в руль, не в силах пошевелиться.

Когда она, все же, вышла из машины, тяжело дыша и цепляясь за нагревшийся металл, Крис уже подошёл ближе и обеспокоенно осматривал её.

– Ты в порядке?

Хотя, он и сам не был. В этот раз он переместился прямо на середину дороги и ничего не успел понять, как на него уже неслась машина Кэтрин. Из-за слепящего солнца он сначала услышал, а только потом увидел, что неотвратимо при-

ближалось к нему. У него не было ни единого шанса среагировать вовремя, так что он просто зажмурился. Но удара не произошло. И, когда он открыл глаза, то увидел испуганную пару других глаз, намертво вцепившихся в него.

– Нет, я совсем не в порядке. Я напугана, ясно? Я, черт возьми, совсем ничего не понимаю!

Кэтрин срывалась в истерику, ее губы дрожали, а пальцы до синяков вжимались в предплечья.

И Крис сделал единственное, в чем сейчас видел смысл. В пару шагов он сократил расстояние между ними и крепко обнял её, зарываясь пальцами в волосы, перевязанные красной лентой. Успокаивать её каждый раз при встрече уже входило в нелепую привычку.

От неожиданности Кэтрин даже затаила дыхание. Она ощутила легкие поглаживания его рук на спине.

– Все хорошо, слышишь? Я тебя не обижу.

Крис разорвал объятия, чтобы иметь возможность посмотреть ей в лицо, но его руки так и остались на её плечах. Кэтрин пару раз моргнула, сбитая с толку его внезапной близостью и, аккуратно высвободившись из его объятий, вернулась обратно к машине. Покопавшись на заднем сидении, под вопросительным взглядом Криса, она громко хлопнула дверью и обернулась к нему, с явным намерением делать вид, что ничего не случилось.

– Я не тебя испугалась, а твоего внезапного появления, – пояснила Кэтрин, уже на порядок спокойнее. – Повезло, что

на дороге никого не было. Да и я ехала не очень быстро. Боюсь представить, что бы было, не успей я затормозить.

– Прости, я не знал, что появлюсь чуть ли не под твоими колёсами. Даже не знаю, как так получилось.

– Говоришь так, будто ты мог контролировать, куда тебе перемещаться.

– Нет. Не я задаю параметры. Мое дело – нажать на Пуск.

– Очевидно, кому-то уж очень надо, чтобы мы с тобой встретились. Одно не понятно, как этот кто-то узнал, где я буду и во сколько? Вряд ли в будущем будет заметка, вроде:

“Кэтрин Уайт ехала в 12:38 31 августа 2019 года в красном Volkswagen New Beetle по шоссе М4. Координаты GPS прилагаются”.

Крис невольно улыбнулся ее рассуждениям, но тут же подавил не совсем уместную улыбку.

А Кэтрин, совсем успокоившись, продолжила рассуждения:

– Ты не знаешь, кому я так понадобилась? И что от меня хотят?

Крис отрицательно покачал головой.

– И мне ясно дали понять, чтобы я не задавал лишних вопросов. Знаю только, что моя кандидатура, вроде как, тоже была выбрана не случайно.

И он пересказал ей все подробности, которые узнал от Софи.

– Бессмыслица какая-то! Как мы можем быть связаны?

– Поверь, я и сам хотел бы знать ответ.

– Ладно, садись в машину. Не торчать же нам тут целый день.

Она кивнула Крису, чтобы он устраивался на пассажирском сидении, а сама села справа – на водительское.

– Можно чуть сильнее, – посоветовала Кэтрин, видя, как он еле заметным усилием, закрывает дверь. – Ты ещё не ездил на такой старушке? В твоём времени машины уже, наверное, летают.

Крис не смог сдержать смешок от такого заявления.

– С чего ты это взяла?

– Просто предположила. Все фильмы про будущее такие показывают.

Кэтрин вставила ключ в зажигание и резким движением завела машину.

Бросив на Крису беглый взгляд и слегка улыбнувшись, она крутнула руль, развернулась и поехала в обратном направлении, к городу.

– Лихо, – оценил Крис.

Тем не менее он крепче вцепился в дверь.

– В моем времени машины ездят, как и здесь, по дорогам. Но это все, по большей части, общественный транспорт.

– Почему? В будущем такие дорогие машины?

– И это тоже. Но, на самом деле, нет особого смысла иметь машину и даже водить ее. Выезжать можно только в определенные дни и только со строго ограниченной скоростью и

дальностью следования. Например, чтобы поехать в другой город, нужно получить разрешение. И я надеюсь, что я сейчас опять не выдал какую-то секретную информацию о будущем.

– Обещаю, что никому не скажу, – тут же сказала Кэтрин. – Да уж. В будущем потеряется вся дорожная романтика.

А потом уточнила:

– Ты надолго здесь?

– На 24 часа. Плюс, минус.

Кэтрин резко повернула голову и уставилась на Криса. Удивление сменилось радостным воодушевлением, которое пряталось за попытками скрыть улыбку.

– Что? – спросил Крис, когда она перевела взгляд обратно на дорогу.

– Ничего. Думаю, что мне с тобой делать.

– Может у тебя были планы? Не хочу их нарушать.

– Ты ничего не нарушил, не беспокойся, – заверила его

Кэтрин. – Теперь все мои планы связаны с тобой.

– Мне показалось или ты мне угрожаешь? – весело спросил Крис.

В отличие от Кэтрин, у него была возможность смотреть не только на дорогу. Он мог замечать ее робкие улыбки, мимолетные взгляды. Сейчас она казалась ему особенно красивой. Невероятной. Такими они и были друг для друга. Делили на двоих непонимание и тревогу, желание во всем разо-

браться и ещё кое-что. Слишком личное и не такое важное. Пока ещё не настолько сильное, чтобы принять и признаться самим себе.

– Будешь знать, как исчезать так надолго.

У Криса в голове промелькнула совершенно невозможная мысль, в которую ему так хотелось верить.

“Неужели, она по мне скучала?”

И, если быть до конца честным, то он тоже скучал. Но для него ведь прошла всего пара недель.

– Долго ты меня не видела?

– 4 месяца, почти что. И, Крис, – она опять перевела на него взгляд и совершенно серьезным тоном подтвердила его догадки, – я рада тебя видеть.

– Странно все это, – размышляла Кэтрин вслух.

Они с Крисом уже успели вернуться в город и теперь прогуливались вдоль реки, по обеим сторонам которой теснились разноцветные, яркие домики на воде.

– То, что ты съела пиццу и пару канноли и при этом можешь ходить – это не странно, это просто настоящее чудо!

– Эй, – она шутливо несильно ударила его кулаком по плечу, – ты намекаешь на то, что я слишком много ем?

– А похоже, что я намекаю? – поддразнил ее Крис.

Кэтрин даже рот приоткрыла от такой откровенной наглости, но молчала добрых 10 секунд, прежде чем ответить, закатив глаза:

– Ты просто невыносим, тебе говорили?

– Что-то не припоминаю, – сказал Крис с очень задумчивым выражением на лице.

– Я не об этом вообще-то. У меня до сих пор в голове не укладывается, что ты из будущего. Если бы в кафе тебе не принесли второй кофе, а официантка так открыто с тобой не флиртовала, то я бы до сих пор допускала мысль, что схожу с ума.

– Не ревнуй, она не в моем вкусе, – усмехнулся Крис. – Присядем?

Он кивнул на ближайшую свободную лавочку. – А, если серьезно, то конечно же это странно. Я в Лондоне. В 2019 году. С девушкой из прошлого. И знаешь что? Мне это нравится. Говорят, что счастье – это сей-час. И сейчас я счастлив.

Бывают моменты, когда не нужно больше слов. Когда все, что видишь – это глаза человека напротив. Когда уже понимаешь, что должно произойти и на секунду замираешь в предвкушении. Когда такие нелепые и банальные описания никогда не передадут истину.

В такие моменты, как этот, и случается их первый поцелуй. И не было ни фейерверков над головой, ни прочей чепухи, которую пишут в книгах для девочек. Только вот им обоим определенно стало жарко: от самых губ до кончиков пальцев на ногах.

А в остальном, не случилось ничего необычного: земля

не ушла из-под ног или не остановилась, время не потекло в обратном направлении, а пространство не искривилось. По крайней мере, не сейчас. В общем, совсем не было похоже, что их поцелуй как-то повлиял на ход событий. Хотя, кто знает, как оно должно сложиться? И каким для них будет будущее?

– Так вот, чем занимаются путешественники во времени, – сказала Кэтрин, когда снова обрела способность говорить и, в принципе, дышать. – Соблазняют ничего не подозревающих девушек.

Она не могла перестать улыбаться. Придвинувшись ещё ближе к Крису, она положила голову ему на плечо.

– Да, ты нас раскусила. Коварный замысел, согласишься?

Крис приобнял ее за плечи и поцеловал в макушку. С его лица также не сходила довольная улыбка. И даже, если они сейчас совершали самую неправильную вещь в мире, ему было все равно.

– Не настолько коварный, раз я его раскусила. К тому же, ты и сам соблазнился.

Кэтрин чуть приподняла голову, чтобы посмотреть на Криса. Ее глаза светились каким-то детским озорством, а в лучах заходящего солнца она была особенно красива.

– Так ты теперь у нас охотник?

– Возможно, – ответила Кэтрин, тихонько рассмеявшись.

В мыслях все ещё кружилась фраза: “Счастье – это сейчас”. Как жаль, что их сейчас уже через несколько часов бу-

дет с разницей в тридцать лет. У их судеб определенно плохое чувство юмора.

– Я хочу запомнить этот момент, – вдруг сказала Кэтрин и, оторвавшись от плеча Криса, посмотрела на него с нескрываемым воодушевлением.

– И, что ты предлагаешь?

– Фото, – коротко ответила Кэтрин.

Она уже вскочила на ноги и теперь активно тащила Криса в ей одной известном направлении. Не поддаться было невозможно и ему ничего не оставалось, как послушно пойти за ней.

– Куда мы идём? – все же уточнил Крис.

– К машине. Проедемся немного, здесь недалеко. Скоро сам все увидишь.

– В прошлом, чтобы сделать фото, нужно было куда-то ехать? – скорее в шутку, чем всерьёз, спросил Крис.

– Ха-ха, – откликнулась Кэтрин, даже не обернувшись и, казалось, стала идти ещё быстрее. – Если ты не будешь задавать лишних вопросов, то мы ещё успеем.

“И почему все уверены, что я задаю лишние вопросы?” – на ум Крису пришла, не совсем уместная аналогия и он поспешил отогнать ее.

Через каких-то 15 минут они уже добрались до нужного места.

– Ну и, что это? – Крис явно не разделял энтузиазма Кэтрин при виде кабинки размером с небольшой лифт и за-

навеской вместо двери.

– Ты правда не знаешь? Это кабинка для фото. В будущем что, таких нет?

– Не-а.

– Это ещё одна большая потеря для всего будущего общества, – вполне серьезно заметила Кэтрин. – Я их просто обожаю. Пойдём же.

После кратких инструкций от Кэтрин они оказались по ту сторону занавески.

– Представь, что тебе весело. Хотя бы ради меня, – попросила Кэтрин, подкрепив это умоляющим взглядом.

Получив утвердительный кивок и улыбку от Криса, она спросила:

– Готов?

Раз, два, три, четыре...

Четыре кадра, как отражение сегодняшнего дня.

Раз: он крепко обнимает ее сзади.

Два: они оба искренне смеются.

Три: с легкой улыбкой смотрят друг другу в глаза.

Четыре: поцелуй.

Автомат выдал две полоски фотографий и Кэтрин, со счастливым лицом протянула одну из них Крису.

– Вот. Теперь ты точно не забудешь этот день.

“И меня”, – мелькнула мысль робкой надеждой, о которой она не стала говорить.

– Как я смогу? – прошептал Крис ей прямо в губы.

Они вернулись в квартиру Кэтрин уже далеко за полночь.

– Я просто с ног валюсь, – сообщила она, небрежно разувшись на пороге. – Сейчас быстро в душ и спать.

Она прошла на кухню, включая свет по пути и что-то ещё говоря Крису, но ее голос заглушил плеск воды.

– Что-что? – спросил он, когда прошёл за ней.

– Ты что-нибудь хочешь? – повторила Кэтрин и мигом осушила целый стакан с водой.

– Смотря, что ты можешь предложить? – хитро прищурилась, осведомлялся Крис.

– Что найдёшь – все твоё.

Бросив на ходу “Не скучай, я быстро”, она чмокнула его в щеку и вышла.

На удивление, есть ему совсем не хотелось. Но Крис, все же, для приличия и из личного любопытства, проверил холодильник на наличие чего-нибудь вкусного. Это что-то оказалось стопкой блинчиков и баночкой вишневого джема. Прихватив с собой ещё и бутылочку молока, он, довольный собой и своим поздним ужином, устроился за барной стойкой у окна. Через стекло проливался слабый свет от луны. На кухне Кэтрин было так тепло и уютно, что складывалось ощущение, что он дома. Каким он был в его детстве. Где его всегда ждали и куда хотелось возвращаться. На самом деле Крис пришёл к выводу, который не был для него открытием, но в своей сформированности, стал для него откровением: имен-

но здесь его ждут и именно сюда он хотел бы возвращаться снова и снова. Пусть даже это так далеко, что и представить страшно. Вопреки его решениям, но вторя его желаниям. За ней. Но, только бы не во вред.

На пороге появилась Кэтрин и вырвала его из задумчивости:

– Ты их всё-таки нашёл! – картинно возмутилась она. – Имей в виду, ты оставил нас без завтрака.

Крис так и замер с блинчиком в руке, с которого уже вот-вот собирался капать джем.

– То есть, тебя и меня, – зачем-то добавила она. – В этом смысле “нас”.

“Абсолютно нелепое уточнение, Кэтрин”, – поздравил ее внутренний голос. И почему эта фраза так бросилась в глаза? Ведь нет никаких “нас” и не будет никогда “мы”.

И им обоим это известно.

Напряжение в комнате уверенно поползло вверх. Как и, вопреки законам физики, сопротивление между ними.

– Я так и понял, Кэтрин, – сказал Крис, натянуто улыбнувшись. – Не нужно ничего объяснять.

Кэтрин хотела ещё добавить, что не это имела в виду. Но, что она действительно имела, так и не смогла выразить нужными словами.

“Не стоит ещё больше усложнять”.

– Вижу, тебе понравились блинчики.

Ее, явно слабая, попытка упростить.

– Да, очень вкусные, спасибо.

Крис и сам был рад сменить тему.

– Я ещё приготовлю, когда вернёшься.

“Если”, – опять поправил ее внутренний голос и добавил:

“Ты сегодня просто мастер по неловким фразам”.

– Знаешь, я лучше заткну себе рот этим блинчиком, – она кивнула на последний оставшийся несъеденным. – Так определено меньше шансов, что я скажу очередную глупость.

Кэтрин уже второй раз за последние пару минут начинала краснеть. То ли от того, что чувствовала неловкость за свои слова, то ли от своих торопливых и преждевременных, хоть и скрытых, признаний.

– За твоё чувство юмора я все тебе прощу, – заверил ее Крис. – И...?

– Первая дверь справа. Твоё – темно-фиолетовое.

– Я ещё даже не задал вопрос!

Кэтрин пожала плечами:

– Но ты ведь об этом хотел спросить. К тому же моим красным щекам все ещё нужно личное пространство. Так что – иди.

– Знаешь, ты и правда, невероятная!

И Крис оставил ее наедине с этой мыслью, десятками других и, ставшими пунцовыми, щеками.

– Ты спишь? – услышал Крис тихий шёпот Кэтрин и приоткрыл глаза.

Она стояла на пороге гостиной и куталась в одеяло.

Крис чуть приподнялся на локте и, немного сонным, голосом ответил:

– Нет, не сплю. Что случилось?

Кэтрин подошла ближе, путаясь в длинных полах одеяла и постоянно натягивая его повыше. Она выглядела такой милой, уютной и ... родной.

– Нет, ничего. Не могу уснуть, просто. Вот и подумала, а вдруг, ты тоже.

– Я – тоже. Ложись.

Крис отодвинулся ближе к стенке дивана, освобождая место для Кэтрин.

Она поколебалась всего секунду, но все же легла рядом.

На пару мгновений у обоих потемнело в глазах, совсем не от окружающей темноты ночи. Так было и перед их первым поцелуем и задолго до него – в их самую первую встречу. Будто что-то неведомое и непостижимое закрывало им глаза, чтобы они могли прочувствовать эти короткие, но важные моменты, сердцем.

Крис рассмотрел широкую улыбку на лице Кэтрин, когда она невзначай придвинулась к нему чуть ближе.

– Чему ты улыбаешься?

– Все так правильно, – ответила Кэтрин.

Ее глаза задумчиво изучали потолок, а мысли приходилось сдерживать от... А, впрочем, она все равно не смогла бы подобрать правильное определение тому что чувствовала.

– По-прежнему странно, но в этом и суть. Я, будто всегда ждала нашей встречи. Знала, что это будешь именно ты. Что ТЫ будешь, – поправила она себя.

Кэтрин не ждала его комментариев, а продолжала облачать размышления в словесную форму. Она перехватила его руку и стала бездумно выводить круговые узоры на внутренней стороне его ладони. Подобная близость показалась ему интимнее, чем поцелуи.

Крис прикрыл глаза полностью перейдя на уровень ощущений. Ему вдруг, до невозможности сильно, захотелось остаться в этом моменте: зажмуриться ещё сильнее, до цветных кругов перед глазами, слушать голос Кэтрин и ощущать ее прикосновения, чувствовать ее так невообразимо рядом.

– Крис, – громко позвала его Кэтрин. Похоже, она делала это уже не в первый раз, потому что дополнила свои слова ещё и ощутимым толчком ему в плечо. – Ты меня вообще слушаешь?

– Да, конечно, – на автомате ответил он.

– Хотя, по-моему, я немного заснул. Ты что-то спросила?

– Да. То есть нет. То есть, я хотела попросить тебя пообещать мне кое-что.

– Что именно? – он повернул к ней голову и встретился с ее глазами. А она, будто на удачу, сильнее сжала его ладонь.

– Пообещай, что будешь вспоминать обо мне. – Кэтрин набрала в легкие побольше воздуха, прежде чем продол-

жить. – В моем доме уже так много воспоминаний о тебе. Особенно долго я буду помнить, что ты съел все блинчики. А в твоём времени ничего этого нет.

Крис высвободил свою руку из ее, чтобы просунуть под ней и притянуть Кэтрин еще ближе. Его слова были сказаны тихим шепотом и прошли согрешающим дыханием над ее ухом:

– Мне ничего этого и не нужно, чтобы помнить о тебе.

Она даже замерла в его руках, кутаясь в охвативших ее ощущениях.

За окном просвистел резкий порыв ветра, который с силой ударил в стекло. Но их собственный мир сократился до размеров ее небольшого дивана.

Сейчас он казался целой Вселенной.

– Я пообещаю ещё кое-что. Я обязательно вернусь к тебе.

И это ещё и было обещанием самому. Несмотря на обстоятельства, он больше не собирался быть пешкой в чужой игре без права голоса. Его главным правилом и условием стала она.

Дневник Кэтрин

1 сентября 2019 14:29

Крис только что ушёл. Перед уходом он ещё раз пообещал вернуться и, что постарается разузнать обо мне из его будущего.

Ужасно несправедливо, что единственный парень, в кото-

рого я смогла влюбиться (о да, аплодисменты мне: по своим меркам, я ещё долго продержалась) со всей вероятностью со мной не будет. Как мне вести себя с ним, если я знаю, что рано или поздно, он все равно уйдёт?

Дурацкая привычка строить воздушные замки на пустом месте. Влюбилась и влюбилась, с кем не бывает? Пожалуй, лучше перестать пялиться на наши с ним фото каждые 30 секунд.

Тот же день 17:53

Вернувшись из Теско, нашла на своём пороге конверт с короткой запиской “Он того не стоит”. Что самое странное и, более того, пугающее, в конверте ещё лежала одна из наших с Крисом вчерашних фото. Мой экземпляр в целости и сохранности. Парадоксально, но меня что, преследует будущее? И мое ли?

Глава 7

В этот день у Кэтрин все пошло наперекосяк с самого утра. Она всю ночь доделывала проект по истории литературы, и поэтому не выспалась. В добавок на кухне ее встретила неработающая кофеварка, а ванная – отсутствием горячей воды.

Приготовление завтрака резко переросло в кровавые жертвоприношения, очевидно, божеству колбасы, потому что попытка наспех сделать себе бутерброд обернулась до-

вольно глубоким порезом, который пришлось, в срочном порядке, забинтовывать.

Злясь на весь мир и на себя любимую за вечную женскую проблему неровных стрелок, она кое-как вышла из дому.

Очередь из ее мелких неприятностей ласково помахала рукой прямо из ее машины, а вернее из бака с бензином, почти полным его отсутствием. До заправки она доехала уже буквально на последних каплях.

Плюсом ко всему она выслушала длинную гневную тираду от водителя машины сзади – за медлительность. Она состояла из не самых приятных обращений, но к удовольствию Кэтрин, была вежливо прервана работником заправки. Сердечно поблагодарив его и удовлетворив себя тем, что показала хамоватому обидчику язык, она в более приподнятом настроении вырулила на дорогу.

До университета она доехала без происшествий и все занятия прошли тихо и спокойно. Казалось, что неудачное утро сменило гнев на милость и стало обычным, более-менее удачным, днём.

Ровно до того момента, как ее мобильный не пиликнул пришедшим сообщением.

– Мне нужно идти, – сказала она друзьям, как только прочла его содержимое.

– Но мы же собирались, – начал было Джим, но был прерван Кэтрин.

– Извините, но у меня появились срочные дела. Идите без

меня. До завтра.

Помахав им на прощание, она умчалась.

Уже в машине, за закрытой дверью, на неё накатила холодная волна страха и паники. Эмоции завязались в тугой узел и опустились вниз. Тряся ее пальцы, которые она положила на руль, покрывая лоб влажной испариной. Она трижды глубоко вздохнула и попыталась себя успокоить:

– Я же сама этого хотела, ждала. Я просто посмотрю издалека, сделаю несколько снимков. И спокойно уеду. Меня даже никто не увидит.

Но, проще сказать, чем сделать. Пальцы все ещё слабо слушались, когда она, только с пятой попытки смогла пристегнуть ремень безопасности, но так и не тронулась с места.

Она сомневалась, прекрасно понимая, что ввязалась в очень опасную игру и те двое под ее дверью были лишь цветочками. Кэтрин не могла решить, готова ли она продолжить или бросить все на полпути и жить своей жизнью.

В голове яркой картинкой всплыла сцена восьмимесячной давности: полуприоткрытые двери, за которыми она сразу обнаружила тело. Ее тело. Глаза были широко распахнуты, губы посинели и были плотно сжаты. И вся она, будто сжалась от сильной боли внутри. Ее кожа была уже ледяной, а сердце остановилось навсегда.

Кэтрин сморгнула картинку и скопившиеся слезы, которые потекли из глаз двумя прямыми дорожками. Она со злостью быстро стёрла их тыльной стороной ладони. Горькие

воспоминания о смерти подруги придали Кэтрин решимости продолжать. Введя в навигатор адрес из сообщения и проглотив для храбрости пару таблеток успокоительного, которые всегда были в ее сумочке, она выехала с университетской парковки.

Через каких-то 25 минут она подъехала к заброшенному зданию на окраине Батерси.

Оставив машину в отделении, Кэтрин вышла и внимательно огляделась: вокруг не было ни души и было тихо. Слишком тихо. Она аккуратно ступала по грунтовой дороге, стараясь обходить мелкие камушки, которые, попадая под подошву, неприятно скрипели и создавали, привлекающий внимание, шум.

Завернув за угол, Кэтрин обнаружила в стене отверстие, которое когда-то было дверью. Осторожно заглянув вовнутрь, она увидела большое, пустое помещение, наполненное лишь грудой кирпичей в углу. Она прислушалась. Ей показалось, что она уловила приглушённый гул голосов далеко впереди. Пробираться дальше было проблематично: несмотря на то, что снаружи стоял довольно солнечный день, в здании царил неприятный полумрак. Включить фонарик она так и не решилась, а потому местами ей приходилось идти практически наощупь.

Поблуждав по лабиринтам здания несколько минут, Кэтрин нашла верное направление и теперь могла различить, что говоривших было, как минимум трое и один из них был

явно чем-то недоволен, потому что его голос слышался громче остальных. Но слов, по-прежнему, было не разобрать.

Кэтрин уже успела с десятков раз пожалеть, что сунулась сюда, к тому же одна. Сердце стучало где-то на уровне висков, а все инстинкты самосохранения, первобытные, как и сам мир, кричали немедленно убираться подальше.

Когда голоса стали особенно хорошо слышны, она стала двигаться ещё медленнее, стараясь выверить каждый свой шаг.

Вдруг, она услышала характерный щелчок, когда один из них взвёл курок. Она так и застыла на месте. Но в эту самую секунду случилось ещё кое-что. Почти прямо перед ее носом возник Крис.

– Кэтри..., – он так и не смог договорить, потому что Кэтрин, быстро сориентировавшись, плотно зажала ему рот ладонью и одними губами велела вести себя тихо.

– Там кто-то есть, – послышался голос того самого недовольного.

– Это птицы, черт побери.

– Я схожу проверю, – настаивал первый.

– Мы здесь по делу, а не для разглядывания кучки долбанных ворон.

Очевидно эта фраза возымела эффект, потому что разговор возобновился.

Кэтрин, наконец, смогла облегченно выдохнуть. Она, кажется, и не дышала все это время. Она убрала руку от Криса

и, оттащив его подальше, спросила, с нескрываемой злостью:

– Что ты здесь делаешь? Сейчас не лучшее время и обстановка для твоего эксперимента.

– Ты говоришь так, будто я в этом виноват.

С минуту она молча смотрела на него, время от времени переводя взгляд ему за спину, с каждым вздохом ожидая раскрытия их присутствия.

– Тебе лучше уйти. И, как можно быстрее, – сказала она безапелляционно.

– Может объяснишь, что здесь происходит?

– Я же сказала, не время.

– В какие игры ты играешь? Кто те люди? Ты их знаешь?

А потом, почти умоляюще:

– Пойдём отсюда.

За то короткое время, что он пробыл здесь, Крис успел услышать от тех неизвестных не только угрозы убийства, но и признания в уже совершенных. Это не считая бурного обсуждения, явно незаконной, сделки. Вполне естественно, что ему захотелось увести Кэтрин отсюда подальше. Вот только, чего он не мог понять, так это, почему Кэтрин не разделяла его желание? Он попытался взять ее за руку, но она резко отдернула ее, как от огня. Ее поведение стало для него сюрпризом не из приятных. Он видел ее разной: испуганной, любопытной, доброй, заботливой. Но за милой внешностью скрывался довольно-таки взрывной характер, на пару с упрямством.

И сейчас это проявлялось, как нельзя более отчетливо.

– Не вынуждай меня применять к тебе силу, – сквозь зубы процедила Кэтрин. Но в глазах уже блеснуло сомнение и запоздалый страх.

Словно, она устала заставлять себя не бояться.

Крис заметил эту перемену и второй раз взял ее за руку.

Она будто очнулась, крепко сжав его руку в ответ.

Как вдруг, громкий звук выстрела заставил ее вскрикнуть.

Дальше все происходило быстро, но, вместе с тем, как в замедленной съемке: бег рука об руку к спасительному выходу, преследование за спиной, грубый возглас “стоять” и, невообразимо медленный, выстрел.

Кэтрин почувствовала, как ее потянуло вниз. Она приземлилась рядом с Крисом, который уже лежал на земле. Вся его правая половина, от предплечья до груди стремительно окрашивалась чѐм-то липким и тягучим. Кровью. Его кровью.

Второй выстрел просвистел в сантиметрах над ее головой и встретился со стеной, оставив в ней глубокую вмятину.

Сквозь весь этот чудовищный хаос Кэтрин успела расслышать вой полицейской сирены. Он и спугнул стрелявшего. Или стрелявших. Кэтрин никого не успела толком рассмотреть. Сейчас она могла видеть лишь стремительно бледнеющее лицо Криса.

Она стала перед ним на колени. Из глаз так не вовремя покатались слезы, которые туманили взгляд. Ее ладони тряс-

лись мелкой дрожью, пытаюсь нащупать рану, чтобы хоть немного остановить кровь. Господи. Ее было так много.

Крис глухо застонал и болезненно стиснул зубы.

– Больно, да? Прости.

Она убрала руки и схватила его ладонь.

– Что мне делать? Твои пальцы просто ледяные.

Она стала сжимать их, словно так могла передать в них спасительную частичку жизни.

– Мой браслет. На правой руке.

Слова давались ему с трудом, через длинные паузы. Голос был практически безжизненным.

– Большая красная кнопка.

Дрожащими руками Кэтрин взяла его запястье.

– Нашла. Я нашла ее.

– Нажми на неё.

– Там тебе помогут?

– Да... Нажми... Все будет хорошо.

Хоть он и чувствовал, что вряд ли будет.

– Убегай отсюда. Скорее.

Кэтрин сделала, как он велел и уже через 3 секунды Крис исчез, оставив после себя лишь красный след на бетонном полу.

Кэтрин не помнила, как на негнущихся ногах дошла до своей машины.

Но, как только за ней захлопнулась дверь, она истерично разрыдалась.

Пустота затягивала, наполняла собой его тело. Забирая боль, растворяя ее во времени, оставляя далеко позади.

А может это и есть конец? И нет на самом деле света в конце тоннеля и всей жизни перед глазами. Когда не видишь, а чувствуешь, что стало легко. Что, постепенно, не остаётся ничего. Ничего, что было важно, ничего, что копил в себе и даже, что не успел сказать или сделать. Из мыслей осталась всего одна. Она одиноким айсбергом блуждала в голове Криса. Но и она затихла, как последний залп отгремевшего салюта.

Как вдруг, он почувствовал под собой поверхность: твёрдую и осязаемую.

“Вот и все”.

И страшно открыть глаза. Ведь там опять неизвестность, пока ещё за гранью Рая и Ада. Он цеплялся за недавнюю понятную пустоту, ставшую привычной, пытался продлить мгновение перед шагом в неизбежность.

– Вы можете уже открыть глаза, мистер Стар. Вы вернулись.

Все ещё не осознавая происходящее, Крис медленно открыл глаза.

Комната перед ним не сразу приобрела очертания из-за яркого света.

Крис с удивлением обнаружил слева от себя доктора Харриса, который возвышался над ним, а самого себя – лежа-

щим на полу в лаборатории.

– Где я? – спросил он, тем не менее. – Что произошло?

– Вы в лаборатории, мистер Стар. Вы вернулись с сеанса раньше времени. Что последнее Вы помните, прежде, чем оказались здесь?

Крис слегка поморщился и про себя отметил, что боль вернулась. Только не там, где должна была: болела голова.

Боль стучала в висках и стала резче, когда он приподнялся с пола и принял сидячее положение. Левой рукой он осторожно ощупал плечо. Футболка, ещё недавно насквозь пропитанная его кровью, оказалась чистой. Будто и не было никакой раны, а он не истекал кровью.

Крис перевёл недоумевающий взгляд на Харриса, который, в свою очередь, не выглядел хоть сколько ни будь удивленным.

– Но я же ... умирал. В меня стреляли. Там, в прошлом. Мы убегали. Потом был выстрел. Что все это значит? Как такое возможно?

Для ответа доктору Харрису не потребовалось и десятка секунд на раздумье:

– Видите ли, мистер Стар. Рана, полученная в прошлом, очевидно, не проявляется в будущем. Вы не принадлежали к тому времени, а, следовательно, Вас там никогда и не существовало. А тот, кого нет, не может быть ранен. Поэтому, как только Вы вернулись обратно, рана исчезла, растворилась в промежутке между прошлым и будущим.

– Но, почему у меня тогда так болит голова и я чувствую слабость, не такую, как раньше, после сеансов?

– Вы, как никак, потеряли много крови. Подождите, с минуты на минуту подойдёт Софи и окажет Вам необходимую помощь. Трудно было предугадать точное время, когда Вы вернётесь.

– Откуда Вы вообще знали, что я вернусь сейчас? Я пробыл там от силы полчаса. Заряда должно было хватить на весь день.

– Я получил оповещение, что сработал механизм возврата. Экстренного, как потом выяснилось. Его ещё никогда не использовали. Мы не могли знать наверняка, как поведёт себя устройство.

Доктор Харрис, как показалось Крису, говорил так, будто озвучивал заранее подготовленный текст. Четкие ответы на любые вопросы. Без запинки, как стихотворение в школе.

– В следующий раз Вам стоит быть осторожнее. Ведь смерть, в любом из времён, необратима.

Слова Харриса прозвучали скорее, как угроза, чем предостережение. Крис внимательно пос на доктора, но тот как раз отвернулся, потому что в лабораторию вошла Софи.

– Мистер Стар во время своего сеанса потерял много крови, – проинструктировал он ее. – Вы знаете, что делать.

И он вышел, так и не удостоив Крису взглядом.

– Что с тобой случилось? – обеспокоено спросила Софи, бегло осматривая его на наличие повреждений и добавила,

в явном недоумении:

– Я не понимаю, а где рана?

– Рана? Она исчезла.

И Крис пересказал ей события последнего сеанса и заключения Харриса по этому поводу.

– Давай, я помогу тебе подняться. Тебе нужно прилечь.

– Больше ничего не хочешь сказать? – резко бросил Крис, поднимаясь.

Он слегка пошатнулся и ему пришлось опереться на руку Софи, чтобы благополучно добраться до кушетки.

– Что я могу сказать? – шепотом спросила Софи, пока ее лицо находилось близко к его лицу, вне досягаемости камер. – Я считаю это странным точно так же, как и ты. Но никаких объяснений у меня нет.

– Я сделаю укол и станет немного легче. Но на полное восстановление уйдёт несколько дней, – сказала она уже громче, отойдя, чтобы взять шприц с крове восстанавливающим препаратом. – Ешь побольше мяса. Это восполнит потерю гемоглобина. И воздержись от физических нагрузок.

Крис кивнул в ответ и растянулся на кушетке, прикрыв глаза. Перед ним тут же возникло лицо Кэтрин. Каким оно было в последние мгновение до перемещения: испуганное, с мокрыми дорожками слез, растерянное. Что с ней случилось после? Смогла ли она убежать? Вдруг за ней вернулись, как только он оставил ее одну?

Он резко дернулся, чтобы сесть и поморщился от внезап-

но вспыхнувшей боли: рука Софи соскочила, и игла шприца неудачно вошла в кожу.

– Прости, я не хотела, – стала оправдываться Софи. Точным движением она удобно перехватила шприц и аккуратно ввела препарат.

– Это моя вина, не извиняйся. Думал, что ты уже закончила. Можно идти?

– Полежи ещё пару минут. Должно стать легче. А я пока подготовлю тебе питательные смеси. Возьмёшь их с собой.

Крис опустился обратно на кушетку. В голове стало немного проясняться, боль отступала. Внезапно, его плечо слегка дернулось в коротком спазме, сквозь который он ощутил новый приступ резкой боли, длившийся всего секунду. Кажется, он издал какой-то невнятный звук, похожий на стон, потому что к нему подошла Софи и взволнованно спросила:

– Что такое?

– Плечо, – объяснил он. – Только что заболело. Прямо в том месте, где была рана.

– Сейчас болит? – Софи осторожно ощупала его плечо, убеждаясь, что с ним все в полном порядке.

– Похоже на фантомные боли, – заключила она. – Твоё тело помнит, что было ранено и напоминает тебе об этом. Возможно, такое ещё повторится в ближайшее время. Ты пережил серьезный стресс. Советую тебе, как следует отдохнуть.

И добавила, чуть тише:

– Может, откажешься на какое-то время от сеансов? Тебе нужен отдых.

– У меня будет на него целых две недели, – успокоил ее Крис. – К тому же, я уже не могу отказаться. Но спасибо за беспокойство.

Его связывало слишком много обещаний, чтобы сейчас сдать. Иначе все усилия будут напрасны. Иначе, его маму уже не спасти. Иначе, он просто не может. И в его списке напрочь отсутствует пункт “ради себя”. О себе о подумает, как-нибудь потом, в последнюю очередь.

Опять пропущенный. Кажется, уже десятый с тех пор, как она вернулась домой. Но Кэтрин не ответит. Не сейчас. Даже не сегодня. Силы покинули ее, как только она переступила порог и за ней закрылась дверь. Она сползла по ней и осела на пол. Сквозь ее отрешенность не пробивались даже слезы. Крепко обхватив колени руками, впиваясь ногтями в кожу до красных следов-полумесяцев, она пыталась согреться от своего внутреннего холода.

Прошёл час, почти истёк второй, день сменился вечером, вокруг стало темно, а Кэтрин все так же продолжала гипнотизировать стену, почти немигающим взглядом. Окружающий сумрак приносил хоть немного спокойствия, в котором можно было спрятаться, обернув его вокруг себя, отдавая свои тревожные мысли.

Заглянувшая в окно луна, проложила дорожку света пря-

мо к ее ногам и Кэтрин вздрогнула, будто выйдя из оцепенения.

Она посмотрела на свои ладони, которые чуть подрагивали и все ещё были в крови. Они показались Кэтрин совершенно чужими, противоестественно гр. Она бегло осмотрела себя: ее кофта, джинсы, предплечья, все, чего она касалась, было покрыто бурыми разводами запекшейся крови.

Кэтрин попыталась подняться. Слишком быстро для того, чтобы не потемнело в глазах, а ноги двигались послушно после часов сидения в неудобной позе. Она слегка пошатнулась, найдя опору, в стоящей справа, вешалке для одежды.

Добравшись до ванной, она до упора открыла кран. Горячие брызги разлетались во все стороны, но Кэтрин не обращала на это внимание. Погрузив ладони под поток воды, она наблюдала, как слив окрашивается в алый. Она оттирала руки с маниакальной тщательностью. Ей все казалось, что кровь впиталась глубоко, прямо до самых вен. Когда утренний порез стал ощутимо саднить, она убрала руки из раковины.

Подняв глаза к зеркалу, Кэтрин уставилась на своё отражение. Ее зеркальный двойник был бледен, с резко очерченными уставшими глазами. Ей очень захотелось стереть это выражение со своего лица и она, под влиянием порыва, провела по стеклу ладонью слева направо. Теперь ее образ стал размытым. Совсем, как она сама.

Вот, если бы ее страх, печаль и боль можно было стереть

так же просто.

Глава 8

Говорят, чтобы во всем разобраться, нужно вернуться к самому началу. Встать в точке отсчета и посмотреть по сторонам. Чтобы понять, что упускаешь и где повернул не туда. Найти тот момент, с которого все пошло наперекосяк и неизбежно улетело под откос. Понять, кто первым оступился, а кто пытался все исправить.

Путешествия в прошлое открывают для этого отличные возможности. И совсем необязательно быть непосредственным участником. Достаточно просто наблюдать.

Брайан Харрис каждый раз внимательно и с завидной скрупулезностью изучал каждый отчет мыслей Криса, делал свои пометки, все время дополнял их и расширял.

– Джо, сделай, пожалуйста, мне копию отчета, – попросил он, как делал всегда.

Ещё один сеанс позади. Ещё одна порция информации. Ещё один долгий день, проведённый в бездействии. Но Брайан Харрис, как никто, усвоил одну простую истину: всему своё время.

Полумрак его квартиры отражал полу тишину его одинокого вечера. В свои объятия его приняло только старое продавленное кресло, а согревали – большие глотки крепкого виски, бутылка от которого стояла на полу прямо у его ног.

Теперь Крис мог позволить себе хороший виски, а не ту дешёвую дрянью, что пил раньше.

Алкоголь плавно разливался по телу и постепенно стирал из головы все мысли.

“Как раз то, что нужно”.

Чтобы не думать о Софи, которая постоянно смотрит на него глазами оленёнка Бэмби, в ожидании чего-то, не думать о Джо, который стал как-то подозрительно на него смотреть, о Харрисе, с его загадками и тайнами, об эксперименте, где его чуть не убили, о Кэтрин. Чтобы хоть немного забыть о состоянии матери и о вечном “без изменений”.

Не думать, что он должен каждому в этом гребаном мире, но никто не должен ему.

Не думать, что может просто не хватить сил бороться дальше.

Поэтому, проще не думать. Погружать размышления в крепкий алкоголь и растворять их без остатка.

На часах уже 23 минуты, как был новый день. Уровень в бутылке почти опустился к самому дну, а выпавший из рук стакан истекал на пол остатками янтарной жидкости.

Крис спал. Заснул прямо в кресле, так и не переодевшись. В какой-то момент он просто отключился, то ли от количества выпитого, то ли под действием укола, то ли от их общей несовместимости друг с другом.

Его голова опустилась на бок, слегка касаясь плеча, а руки безвольно свисали с подлокотников.

Через, брошенное приоткрытым, окно в комнату проникал холодный осенний ветер, который, в конце концов, и заставил Криса проснуться. Он сонно огляделся по сторонам, постепенно осознавая, где находится. Зябко поёжившись, Крис поднялся. Тело затекло и движения давались с трудом. Медленно, будто на автомате, ноги сами потащили его закрывать окно.

Натыкаясь на все, что можно в темноте, он добрался до кровати, забрался под одеяло и снова уснул. Теперь уже до утра.

В его снах не было желанного спокойствия, а только путанные, обрывочные сцены реальности и вымысла. А утро, хоть и должно было быть добрым, принесло лишь головную боль, пульсирующую в висках и дикую сухость во рту. Он все ещё чувствовал слабость, вместе с непреодолимым желанием никогда не покидать кровать. Сбыться которому очень скоро помешал звонок телефона, раздавшийся из другой комнаты. Крис честно пытался его игнорировать, но звук все никак не хотел замолкать, что в теперешнем состоянии Криса становилось невыносимым.

– Кому это я так понадобился в субботу утром? – пробурчал он себе под нос, но с кровати, все же встал и прошёл к телефону.

Дисплей отобразил фото улыбающегося блондина и подпись “Том”.

Голос его лучшего друга без лишних приветствий прокри-

чал с другого конца:

– Стоило мне уехать на месяц, как ты уже во что-то ввязался!

– И тебе доброе утро, Том. Рад тебя слышать. Как там твой лунный курорт. Серенити, кажется?

– Не переводи тему, Крис, – предупреждение друга граничило с раздражением, которое прямо-таки вибрировало на том конце линии. – Объясни мне, что это за сообщения от тебя вчера приходили? Я зачитаю дословно.

“Как достать информацию о человеке?”

“Как избавиться от девушки?”

– Ты вообще в курсе, что отправлял сообщения, а не поисковые запросы?

По правде говоря, Крис слабо помнил, что вообще отправлял сообщения кому бы то ни было. На всякий случай, он сразу проверил журнал вызовов и все имеющиеся мессенджеры и убедился, что Том был единственным “счастливым” получателем его ночных словоизлияний.

Тем временем Том не прекращал высказывать своё негодование, которое было его особым видом беспокойства за друга:

– Между сообщениями, конечно, ещё были видны проблески здравого смысла с текстом: “Ты все равно это не читаешь”. Но дальше было: “Они выбрали меня, понимаешь?”. Ещё что-то о Кэтрин, которая чуть тебя не сбила и о Кэтрин, которая заваривает отвратительный чай.

– Ты читал не в том порядке, – сухо подметил Крис.

– Да это какой-то бред в любом порядке. Речь хотя бы об одной и той же Кэтрин?

– Да.

– Хоть с чем-то разобрались. Так, я сейчас приеду и только попробуй куда-нибудь свалить, – сказал Том предупреждающе.

– Жду не дождусь!

Крис сбросил вызов прежде, чем получил ответ. Только нравоучений ему сейчас не хватало! Хотя, где-то глубоко внутри, он был даже рад, что можно будет высказать Тому то, что он долго держал в себе. И получить хоть какой-то совет.

Его размышления длились недолго и закончились стуком в дверь.

– Неужели потратился на трансфер ради меня? Я ждал тебя через пару часов, – недовольно пробурчал Крис, открыв дверь.

– Мне для тебя ничего не жалко, ты же знаешь, – заявил Том, переступая порог. – Хреново выглядишь, кстати.

– Как мило. Хотел бы, но не могу ответить тебе тем же. Ну, проходи, раз уж пришёл.

Со стороны их разговор был мало похож на общение двух лучших друзей. Но в этом были все они: обоюдный обмен “любезностями”, как прописная истина их взаимоотношений на протяжении уже многих лет.

Крис прошёл к холодильнику, чтобы достать бутылку с

водой и, наконец, утолить сухость во рту. Залпом он выпил добрую половину бутылки.

Том появился на кухне с почти пустой бутылкой виски, которую Крис так и оставил на полу.

– Провёл веселую ночьку? Почему меня не позвал?

– Предпочитаю напиваться без надзирателей, – резко ответил Крис, выхватив бутылку из рук Тома.

Тот поднял руки в жесте “я на неё не претендую” и укоризненно покачал головой:

– Как скажешь! Будешь и дальше продолжать вести себя, как последний...

Он заставил себя остановиться на полуслове, глубоко вздохнул и продолжил уже гораздо спокойнее:

– Что у тебя произошло? Ты последний раз так напивался, когда...

Том замолк, мысленно ругая себя за глупость.

Последний раз он видел Криса в таком состоянии полгода назад, когда его мать впала в кому. Тогда Тому казалось, что это сломает его друга окончательно. Но, как бы парадоксально это ни звучало, тот вечер его отрезвил, открыл второе дыхание. А теперь, кажется, его запасы были явно на исходе. Если только дело не было в чём-то ещё.

Крис так и застыл, держа в руке эту чёртову бутылку. А затем отвернулся, пряча глаза, которые стало щипать от подступивших слез, и, с громким стуком, поставил ее на стол, от чего по кухне разнесся звон стекла. Его руки уперлись в

столешницу, а дыхание стало громким и прерывистым.

– У неё все также, – наконец выдавил из себя Крис.

Повисло молчание. Оно не было неловким или неуместным, оно было тяжелым, давящим, пропитанным грустью.

– Прости, я не хотел.

Снова молчание.

– Ты ведь знаешь, это не так уж плохо.

– Знаю.

Но как будто от этого знания легче.

– Тебя ведь ещё что-то беспокоит?

– Точнее кто-то.

– Это Кэтрин, да?

– Очень проникательно, Том, – слабо усмехнувшись, ответил Крис и опустился на ближайший стул, жестом приглашая друга сесть напротив. – Помнишь, я говорил тебе об отборе на исследования?

– Да, – пока что слабо понимая, к чему тот клонит, ответил Том. – Ты говорил, что, если тебя возьмут, то ты сможешь окончательно отказаться от своей, кхм, подработки.

Крис кивнул и продолжил:

– Так вот: меня взяли. Не уверен, что могу сильно распространяться по этому поводу.

– Ты же знаешь, я никому ничего не расскажу.

– Знаю. Это исследование – своего рода эксперимент. Коротко говоря, я перемещался в прошлое. Не смотри на меня так.

Том выглядел совершенно сбитым с толку. Он не мог понять, шутил ли Крис, нёс бред от не до конца выветривавшегося алкоголя или говорил правду.

– Ты сейчас серьезно?

– Определенно. И Кэтрин – это та девушка, которую я встретил в прошлом на своём первом сеансе. И на втором тоже. И на двух последующих. Я почти уверен, что и во все будущие. И я намерен выяснить, зачем она им понадобилась.

Том долго не мог ничего сказать, а только таращился на Криса в полном недоумении, так, что тому даже стало неудобно.

– Ты был в прошлом?

– Если спросишь ещё раз, я начну сомневаться в своей адекватности, – неловко пошутил Крис.

– Просто в голове не укладывается. Ты был в прошлом. И не один раз.

– Четыре, если быть точным.

– Почему ты мне не сказал?

– Даже после первого сеанса, не был уверен, что меня возьмут. А потом ты улетел на свой курорт. А писать о таком я не стал.

– И что ты там видел? Ты был в далеком прошлом?

Том понемногу свыкался с мыслью, что Крис говорил правду и в нем просыпалось любопытство. Он жаждал подробностей.

– Я был 2019ом. По крайней мере, первые три раза. В по-

следний раз были, скажем так, не те обстоятельства, чтобы узнавать время.

Крис слегка повёл назад своим, уже здоровым, плечом и глубоко вздохнул.

– Почему?

– Когда тебя пытаются застрелить, как-то не до этого.

Тома безусловно испугало и обеспокоило это обстоятельство, но ещё больше – будничным тоном Криса, с которым он рассказывал об этом.

– И ты так спокойно об этом говоришь?

– Я бы не был так спокоен, если бы не был в порядке, уж поверь мне. Но на мне ни царапины. К тому же, алкоголь ещё действует.

– Когда это случилось?

– Как бы, вчера. Но я же сказал, что все в порядке. Оказалось, что раны, полученные в прошлом, не проявляются в нашем времени.

– Какая удача, – всплеснув руками, сказал Том. Вышло немного громко и грозило надвигающимся нравоучением.

– Я не откажусь от этой работы, если думаешь меня отговаривать.

– Знаю, что не откажешься. Но, ты уверен, что оно того стоит?

– Уверен.

Том внимательно посмотрел на Криса и в его глазах увидел достаточную решимость, как подтверждение его словам.

– Это из-за Кэтрин?

– И из-за меня тоже. Вроде как не случайно, выбрали на проект именно меня.

– С чего ты это взял?

– На отборе были только парни с именами, похожими на мое и в итоге выбрали в проект только меня одного. Довольно странно для крупного правительственного проекта, не находишь?

– Откуда ты это знаешь? Может ты просто не видел других?

Крис отрицательно помотал головой.

– Мне об этом рассказала медсестра – Софи. Она была на отборе, а потом, после каждого сеанса, проводила обследование моего состояния. С другими она после отбора не сталкивалась.

– Все равно это ничего не доказывает, – недоверчиво пожал плечами Том. – Это может быть простым совпадением.

Крис закатил глаза от бессилия. Он всегда знал, что Том обладал здоровой долей скептицизма и что-либо доказать ему становилось проблематично. Но Крис не был намерен сдаваться, тем более, что он собирался заручиться поддержкой друга.

– Нууу, – протянул Том, размышляя. – Возможно, проще перемещать тебя в одну и ту же точку пространства. Или просто параметры не стали менять.

Крис усмехнулся тому, насколько рассуждения друга сов-

падали с его.

– Я после первых двух сеансов тоже подумал про параметры, когда перемещался в гостиную Кэтрин. Но потом я оказался прямо посреди дороги, когда на меня ехала машина с ней за рулём. А в последний раз я появился прямо перед Кэтрин в каком-то заброшенном здании. Как ты это объяснишь?

– Пока что никак, – откровенно признал Том, – но объяснение должно быть.

– Его я и хочу найти. Но, для начала, мне нужна информация о Кэтрин.

– Для начала, выпей вот это.

Том протянул другу маленький пузырёк с голубоватой жидкостью.

– И ты только сейчас мне это предлагаешь? – возмутился Крис, у которого голова все ещё гудела.

– Будешь знать, как напиваться в одиночестве, – тоном проповедника заявил Том.

– Мне сейчас не до твоих поучений. Но за лекарство спасибо.

– Будешь должен.

Некоторое время они просидели молча. Крис наслаждался постепенным прояснением в голове, а Том размышлял, чем ему помочь. Помимо беспокойства за очередную опасную работу друга, у него было четкое понимание, что, если Крис заикнулся на чём-то, то он не отступить. Похоже,

эта девушка чем-то его зацепила. Том пока что не понимал, насколько глубоко, но она уже была в его мыслях. А это удавалось далеко не многим.

– Что ты о ней знаешь? – спросил, наконец, Том.

Крис облегченно вздохнул, радуясь, что с убеждениями было покончено.

– Её зовут Кэтрин.

– Это мне уже известно. Что ещё? Фамилия, возраст, где жила, чем занималась?

– Она называла свою фамилию, – медленно сказал Крис, пытаясь вспомнить. – Что-то связанное с цветом.

– Грин, Блэк, Рэд, Браун? Вайолет? Хотя, это, скорее, имя.

– Нет, все не то.

Взгляд Криса беспорядочно блуждал по кухне, ни на чем особо не останавливаясь. Окно. Лицо Тома. Холодильник. Бутылка на столе. Лицо Тома, которое все ещё выглядело обеспокоенным. Вновь бутылка. Пустая. И он тоже, немного. Мыслями он вернулся в их с Кэтрин предпоследнюю встречу. Почему-то его мозг решил поискать ответ именно там. Вот, они оба стоят посреди пустой дороги возле ее машины. Она пристально смотрит на него, пытаясь понять, как он ее нашёл.

– Сомневаюсь, что в будущем в газетах будет заметка . . . , – проговорил Крис про себя, полностью погрузившись в воспоминания.

Его взгляд вдруг сфокусировался на сахарнице, а губы

продолжили проговаривать отрывки из их разговора:

– Кэтрин Уайт ехала ...

Мысль о ней оборвалась вместе с фразой, глаза Криса расширились, и он щелкнул пальцами, указывая на белую сахарницу, и сказал уже громче:

– Ее фамилия Уайт. Кэтрин Уайт. В 2019 году она жила в Лондоне, в районе Brent. Училась в университете Сити на журналиста.

– А адрес? Знаешь, сколько ей было лет?

– Она говорила, что ей 21.

– Да уж, не густо, – заключил Том, скрестив руки перед собой. – Думаю, можно начать с Окружной Библиотеки. У них должны быть данные на жителей по городам. Попробуем найти хоть что-то.

– Пойдём прямо сейчас, – с энтузиазмом сказал Крис и встал со стула.

– Прямо сейчас тебе нужно позавтракать и привести себя в своё нормальное подобие.

Крис соорудил Тому недовольную гримасу. На самом деле голод уже давал о себе знать. Кстати или нет, он вспомнил поздний ужин в квартире Кэтрин и улыбнулся.

– Чему ты улыбаешься?

– Да так. Думаю, сможешь ли ты мне предложить блинчики с джемом. Я, знаешь ли, привык к такой еде.

– Друг мой, неужели ты продал душу и сердце этой девушке за кусочки теста и варенье? – шутливо недоумевал Том.

– За кого ты меня принимаешь? – картинно возмутился Крис. – Не думаешь же ты, что мы только невинно ели блинчики?

– А вот с этого места поподробнее! – громко сказал Том, попутно приступая к тщательному исследованию содержимого холодильника.

Глава 9

Промозглое серое утро сменилось таким же унылым днём, к которому добавился непрекращающийся дождь. Тяжёлое осеннее небо давило на город и, казалось, опускалось все ниже и ниже. Холодные капли заливали деревья, дома, дороги, угрюмых прохожих и стройные ряды машин. Скрыться от этой сырости было невозможно: она проникала под зонты, просачивалась в дверные щели, стекала по запотевшим стёклам.

Дворники в машине Кэтрин работали в максимальном режиме, с трудом справляясь с бешеным водным потоком, который становился только сильнее. Она напряжённо вглядывалась в дорогу перед собой, с силой сжимая руль.

– Зря ты не дала мне повести, – сказал Майк, сидевший слева на пассажирском сидении.

– Я в состоянии сама вести машину, – отрезала Кэтрин, не отрывая взгляд от дороги.

– Как скажешь, любимая, только руль не оторви, – усмех-

нулся Майк, посмотрев на свою девушку.

Она мысленно закатила глаза, но промолчала. Сегодня ее хорошее настроение не выпалось, его залило дождем и вообще, оно решило не показываться.

Крутанув руль влево, она свернула на полупустую улицу и припарковалась, как можно ближе ко входу.

– Беги домой, я пока что закрою машину, – сказала Кэтрин и заглушила мотор.

Майк с пакетами уже скрылся за дверью, когда Кэтрин вышла под стену дождя. Она заметила то, что не заметил Майк: за ними кто-то наблюдал, стоя на противоположной стороне улицы.

Промокшая, вмиг, одежда неприятно липла к коже, но Кэтрин старалась не обращать внимание на дождь. Быстрым шагом она пересекла улицу и остановилась, как вкопанная, когда до наблюдателя оставалась пара шагов. Когда сквозь водную завесу можно было различить лицо. Но она и без этого знала, кто стоит перед ней. Знала, но не могла поверить.

Они стояли посреди улицы, насквозь пропитанной дождем, так и не дойдя друг до друга. Так и не сказав друг другу ни слова.

Глаза Кэтрин непроизвольно наполнились слезами, которые тут же смешались с дождем, теряясь в нем. Ее состояние выдавали только плотно сжатые губы и легкое покачивание головой, в такт своему неверию. Гулкий раскат грома, разорвавший небо над головой, заглушил пронзительно зна-

комый писк, а стену дождя прорезал луч света от фар приближающейся машины. Та почти в последний момент вильнула влево, объезжая Кэтрин. В спину ей полетели не очень цензурные выражения. Но она их не слышала. В ушах отчетливо стучал только звук собственного сердца.

Кэтрин непозволительно надолго прикрыла глаза, чтобы сморгнуть соленые капли, а когда открыла, Криса перед ней уже не было. От отчаяния и шока она захлебнулась собственным вдохом, подавилась тяжелым комом в горле. Она в немом бессилии посмотрела по сторонам, в попытках отыскать своё внезапное наваждение. И оно было там. Только теперь уже не в лице Криса. Чуть вдалеке, справа, стоял молодой мужчина в чёрном, уже насквозь мокрым, костюме и не сводил с Кэтрин глаз.

– Эй, – окликнула его Кэтрин, – кто Вы?

Ее голос почти утонул в очередном раскате грома. А вместо ответа она услышала только собственное имя у себя из-за спины. Оно прозвучало дважды, прежде чем Кэтрин обернулась, прежде чем потеряла незнакомца из виду, прежде чем он скрылся в ближайшем переулке.

К ней подбежал обеспокоенный Майк, успевший обзавестись зонтом, и сразу укрыл ее под ним. Он аккуратно приобнял Кэтрин за плечи и молча повёл ее домой, оставив все вопросы на потом.

Он успел в каком-то смысле привыкнуть к ее внезапному молчанию. Когда она уходила в себя.

Сначала, ее приступы молчания проявлялись часто. Она просто закрывалась в своей комнате. Слушала музыку, читала книги, рисовала, что-то писала в своём дневнике. Но, вместе с тем, она не хотела надолго оставаться одна. Ей было гораздо комфортнее от осознания, что в соседней комнате кто-нибудь есть. Первое время Миры оставалась с ней чуть ли не круглосуточно. Ждала, пока Кэтрин выйдет из комнаты, а потом разговаривала с ней, о чем угодно. Но у Миры была и своя жизнь, и Кэтрин стала замечать, как ее состояние тяготит подругу. Особенно, когда молчаливые вопросы все чаще отражались в ее глазах, а позже сменились на реальные. На которые Кэтрин могла давать только путанные ответы.

А потом стал приходиться Майк. С легкой руки Миры, конечно. О чем Кэтрин в глубине души догадывалась, но не знала наверняка. Как бы то ни было, он все чаще был рядом, к чему Кэтрин постепенно привыкала. Приступы становились все реже, а их отношения – все ближе. Она по-прежнему отказывалась обсуждать причины своего состояния, но в остальном открывалась ему.

В последние пару месяцев приступов не было совсем, и Майк наивно полагал, что они прошли навсегда. Но сегодня что-то случилось. Что опять ввергло ее в молчаливый ступор.

В этот день дождь оставил после себя нечто большее, чем бурные потоки и залитые улицы. Он вывернул наизнанку промокшую душу Кэтрин, залитую слезами. Разрывающее

воображение видение, граничило пополам с действительностью и ее личным наваждением. Старательно забытое и спрятанное, и оттого накрывшее с головой. Утащившее в свой омут без права на возвращение. Ему хватило и пары минут, чтобы дать надежду. Столько же, чтобы полгода отношений с Майком дали трещину. Механизм был запущен и Кэтрин, не без сожаления, это признавала.

8 ноября 2020 г 20:20

Я не видела его больше года. Я не знала, все ли с ним в порядке. Даже жив ли он. Я винила в случившемся тогда только себя и тонула в своей вине все глубже. Первые месяцы я ждала, наивно надеялась, что он снова появится. Я одновременно хотела и боялась этого. Я не знала, какой будет его реакция. Вдруг, он меня возненавидел?

Но не сбылось ни то, ни другое. Сбылось только мое, все возрастающее, отчаяние. Которому я, в конечном итоге, сдаюсь. Поверила в то, что он не вернется. Уступила уговорам Миры, что нужно двигаться дальше.

Так, я позволила Майку быть рядом, позволила нашим отношениям случиться. Звучит так великодушно-эгоистично, омерзительная щедрость с моей стороны. Но так мне становилось легче.

Удивительно, как быстро я смогла провалиться в чувства к человеку, которого видела чуть больше пары раз в жизни. Но так и не смогла их испытать с человеком, который был

всегда рядом.

Нет, я по-своему люблю Майка. Из какого-то отчаянного чувства благодарности. За его преданность, за правильную любовь ко мне.

Но то, что я испытываю к Крису, иррационально и необъяснимо, даже для меня самой. Оно просто есть.

Если вначале это была влюбленность в его образ загадочности, то сейчас это подсознательная потребность, в равной степени невозможная и единственно верная.

Майк... Я так виновата перед ним.

Сегодня он снова не задавал вопросов. Молча завёл меня в квартиру, передел в тёплые вещи, заварил горячий чай. Не спросил, что я делала под дождем на другой стороне улицы. Избавил меня от необходимости выдумывать оскорбительную для него ложь. Он этого не заслужил. А я совершенно не заслужила его. От этого понимания я каждый раз ненавижу себя, но все равно продолжаю наши отношения.

До сегодняшнего дня я тешила себя надеждой, что у нас с Майком есть счастливое будущее. Чем дольше в моей жизни не было Криса, тем легче я в это верила. Наивный самообман. Короткой, безмолвной встречи оказалось достаточно, чтобы моя идеальная картинка личной жизни рассыпалась, как карточный домик.

Прости, Майк, но мне, похоже, пора уходить.

10 ноября 2020 г 06:17

Вчера вечером Майк съехал. Наш разрыв был далёк от скандала. Все прошло довольно мирно. Были мои долгие и путанные попытки объясниться. Было его, выбивающее из колеи, молчание. Уж лучше бы кричал, бил посуду или ушёл, хлопнув дверью. Пронзительная тишина с его стороны с каждой минутой ложилась грузом на мои плечи, разливалась отворачиванием к себе. А за его взгляд, полный отчаяния и смиренного понимания хотелось лезть на стену.

Наш финальный диалог стал скомканным и вымученным отголоском наших отношений.

– Скажешь что-нибудь? – спросила я в отчаянной попытке прервать молчание и спасти свою совесть.

– Разве это что-то изменит? Ты уже все решила за нас двоих.

Его правда больно била наотмашь.

– Прости меня, – это все, что я смогла сказать в ответ.

А он даже не посмотрел на меня, отвернулся и только бросил через плечо:

– Я пойду, Кэтрин. Не стоит затягивать эту драму.

И опять он был прав.

Я же погрязла в своих ошибках, неправильных чувствах и предательстве.

Я все жду, когда меня настигнут слёзы и подарят право на искупление. Прошлым вечером, за всю ночь и сегодняшнее утро я не проронила ни слезинки, хоть и не сомкнула глаз. Наверное, я все их выплакала по другому человеку.

Прости меня, Майк.

Пишу это здесь, потому что, вряд ли, скажу ему это лично.

Я оборвала мосты и не вернусь обратно. По правде говоря, меня там и не ждут.

– Майк спрашивал о тебе, – сказала Мира, как бы, между прочим.

Они с Кэтрин уже добрых два часа выбирали рождественские подарки. Причём, сама она уже таскала огромные пакеты, тогда как Кэтрин, по большей части, поверхностно рассматривала что-то в очередном магазине, изредка поддерживая с подружкой диалог кивком головы.

– Правда? – первое, что сказал Кэтрин за последние минут десять.

Эта новость взволновала ее.

Прошедший месяц можно было охарактеризовать фразой: “Что имеем не храним. А потерявши плачем”. Только, вместо слез было сожаление, в котором Кэтрин теряла себя день ото дня.

– Он скучает, Кэт.

– Я тоже. Вот только не в том смысле, в котором ему бы хотелось.

И эта истина осталась неизменной, несмотря на неизменное отсутствие Криса в ее жизни.

– Может тогда поговоришь с ним? Я же вижу, как вам обоим плохо. И уже не важно, в каком качестве вы будете об-

щаться.

– Это, как раз-таки и важно. Я не хочу этих жертв с его стороны. Я и так наломала дров, сделала больно, и себе, и ему. Зачем обманывать друг друга?

– А так ли ты обманываешь себя? – будничным тоном спросила Мира, продолжая, как ни в чем не бывало, перебирать вещи на стойке.

– Кэт, дорогая, ты запуталась. Я все понимаю. Но тебе не кажется, что твои чувства к этому Крису – это просто фантом? Иллюзия, в которую ты продолжаешь верить? Сколько раз ты с ним виделась? Два? Три?

– Четыре, – выпалила Кэтрин громче, чем собиралась. – И, если ты вдруг забыла, он спас мне жизнь.

Сделав глубокий вдох, она продолжила уже спокойнее.

– Я сотни раз убеждала себя в том, о чем ты мне сейчас говоришь. И сотни раз повторяла, что хочу быть с Майком. И к чему это привело? Правда в том, что, если Крис, все же, появится я без оглядки побегу к нему.

Кэтрин сцепила губы в замок и обхватила себя руками, пытаясь не расплакаться.

Мира подошла и крепко обняла подругу, успокаивающе поглаживая ее по спине.

– Давай, больше не будем это обсуждать, – попросила Кэтрин, высвобождаясь из объятий. – Я хочу просто отдохнуть от всех переживаний.

На ее памяти это, хоть и был один из немногих разгово-

ров о ее личной жизни после расставания с Майком, но ей вполне хватило бесчисленных монологов с самой собой.

– Знаешь, – начала Мира, с задумчивым лицом глядя Кэтрин за спину. – Отдых – это отличная идея. Что на счёт Австралии?

Она кивнула на яркие предложения в витрине турагентства.

– Австралии? – переспросила Кэтрин, скептические выгнув бровь. Но, чуть подумав, добавила:

– Звучит, как лучшая идея месяца!

Глава 10

– Много досье успел просмотреть? – спросил Том шепотом (всё-таки библиотека так и осталась библиотекой), ставя перед Крисом стаканчик вега-латте и присаживаясь рядом.

– Я сбился со счета после пятидесяти, – устало протянул Крис, отвёл взгляд от экрана и отхлебнул глоток кофе. Он сидел так без перерыва уже 4 часа и сейчас его голову просто разрывало от информации о множестве разных Кэтрин. Но, пока что, не находилось ни одной, хоть отдаленно похожей.

– Переключи в режим совместной работы, – попросил Том.

Изображение на экране разделилось на два идентичных окна с базой данных и поиски пошли в два раза быстрее.

Спустя ещё три часа и сотни просмотренных досье, пар-

ни смогли найти четыре Кэтрин Уайт, которые подходили под описание “девушки из прошлого”, как окрестил ее Том. Подходили они больше по описанию, чем по фото (все фотографии были сделаны в более зрелом возрасте), а одно так и вовсе был без него.

– И что же им на одном месте не живется, – сокрушенно покачал головой Крис, выписывая адреса в свой телефон.

– Далеко разъехались?

– Только одна, – Крис указал на досье без фото, – осталась жить в Англии. Две перебрались в США и ещё одна живет в Германии.

– Значит, в ближайшие пару недель нас ожидают насыщенные выходные. Я ещё никогда не был в Германии.

– Ты поедешь со мной?

– Даже не думай от меня отделаться, дружище. Я, как твой верный Купидон, помогу тебе найти твою любовь. – Том изобразил святую невинность.

– Ой, да пошёл ты! – Крису от усталости было совсем не до шуток.

– Только с тобой, мой английский Ромео. Кстати, нам правда пора идти, библиотека уже закрывается.

– У меня есть ещё целых 15 минут.

С этими словами Крис нажал на файл с очередным досье и программа зависла.

– Вот видишь, даже техника уже устала, – подметил Том.

Целую минуту спустя (по меркам даже нашего времени

безумно долго для одного документа) экран высветил уведомление:

“Файл поврежден или путь к нему отсутствует”.

Ещё две упрямые попытки Криса открыть файл принесли такой же результат.

– Как думаешь, что это значит? – спросил Крис, оторвавшись от экрана и повернувшись к Тому. Начинало откровенно раздражать обилие вопросов и тайн вокруг его вынужденной подработки. Интуиция упрямо подсказывала, что именно это было досье на ту самую Кэтрин. И что кто-то не хотел, чтобы его открыли. Это возвращало к вопросу, кому и что от неё нужно.

– Думаю, что информацию стёрли или закодировали, – предположил Том.

– Но, почему сам файл оставили в общем доступе?

– Может, кто-то хотел его просто подправить, а система защиты стёрла все данные, но оставила пустой файл? Или к нему нужен особый доступ?

– Интересно, – продолжил Крис, – почему этот файл помечен крестиком?

– Не знаю, – озадаченно ответил Том. – Посмотри, есть ли ещё такие?

Крис медленно прокрутил список в поисках совпадений.

– Да, вот ещё такой же файл. Посмотрим... так... Кэтрин Уайт. Брисбен. Уже не та. – Его взгляд нашёл строчку с датой рождений и помрачнел, обнаружив под ней дату смерти.

Крис резким нажатием закрыл файл и принялся искать другие с той же пометкой, чтобы подтвердить или опровергнуть своё предположение.

– Ну, что там? – с беспокойством спросил Том, не успевая за сменой информации на экране. Выражение же лица Криса не просто говорило, а кричало о его неприятном открытии.

– Досье, которые помечены крестом, – ответил Крис пугающе бесцветным голосом, – принадлежать людям, которых уже нет в живых.

– Может это была не она. Мы не можем знать наверняка, – поспешил успокоить его Том.

– Но и не можем отрицать такую возможность.

– Эй, ну откуда взялся твой пессимистичный настрой? Найдётся твоя Кэтрин.

– Она не моя.

Крис слабо усмехнулся, но, все же, немного приободрился.

– Как знать, как знать. К тому же, через пару недель ты опять ее увидишь. И сам убедишься, чья она.

Их разговор прервало объявление. Механический голос на довольно большой громкости сообщал о закрытии библиотеки и о необходимости покинуть здание в течении 5 минут.

– Уже завтра, ровно в 9:00 наши знания вновь будут открыты для вас.

Закройте глаза. Глубоко вдохните. Выдохните. Почувствуйте расслабленность в теле. А теперь представьте себя на берегу океана. Яркое вечернее солнце согревает вас своим теплом, морской бриз приносит легкую прохладу и запах соленых капель. Волны небрежно накатывают на берег, лаская белый песок и понемногу унося с собой песчаные замки, заботливо выстроенные детишками. Такой картинке в пору красоваться на обложке журнала о путешествиях и жизни в стиле *dolce vita*.

Именно она сейчас была перед Кэтрин. Девушка удобно расположилась под зонтиком и с наслаждением чувствовала себя частью этого сказочного пейзажа. В голове царила полная умиротворенность, а все мысли были услужливо вытеснены шумом прибоя.

Сегодня было самое необычное Рождество в ее жизни. Вместо холодного снега (или дождя) – тёплый песок. Вместо рождественских эльфов – кенгуру, а вместо вечернего платья – яркий купальник. И хотя, то тут, то там можно было встретить наряженную ель, этот праздник в ощущениях Кэтрин был перевернут с ног на голову.

К ней с громким, залиvistым смехом и бокалом игристого подбежала Мира.

– Кэт, – торжественно произнесла она, – у меня есть для тебя предложение, от которого ты не сможешь отказаться!

– Ничего себе заявление! – копируя манеру подруги, отозвалась Кэтрин. – Я вся во внимании.

– Пошли лепить снеговика, то есть, – Мира уточняюще приподняла бокал, – Песковика. То есть песчаную бабу. В общем выбирай, как тебе больше нравится. И пошли скорее. Кайл тебя уже заждался.

– С чего бы? – удивленно спросила Кэтрин, выныривая из-под зонтика, чтобы посмотреть в сторону группы молодых парней и девушек чуть вдалеке.

– По-моему, он прекрасно проводит время в обществе той блондинки. Или брюнетки. Я отсюда не вижу.

– Вот именно! Сидишь тут одна и пропускаешь все веселье, – отчитала ее Мира.

– Мне и тут неплохо, – сказала Кэтрин, пожав плечами.

– Именно, что неплохо, а должно быть отлично. В общем так, если через 2 минуты ты к нам не придёшь, я попрошу Кайла принести тебя силой. – Мира говорила так, что спорить с ней совсем не хотелось.

– Хорошо, я сейчас приду.

Мира, удовлетворённая этим ответом, поспешила обратно к компании. А Кэтрин глубоко вздохнула и уже собралась исполнить своё обещание. Но она не смогла прийти ни через 2, ни через 10 минут. И девушка очень сомневалась, что хоть что-то могло сейчас заставить ее уйти.

Не тогда, когда твою талию обхватывает сильная и до боли знакомая рука, а голос, по которому так скучала, шепчет на ухо, что тоже скучал. Когда дыхание сбивается от внезапного волнения, а сердце заходится в бешеном темпе. Когда

наворачиваются невыплаканный слезы. Когда глаза встречаются взглядом с любимыми голубыми глазами.

Телепортация в 2049 году была самым быстрым и удобным видом общественного транспорта. Но, вместе с тем, и самым дорогим. Стоимость билета более, чем в 10 раз превосходила аналогичный билет на самолёт бизнес классом.

Существовало два механизма для перемещений: телепортационные будки (для перемещений на короткие расстояния, в пределах одного города) и телепортационные судна (терминалы обычно располагались в зданиях аэропортов), которые позволяли перемещать пассажиров на расстояния до 100 миль.

“Поездка” длилась не более 2х минут, большую часть из которых занимал “разгон” и “торможение”: когда сама машина и все пассажиры внутри трансформировались в поток элементарных частиц, передаваемых на расстояния с помощью оператора квантового импульса, а затем, преобразовывались обратно в объект материального мира. Ощущения – не из приятных. Ещё бы было приятно распасться на молекулы и собираться вновь, но экономия времени на лицо.

Первая Кетрин, к которой отправились Крис и Том, проживала в городе Рипли, графства Дербишир. Прямого телепортационного сообщения с городом не было, поэтому, чтобы туда добраться им пришлось сделать пересадку. И они потеряли целых 3 часа в ожидании телепортационного судна.

Оно чем-то напоминало вагон метро, только сидений было поменьше и каждое из них разделялось вертикальными нишами. Все места были оборудованы ограничителями и подушками безопасности. Судно отправлялось строго по расписанию три раза в сутки.

Крису и Тому очень повезло достать последние 2 билета на ближайший рейс, хоть и по заоблачным ценам.

– Чувствую себя абсолютно разбитым, – устало пожаловался Том после того, как его и правда “разбили”, а потом “собрали” за пару минут. Он уже было собрался устроиться в кресле зала ожидания и немного перевести дух, но его остановил недовольный возглас Криса:

– Не время расслаживаться, пойдём.

– Дай мне отдохнуть хоть 5 минут. Изверг!

Крис хотел что-то возразить в ответ, но его отвлек телефонный звонок.

– Может уже ответишь? – спросил Том, увидев, как, уже в который раз, на экране высвечивается пропущенный от контакта “Софи”.

– Не сейчас, – отмахнулся Крис.

Но в следующий момент на экране появилось сообщение: “Нам нужно срочно встретиться. Джо хочет с тобой поговорить”.

На этот раз Крис все же ответил:

“Вернусь вечером и перезвоню”.

И быстро добавил, чтобы не показаться совсем грубым:

“До встречи”.

Подняв глаза, Крис встретился с улыбающимся лицом Тома.

– И почему все хорошенькие девушки достаются тебе?

Крис лишь закатил глаза, глубоко вздохнул и молча направился к выходу из терминала.

До дома английской или первой Кэтрин Уайт они добрались мало изменившимся за последние десятилетия видом транспорта – на такси. Оно теперь, хоть и ездило быстрее и имело робота в качестве водителя, но за 30 лет в изобретении заново велосипеда не было необходимости.

За окном мелькали поля и луга, среди которых уютно расположились редкие одноэтажные домики с серой черепицей. Старое доброе английское предместье, казалось совершенно не тронутым временем, особенно в сравнении с обновлёнными мегаполисами и, стремящимися за ними, городками поменьше.

– Так и будешь всю дорогу молчать? – осведомился Том с заднего сидения.

– А что ты хочешь, чтобы я тебе сказал? – чуть повернувшись, через плечо спросил Крис.

– Кто такой Джо?

– Он – младший ассистент в Центре. Я, по-моему, говорил тебе о нем.

Раздражение, появившееся в голосе Криса, никак не было связано с другом, а было следствием волнения от предстоя-

щей встречи.

– Не говорил.

– Значит теперь говорю, – отрезал Крис.

– Ладно, не хочешь рассказывать, не надо.

А затем, как нельзя более некстати, перевёл тему:

– Ты уже придумал, что будешь говорить Кэтрин при встрече?

Крис мысленное приказал себе успокоиться и не срывать свои эмоции на друге. Он не мог перестать думать о разговоре, который должен был случиться всего через несколько минут. Но затраченные мысли-часы все равно не помогли продвинуться дальше бредовых и сумасшедших фраз, вроде: “Здравствуйте. Вы меня может не помните. Мы случайно не с Вами встречались 30 лет назад? И не смотрите, что я го-жусь Вам в сыновья”.

– Судя по твоему красноречивому молчанию, ничего вразумительного ты так и не придумал, – проницательно заметил Том. – Повезло, что у тебя есть я.

Крис хоть и закатил глаза на этом утверждении, но все же решил внимательно выслушать друга.

А Том продолжил:

– Предлагаю рассказать банальную, но жутко романтичную историю о том, что мы с тобой два брата, отец которых находится в глубокой печали по своей давно утраченный юношеской любви. А мы в тайне от него решили отыскать ее. И назовём твоё настоящее имя и год вашей встречи, то

есть, их встречи.

Крис вынужден был признать, что вариант Тома, хоть и также далёк от идеала, все же был гораздо лучше его собственного. Как минимум тем, что не заставлял сомневаться в его нормальном душевном состоянии и походил на вполне правдоподобную жизненную историю.

За этими размышлениями они и добрались до нужного адреса. Такси подъехало к небольшому многоквартирному зданию, в два этажа высотой, почти на самой окраине Рипли. Построенное из ярко-красного кирпича, оно почти наполовину утопало в плену ползучего плюща, слегка тронутого золотистыми красками осени.

Друзья подошли к единственной входной двери в дом, которая едва виднелась из-за зелено-желтого покрывала. Ещё хуже на ней различалась табличка (Тому даже пришлось отодвинуть растение, наглым образом занимавшее почти весь первый этаж) с номерами квартир от 1 до 8 и именами их владельцев. Имя Кэтрин значилось напротив квартиры номер 3. Рядом с номером располагалась серебристая кнопка звонка. Тремя лёгкими нажатиями Крис раскрыл их присутствие и выжидающе уставился на полоску громкоговорителя, мысленно заклиная ее на ответ. И он последовал через каких-то десятков секунд. Добродушный женский голос сказал:

– Вы к кому, молодые люди?

Их с Томом взгляды, как по команде, синхронно взметнулись вверх и среди листьев отыскивали чернеющий глазок ка-

меры.

Крис постарался придать своему лицу наиболее спокойное и безмятежное выражение, что невообразимым образом резко отличалось от его внутренней нервозности.

– Миссис Уайт, здравствуйте, – начал он. – Меня зовут Кр..., – он запнулся, получив ощутимый толчок в ребра. – Крейг. А это – Том.

– Мы- журналисты, – поспешил добавить Том. – Пишем статью о Рипли для газеты “English daily” и берём интервью у местных жителей. Вы позволите войти?

После секундного промедления щелкнул замок и Крис с Томом вошли в подъезд.

– А что это ещё за история? – практически беззвучно, чтобы было слышно только Тому, поинтересовался Крис.

Из-за открывшейся двери квартиры с номером три уже показалась женщина лет пятидесяти с аккуратно уложенными вьющимися каштановыми волосами.

– Иначе, она бы нас не пустила, – едва шевеля губами ответил Том, улыбаясь миссис Уайт. – “Правдивую” историю расскажем уже внутри.

– Проходите, молодые люди, – с порога пригласила их миссис Уайт с широкой улыбкой.

Внутри их встретила довольно милая небольшая квартир-ка, поражающая обилием различных мелких, безусловно памятных для хозяйки, вещей. Целая тумбочка, была под завязку заставлена фарфоровыми статуэтками представителей

флоры и фауны. Похоже, эта коллекция собиралась годами.

Стены маленькой гостиной были завешаны фотографиями родных миссис Уайт. Но особое внимание уделялось красивому молодому человеку, примерно возраста Тома и Криса, и чем-то напоминавшим последнего.

– Как вам наш город? – поинтересовалась она.

Её руки уже были заняты, непонятно откуда взявшимся так скоро, подносом с блюдцем с пирожными, тремя чашечками и чайником, от которого исходили притягательные ароматы мяты и лаванды. Расставив угощения на столе, она присела в кресло, жестом приглашая парней сесть напротив.

– Мы на самом деле только пр..., – Крис получил ещё один толчок от Тома, который ухитрился попасть в одно и то же место дважды.

– Мы на самом деле просто ещё не успели все посмотреть, – правильно закончил предложение Том.

Он быстрым взглядом посмотрел на Криса, достаточно выразительно, чтобы донести идею: “Следи, пожалуйста, за тем, что ты говоришь”. Крис не был уверен, фигурировало ли вообще слово “пожалуйста”, но посыл понял.

– А Вы давно живете в Рипли? – спросил он, чтобы перевести тему.

– Я переехала сюда уже очень давно, а раньше я жила в Лондоне. В те годы он ещё был тем самым Лондоном. Я тогда тоже училась на журналиста, – добавила Кэтрин Уайт, разливая чай и пододвинув чашки поближе к друзьям. Они

в свою очередь многозначительно переглянулись.

– Но, как-то не сложилось, – продолжила она. – У меня появился Дэниэл и о карьере в серьезной журналистике пришлось забыть.

– Дэниэл – это Ваш муж? – Том задал наиболее уточняющий вопрос в сложившейся ситуации и вместе с Крисом затаил дыхание, в ожидании ответа.

– Нет, Дэниэл – это мой сын, – женщина указала на одну из фотографий на стене. – Он так похож на своего отца. Как жаль, что он его совсем не знал, – ее взгляд мгновенно стал очень печальным и сосредоточился на одной точке.

Ни Крис, ни Том не стали расспрашивать дальше о, явно болезненной, теме. Но факты казались слишком очевидными и, будто кричали, что эта Кэтрин – та самая.

Тогда, почему она не узнала Криса? А, если и узнала, то почему не подала виду?

Крис и сам не мог с уверенностью сказать, похожа ли эта женщина на ту девушку, которая в последнее время занимала его мысли. Фотографии с которой, он все время носил с собой во внутреннем кармане куртки. Которую он так усердно хотел отыскать, просто, чтобы убедиться, что она есть в его настоящем и с ней все в порядке.

– Вы, Крейг, тоже похожи с моим мальчиком, – прервала Кэтрин поток его мыслей. – Вы ему понравитесь. Он, кстати, должен скоро вернуться, вышел в магазин.

Взгляд Криса тем временем остановился на календаре за

2042 год, висевшем на стене. Ему показалось странным, что его не меняли уже 7 лет, но мало ли, что было тому причиной. Том тоже отметил эту странность. Как и легкую взволнованность в поведении Кэтрин. Как будто она ждала чего-то, что вот-вот должно было случиться.

Возможно, это был, внезапно раздавшийся, стук в дверь. А, возможно, приход соседки с верхнего этажа.

В гостиной появилась невысокого роста старушка, очень добродушного вида, и приветливо поздоровалась с друзьями.

– Марта, познакомься. Эти двое молодых людей – Крейг и Том, – парни поочередно кивнули в ответ на представление. – Они – журналисты. Пишут статью о нашем Рипли. О, – воскликнула Кэтрин и ее лицо озарилось ей одной понятной догадкой. – Может, ты тоже дашь им интервью? Ты ведь живешь в Рипли подольше моего.

– Может быть, Кэтрин, – ответила Марта с легкой улыбкой. – Приятно познакомиться, джентельмены.

С этими словами она озорно подмигнула друзьям, что миг сделало ее похожей на молоденькую девушку, несмотря на то, что она была явно сильно старше Кэтрин.

– Если только они составят нам компанию в нашей небольшой прогулке.

– С удовольствием к вам присоединимся, правда Крейг? – с готовностью ответил Том.

– Марта, только давай сначала дождёмся Дэниэла, – по-

просила Кэтрин с беспокойством в голосе.

Озорная оживленность Марты сменилась тревогой и сочувствием.

– Дорогая, Дэниэл придёт ещё очень нескоро, – как можно мягче, сказала она. – Пойдем в парк, как ты любишь, к озеру. Уверена, что наши молодые гости будут в восторге от природных красот Рипли.

Ее взгляд, обращённый на друзей, заставил их энергично закивать в знак согласия и сыпать убеждающими фразами, создающими устойчивое впечатление, что ради этой прогулки они сюда и приехали.

Под этим тройным напором Кэтрин сдалась.

Глава 11

Разное время года, кроме банальных изменений погоды и температуры, приносит ещё и разное восприятие простых вещей. После затяжной зимы мы радуемся первому весеннему теплу и возрождению природы. Когда унылый, черно-белый пейзаж разбавляется живыми, сочными красками. Но вся ценность этой красоты снижается с наступлением лета. И, какой бы погожий день не выдался, их постоянно возрастающее количество вызывает пресыщение. Вплоть до первых осенних холодов и сплошных дождей.

Этот осенний день в Рипли стал самым настоящим сокровищем с ярким солнцем и тёплым ветерком, который пробивался через деревья к озеру, вызывая “мурашки” на его

гладкой поверхности. Где-то посередине плескалась, довольно крупная для здешних мест, рыба, а берег оккупировали дикие утки, которые прохаживались с важным видом, как бы нехотя принимая угощение от Кэтрин.

Чуть поодаль от неё остановились Крис, Том и Марта, чтобы не сильно смущать своим присутствием гордых птиц.

– Она не всегда была такой, – задумчиво начала Марта, остановив свой взгляд на противоположной стороне озера. – С первого взгляда может показаться, что она радостный и счастливый человек. Но это не совсем так.

Друзья замерли в ожидании. Несмотря на приветливость и радушие Кэтрин, они успели заметить, что за каждым упоминанием ее сына Дэниэла или его отца следует, пускай недолгая, но пауза, в которой угадывалась печаль, с примесью ожидания. Им очень хотелось узнать разгадку и, вместе с тем, аккуратно подойти к цели, с которой они на самом деле приехали.

– Зачем вы приехали? – словно прочитав их мысли, спросила Марта и внимательно посмотрела на каждого поочерёдно.

Том уже собирался что-то ответить, но она прервала его: – Только не нужно опять рассказывать, что вы журналисты. Оставьте эти истории для Кэтрин. Что вам нужно от неё на самом деле? – дружелюбия в ее голосе не осталось ни на пару процентов, зато холодности – хоть отбавляй.

– Нам нужно только с ней поговорить, – миролюбиво на-

чал Крис. Он решил, что лучшее в этой ситуации – сказать правду, хоть и частичную, а оттого удобную для них.

– На самом деле мы приехали сюда из-за неё. Мы ищем женщину по имени Кэтрин Уайт, которая 30 лет назад жила в Лондоне. И, которая в то время познакомилась там с молодым человеком по имени Крис. Это – наш отец. У нас разные матери, – добавил он, словив недоверчивый взгляд Марты.

– Я все ещё жду ответа на вопрос, зачем она вам понадобилась? – сурово спросила та, мельком взглянув на Кэтрин, которая в свою очередь не отводила взгляд от озера.

– Отец очень хотел с ней увидеться, – поддержал Криса Том с самым искренним выражением лица. – Он сам сейчас не может приехать, и мы решили исполнить его последнюю просьбу.

Это прозвучало настолько скорбно и жалостливо, что Марта, похоже, достаточно удовлетворённая ответом, смягчилась.

– Всегда лучше говорить правду, мальчики, – сказала она с лёгкой улыбкой. – Но, боюсь, что ничем не смогу вам помочь. Как вы уже поняли, я очень хорошо общаюсь с Кэтрин и знаю ее очень давно: с самого ее переезда в Рипли. О ее жизни в Лондоне и ее муже мне, однако, известно немного: его звали Пол и он трагически погиб в аварии. На тот момент Кэтрин была уже беременна и ее родители, чтобы максимально оградить ее от стресса, перевезли сюда. А потом родился Дэниэл и все ее внимание переключилось на сына

и, казалось, что она приняла смерть мужа. Все изменилось 7 лет назад, когда в страшную аварию попал уже ее сын. До сих пор помню тот день. Кэтрин как раз сидела у меня, когда ей позвонили. Она сразу стала бледнее смерти и несколько минут просто сидела молча, уставившись в одну точку. Я никак не могла до неё докричаться. А, когда она меня всё-таки услышала, то подскочила и вылетела из квартиры. Как я позже узнала, она поехала в больницу, но не успела: Дэниэл скончался, не приходя в сознание. Бедный мальчик, он был ещё таким молодым. После этого Кэтрин долго не могла прийти в себя: все сидела в кресле и только повторяла, как виновата перед ним, что не успела к нему. В итоге она сломалась, ее мозг просто переключился в режим ожидания, как я это называю: она ждёт, что сын вернётся домой.

– Нам очень жаль, – тихо сказал Крис. – Мы не хотели своим присутствием вызвать болезненные воспоминания.

– У неё осталась непонятная ей, невозполнимая грусть, как мне кажется. Она и без вас вспоминает сына. А я, в свою очередь, помогаю ей развеять эти мысли и жить дальше.

– Она очень хорошая, – добавила Марта с сожалением в голосе. – Просто судьба распорядилась с ней жестоко.

Друзьям было нечего больше ответить, кроме слов сочувствия. Теперь они понимали какую-то странно-отрешенную улыбку Кэтрин Уайт, ее задумчивое состояние постоянного ожидания.

Их прогулка завершилась в небольшой уютной кофейне,

расположившейся прямо на пирсе озера. Открытая терраса ещё согревалась под осенним солнцем, что давало чуть ли не последнюю возможность на такое времяпрепровождение до самой весны.

Настроение под влиянием погоды сменилось с грустного на противоположное. Веселый смех их небольшой компании над очередной шуткой Тома заставлял прохожих, привыкшим к тихой, размеренной обстановке в парке, недовольно на них оборачиваться.

– Говорю вам, это надо было видеть, – сквозь слезы смеха громко вещал Том. – После этого я настороженно отношусь к затеям, которые начинаются со слов: “Смотри, как я умею”.

– Особенно, когда эти умения угрожают окружающим истерическим смехом, – вытирая глаза от слез веселья, добавила Марта.

– В моем случае так и задумывалось, конечно же, – ответил Том, с ноткой самодовольства в голое. – В остальных – просто будьте настороже.

Крис, как и все за столиком, бегло вытирал смешливые слезинки и мельком посматривал на часы.

– Похоже, что нам уже пора, – сказал он, подзывая официанта, чтобы оплатить счёт. – Рисуем не успеть на последний трансфер.

– Конечно, дорогие, – сердечно отозвалась миссис Уайт, улыбаясь друзьям.

Они, в свою очередь, были рады, что стали не только при-

чиной ее печальных воспоминаний, но и поводом для искренних улыбок.

– Будем ждать вас ещё раз в гости, – добавила Марта.

– И будем ждать статью о нашем городе, – напомнила Кэтрин.

Они так и не рассказали ей, зачем приехали на самом деле, не стали нагружать ее напрасными тревогами.

Пообещав прислать утверждённый вариант статьи ещё до публикации (в несуществующей газете, надо сказать) и бросив, по старой примете, в озеро пару монеток, чтобы вернуться, Крис и Том сели в такси.

– Не та Кэтрин, – констатировал Том, устало откинувшись на спинку заднего сидения.

– Не та, – кивнул Крис разочарованно.

– Куда теперь поедем?

– Теперь в США, я думаю, – ответил Крис, сверившись с адресами из досье. – Кажется, нам повезло. Обе Кэтрин Уайт живут в Нью-Майами (это тот же Майами, но построенный заново после разрушительного, по масштабам и числу жертв, урагана 2029 года).

– Когда отправимся? – спросил Том, заглядывая другу через плечо и изучая записи.

– Если, ты сможешь, то прямо завтра. Только нужно будет освободить понедельник. Не уверен, что мы справимся за полдня. А завтра с утра я ещё планирую встретиться с Софи.

– Ммм, – заговорщицки ухмыльнулся Том. – Вчера

Кэтрин, завтра Софи. А потом ещё и я.

Крис резко развернулся к другу и его злобного и недовольного лица оказалось достаточно, чтобы Том, поднеся к губам невидимый ключик, закрыл рот на замок. И зарекся впредь шутить на тему Кэтрин, по крайней мере, пока друг находился в таком взвинченном состоянии.

Достав телефон, Крис быстро написал Софи и договорился о завтрашней встрече.

А в голове постоянным, назойливым волчком вертелись непрошенные мысли:

“Не нравится мне то, что Джо так срочно захотел со мной поговорить. Явно ничего хорошего он мне не расскажет”.

– Если можно, перейдём сразу к делу, – пресекая все обмены любезностями, сказал Крис.

– Без проблем, – ответил Джо, усаживаясь за столик у окна, в итальянской кондитерской, где они договорились встретиться, чтобы не привлекать лишнее внимание. – Софи, принесёшь нам, пока что, кофе? А я начну, чтобы не задерживать Криса.

Софи кивнула и направилась к стойке заказов.

Воспользовавшись ее отсутствием, Джо сказал:

– Поговори, пожалуйста, с ней. Ты ей явно нравишься, но я вижу, что в мыслях у тебя другая.

“Удивительная проницательность”, – отметил про себя Крис. – “Учитывая тот факт, кто периодически их просмат-

ривает”.

– Я, вроде бы не давал ей повод думать, что она мне нравится, – уже вслух размышлял он.

– Предположу, что ты и не утверждал обратное.

Не став ввязываться в бессмысленный спор, Крис пообещал объясниться с Софи.

– О чем ты хочешь со мной поговорить? – как раз вернувшись к столику, спросила она.

– И об этом тоже давай поговорим позже, ладно? – как можно более мягко и дружелюбно попросил Крис. – И, повернувшись к Джо, кивком головы показал, что готов слушать.

Рассказ Джо не заставил себя долго ждать:

– Начнём с того, что я видел и слышал сам. Я пришёл в проект только на этапе отбора кандидатов, когда все технические аспекты уже были выполнены. Кандидатов было гораздо больше, чем видела Софи. Она начала работу уже с теми, кто прошёл фильтрацию по имени, – он вопросительно посмотрел на Криса, а тот кивнул в знак того, что понял, о чем речь, и попросил продолжать.

– Так вот, в описании заявки не могли прямо написать имя, это вызвало бы подозрения, поэтому большую часть сразу отсеяли. Оставшихся тоже постепенно убирали из проекта под разными предлогами, чтобы остался только ты.

– Но, почему я?

– Хороший вопрос. На который у меня нет однозначного

ответа, – размышляя, сказал Джо. – Кто-то что-то слышал о согласованности времени?

Крис и Софи удивленно переглянулись и синхронно помотали головами в отрицании.

– В общих чертах, согласованность времени – это, когда события в прошлом случаются с теми людьми, с которыми должны были случиться изначально, независимо от отвлекающих и посторонних факторов или людей. Другими словами, будущее было определено прошлым. И наоборот. И кто-то в будущем знал, как должно было случиться ее с тобой прошлое.

– Но, чем так важна Кэтрин для будущего? – спросил Крис в попытках собрать воедино окончательно запутавшийся пазл.

– Чем или для кого, я не знаю, – ответил Джо и добавил, – ты лучше всех можешь в этом разобраться, только у тебя есть близкий доступ к объекту “К”.

Криса внутренне передернуло от такого обезличенного и бездушного обращения к Кэтрин.

Эта реакция не ускользнула от внимательного взгляда Софи, которая неотрывно смотрела на Криса.

А Джо продолжил свой рассказ ещё одним важным фактом:

– Будь внимателен к мелочам: у тебя осталось не так много времени. Не знаю, сколько каждый сеанс будет по продолжительности, но их осталось всего 3.

– Откуда ты это знаешь? – спросил Крис немного громче, чем предполагал.

– Тише ты, – шикнул на него Джо. – Про сеансы я случайно услышал из разговора доктора Харриса с сыном. Они спорили насчет того, в какое время тебя следует отправить: каждый доказывал правильность своего варианта, когда Брайан, это сын доктора Харриса, сказал, на довольно повышенных тонах, что они не могут ошибиться, ведь осталось всего три сеанса. И добавил, что не понимает, почему даты изменились.

– Какие даты? – вдруг встряла в разговор Софи и оба парня удивленно посмотрели на нее, но Крис промолчал, а ответил Джо:

– Скорее всего даты, в которые и путешествует Крис.

– Интересно, откуда они так точно знают, куда и во сколько меня отправлять с такой поразительной точностью?

– Есть документ, в котором это, якобы, записано, но я его ни разу не видел, – ответил Джо, пожимая плечами.

– Может Кэтрин что-то об этом знает? Нужно будет ее порасспрашивать.

– Да уж, попробуй проводить свои сеансы с ней продуктивнее в другом смысле, чем ты делал до этого, – с ухмылкой, поддел его Джо.

Вот только Софи не увидела в этих намеках ничего веселого.

Ей вдруг срочно захотелось встать и уйти. Казалось, что ее

глупую, наивную влюблённость ощущают все окружающие, а в особенности – Крис. И стало жизненно необходимо унести ее с собой и закопать, подальше от посторонних глаз. Демонстративно сверившись с часами и показательно убедившись, что она просто жутко опаздывает, Софи поспешно пробормотала, что ей уже пора и даже недопитый кофе, на который обратил внимание Джо, ее не остановит.

Ее стремительный уход оставил парней в недоумении, а Криса – без возможности объясниться.

– Иди за ней, так будет правильно, – посоветовал ему Джо.

Крис и сам понимал, что лучше всего сказать все прямо, а не мучать девушку бессмысленными ожиданиями и пустыми надеждами.

Выйдя в туманную прохладу ноябрьского дня, он почти сразу заметил Софи, которая остановилась на другой стороне улицы, спиной к нему.

Что говорить в таких случаях, Крис абсолютно не знал, поэтому ему оставалось лишь молча поравняться с девушкой и окликнуть ее красноречивым “Эй”. Софи вздрогнула от неожиданности, которая мигом сменилась в ее взгляде на выражение: “Можно, я прямо сейчас провалюсь сквозь землю, желательно до самого ядра”. И уже не важно, что это принесло бы неудобства в виде за пределами, адски-высокой температуры, зато предельно четко обрисовало бы расстояние, на котором она бы хотела сейчас очутиться от Криса.

– Я просто ..., – начала было оправдываться она, но все

“просто” решили покончить с собой в одночасье, оставив после себя предательскую немоту и неловкость.

– Софи, – сказал Крис с такой жалостью в голосе, что девушка поморщилась и отвернулась, чтобы скрыть наворачивающиеся слезы.

– Не надо, – попросила она тихо, но холодно и четко. – Я и так знаю все, что ты мне скажешь.

И она знала. Знала, потому что умом совсем не была душой и с самого начала все понимала.

– Забавно, потому что даже я сам не знаю, что хочу тебе сказать.

– Тогда, зачем ты здесь? Если из жалости, – Софи практически выплюнула это горькое и неприятное слово, – то не трудись. Мне она совершенно не нужна.

– Прости, – попросил Крис, действительно чувствуя себя виноватым. Не за то, что ему нравилась или даже он был влюблён в другую, а за своё отношение в виде резкого игнорирования. Пускай, не совсем осознанного, но явно болезненного для Софи. Она заслуживала честности по отношению к себе.

Обернувшись к Крису, она нашла в себе силы улыбнуться, как ей показалось, достаточно искренне. И в этой ее улыбке – спасибо без слов.

Реальность бывает далека от идеала мнимых фантазий, но вовремя признать это – уже правильный путь принятия и осознания действительности.

– Спасибо, – кратко подтвердила она смысл своей улыбки.

– За что? – усмехнувшись спросил Крис. – Я же ничего не сказал.

– За что, что пошёл за мной. Ты сказал самое важное – прости. Мне это было нужно. Я так устала ощущать себя в глупом ожидании.

– Как хорошо, что ты наконец поняла, каким придурком я могу быть.

Софи сначала широко улыбнулась, а потом рассмеялась в голос до слез из глаз. Немного истерично, но ей сейчас было можно.

– Я определенно могу себя поздравить, – сказала она сквозь, еле сдерживаемый смех. – Мы же можем теперь просто общаться? Как друзья? Возможно не сразу, но все же, – поспешно добавила она.

– Ничего не имею против. Проводить тебя домой?

– Раз уж ты сам предложил, я не могу отказаться. Во имя нашей дружбы.

Уставший от ожидания Криса Джо, вышел на улицу и застал картину радостного примирения посредством веселого смеха. Догнав ребят, он изъявил желание также проводить Софи. И их шумная компания двинулась вдоль по улице, привлекая внимание прохожих.

Несмотря на все усилия, Крису и Тому так и не удалось отыскать Кэтрин Уайт в их времени. Неприятные догадки

все чаще посещали голову Криса, но он старался отгонять их подальше.

“Она жива, пока не доказано обратное” – откровенно слабое утешение, но другим он не располагал.

– Наверное, мы что-то упустили, – сказал ему Том, сойдя с порога последней Кэтрин Уайт из списка.

– Ты ведь и сам прекрасно знаешь, что нет, – устало ответил Крис. – Мы все тщательно проверили. Дважды. Ошибки быть не может.

– Но, тогда это значит, что она...

– Нет, – резко прервал его Крис. – Даже не думай об этом.

– Ладно, ладно, прости. Я не это хотел сказать. Ты волнуешься за неё. Это нормально. Но завтра ты с ней снова увидишься и постарайся что-то выяснить.

– Да, ты прав. Извини, что вспылал.

– Все нормально, – Том легонько похлопал друга по плечу. – Я же сказал, что все понимаю. А ты – прекращай грустить. Вы же завтра встре-три-тесь.

Том игриво поиграл бровями, вкладывая скрытый смысл в своё последнее слово.

Крис на это лишь закатил глаза, но на его лице отразилась широкая улыбка.

На следующее утро Крис проснулся в приподнятом настроении и даже, разбушевавшаяся снегом, природа за окном, не смогла его испортить.

Заскочив, по дороге в Центр, в больницу, Крис услышал дежурное “Без изменений” от лечащего врача.

– Доброе утро, мама, – слова, на которые он очень хотел услышать ответ, хоть когда-нибудь.

Крис пересказал ей события последних недель, высказал свои страхи и сомнения, чувства и желания. Рассказывать это маме было неожиданно легко, как будто она в любой момент могла понимающе кивнуть или обнять его.

Пообещав обязательно приходить почаще, Крис поспешил на сеанс.

Доктор Харрис был сегодня непривычно хмурым и, казалось, рассерженным. Он стоял в своём кабинете, спиной к двери и даже не обернулся на приветствие Криса, не говоря уже об ответном приветствии.

– Вы уже убедились, что в будущем о ней нет никаких сведений?

И, все-таки обернувшись, добавил:

– Не делайте вид, будто не понимаете, о ком речь.

Крис внимательно смотрел на него в ожидании продолжения.

– Вся информация о Кэтрин Уайт стёрта из нашего времени, и Ваша задача ее достать.

– Зачем она Вам понадобилась?

– Я уже сказал все, что Вам нужно знать, – ровным тоном, без намека на внутреннее раздражение, ответил Харрис. – К тому же, Вы уже достаточно втерлись в доверие к мисс Уайт,

чтобы справиться. Вам же хочется получше узнать девушку, которая Вам так нравится?

Щеки Криса неподконтрольно порозовели от смущения вперемешку со злостью.

– Только не в ущерб ей.

– О, безусловно, мистер Стар, безусловно. А теперь, не смею Вас больше задерживать.

Доктор Харрис сел за свой рабочий стол и начал просматривать и переключать бумаги, показывая, что он не намерен больше продолжать этот разговор.

Уже на выходе из кабинета, Крису в спину прилетело короткое “Удачи”.

Глава 12

25 декабря 2020 г 17:28

Никогда бы не подумала, что разрыдаюсь от чьих-то объятий. Ещё до того, как услышать его голос и обернуться, я знала, кто стоит у меня за спиной. Никогда бы не подумала, что можно так скучать по человеку, что сердце может буквально пропускать удары, что можно моментально похолодеть от неожиданности, прямо посреди жаркого австралийского лета. Слишком много “никогда” для одного рождественского вечера. И слишком мало мыслей и связных слов, когда хочется сказать так много.

Ослепляющее солнце и душливый зной мешали Крису быстро прийти в себя после перемещения. Долгие секунды спустя, его взгляд сфокусировался на, до барабанной дробы между рёбер, знакомой фигуре в метре от себя.

Мысль обнять Кэтрин запоздало пришла, когда его собственные руки уже обхватили ее талию, а сам он шептал ей на ухо, что скучал. Крис почувствовал, как она вздрогнула под его ладонями и сразу застыла каменным изваянием. Как ее удивленный и резкий вдох оборвался и пропал где-то в области легких.

Крис аккуратно обошёл девушку, не разрывая объятий, и встал перед ней, внимательно всматриваясь в, уже такое родное, лицо. Она смотрела на него с явным недоумением, как будто сомневалась в том, кого она видит перед собой. Кэтрин, машинальным движением, поправила ленту в волосах, как делала всегда, когда нервничала.

Их глаза неотрывно следили за глазами друг друга, а ее ещё и стали наполняться слезами. Внезапно и стремительно. Вот, уже первая слезинка перегнулась через край и быстро спустилась вниз по загорелому лицу девушки, оставляя за собой блестящую дорожку. Она была первой, но далеко не последней: ее сестры уже спешили оставить свои следы, попадая на губы и стекая ниже.

Крис оставил легкий поцелуй на соленых губах Кэтрин, и она зажмурилась, пробуя на вкус его губы и силясь сдержать рыдания.

– Ты вернулся, – с громким всхлипом, наконец, сказала она.

– Как же я мог по-другому? – ответил Крис и крепко прижал к себе девушку, пряча ее, влажное от слез, лицо у себя на плече.

Она вывернулась из его объятий и, довольно ощутимо, схватила его за плечо, напряжённо всматриваясь в его глаза. Он ойкнул.

– Прости, прости. Ещё больно, да? Я думала, что больше тебя не увижу. Что ты...

Она уткнулась в его, совершенно здоровое, плечо, и ее тело стало сотрясать от новых рыданий.

– Я в порядке, видишь? Ну же, посмотри на меня.

Он чуть приподнял ее подбородок, заглядывая в глаза, затуманенные слезами.

– Со мной все в порядке. Рана сразу исчезла, как только я вернулся в своё время. Даже шрама не осталось.

Она напряжённо кивнула и снова уткнулась в его плечо.

– Я так скучала, – сказала она приглушенно.

– Я тоже скучал, Кэт.

Она ещё раз громко всхлипнула.

– Ну, ну, успокойся. Неужели меня не было так долго, что ты успела настолько за мной соскучиться?

Кэтрин сразу затихла. Приподняв голову, она чуть отстранилась, посмотрела на Криса и сказала с серьезным видом:

– Я не видела тебя больше года.

Ее тон заставил Криса почувствовать себя виноватым в том, в чем совсем не было его вины. И шептать бесконечные “прости”, покрывая ее лицо поцелуями.

Кэтрин постепенно успокоилась. Вытянув руку, она мягко провела ладонью по легкой щетине Криса, пробежала пальцами по губам и убрала руки с легким сомнением взглянув на Криса. Ее намерение что-то сказать прервал возглас уже довольно пьяной подруги:

– А я ей тут Кайла сватаю! А ты – молодец. Такого красавчика себе отхватила, – сказала Мира, неровным шагом приблизившись к Кэтрин и Крису и игриво подмигнула последнему.

– Мира, – предостерегающе прошипела Кэтрин сквозь стиснутые зубы.

Алкоголь делал ее подругу очень бесцеремонной и болтливой, абсолютно не к месту. И не слишком внимательной, к тому же.

Кэтрин наспех вытерла слезы тыльной стороной ладони, пока Мира с интересом рассматривала Криса.

– Познакомься, – начала Кэтрин прежде, чем Мира скажет очередную неудобную глупость. – Это – Крис. Помнишь, я тебе о нем рассказывала?

Мира резко прекратила улыбаться, а ее глаза округлились и, в удивлении, переходили с парня на подругу и обратно.

– Приятно познакомиться, – выдавила она из себя, все ещё ошеломлённо хлопая глазами, но мгновенно трезвея.

– А это – Мира. И она уже уходит.

– Мне тоже приятно познакомиться, – вежливо ответил Крис, про себя гадая, чем заслужил подобную реакцию.

– Уже уходит, – напомнила Кэтрин, красноречиво кивнув подруге.

– Ах, да, – наконец, спохватилась та, – вижу, что ты уже не скучаешь. А меня уже заждались. Если хотите – присоединяйтесь, – но заметив, как сверкнули глаза подруги на это предложение, добавила, – позже.

И, помахав Крису на прощание, вернулась в компанию.

В воздухе повисла минутная неловкость. Романтичный момент был безжалостно прерван и испорчен.

Они просто стояли и смотрели друг на друга. В мыслях Кэтрин промелькнуло опасение, что она сейчас моргнёт, и он исчезнет. Снова.

Стоп! Снова!

– Подожди, – громко сказала Кэтрин, которую только что осенило. – Я ведь видела тебя относительно недавно. Я тогда не успела тебе ничего сказать, как ты исчез. Почему ты ко мне не подошёл?

В ее словах слышались легкие урок и обида.

– Потому что я вижу тебя впервые после нашей последней встречи.

Крис произвольно повёл правым плечом назад. Это движение не укрылось от взгляда Кэтрин.

– Об этом мы ещё поговорим, – предупредила она. – Но

я не могу понять. Я уверена, что видела тебя. Был сильный дождь, но я же не могла так ошибиться. Я же...

“Рассталась с Майком из-за этого”, – чуть было не сказала она, но вовремя прикусила язык.

– Неважно, – неожиданно легко решила она, – наверное, все же показалось. Не будем об этом. Пойдём лучше ко мне в номер, – предложила она, видя, как на лбу Криса проступила испарина. – Здесь довольно жарко. Особенно, с непривычки.

И, взяв его за руку, потянула через весь пляж к одному из деревянных бунгало, которые стояли в ряд на прибрежной линии.

– Ты надеялась сбежать от меня, как угодно далеко, чтобы я тебя не нашёл? – шутливо поинтересовался Крис.

Он уже растянулся на кровати, подставляя лицо под холодные потоки воздуха от кондиционера.

– Видимо, даже Австралии оказалось недостаточно. В следующий раз выберу остров Пасхи, – в тон ему ответила Кэтрин.

Она поставила на столик пару стаканчиков с соком кактуса, мятой и кубиками льда, которые только что приготовила.

– Ты надолго?

Она попыталась придать этому вопросу будничности, но дрогнувший голос выдал ее волнение.

– Ну вот, я только появился, а ты уже спрашиваешь, когда уйду.

– Не заставляй меня жалеть о моих словах, как я скучала, ладно?

Сделав пару глотков освежающего напитка, Крис блаженно закалил глаза.

Кэтрин все ещё не сводила с него глаз, всерьёз опасаясь, что он может исчезнуть.

Достав из кармана небольшую металлическую колбочку, Крис открыл ее, вынул оттуда круглый предмет, походивший на монетку, и продемонстрировал его Кэтрин.

– Это – сменные пластины для прибора. Каждая – с зарядом на полный день. У меня их семь.

Кэтрин взяла его за руку и приблизила к себе, внимательно осматривая один из браслетов. Прибор показывал заряд в 87 процентов.

– И как же он работает? Выглядит, как обычный фитнес браслет.

– Ты сейчас явно оскорбляешь гениальность его изобретателя.

– И в мыслях не было. Так все же? – девушка с любопытством осмотрела и второй браслет, отмечая, что на нем есть та самая красная кнопка. – И расскажи, что случилось, когда ты вернулся в своё время после прошлого раза?

– Нечего особо рассказывать. Я вернулся уже целым и относительно невредимым. Просто легкая слабость от потери крови, – пояснил Крис, потому что Кэтрин уставилась на него весьма обеспокоенным взглядом. – Раны, полученные

в прошлом, не проявляются в настоящем, – уже в который раз, пояснил он.

– Про принцип работы не смогу рассказать тебе много, так как сам, если говорить честно, в этом не разбираюсь. Знаю только, что все дело в разном значении этих показателей, – он поочередно указал на оба дисплея, – между двумя браслетами, что и создаёт своеобразный “карман” в пространстве-времени.

– А ты можешь их снять? – спросила Кэтрин.

Вроде бы, обычный вопрос, но он отдаленно соседствовал с другим, более важным: “Можешь ли ты остаться?”

– Не думаю, – ответил Крис и медленно прокрутил браслет на левой руке вокруг запястья. – Их снимают с помощью специального ключа. У меня его нет. К тому же, я не уверен, что это хорошая идея – снимать их во время сеанса. Последствия могут быть непредсказуемыми. Вдруг, я исчезну из любого времени?

– Ясно.

Она ответила довольно резко. Огромная пропасть между ними, глубиной в год, который они не виделись, становилась все более осязаемой. На долю секунды Кэтрин почувствовала чудовищную несправедливость по отношению к себе. Крис ворвался в ее жизнь внезапно и бесповоротно, не спрашивая разрешения, и перевернул ее с ног на голову.

Этой секунды оказалось достаточно, чтобы она в едином порыве выдала все, что ее беспокоит:

– Зачем ты здесь? Что вам там в будущем от меня нужно?

Крис не был готов к такой реакции и не совсем понимал, чем она была вызвана, ведь минуту назад все было в порядке. Он попытался взять Кэтрин за руку, чтобы успокоить ее, но она резко вскочила со своего места и отошла в дальний конец комнаты.

– Прости, но для меня это слишком. Я чувствую себя участником эксперимента, лабораторной крысой, над которой ставят опыты. И, чувства которой, никому не важны.

Кэтрин крепко обхватила себя руками, чтобы опять не заплакать, позволяя лишь одной слезинке скатиться по щеке. Она зажмурилась в попытке прийти в себя и восстановить сбившееся дыхание.

– Мне важны твои чувства, – услышала она голос Криса прямо рядом с собой и резко открыла глаза, гадая, как смогла пропустить его приближение.

Крис смотрел на неё глазами, которым хотелось верить. Больше всего в них читалось сожаление.

Со второй попытки, он все же взял Кэтрин за руку и притянул к себе, крепко обнимая.

– Мне важны твои чувства, Кэтрин Уайт, – повторил он, уткнувшись носом ей в волосы, – потому что они стали частью моих чувств.

– Не надо, – тихо попросила она, слегка отстраняясь. – Не говори мне о чувствах, если ты все равно уйдёшь.

– Ты же прекрасно знаешь, что это не от меня зависит.

– Знаю. Но так мне будет легче тебя отпустить.

Кэтрин аккуратно высвободилась из его объятий. Она пребывала в таком же смятении, как и Крис. Ее разрывали противоречивые желания, и она понятия не имела, какому из них уступить.

– Я пройдуь немного, – ее вопрос прозвучал скорее, как утверждение.

Крис лишь коротко кивнул, не сводя с девушки изучающего взгляда. Он не знал, что сделал не так, что ему сказать и как разрушить то напряжение, что возникло между ними. Возможно, подумать каждому по-отдельности – это неплохая идея.

– Прости за мое настроение. Я ведь на самом деле рада, что ты вернулся.

Кэтрин, секунду поколебавшись, оставила на его губах мимолетный поцелуй и, не говоря больше ни слова, вышла из номера, прикрыв за собой дверь.

Утреннее волнение океана с наступлением сумерек превратилось в размеренный бриз. Небо было пурпурно-алым со стороны, только что зашедшего, солнца, редкие звёзды уже появились, знаменуя собой наступление ночи. Воздух постепенно наполняла прохлада, а на побережье стали зажигаться первые огни фонарей.

Кэтрин сидела на, брошенном кем-то у самой кромки воды, шезлонге, свесив ноги так, чтобы их касались накатыва-

ющие волны. Окружающее спокойствие успокаивало и ее саму. Пора бы уже было возвращаться к Крису, но она продолжала неотрывно смотреть вдаль чернеющего океана.

Услышав шорох песка, девушка обернулась, чтобы заметить, приближающуюся к ней Миру.

– Давно тут сидишь? – спросила она, присаживаясь рядом.

– Да так, не очень, – ответила Кэтрин, пожав плечами и повернулась к подруге.

Мира уже успела переодеться из легкого платья в удобные джинсы и кофту с длинным рукавом.

– Что у вас случилось с Крисом, что ты бросила его одного?

Кэтрин опять перевела взгляд на океан перед собой, размышляя, как лучше объяснить своё поведение.

– Он, вроде как, признался мне в чувствах, – наконец, сказала она, а губы невольно растянулись в довольной улыбке.

– Он сказал, что любит тебя? И что ты ответила?

Кэтрин скорее почувствовала, чем поняла, что Мира смотрит на неё во все глаза, а потому мельком посмотрела на подругу перед ответом, все ещё продолжая улыбаться.

– Не совсем. Он сказал, что ему важны мои чувства, потому что они стали частью его чувств. Или что-то в этом роде. А я попросила его не говорить мне об этом.

– Но зачем?

– Зачем? Я уже сам битый час пытаюсь это выяснить. Понимаешь, он ведь все равно уйдёт через неделю. И, не факт,

что вернётся. А, с чем я останусь? И не ты ли сама мне доказывала, что мои чувства к Крису – это просто фантом?

– Знаешь, до сегодняшнего дня я и правда так думала. Пока не увидела вас вместе. Вы же просто невообразимая, невозможная парочка! Вот, какова вероятность, что вы бы смогли встретиться? Я не знаю, кому и зачем это было нужно, но Крис рад возвращаться к тебе.

– Может, ты и права, но ...

– Никаких “но”, Кэт. Не отталкивай его. Да, ты не знаешь, сколько встреч у вас осталось и будут ли они ещё, но сейчас он здесь, красивый и соскучившийся, а ты все ещё сидишь со мной и сомневаешься.

Слова Миры заставили Кэтрин посмотреть на ситуацию под другим углом и признать, что подруга безбожно права.

Крепко обняв ее, она прошептала:

– Спасибо.

– Беги уже к нему, – Мира несильно оттолкнула подругу подальше от себя. – Проведи с ним это время за все годы, которые у вас могли бы быть.

Хоть это и прозвучало слегка грустно, но Кэтрин в самом, что не на есть, радостном расположении духа, побежала к своему бунгалю.

– Благословляю вас, дети мои, – крикнула Мира ей вслед, а про себя добавила, – всему-то ее нужно учить.

И, весьма довольная собой, растянулась на шезлонге, положила руки под голову и рассматривая непривычные очерта-

ния созвездий Южного неба.

Когда Кэтрин вернулась, Крис уже крепко спал, устроившись на небольшом диванчике, который был ему явно не по размеру.

Девушка прошмыгнула в комнату, тихонько прикрыла за собой дверь и, почти на цыпочках, прошла в ванную. Приняв освежающий душ и переодевшись, Кэтрин вернулась в комнату.

Из приоткрытого окна проникал прохладный воздух с нотками соленого океана. Крис во сне пошевелился, зябко пытаясь укрыться несуществующим одеялом. Кэтрин стащила со своей кровати покрывало и осторожно набросила на Криса, стараясь его не разбудить. Он тут же укутался, перестал ерзать и продолжил безмятежно спать.

Протянув к нему руку, Кэтрин убрала волосы, свисавшие на лоб, едва касаясь кожи подушечками пальцев. Не успела она убрать ладонь, как ее запястье сжала, крепким кольцом, рука Криса. Кэтрин посмотрела на него со страхом от его неожиданной реакции и увидела, что она даже не открыла глаза.

– Крис, это я – Кэтрин. Отпусти меня, пожалуйста, мне больно, – прошептала она сбивчивым, от тяжелого дыхания, голосом.

Хватка ослабела и совсем пропала, когда Крис, окончательно проснувшись, рывком сел на диване. Он внимательно

посмотрел на стоящую рядом и явно перепуганную Кэтрин. Она потирала запястье, на котором, почти точно, останется синяк и пыталась привести в норму частое дыхание и сердцебиение.

Сонные воспоминания и логическое обоснование того, что он сейчас видел перед собой, сложились для Криса воедино.

– Прости, я не хотел тебя напугать.

Он встал с дивана и медленно, боясь спугнуть, приблизился к Кэтрин и приобнял ее за плечи. Она едва заметно кивнула и прижалась к нему, как можно ближе. Ей хотелось сразу же спросить, что это было, откуда взялся этот рефлекс, но сейчас было не место и не время, а они оба слишком устали для ночных важных разговоров.

– Уже все в порядке, – заверила его Кэтрин. – Пойдём спать, у меня глаза слипаются. Все остальное – обсудим утром.

Крис уже хотел было вернуться на диван, но она уверенно потянула его за собой на кровать.

– Не берусь утверждать, но думаю, что здесь тебе будет удобнее.

– Оригинальный способ ты придумала, чтобы затащить меня в постель, – поддел он ее, с легкой улыбкой, и растянулся во весь рост на своей половине кровати.

– Ещё одно слово, – сказала она, устраиваясь рядом и повернувшись к нему лицом, – и ты будешь точно в такой же

позе спать на полу.

– Замолкаю, моя грозная госпожа, – отозвался он сквозь широкий зевок.

– Напомни утром, что мне понравилось такое обращение. А теперь – спи.

Она прикрыла глаза и пару раз поерзала из стороны в сторону, принимая удобную позу для сна, который затягивал на удивление быстро, стоило голове коснуться подушки.

– Кэтрин, – тихо позвал ее Крис.

– Ммм?

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Крис.

– Кэтрин?

– Что ещё? – сонно пробормотала она.

Ответом ей послужило легкое касание его губ к ее губам.

Следующее утро наступило для них ближе к обеду, когда солнце уже давно стояло высоко над горизонтом и накаляло воздух, абсолютно не желая прятаться за облаками.

Комнату разрезала автоматная очередь из нескольких сообщений к ряду и Кэтрин вместе с Крисом синхронно, как по команде, подскочили на кровати.

Кэтрин одной рукой пыталась нашарить телефон, чтобы прервать поток сообщений, а другой – привести волосы в хоть какое-то подобие порядка после сна.

Крис же просто вернулся в горизонтальное положение, ти-

хонько посмеиваясь.

– Что смешного? – Кэтрин, наконец, совладала с телефоном и теперь все ее внимание и непонимание было занято Крисом.

– Ты так выглядишь, будто ночью занималась, чем угодно, только не сном, – хитро подмигнув, ответил он. – Неужели, я так хорош в постели?

Кэтрин осталось лишь закатить глаза, рукой ещё раз пройтись по волосам, чтобы оценить масштаб катастрофы, и пройти в ванную, бормоча по дороге, в какого же болвана она влюбилась.

– Что-что? – прокричал ей вслед Крис и по его улыбке оставалось только гадать, что же именно он услышал.

– Я говорю, и тебе доброе утро, – громко ответила Кэтрин из-за захлопнувшейся двери.

– Ты даже не представляешь насколько, – сказал Крис, прежде всего самому себе.

В его жизни было не так много по-настоящему близких ему людей. А точнее – их было двое. Мама и его друг Том. Но очень быстро он стал также относить Кэтрин к этой категории. С ней было легко и, в то же время, невообразимо сложно. Она заставляла думать о себе, ничего при этом не делая. Не задавала лишних вопросов, но с ней хотелось делиться самым сокровенным. Потому что он чувствовал, на каком-то внутреннем, интуитивном уровне, что она сможет понять.

Ее вчерашний срыв был лишь проявлением ее импульсивности и переизбытка эмоций. У Криса вчера было несколько часов, чтобы это обдумать и понять. Ещё, конечно, этому поспособствовала ее подруга Мира, которая заходила к нему накануне и попросила не злиться на подругу.

Из задумчивости Криса вывело появление Кэтрин. Она была чуть раскрасневшаяся от душа, а ее волосы спадали на плечи темными влажными локонами. Она прошла через всю комнату к кровати, села напротив Криса, поджав под себя ноги и радостно ему улыбнулась. Он не сводил с неё глаз все это время.

– Что? – кокетливо спросила она, глядя на него исподлобья, как типичные героини диснеевских мультфильмов.

Крис чуть приподнялся на локте, а свободной рукой заправил особо непослушную прядь ей за ухо, едва касаясь кожи подушечками пальцев. Этот невесомый, даже какой-то интимный жест, заставил Кэтрин заворуженно не сводить с Криса глаз и все чаще бросать взгляды на его губы.

Их игра в гляделки продолжалась, и никто не делал первый шаг. Она – из нежелания торопиться, а он наоборот – в желании подразнить.

Крис принял сидячее положение, а Кэтрин немного поерзала на месте в бессмысленной попытке сесть поудобнее. Когда он начал медленно к ней наклоняться, она прикрыла глаза, а губы сами собой немного приоткрылись, готовые к неизбежному. Крис победно ухмыльнулся и сократил расстояние

между их губами до нуля. Это был их третий настоящий поцелуй, и он не шел ни в какое сравнение с первым, робким и несмелым, да и со вторым, поспешным и больше шутивым, произошедшим в фотокабинке, тоже. Их мимолетные поцелуи вообще не брались в расчёт. Но этот... Он был глубже, словно они пытались наверстать упущенное время, требовательнее, будто каждый из них представлял свои права на другого, чувственнее, потому что был наполнен осознанными чувствами. К касаниям губами добавились руки в обоюдном желании быть ближе, в чёткой, осознанной потребности. В такие моменты кажется лишним очень многое: очередные сигналы непрочитанных сообщений, одежда, чувство голода, одежда, запутавшаяся в ногах, простынь, ещё одежда. Чертовски много одежды, которая, однако, стала лишь кратковременной помехой.

Надо ли уточнять, что они прилично задержались в пределах кровати?

– Вот черт, я же так и не ответила Мире, – сказала Кэтрин, лежа в объятиях Криса и выводя замысловатые узоры на его предплечье. – Она хотела с нами встретиться сегодня вечером.

– А это нельзя перенести на завтра? – лениво спросил Крис, в тайне не желая покидать, не то что пределы этой комнаты, этого матраса.

– Ты, как хочешь, а лично я – проголодалась. Если ты не

в курсе, то мы уже пропустили завтрак и обед и, ещё чуть-чуть и останемся без ужина.

Кэтрин все же решительно выбралась из кровати и начала одеваться, под недовольным взглядом Криса.

– Давай, вставай уже, – она схватила его за лодыжку в безрезультатных попытках стащить с кровати.

– Ладно, ладно, – пробурчал Крис и свесил ноги на пол.

– Неплохое начало, – похвалила его Кэтрин с веселой улыбкой, – но, если ты хочешь выйти из комнаты до следующего дня, тебе бы не мешало поторопиться.

И Крис молниеносно стал выполнять эту просьбу, носясь по комнате в поисках своей одежды. Под оглушительный писк прибора на его руке. Справившись с брюками и футболкой, он стал лихорадочно ощупывать карманы, ища сменные пластины.

– Да, где же они?

Кэтрин отвлеклась от созерцания его хаотичных метаний и нашла глазами серебристый цилиндр, который Крис зачем-то оставил на журнальном столике и благополучно об этом забыл.

– Вот, держи.

Она схватила штуковину со стола и подбежала к Крису.

– Поздно, – выдохнул Крис.

Он попытался одновременно сгруппироваться для перемещения и забрать цилиндр, но не успел толком ни то, ни другое. Его рука едва коснулась цилиндра, когда его затянула

уже привычная тьма. Последнее, что он увидел, были широко распахнутые от испуга глаза Кэтрин. А потом его ладонь пронзила резкая боль. Внезапная и режущая. И на руке появилось неприятное ощущение чего-то тёплого, стекающего влажными струйками по кончикам пальцев. Его кровь.

Она же осталась красными разводами на жестяной колбочке, которую он выронил при перемещении. Которую Кэтрин сейчас держала дрожащими пальцами, смотря в пустоту, где он только что стоял.

Глава 13

Брайан Харрис был человеком, у которого на все был определенный чёткий план. Будь-то поход в магазин или создание аппарата по перемещению во времени. Всю свою взрослую жизнь он посвятил исследованиям в области физики пространства-времени. Своими успехами он был, в немаловажной степени, обязан маленькой книжке, попавшей к нему восемь лет назад. Помимо прочего, в дневнике Кэтрин Уайт описывались идеи перемещения во времени с помощью метода, который в ее время был размытой, мало кем поддерживаемой, гипотезой.

И вот сейчас идеальный план Брайана нарушался прямо на его глазах. Пока что, на один день. Нарушителем этого плана и, по стечению обстоятельств, его главным действующим лицом был Кристиан Стар, который, мало того, что не

должен был возвращаться так рано, так ещё и своими действиями изменил записи в дневнике. Однако, что ещё более странно и непонятно, как он умудрился, по записям Кэтрин, быть в прошлом в тот момент, когда его туда не отправляли? Как раз тогда все и пошло наперекосяк.

Записи в дневнике пропадали, сменяясь новыми. Кэтрин принимала не те решения, которые были изначально, да ещё и отправилась в Австралию, которую и вовсе не должна была посещать.

Пока, было ясно одно: этот Крис, в его теперешнем временном промежутке, ещё ни о чем не догадывается. А прошлое все равно случилось, как должно было, хоть и с небольшими изменениями. Но, обо всем этом было ещё не время беспокоиться.

Глубокий порез, почти через все предплечье, сочился алой кровью, заливая кушетку и разбавляя белизну кабинета в мед. отделении. Кап-кап, кап-кап, монотонно отбивалось в голове у Криса, а в глазах постепенно темнело. Проваливаясь в глубокую темноту, он слышал отдаленный крик. Ее крик. Доносившиеся до него словно через толщу воды, через тысячи километров, через десятки лет. В своём небытие он отчаянно пытался оказаться рядом с ней, но тщетно.

Вместо этого, он очнулся, все ещё лежа на кушетке, когда боль в руке сменилась легким покалыванием и успокаивающей прохладой, а рану покрывала плотная белая повязка

эластика.

Он попытался встать, но чьи-то руки мягко, но настойчиво, заставили его лежать.

– Тебе нужно отдохнуть. Ты опять потерял очень много крови. Эти испытания для тебя добром не кончатся, – прошептала Софи со вздохом.

– Софи, – чуть слышно проговорил Крис и только сейчас почувствовал сильную сухость в горле. – Воды.

– Выпей это, тебе полегчает.

Она чуть приподняла ему голову и помогла выпить содержимое стакана, что он и сделал за несколько больших глотков. Жидкость по ощущениям была более вязкой, чем обычная вода, а по вкусу – похожей на известь.

– Вечером сменишь повязку, я дам тебе все необходимое, а завтра уже сможешь ее снять. Рана глубокая, поэтому шрам, к сожалению, останется.

Когда профессиональный инструктаж был закончен, Софи приставила стул поближе и с участием в голосе спросила:

– Как ты?

– Голова ещё кружится, и рука побаливает. Но, уже лучше. Спасибо. Твоими стараниями, как я понимаю?

– На самом деле, почти все сделал сам доктор Харрис. Когда тебя принесли, всего в крови, – Софи чуть поежилась от свежих воспоминаний, – он пришёл следом и сказал мне быстро тебя подготовить. Он сам обработал и сшил тебе рану. А мне доверил только сделать перевязку и ушёл, не ска-

зав больше ни слова. Что у тебя там произошло на этот раз? – без капли иронии, поинтересовалась она.

Бледное лицо Криса внезапно и непроизвольно приобрело румянец.

– Ну, в общем, я не успел заменить пластины в приборе, а потому не смог вовремя сгруппироваться и вот, что получилось.

– Это из-за неё? – осторожно спросила Софи.

В голосе не было злости или обиды, скорее дружеское участие, хотя и с долей грусти.

Крис слабо кивнул, его щеки стали ещё краснее, а довершило картину его детское оправдание:

– Так получилось.

– Ты, все-таки, будь поосторожнее, – искренне попросила Софи. – А теперь, извини, мне нужно работать. Доктор Харрис уже и так ждёт мой отчёт, а, как ты понимаешь, он сейчас не в самом лучшем расположении духа. А ты – отдыхай.

– Спасибо.

Софи легонько погладила его по плечу и вышла из кабинета.

Пока он лежал в тишине и одиночестве, у него было время обдумать случившееся. Прежде всего, он понимал злость Харриса: мало того, что он вернулся раньше времени, так он ещё и в спешке выронил цилиндр со сменными пластинами. Что, как он прекрасно понимал, было абсолютно недопустимо. И хорошо, если он своими действиями не нарушил при-

чинно-следственную связь прошлого с будущим. Крис очень надеялся, что за эту ошибку его не выгонят из проекта. Как минимум по двум причинам: во-первых, ему нужна была эта работа и неплохие деньги, которые он за неё получал, а во-вторых, что ещё более очевидно, ему была нужна Кэтрин. Именно поэтому он злился сам на себя за свою безответственность и за бездарно потраченный сеанс, которых теперь осталось всего 2. Нет, ему конечно, грех было жаловаться после всего, что между ним и Кэтрин произошло, но тот факт, что он до сих пор не знает, как она связана с будущим и для чего нужна, очень злил.

Приближающиеся шаги вывели Криса из раздумий. Дверь открылась и вошёл доктор Харрис.

– Добрый день, мистер Стар, – подчёркнуто вежливо начал он. – Мисс Соул сказала, что Вы пришли в себя. Надеюсь, Вы хорошо себя чувствуете?

– Да, сэр, спасибо.

Крис вновь предпринял неудачную попытку принять вертикальное положение.

– Все, что произошло...

– Было полнейшей безответственностью с Вашей стороны.

В голосе доктора отчетливо звучали стальные нотки, что было абсолютно заслужено. Крис молчал, смиренно выслушивая негодование доктора.

– Вы поставили под угрозу весь проект из-за того, что не

сумели удержать ... руки при себе. Вы хоть немного представляете, сколько стоила его реализация? Ваша некомпетентность ставит под вопрос Ваше дальнейшее участие в последующих сеансах.

Крис тяжело сглотнул ком, подступивший к горлу, и замер в ожидании худшего.

– Надеюсь, что подобное больше не повторится и от Ваших дальнейших визитов в прошлое будет больше пользы. Вы отлично втерлись в доверие к девушке. Но не забывайте, что мне нужна информация. Теперь жду Вас через 3 дня полностью готовым. Всего доброго, мистер Стар, – и, как обычно, не дожидаясь ответа, вышел из кабинета.

Новые мысли разносились в голове, вызванные одной-единственной фразой: “Вы отлично втерлись в доверие”. А ведь и правда: вдруг Кэтрин не стоит так опрометчиво ему доверять. Кто знает, что он уже успел передать через отчёт мыслей и, как этой информацией воспользуются, даже, если для него она кажется абсолютно несущественной. Эти размышления возвращали к вопросу о важности Кэтрин. И уж, конечно, не стоит забывать о его собственной роли в этой истории. Как там говорил Джо? “События случаются с теми людьми, с которыми должны были случиться”. А что, если не Кэтрин имеет значение для будущего, как его пытаются убедить, а он сам имеет значение для прошлого? Ну конечно, это было относительно очевидно. Что-то уже произошло в прошлом, в чем требовалось его участие. Без него бы не

случилось того прошлого, ее прошлого, а, может, и их общего. Вывод напрашивался сам собой: доктор Харрис знает, что должно произойти.

Понимание того, что он поучаствовал в событии, ещё до своего фактического рождения, не укладывалось в голове.

Без сомнения, прогресс за эти годы ушёл вперёд. Но путешествия во времени все ещё оставались чем-то неизведанным, непонятым, невероятным. Было ещё много разных “не”, но на их обдумывание у Криса не было ни сил, ни желания.

Через полчаса снова пришла Софи, чтобы его осмотреть. Она деловито ощупала руку, отмечая отсутствие следов крови на повязке, что означало, что рана успешно затянулась.

– Похоже, что все заживает, – констатировала она. – Скоро будешь, как новенький.

– А, что были другие варианты?

– Рана такого типа могла вести себя непредсказуемо. Она ведь была получена не в прошлом, а, как бы, вне времени.

– Что-то вроде того, что она существует и не существует одновременно?

– Да, доктор Харрис примерно так объяснил, почему кровотечение долго не хотело останавливаться.

– Это уже становится традицией, – невесело усмехнулся Крис. – Хорошо ещё, что я не вернулся по частям, как он предупреждал.

– И совсем не смешно.

– Даже вот на столько?

Крис практически свёл вместе большой и указательный палец, образуя крошечный просвет.

– Веселишься, да?

– И в мыслях не было, – он захлопал глазами, изображая святую простоту.

– В такие моменты я жалею, что ты решил стать моим другом, – с напускной серьезностью, сказала Софи. – И вообще, тебе уже пора домой.

Крис и правда чувствовал себя гораздо лучше, но, все же, возмущился для приличия:

– Ни стыда, ни совести: выгонять больного человека.

Но тем не менее, с кушетки он встал.

– Ничего лишнего. Удобно, согласишься? – лучезарно улыбнулась Софи, всем своим видом показывая, насколько она довольна простотой в общении, сложившейся между ними. – Крис, тебе правда пора, а мне нужно работать.

– Ладно, ухожу, – сдался Крис. – Увидимся, Софи. Пока.

Махнув на прощание рукой, он вышел за дверь.

Едва выйдя из Центра, Крис решил по пути зайти в китайский ресторанчик, недалеко от своего дома, за порцией свиных ребрышек в кисло-сладком соусе.

Тишина собственной квартиры приняла его не особо радушно. Это был тот особый вид тишины, когда каждый шорох слышится звоном колокола. А может он просто прита-

щил свою опустошённость после прожитого дня и теперь она ползучим туманом наполняла собой каждый уголок: от входной двери до самой спальни.

Верхняя одежда бесформенной кипой осталась в прихожей, а Крис прошёл в гостиную, не зажигая свет, и устроился в любимом старом кресле.

Как и очень многое в его жизни, вечера были стабильно похожи на многие предыдущие. Иногда, в его руке был стакан с алкоголем, а в дни, как сегодня – шелестел пакет из очередного 3D-фуда. Еда там, конечно, не шла ни в какое сравнение с разнообразием и вкусом выращенной и цельной, но она была вполне сносной и, что главное, дешевой.

Он проглотил свой ужин, практически не заметив.

Контрастный душ и мягкая постель сделали этот вечер практически уютным. Моросящий, холодный дождь за окном резко перешёл в ливень, который барабанил по стёклам ему одному известную мелодию. Стена воды погрузила комнату в ещё больший мрак, который, в свою очередь, стремительно затягивал Криса в объятия Морфея.

Спал он довольно беспокойно: раненая рука неприятно ныла, отчего Крис ворочался, пытаясь принять удобное положение. Несколько раз просыпаясь, он отмечал про себя цифры на часах, которые час за часом приближали время к утру: 1:18, 2:33, 3:17, 4:41.

Снова и снова погружаясь обратно в сон, Крис видел перед собой одну и ту ж картину. Ему снилась Кэтрин. Он буд-

то наблюдал за ней со стороны. Она находилась в небольшой комнате, в которой из мебели был только стол, стул и узкая кровать. Из единственного окна лилось какое-то странное свечение, не похожее ни на солнечный свет, ни на лунные отблески. Сидя за столом, Кэтрин что-то усиленно записывала. Лишь подойдя поближе, Крис смог рассмотреть, что писала она в дневнике. Он успел прочитать только обрывки фраз, совершенно непонятного содержания: “Сегодня условный понедельник, условно пятого дня...”, после чего Кэтрин резко захлопнула дневник и подбежала к окну. Крис поспешил за ней. По ту сторону он увидел самого себя, стоящим посреди белоснежного кабинета, совершенно такого же, как в Центре. Рядом с тем Крисом стоял молодой мужчина и что-то увлечённо доказывал ему, при этом, активно жестикулируя.

Крис, который наблюдал за этой сценой, перевёл взгляд на Кэтрин. Которая, в свою очередь, не отрываясь следила за парочкой за окном. На ее лице мелькнула слабая улыбка, а по щеке скатилась, прозрачной дорожкой, слеза. Она как-то резко смахнула солёную каплю и поспешно отошла в дальний конец комнаты, скрыв от Криса лицо в тени неосвещённого угла.

На этом моменте сон оборвался вместе с окончательным пробуждением Криса. На часах не было и шести утра, дождя за окном уже не было слышно, но было все ещё темно, а заря и не думала заниматься.

Простынь под ним была безнадежно смята, одеяло наполовину сползло на пол, а подушка съехала набок и, к тому же, была влажной от пота.

Крис убрал с разгоряченного лба прилипшие пряди и потер глаза, приходя в себя. Его тело била лихорадочная дрожь, во рту пересохло, и он облизнул, ставшие шершавыми, губы. Откинувшись на подушку, он сделал три глубоких вдоха, прежде чем зажечь настольную лампу слева от себя. Только тогда Крис заметил, что на белоснежной повязке проступили неровные алые пятна. Как ни странно, боли не было, только под слоем эластика чувствовалась пульсация воспалённой раны.

Он только сейчас вспомнил, что так и не поменял повязку, поэтому быстро поднялся с кровати и прошёл в ванную, захватив по дороге чистый набор для перевязки, который дала ему Софи.

Слой за слоем разматывая ткань, Крис каждый раз морщился, отдирая, пропитавшиеся кровью участки, где она уже успела подсохнуть. Когда с этим было покончено, он включил воду в раковине и подставил руку под тёплые струи, смывая красно-бурые следы с кожи, обнажая, вновь открывшийся, ровный порез. В нескольких местах края совсем разошлись, хотя, по большей части, выглядел он неплохо.

Щедро сбрызнув рану антисептиком, из-за чего рука сразу дёрнулась от резкой боли, Крис наложил чистую повязку.

Он пару раз плеснул себе водой в лицо и выключил кран.

Открыв шкафчик справа от зеркала, он достал оттуда аптечку. Тонкая пластинка жаропонижающего и противовоспалительного приятно охладила язык и проясняла голову. Действие было мгновенным и приносящим желанное облегчение, что в сумме с выпитым стаканом воды, окончательно привело его в чувство.

Мысли вернулись к недавнему сну и Криса поразило ощущение его странной реальности. На короткое мгновение ему даже показалось, что Кэтрин, сидящая в той комнате, может также наблюдать за ним сейчас. Он тут же сам усмехнулся своей нелепой догадке. А его сну можно было дать одно простое, но, вполне логичное, объяснение: это результат мыслей о Кэтрин и его подскочившей температуры.

Только и всего. Никакого другого скрытого смысла.

Когда он был уже на полпути к спальне, во входную дверь его квартиры постучали.

Последовало три коротких удара, прежде чем она с грохотом слетела с петель.

Глава 14

Несмотря на яркое солнце, это ноябрьское утро выдалось по-зимнему холодным. За ночь дождь сменился мелким снегом и теперь все вокруг покрывал его тонкий слой.

Укутавшись потеплее в пальто и шарф, Том в самом радостном расположении духа, шел по улице, сжимая в руках

стаканчик с ароматным и бодрящим кофе. Он насвистывал подходящую по погоде, но не по календарю, старую рождественскую песенку, прерываясь только, чтобы напеть себе под нос “фа-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла” и сделать очередной глоток кофе.

Сигнал телефона из заднего кармана джинс оповестил о пришедшем сообщении. Всего 4 буквы – “мнтп” от контакта “Крис”.

Том уже давно не получал подобных сообщений и был бы рад не получать их вовсе. Это был их личный S.O.S. Знак того, что что-то произошло.

Они придумали его ещё во времена, когда вместе учились в школе, чтобы быстро оповещать друг друга, если один из них попал в неприятности, что, учитывая тогдашний, довольно взрывной характер Криса, случалось частенько.

Через несколько лет после окончания школы, когда Крис нашёл себе странную подработку, такие сообщения приходили Тому с завидным постоянством. Вот только проблемы больше не были мелкими школьными неприятностями, а нарушали закон. Ещё тогда Том предусмотрительно настроил функцию отслеживания телефона друга, поэтому сейчас точно знал, что Крис находится у себя дома.

К счастью, Том выбрал верное направление для своих утренних прогулок и уже через 5 минут стоял на пороге квартиры Криса. По правде говоря, то, во что превратилась прихожая и остальные комнаты, уже мало походило на жилое

помещение. Вся мебель, обычно стоявшая у стен, была грубо повалена на пол и, по большей части, превратилась в груды досок и пластика. В нескольких местах на стенах были вмятины, будто от ударов тяжелой кувалдой, а дорожка из капель крови на полу вела в спальню.

Эта комната выглядела, как поле боя на подушках, из-за разбросанных то тут, то там перьев и клочков наволочек, что сглаживало впечатление от погрома. Если бы не одно “но”.

Тело Криса, лежащее посреди комнаты, выглядело красным пятном среди пуховой белизны.

– Крис, – окликнул друга Том и быстро подбежал к нему, опускаясь на колени рядом.

Крис медленно открыл глаза и уставился затуманенным взглядом на перепуганного друга. Он попытался что-то сказать, но изо рта вылилась только тонкая струйка крови и он зашёлся хриплым кашлем.

Том бегло отсмотрел его, с ужасом отмечая, что на нем не было видно живого места.

Крис закашлялся ещё сильнее и Том рванул на кухню за стаканом воды. Вернувшись, он присел на пол, аккуратно приподнял Крису голову и потихоньку влил ему в рот прохладную жидкость.

Где-то рядом пискнул сигнал мобильного и, найдя телефон, Том увидел сообщение от Софи. Он быстро набрал ее номер и после пары гудков услышал приятный голос девушки:

– Доброе утро, Крис.

– Не очень-то и доброе, Софи. Я – Том, друг Криса. И мне сейчас очень нужна твоя помощь. А Крису – ещё больше.

Не вдаваясь в подробности о случившемся, так как он сам, пока, мало что понимал, Том кратко описал ей состояние друга.

Спустя несколько долгих минут он уже встречал Софи на пороге.

– Что здесь произошло? – ошарашено спросила она, аккуратно переступая многочисленной обломки, чтобы добраться до Криса.

– Не знаю. Когда я пришёл, все так и было, – ответил Том, проходя следом.

– О, Господи, – ее шокированный возглас прорезал мрачную тишину комнаты, а сама она застыла на месте, но лишь на мгновение, прежде чем взяла себя в руки и, приблизившись, присела рядом с Крисом.

– Может, перенесём его на кровать?

– Нет, пока я не осмотрю его хорошенько. Нужно убедиться, что у него ничего не сломано. В противном случае мы ему этим только навредим, – безапелляционно сказала Софи.

– А теперь возьми емкость поглубже, кастрюлю, миску, что угодно, и принеси мне в ней тёплой воды. И побыстрее.

Софи действовала предельно быстро и уже аккуратно снимала с Криса одежду, чтобы оценить все повреждения. Больше всего крови было на его правом предплечье, как раз из,

не до конца зажившей, раны.

Том вернулся, неся с собой глубокую миску, почти до краев наполненную водой.

– Помощь нужна?

– Да. Помогите мне снять с него брюки. А потом оботрем его от крови. Вместе справимся быстрее.

Том кивнул в ответ и дальше они работали в тишине, нарушаемой только плеском воды и слабым дыханием Криса, который потерял сознание, почти сразу, как пришла Софи.

Том и Софи, казалось, старались лишний раз не дышать.

Помимо раны на правой руке, обнаружился кровоподтёк на скуле, небольшое рассечение брови и сильно отбитый правый бок.

– Ему нужно в больницу или, хотя бы в Центр, чтобы проверить нет ли внутренних повреждений, – констатировала Софи, когда закончила обрабатывать видимые травмы.

Том, который уже догадался, что, а вернее, кто стал причиной случившегося с Крисом, отрицательно помотал головой.

– Ему нельзя в больницу.

И, прочитав во взгляде Софи вопрос, добавил:

– Позже объясню почему. Наверное. Как нам переправить его в Центр?

– Нужна машина скорой помощи и, кажется, я знаю, кто поможет нам ее достать.

Кап-кап. Гулкие удары по металлической поверхности раковины. Кап-кап. Солёные слезы на сложенные в тугой замок ладони. Грустный аккомпанемент в опустевшей комнате.

Повсюду валялись смятые страницы дневника. В них – все отчаяние Кэтрин, которое она, то умещала в пару строчек, то изливала на пару страниц. Но ни одна ее мысль не создавала нужного отражения ее состояния. А годилась лишь на то, чтобы оказаться клочком бесформенной бумаги.

Тик-так. Кэтрин отмечала прошедшее время. Минуту за минутой. Она запоминала каждую. По старой привычке с детства. Дедушка часто говорил ей: “Запомни это время”, когда случалось что-то интересное. Тогда для неё это было забавной игрой. Она очень гордилась тем, что могла точно сказать, что выиграла у дедушки в шахматы в 11:53, а ровно в 13:00, и не минутой позже, ей подарили новую куклу в роскошном, розовом платье и с пышным бантом на спине.

Сейчас же это был ее личный способ запоминать события до мельчайших подробностей. Кто-то назовёт это странным видом сумасшествия. Но Кэтрин считала это своей уникальной гранью нормальности.

Кап-кап. Тик-так. И так по кругу. Пока эта цикличность не была прервана появлением не то злой, не то взволнованной Миры.

– Объясни мне, почему мне поочередно звонят, то Майк, то твой отец? – вопрос был первым из ряда других, которые она задала, бегло осмотрев комнату. – Что это за стая павших

голубей бумажного полета? И, куда ты дела Криса? Что здесь случилось, в конце концов?

Кэтрин подняла на подругу красные от слез глаза и пару раз открыла рот, чтобы что-то сказать, но все мысли были отданы бумаге.

– Эй, Кэт, – а теперь голос Миры определенно был взволнованным, – что произошло?

Она подошла к подруге и приобняла ее за плечи.

– Он ушёл, – бесцветным голосом ответила Кэтрин, глядя теперь куда-то в сторону.

– Куда ушёл, милая? Вы поругались?

Кэтрин сжала губы и покачала головой в отрицании.

– Куда же он тогда ушёл? – ласково спросила Мира, поглаживая подругу по спине.

– Он... его..., – сбивчиво начала Кэтрин, а глаза вновь стало щипать от подступающих слез.

Она шумно сглотнула и, наконец собрав свои мысли воедино, сказала:

– Я думаю, я надеюсь, что он вернулся в своё время. Понимаешь, на одном заряде он может быть в прошлом только сутки. А мы немного... опоздали, то есть он немного не успел поменять пластины и его выбросило обратно в его время.

Кэтрин взяла цилиндр, который оставила на столике, пока пыталась сделать записи в дневнике, и протянула его Мире.

– Крис упустил его перед тем, как исчез.

Мира взяла цилиндр и повертела его в руках.

– Это что – кровь?

– Да, – подтвердила Кэтрин, едва сдерживаясь, – и я очень боюсь, что... с ним что-то случилось. Это я снова во всем виновата.

– Так, во-первых, успокойся. А, во-вторых, что значит снова? Перестань считать себя во всем виноватой.

Мира посчитала слова Кэтрин простой оговоркой. А сама Кэтрин по-прежнему не собиралась никому рассказывать об инциденте со стрельбой. Слишком о многом пришлось бы рассказать в таком случае.

– Все с твоим Крисом будет в порядке, – продолжала убеждать ее Мира.

Кэтрин устроилась на кровати и с надеждой взглянула на подругу, будто слова той были истиной в последней инстанции.

– Правда?

– Ну, конечно, – как можно более уверенно, заверила ее Мира.

– А теперь – сходи умойся и приведи себя в порядок. И позвони, наконец, Майку и мистеру Уайту, в каком хочешь порядке. Главное, чтобы они от меня отстали. А потом, – она ободряюще улыбнулась Кэтрин, – а потом я придумаю, что мне с тобой делать. Марш в ванную.

Слова Миры возымели наконец нужный эффект и Кэтрин перестала плакать и слегка приободрилась. Пару раз пружи-

нисто присев на мягком матрасе, она легонько хлопнула себя ладонями по бёдрам и, благодарно улыбнувшись подруге, скрылась за дверью в ванную.

Ми́ра проводила ее взволнованным взглядом. Вся эта история с Крисом и его визитами из будущего совсем не были похожи на красивую сказку, а потому ужасно беспокоили девушку. Она видела, что Кэтрин по уши в него влюбилась и не замечала или не хотела замечать очевидных вещей. Она кому-то уж очень сильно перешла дорогу, раз ее нашли даже из будущего. Ми́ра опасалась, что Крис может быть не тем, за кого себя выдаёт. Предчувствие чего-то неладного тонкой ручонкой скреблось из подсознания, вселяя все нарастающую тревогу.

Погружённая в свои мысли, Ми́ра снова взяла в руки цилиндр, покрутила его, открыла. Насчитав шесть пластин внутри, снова закрыла его. Цилиндр издал слабый писклявый звук и его дно чуть отъехало вниз, открывая скрытую секцию. В ней лежал, сложенный в несколько раз, клочок неизвестного материала, похожего на бумагу. Развернув его, Ми́ра прочла короткую записку без подписи:

“На случай, если у меня не получится”, – гласил заголовок.

“Я не могу рассказать тебе всего: ещё не место и не время. Просто прошу: не отталкивай Криса. И попроси Ми́ру, которая прочитала это раньше тебя, в нем не сомневается. Со временем он все расскажет, когда сам будет знать.

P.S. Я люблю тебя.

P.P.S. Мира, передай, пожалуйста, эту записку Кэтрин, когда она выйдет из ванной”.

Мира повертела записку в поисках продолжение и, не обнаружив его, перечитала послание ещё пару раз. Все слова были понятны, но общий смысл утекал сквозь пальцы, как и пугал своей точностью.

Тем временем, из ванной вышла, вполне повеселевшая, Кэтрин, мурлыкая себе под нос какую-то мелодию.

– А вот и я, – оповестила она подругу.

Но, заметив обеспокоенный взгляд Миры, сама немного помрачнела и молча подошла к ней.

– Это тебе, – сказала Мира и протянула ей записку.

– Что это?

– Это послание тебе. Оно было в цилиндре. Прочитай.

– От кого оно? – этот вопрос Кэтрин задала скорее себе, пока читала записку. Ей тоже понадобился не один раз, чтобы оторваться от прочтения, и перевести взгляд на Миру.

– Как думаешь, что все это значит?

– Понятия не имею, но мне это не нравится.

– Это не может быть как-то связано...

– С твоим отцом? Нет, не думаю. Хотя, все может быть. Может расскажешь ему?

Кэтрин смяла загадочное послание в кулаке и ответила:

– Нет. Сама во всем разберусь. Не думаю, что стоит его беспокоить по пустякам.

– Но он же твой отец!

– К тому же, – проигнорировав возглас Миры, она продолжила, – я хочу для начала поговорить с Крисом.

– Ты же мне сама 10 минут назад плакалась, что боишься, как бы с ним чего не случилось, а сейчас твёрдо уверена, что он вернется.

– Если он не вернётся, – голос Кэтрин стал бесцветным, – тогда нам и говорить об этом нечего.

– Прости, – виновато попросила Мира, – прости, я не подумала.

– Ладно. Не хочу больше это обсуждать.

Кэтрин замолчала, активно пытаясь подобрать более приятную тему для разговора. Очевидно, она так сильно погрязла в собственных переживаниях, что только сейчас заметила, что Мира была при полном параде: мини-платье изумрудно-зеленого цвета, волосы, уложенные упругими локонами, яркий макияж.

Мира поймала ее изучающий взгляд и поспешила объяснить:

– Ник с друзьями пригласили меня на пляжную вечеринку. Вообще-то, они пригласили и тебя тоже. Но я понимаю, тебе сейчас не до этого. Хочешь, можем просто пройтись вдоль берега?

– Спасибо за приглашение, но не нужно. Ты же так готовилась. Кстати, выглядишь – потрясающе.

– Спасибо-спасибо. Но отказ я не приму. Ты просто обя-

зана составить мне компанию.

Она послала Кэтрин красноречивый долгий взгляд и подруга сдалась.

– А, как же Ник? – последняя слабая попытка Кэтрин, не обременять ее.

– Не так уж он мне и нравится, – махнув рукой ответила Мира.

– И давно?

– Скажем так, сегодня утром он растерял былое очарование.

Увидев, что глаза Кэтрин загорелись жадной подробностей, Мира не упустила возможность воспользоваться моментом:

– Я все расскажу, если пойдёшь со мной.

– Это грязный шантаж, – возмутилась Кэтрин для виду, с трудом сдерживая улыбку.

– Разве я многого прошу?

Она склонила голову набок и невинно захлопала ресницами.

– Ладно, уговорила.

Мира вскинула кулаки в победном жесте.

– Но, с тебя коктейль, – добавила Кэтрин, предупредительно подняв указательный палец.

– Вымогательство против шантажа? Неплохо.

– Разве я многого прошу?

– С ним все будет в порядке?

– Да. Внутренние органы не задеты. Скоро он придёт в себя.

Голоса доносились до Криса словно из-за стены. Голова гудела, а тело казалось чужим и совершенно не хотело слушаться. Даже на то, чтобы открыть глаза, понадобились немалые усилия. Все, что он увидел в первые мгновения – это два нечетких силуэта и ослепляющая пелена света на фоне. Крис совершенно не понимал, где он находился. Последнее, что он помнил, как лежал на полу в своей квартире после визита “старых друзей” и отправляла зов о помощи Тому. Потом была темнота, чей-то далекий крик, сквозь мимолетный просвет в сознании, затем снова темнота и он очнулся здесь. Это “здесь”, собственно говоря, определенно не было его квартирой. Чем это было, он решил пока не думать и сосредоточился на людях, которые были в комнате. Он приоткрыл глаза и под веки проникла частичка внешнего света. Пришлось часто моргать, чтобы приглушить эту яркость.

За своими мыслями Крис не сразу заметил, что те двое больше не разговаривали, а их силуэты куда-то делись. Гудение в голове сменилось легким шумом в ушах, как вдруг мужской голос слева окликнул его по имени. Крис резко повернул голову в том направлении так, что в глазах потемнело. Темнота рассеялась, и он смог увидеть, что говорившим был Том, который выглядел весьма обеспокоенным. Рядом с ним, обеспокоенная не меньше, стояла Софи.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она.

– Я не могу пошевелиться, – признался Крис. – Но у меня ничего не болит.

– Я вколола тебе обезболивающее, у него есть небольшой паралитический эффект. В любом случае, тебе лучше пока не двигаться: у тебя сломано запястье, многочисленные ушибы, не говоря уже о том, что порез на руке опять открылся.

Крис порадовался хотя бы тому, что не чувствует боли от всего вышеперечисленного.

– Я долго был в отключке?

– Нет, я только недавно закончила обрабатывать твои повреждения.

– Спасибо. И тебе, Том, тоже.

– Всегда пожалуйста, – буркнул тот, но, все же, с явным облегчением.

– А, где я, кстати?

Крис предпринял ещё одну попытку осмотреть помещение. Стерильно белая комната, такого же цвета, яркие лампы, попискивающий серебристый аппарат справа от него. Он догадался прежде, чем Софи озвучила правильность его догадки.

– Ты – в Центре. Когда Том нашёл тебя, он позвонил мне.

– Софи настояла, что тебе нужно в больницу, – вклинился в разговор Том, – а я подумал, что как раз туда тебе лучше не ехать. Вот она и предложила, что можно привезти тебя сюда.

– В этом нам помог Джо, – продолжила Софи. – Ещё не

знаю как, но он достал машину скорой помощи. И вот мы здесь.

Она явно хотела спросить о чём-то, но все не решалась.

– Расскажешь, что произошло? – наконец, выпалила она на одном дыхании.

Крис перевёл глаза на Тома, взгляд которого четко выразил: “Решай сам, рассказывать ей или нет”.

Софи заметила их переглядки и сомнение Криса. Она прекрасно понимала, что у него нет оснований открывать ей свои секреты. Было немного обидно, но настаивать она не стала.

– Ты можешь не говорить, если не хочешь, – сказала она мягко. – Достаточно того, что сейчас ты более-менее в порядке. Я оставлю вас ненадолго?

Она перевела взгляд на приоткрытую дверь, из-за которой выглядывал Джо, помахивая стаканчиком из ближайшей кофейни.

– Конечно, можешь не спешить, – заверил ее Крис со слабой улыбкой.

Едва за Софи закрылась дверь, Том, все это время сохранявший невозмутимый вид, нахмурился и резко спросил:

– Мне-то ты все расскажешь?

– Рассказывать особо нечего, – уклончиво ответил Крис, с внезапным интересом разглядывая потолок.

Том же не сводил с Криса настороженного взгляда.

– Ты что, снова взялся за старое?

Том был одновременно разозлѐн и обеспокоен. Он знал, во что мог опять ввязаться друг. Один раз это его чуть не погубило. Том очень боялся повторения.

– Нет, – горькая усмешка отразилась на лице Криса. – Похоже, что старое взялось за меня.

– Кто-то из твоих поставщиков?

– Покупателей.

Крис, наконец, решился взглянуть на друга. Он увидел только беспокойство. Наравне с недоверием? Но, с чего бы? Он ни словом, ни делом не давал повода сомневаться в себе. Год назад он с таким трудом выпутался. Не без помощи Тома. Не для того, чтобы опять испытывать судьбу и удачу. Второго шанса могло и не быть. А Крису, определенно, было, что терять и ради чего бороться. Ради чего жить в конце концов. Впрочем, и всегда было. Он совсем не собирался становиться одним из тех несчастных, которые пойдут на что угодно, ради очередной дозы. Он помнил, достаточно отчетливо, что за минутами эйфории приходят часы опустошения, что сладость удовольствия быстро сменяется горечью потери, а необузданная жажда подчиняет себе весь смысл существования. Что грань невозврата слишком тонкая, переступая ее ты теряешь в себе человека. Более того, ты теряешь себя. Было бы легко поддаться искушению, но эта слабость в конце концов стоит жизни. А ее он отдавать не собирался. Никому и нечему.

Поэтому, вздохнув поглубже, он сказал, предельно четко

и ясно:

– После того случая, я оборвал все контакты и, поверь мне, не стремлюсь обратно.

Том долго ничего не отвечал, а лишь размышлял о чём-то у себя в голове, мельком поглядывая на Криса.

– Я верю тебе. Но не понимаю, что им от тебя понадобилось, столько времени спустя?

– Ты ведь знаешь, что эта дрянь толкает людей на иррациональные поступки.

В голове тут же возникли его собственные “подвиги”, которые, в водовороте последних событий, давненько не напоминали о себе.

Крис поспешил стряхнуть с себя ворох воспоминаний, от которых было противно и, за которые было стыдно.

– Неизвестно, что им ещё взбрѣдет в голову, так что, пока поживешь у меня, – рассудил Том совсем не в форме предложения, а как утверждение.

– Не думаю, что в этом есть необходимость.

Крис нахмурился. Факт того, что с ним обращаются, как с беспомощным, его совершенно не радовал. Хотя, в глубине души, он понимал, что Том не так уж и не прав.

– Если для тебя ее и нет, то подумай о своей матери. Чем ты ей поможешь, если в следующий раз тебя покалечат ещё больше или вообще убьют?

Крис промолчал. Жесткие слова друга начисто сбили его раздутое упрямство. Все без остатка.

“Он нужен. Он должен”.

Крис еле заметно кивнул. Но Том, пристально следивший за ним, заметил. Явно удовлетворённый таким ответом, он сказал, уже смягчившись:

– Если тебе что-нибудь нужно, ты говори. Я принесу. Ты здесь останешься, как минимум, до завтрашнего утра.

– Что мне делать тут так долго?

– Ты явно не осознаешь, в каком ты сейчас состоянии. Выглядишь ты, прямо скажу, не очень. А, как ты себя чувствуешь, ты узнаешь только через несколько часов. Так что, прекращай упрямиться, а слушай умного доктора Тома.

Крис обреченно застонал в потолок.

– Тогда принеси мне, хотя бы воды, – потребовал он у, обалдевшего от такого наглого тона, Тома.

– Волшебное слова, даже не смотря на твое положение больного, ещё никто не отменял.

– Пожалуйста, – буркнул Крис и шутливо добавил, – мы с тобой вряд ли уживёмся.

– И я тебя тоже очень люблю. Хотя, все время думаю, за что мне такое наказание, как ты.

– Иди уже.

Дверь за Томом закрылась с тихим стуком, а Крис прикрыл глаза и сам не заметил, как забылся безмятежным сном.

Начало января в Лондоне выдалось промозглым. Порывистый ветер превращал стройный хоровод снежинок в настоящую метель. На улицу, не то что не хотелось показывать даже кончик носа, а было искреннее желание зашторить поплотнее окна и, Бог знает, как, но закрыть двери ещё покрепче. Потому что создавалось впечатление, что непогода может проникнуть в твоё уютное, тёплое жилище своими когтистыми, студёными лапами.

Часы на кухне показали ровно 10:00, когда туда вошла Кэтрин, потягиваясь ото сна. На столе уже стояла кружка ароматного кофе и ее руки рефлекторно потянулись к ней, чтобы сделать хоть один глоток. Тёплая жидкость медленно разлилась по телу, принося окончательное пробуждение. А вместе с ним и запоздавшую мысль о том, что она только что просунулась, и сама не могла заварить себе кофе.

Ее глаза расширились в испуге, чашка чуть не выпала из рук, а по спине пробежали холодные мурашки.

– Доброе утро, Кэтрин.

Голос был уж слишком знакомым, но сказать, что Кэтрин очень была рада утренней встрече с его обладателем, было нельзя.

– Привет, папа.

Она резко поставила чашку на стол с громким стуком и повернулась к нему.

В небольшом углублении за шкафом, на высоком барном

стуле сидел ее отец. Волосы его были чуть взъерошенные и влажные от снега. На нем было светло-бежевое кашемировое пальто, не подходящее по погоде и, скорее всего, безнадежно испорченное. Вода с него стекала на пол, образуя довольно заметную лужицу. В руках у него ещё дымилась кружка с таким же кофе. Глаза смотрели прямо на Кэтрин, будто оценивая, как она выглядит по шкале от 1 до 10. И, что-то ей подсказывало, что ее утренний наряд, состоящий из розового, махрового халата и тапочек с Мишками, заслуживал в его глазах максимум балла три.

Кэтрин неловко переминалась с ноги на ногу, прочистила горло и наконец спросила:

– Какими судьбами, папа? Мог хотя бы предупредить, что собираешься заехать.

– Чтобы ты нашла тысячу и одну причину, чтобы со мной не видеться?

– Не думаю, что это стало бы для тебя препятствием, – чуть раздраженно ответила Кэтрин.

Она отодвинула стул, на котором и расположилась, поставив локти на стол и подперев лицо ладонями. И со всей готовностью собралась слушать.

Мистер Уайт поднялся, медленно подошёл к столу и сел напротив.

Кэтрин поджала губы, но ничего не сказал, продолжая ждать.

– Мама волнуется, что ты не приехала к нам на рожде-

ство, – начал мистер Уайт. Его пальцы отстукивали слабый, но раздражающий ритм по керамике чашки.

Кэтрин закатила глаза на его реплику, прекрасно понимая, что целью визита было совсем не волнение мамы.

– Рождество было неделю назад, а ты приехал только сейчас. К тому же, меня не было в Англии. Тебе ли не знать?

Ее глаза блеснули недобрым блеском плохо скрываемого недовольства.

– Да, – согласился он. – И, как тебе Австралия? Встретила кого-нибудь интересного?

– Не пойму, к чему ты клонишь? – нахмурилась Кэтрин, откинувшись на спинку стула и демонстративно уставившись в окно.

– А я думаю, ты прекрасно все понимаешь. Кто он?

– Который из них?

– Не прикидывайся дурочкой, Кэтрин Элизабет Уайт! – он почти сорвался на крик и теперь тяжело дышал.

– А ты перестань лезть в мою жизнь.

Кэтрин резко вскочила со стула так, что тот с грохотом повалился на пол. Она отошла к окну, с подчёркнутым интересом рассматривая заснеженную улицу, а на самом деле пытаясь успокоиться.

– Ну и, кто этот парень, который так нравится моей дочери? – гораздо спокойнее спросил мистер Уайт.

Кэтрин пожала плечами.

– Почему-то раньше ты такие вопросы не задавал.

– Потому что раньше, мне было известно, кто они.

Она раздраженно фыркнула.

“Конечно, кто бы сомневался, что у папочки на всех моих парней было исчерпывающее досье”.

– А об этом парне нет совершенно никакой информации. Как будто, его вообще не существует.

– Его зовут Крис, – ответила Кэтрин, поворачиваясь. – И его на самом деле не существует. Пока что, по крайней мере.

Лицо мистера Уайта вытянулось в недоумении.

– Как такое возможно?

– Поверь, я тоже не сразу поверила. Он из будущего. Первый раз я его увидела прямо в своей спальне почти два года назад. Кстати, а почему ты раньше им не заинтересовался?

– Его видели с тобой всего пару раз, – он как-то странно запнулся на этом месте, подбирая слова. – Так что я не придал этому значения. Но о том, что ты в Австралии, кроме твоей подруги и меня, по всей видимости, никто не знал.

Кэтрин кивнула в знак согласия.

– И тут он появляется рядом с тобой. Это меня заинтересовало. А, когда я не нашёл ничего о нем, то не на шутку испугался. Так говоришь, он из будущего?

– Да. Участвует в правительственном эксперименте.

– Это он тебе так сказал, Кэтрин. Держалась бы ты от него подальше. Не нравится мне эта история.

– Я вполне могу сама разобраться со своей жизнью, – отрезала Кэтрин.

– Также, как разобралась с двумя амбалами под своей дверью? Не доросла ещё, сама разбираться!

Кэтрин накрыла волна возмущения и она, чтобы не сорваться и окончательно не испортить отношения с отцом, отвернулась обратно к окну, скрестив руки на груди.

– Тебе лучше уйти, папа. И, в следующий раз, потрудись предупредить меня о своём визите или хотя бы – позвони в дверь, а не входи, как к себе домой. Я могу быть не одна.

В этот самый момент в дверь позвонили.

– Видишь? Звонок прекрасно справляется со своей функцией.

Она пулей вылетела из кухни и пошла открывать, давая понять, что разговор на этом окончен.

Мистер Уайт прошёл следом. Он осознавал, что продолжи они разговор, то разругаются в пух и прах. И Кэтрин уж точно сделает все наперекор. Упрямства ей не занимать.

– Да, ты права, я, пожалуй, пойду.

Кэтрин, которая уже успела дойти до двери, обернулась и удивленно вскинула брови.

– Правда?

– Ты же сама этого хотела. Только найди время встретиться с матерью. Она и правда переживает.

С этими словами он прошёл мимо Кэтрин и сам отворил входную дверь.

– О, здравствуй, Майк. Рад тебя видеть. Я уже ухожу. Увидимся, дочка.

Сказано это было подчёркнуто веселым тоном, совершенно отличным от разговора на кухне минутой раньше.

– Здравсьте, – только и пролепетал Майк, переводя недоуменный взгляд с Кэтрин, которая так и застыла в позе спиной к двери, на человека, которого он видел впервые в жизни.

– Уже ухожу, – повторил мистер Уайт почти шепотом.

Он уже успел скрылся за углом, ведущим к лестнице, когда Майк пришёл в себя и спросил:

– Это твой отец?

– Очевидно, – коротко ответила Кэтрин, развернувшись. – Ты что-то хотел?

– Поговорить.

– Мы уже говорим, если ты не заметил.

– Я вообще-то серьезно.

– Да и я не шучу.

– Зачем ты так?

Саркастичный тон Кэтрин хоть и был направлен на отца, но задел Майка. А он и так долго не мог найти для себя достаточно аргументов, чтобы прийти.

Кэтрин слегка качнула головой, прикрыв глаза и, стряхивая с себя остатки разговора с отцом.

– Прости. Ты проходи. Замёрз, наверное?

– Есть немного. Погода сегодня просто свирепствует.

– Мог бы тогда не идти на такие жертвы. Пройди в гостиную, я сейчас.

А сама пошла заваривать травяной чай.

– Но я хотел тебя увидеть, – громко сказал Майк ей вслед.

Эти слова хлестко ударили в спину сожалением и, в то же время, раздражением.

“Зачем он снова начинает эту тему? Мы ведь все уже выяснили. Он и сам избегал со мной встреч”.

Ещё дольше заваривать чай уже было невозможно и Кэтрин пришлось вернуться к Майку. Она передала ему чашку и села в кресле напротив дивана, в котором расположился он. Выглядел он бледным и нервным. Его нога отстукивала едва уловимый ритм, а глаза, то быстро бегали, не фокусируясь ни на чем конкретно, то смотрели в одну точку, но не останавливались на ней самой. Ей стало неудобно в окружающей тишине и от непонятного настроения Майка. Она пару раз поерзала в кресле, прежде чем спросить:

– Майк, у тебя что-то случилось?

Он бросил на неё беглый взгляд, но быстро перевёл его обратно на чашку в своих руках. Похоже, что его самообладания хватило только на короткий диалог на пороге и сейчас он растерял все слова.

Наконец, он ответил, то и дело сбиваясь:

– У меня? Нет. То есть, да. То есть, не совсем у меня. Ты помнишь Бэтти? Мы с тобой заезжали к ней несколько месяцев назад.

– Ну, конечно помню. Это- твоя бабушка. Она ещё угощала нас домашними пирожными и сокрушалась, какая я ху-

дая.

Бэтти была единственным близким родственником Майка, и сама воспитывала его, когда его родители погибли. Майк всегда говорил о ней с невероятной теплотой и нежностью, часто навещал ее и считал практически матерью.

По его остекленевшему взгляду и, блестящим от слез, глазам, было понятно, что случилось что-то ужасное. Кэтрин пересела на диван рядом с ним и крепко обняла его за плечи, позволяя успокоиться и, в конце концов, заговорить:

– Ее больше нет. Вчера были похороны.

Майк развернулся к ней лицом и первый раз за сегодня посмотрел ей в глаза.

Вы когда-нибудь видели, как плачут мужчины? Не маленькие мальчишки, которые рыдают от любой обиды, а сильные, кажущиеся несломимыми, мужчины. Они плачут скупно и только от боли, от опустошающего отчаяния. Они не бьются в истериках и мало разговаривают. Быстро берут себя в руки за напускным спокойствием. Но их слезы увидеть страшно. Потому что они с горем. Потому что они редкость.

У самой Кэтрин слезы навернулись на глаза. Не то из-за бедной старушкой, которую она видела всего раз в жизни. То ли из сопереживания Майку, который был и оставался для неё не чужим человеком.

– Иди ко мне, – сдавленно прошептала она и обняла его ещё крепче.

Так они просидели несколько минут, а может быть и ча-

сов. Метель за окном сменилась редким снегом, а чай в чашке совсем остыл.

Кэтрин не пыталась разговорить Майка, чтобы он выплеснул свою боль. Она понимала, что он, пока, не готов принять ее окончательно. А потому лучшее, что она могла для него сделать, это разделить с ним его молчание, просто быть рядом, ведь необходимой она уже была.

– Я могу остаться у тебя сегодня? – спросил Майк.

Сейчас он выглядел ещё более уставшим, чем, когда пришёл. Красные, воспалённые глаза, особенно ярко выделялись на белом лице, дополняя синеву под ними от бессонной ночи.

– Конечно, Майк. Я постелю тебе в спальне. Тебе нужно, как следует отдохнуть и набраться сил.

– Ей бы не понравилось то, как ты себя изводишь, – добавила она тихо.

Майк слабо кивнул и позволил ей увести себя в спальню и уложить на кровать.

– Поспи немного, – ласково сказала Кэтрин, поглаживая его по голове. – Все будет хорошо. Вот увидишь.

Она легонько поцеловала его в лоб, как часто перед сном в детстве делала ее мама. Возможно, Бэтти поступала также.

И вышла из комнаты.

Кэтрин расположилась в кресле в своей любимой позе, поджав ноги под себя и перечитывала свои любимые момен-

ты из “Гордости и предубеждения”, книги, которую она знала чуть ли не наизусть.

За окном уже давным-давно стемнело. Слабый ветерок покачивал чёрные ветви раскидистого дерева, которое отбрасывало на пол большую тень в свете уличного фонаря.

Тихое шуршание страниц и отдаленное тиканье напольных часов в коридоре заглушил внезапный грохот. Кэтрин вскрикнула от неожиданности и испуга, вскочила с кресла, попутно роняя книгу, которая приземлилась на пол страницами вверх.

– О, Господи! Ты как?

Кэтрин быстро взяла себя в руки, как только разглядела, что перед ней появился Крис. А точнее – свалился прямо посреди ее гостиной и сейчас распластался на полу.

– Голова закружилась, сейчас все пройдет, – слабо ответил Крис, потирая переносицу.

Кэтрин стащила с дивана подушку и аккуратно положила ему под голову.

– Ты пока полежи немного. Хочешь, заварю тебе крепкий чай с сахаром? Он поможет восстановить силы, – мягко спросила она, поглаживая его по волосам.

– А что здесь, собственно, происходит?

Возмущённый возглас Майка мигом привлёк их внимание. Кэтрин вскинула голову и уставилась на него, округлившимися от неожиданности, глазами, сохраняя нелепое молчание. А Крис просто пару раз моргнул, пытаясь сфокуси-

ровать взгляд на говорившем, а его слабая попытка приподняться встретила сильное сопротивление в виде рук Кэтрин, которые крепко удерживали его в лежачем положении.

Эмоции Майка калейдоскопом сменялись на его лице и очень хорошо читались: непонимание, осознание, укол ревности, негодование.

Не удостоив вниманием Майка, Кэтрин спросила у Криса:

– Тебе уже лучше?

– Да, все в порядке.

Крис чувствовал напряжение, исходившее от незнакомо-го ему человека, который продолжал стоять на месте и прямо-таки прожигал его взглядом.

– Я сейчас вернусь, – пообещала ему Кэтрин.

Она вышла из комнаты, прихватив по дороге растерян-ного и злого Майка, который, однако, не сопротивлялся.

Весь путь до кухни он шипел ей на ухо вопросы о том, кто это, требовал все немедленно объяснить и злился ещё больше от того, что Кэтрин молчала.

Как только за ними закрылась дверь, Кэтрин решительно развернулась и предупредительно подняла указательный палец.

– Не. Смей. Устраивать. Мне. Сцены. Ревности.

Получилось почти ровным тоном. Прозвучало слегка угрожающе.

– И, предвидя твои дальнейшие вопросы, отвечу сразу. Его зовут Крис. Он мой... друг. И сейчас ему очень нужна

моя помощь. Так что, давай обсудим все остальное позже, ладно?

Ее голос смягчился и она, почти умоляюще посмотрела в глаза Майку.

– Ладно, – ответил он после секундного колебания.

Вздыхнув поглубже, будто следующая фраза требовала от него невероятных усилий, он предложил:

– Может, я могу чём-то помочь?

Кэтрин сначала удивилась, а затем буквально просияла и, взяв Майку за руку, крепко сжала ее в своей из невероятного чувства благодарности.

– Завари, пожалуйста, чай покрепче. С тремя ложками сахара.

Она внимательно посмотрела на Майку, словно до сих пор сомневалась, что может просить его о таком.

– Спасибо. Я схожу посмотрю, как он.

Кэтрин сейчас ощущала себя, как между двух огней: с одинаково дорогими людьми, но, все же, любимыми по-разному, которые, по странному стечению обстоятельств, встретились в тот момент, когда оба нуждались в ее помощи и поддержке. А обо всех возможных неприятных последствиях этой встречи она подумает когда-нибудь потом. По возможности, никогда.

Когда она вернулась в гостиную, Крис все ещё лежал на полу, растянувшись во весь рост и откинув голову на подушку.

– Помочь тебе перейти на диван?

Кэтрин присела рядом с ним на корточки и ещё раз внимательно осмотрела.

Его вид ей совершенно не понравился: бледный, даже болезненный, выдающий невероятную слабость. Но самое ужасное – широкая белая повязка через все предплечье, явное последствие, как ей думалось, предыдущего сеанса.

– Я уже вполне нормально себя чувствую. Просто решил полежать здесь немного до твоего прихода.

Он чуть приподнялся на локте и, не без помощи Кэтрин, переместился на диван.

– Вот видишь, что я говорил. Я – в полном порядке.

И тут же слегка поморщился, когда в попытке устроиться поудобнее, завалился на, ещё не до конца заживший, бок.

Всё-таки это перемещение оказалось самым сложным из всех. До сеанса Том, Софи и Джо наперебой отговаривали его, просили подождать, когда он окончательно поправиться, пугали непредсказуемостью последствий. Но его решимость вместе с, пускай и не таким явным, одобрением доктора Харриса, привела к тому, что сейчас он был в 2021 году, вместо родного 2049. Его толкала вперёд непостижимая уверенность, что все происходит так, как должно. В конце концов, все его путешествие – это цепочка событий, которые приведут к, уже свершившемуся результату.

Кэтрин не была настроена столь оптимистично.

– Если ты в порядке, то я, как минимум, королева Англии.

Это из-за перемещения?

Она присела рядом с диваном и придвинулась поближе к Крису. В голове всплывали десятки вопросов. Что с ним произошло после того раза, когда он вернулся в своё время? Почему он сейчас выглядит таким слабым? И почему, черт возьми, он, то пропадает на целый год, то теперь возвращается меньше, чем через неделю?

Но все эти вопросы вполне могли подождать.

Кэтрин, едва касаясь, провела пальцами по повязке, внимательно следя за его реакцией и готовая в любой момент отдернуть руку, если ему станет больно.

– Эээ, да. Но это пустяки. Пройдёт.

– Ясно, – кивнула она, ничуть не поверив в эту пустячность.

– А этот парень, кто он?

Крис мучился этим вопросом с самого своего появления. То, как они переглядывались, наводило его на не самые приятные мысли.

– Он – мой друг, – уверенно соврала Кэтрин во второй раз.

– А вот и он.

Майк только что появился на пороге с огромной кружкой в руках.

– Да, вот и я. Я принёс чай, – дважды озвучив очевидное, он почувствовал себя ещё более неловко.

– Спасибо, Майк.

Кэтрин ободряюще улыbnулась ему, осознавая, однако,

всю абсурдность ситуации.

– Крис, это- Майк. Майк, это – Крис.

Парни обменялись сдержанными, молчаливыми кивками, чему Кэтрин была даже рада.

– Я, наверное, пойду, Кэт.

Пару секунд потоптавшись на месте Майк поставил чашку с пресловутым чаем на столик и вышел.

Кэтрин вышла за ним следом и догнала его уже в коридоре.

– Майк, мне правда жаль.

И эти слова гораздо в большей степени относились к их несостоявшемуся совместному будущему, чем к его утрате.

– Мне тоже.

– Может, все-таки, останешься? – скорее из вежливости, спросила Кэтрин.

– Я уже большой мальчик, Кэт. Справлюсь. К тому же, некоторым друзьям ты нужнее.

“И некоторые друзья нужнее тебе”.

Она порывисто обняла его и прошептала на ухо:

– Пообещай, что не будешь делать глупостей.

– Смотря, что считать глупостями.

Он попытался отшутиться. Вышло не очень.

– Пообещай мне.

– Ладно, Ладно. Обещаю.

Кэтрин выпустила его из своих объятий и строго добавила:

– Позвони, когда доберёшься домой.

Майка повеселили ее наставления, и он даже забыл, что злится на неё.

– Хорошо, мамочка, обещаю, – весело ответил он, не удержался и чмокнул ее в щеку на прощание.

Кэтрин закатила глаза, но в душе, все же, облегченно выдохнула. С Майком все прошло более-менее гладко, по крайней мере, она на это очень надеялась.

Закрыв за ним дверь, она вернулась к Крису, который выглядел чуть менее радостным.

Глава 16

В комнате повисла неуютная тишина. Кэтрин вернулась пару минут назад и успела занять место в кресле, напряжённо сложив руки на подлокотниках и впившись ногтями в мягкую обивку. Она не знала, как ей начать разговор, а потому ждала, когда это сделает Крис. Который, в свою очередь, все также лежал на диване. Кэтрин поначалу даже подумала, не заснул ли он. Но потом он сменил своё положение, закинув руки за голову и, бросив на Кэтрин мимолетный взгляд, опять прикрыл глаза.

Кэтрин понимала, чем вызвано такое, по ее мнению, глупое поведение. Но вот, чего она никак не могла понять, так это то, что он от неё ожидал. Неужели он думал, что она, как верный пес Хатико, будет ждать неизвестно чего, сколько угодно долго? И чего он сейчас хочет? Ее оправданий?

Мысленно фыркнув, она схватила с пола выпавшую книгу и стала показательно громко перелистывать страницы, совсем их не читая, и нет-нет да поглядывала на Криса. Который внешне выглядел совершенно невозмутимо и безмятежно. Но изнутри его разрывали противоречивые чувства. логика и здравый смысл зывали к его спокойствию и благородию, а сердце тонуло в жгучей ревности, которая сейчас затмевала все рациональные чувства и была генеральным спонсором его тотального игнорирования.

Они оба показательно играли в молчанку и упорно не желали сдаваться. В глубине души, однако, каждый понимал, что проигрывают оба.

Приняв сидячее положение, что доставляло уже гораздо меньшие неудобства, Крис в упор уставился на Кэтрин и, наконец, спросил:

– Долго меня не было?

Кэтрин скептически приподняла бровь.

“Серьезно? Все же решил заговорить?” Но ответила другое:

– Всего неделю. Я только вчера вернулась из Австралии.

Выдержав баланс между “я совсем не хочу ссориться” и “я с тобой разговариваю, но не особо обольщайся”, она вернулась к чтению, предоставляя Крису возможность и дальше ломать голову над тем, что сказать.

– Хорошо отдохнула?

Вот, вроде бы, обычный вопрос. Но от него просто за ми-

лю несло неприкрытым сарказмом с долей обвинения, по крайней мере Кэтрин так показалось, и она не выдержала. С силой захлопнув книгу и, выпрямившись в кресле, она гневно выдала на одном дыхании:

– Да, ты хоть понимаешь, что я места себе не находила? Ты исчез, оставил после себя цилиндр, весь перепачканный в твоей крови. В который раз, заметь! Это начинает походить на какую-то кровавую закономерность. Плюс ко всему, в цилиндре обнаружилась записка, очень туманного содержания, которая меня в конец напугала. И ты ещё смеешь спрашивать, как я отдохнула, таким тоном?

Запас воздуха в легких закончился и Кэтрин, тяжело дыша, откинулась на спинку кресла. Глаза непроизвольно закрылись, в попытке усмирить мысли, сорвавшиеся с цепи.

Крис, не ожидавший такой бурной тирады, на некоторое время лишился дара речи. Его безумно заинтересовало упоминание непонятной записки, но в данный момент он не решился поднимать эту тему. Для начала нужно разрешить их обоюдный вопросы друг к другу.

– Я не хотел так напугать тебя, прости.

Кэтрин слегка расслабилась и медленно кивнула. А он продолжил:

– Я помню, ты говорила, что для тебя это слишком. Так вот, для меня в каком-то смысле тоже. С моей стороны происходящее случается линейно и с более-менее рваными интервалами – 2-3 недели. Для тебя же проходят целые меся-

цы. И за это время в твоей жизни столько всего происходит. А я оказываюсь далёк от этого и ничего не могу с этим поделать, никак повлиять. И... Я знаю, что не имею никакого права от тебя что-то требовать, но я просто не могу ничего не чувствовать, понимаешь? Ты – важна для меня. И я...

– Не нужно, – резко прервала его Кэтрин, – не усложняй.

– А я все же скажу, даже, если из-за этого станет сложнее.

Я устал бояться.

Крис осторожно приподнялся с дивана, все ещё ощущая небольшую слабость, подошёл к Кэтрин и присел на пол рядом. Он взял ее руки в свои и нежно поцеловал каждую.

– Есть сей-час, помнишь? И здесь, и сейчас, я люблю тебя.

На мгновение Кэтрин забыла, как дышать. Она совершенно бездумно уставилась на Криса, часто моргая в такт гулко бьющемуся сердцу. Глубокий вдох, наконец, наполнил легкие воздухом, а резкий выдох разрезал тишину в комнате.

Все это время Крис мягко поглаживал ее ладони подушечками больших пальцев, сбивая, и так не особо стройный, ряд ее мыслей.

– Ты же понимаешь, что мы не должны были? – прошептала она.

Скользнув с кресла, она села напротив.

– Почему ты опять во всем видишь только проблемы?

– Потому что все, что между нами происходит и есть чертова проблема.

Она покачала головой в бессильной попытке доказать

правоту здравого смысла, хотя бы самой себе.

– Я сейчас.

Быстрым шагом она вышла из комнаты и вернулась уже со своим дневником. Она достала из него, сложенную вчетверо, записку и протянула Крису.

– Прочитай. Это то, что было в цилиндре.

Крис перечитал ее трижды. Пару раз он поднимал глаза на Кэтрин, перед тем, как просмотреть эти 6 строк ещё раз.

– Должно случиться что-то страшное. С кем-то из нас, а, может, с нами обоими. А автору этой записки нужно, чтобы мы были вдвоём, до поры до времени. Нас с самого начала готовили к тому, чтобы случилось то, что должно было случиться. И он, – она ткнула пальцем в послание, – знает, что произойдёт. Но, поверь мне, он все равно позволит этому случиться. Что бы это ни было. А мы ему, получается, только помогаем.

– Ты забываешь, что в моем времени, это событие – уже свершившийся факт. И произошло оно именно с нами.

– Да. И после этого, ты не смог меня найти в своём настоящем.

– Это ещё ничего не значит.

– Ты прекрасно знаешь, что это не так. Меня нет в будущем, – ее голос упал до шепота. – И этот человек знает, когда меня не станет.

В ее глазах отразилось отчаяние.

– Мне страшно, Крис, – тихо призналась она.

Он подсел поближе, чтобы крепко обнять ее. Сейчас она казалась маленькой испуганной девочкой, которую хотелось от всего защитить.

Вдруг, ему в голову пришла неожиданная, но, кажущуюся вполне логичной, догадкой:

– А может, это я сам и написал эту записку? Более взрослая версия меня, точнее. Подумай сама: я уже точно знаю, что и когда произойдёт, чего ожидать.

– Ты хочешь сказать, что это ты отправил самого себя в прошлое, чтобы мы с тобой встретились?

– Может так. А может, каким-то образом, решил тебя предупредить.

– Слишком сложно, ты не находишь? Двойное перемещение в прошлое и все, ради одной нашей встречи. Мне кажется, что объяснение должно быть простым. Оно должно быть на поверхности. Уверена, что мы просто что-то упускаем.

– А это что-то, может подождать до завтра? Я хочу побыть с тобой, а не с мисс Шерлок Холмс.

– Ты читал Шерлока?

– Обижаешь! И читал, и смотрел. Это же классика!

– Как много я о тебе, оказывается, не знаю, – задумчиво сказала Кэтрин.

Внезапно, её мысли вернулись к его недавнему признанию:

– Как думаешь то, что между нами – так задумывалось или это побочный эффект?

– Не знаю.

Крис ещё крепче обнял ее и зарылся носом в ее волосы.

– И, как давно ты это понял?

– Что именно?

– Что любишь и, вообще, без ума от меня?

Он мягко рассмеялся и поцеловал ее в висок.

– Ну, во-первых, я не говорил, что без ума от тебя.

Кэтрин тихонько фыркнула и не сильно стукнула его по руке.

– Это подразумевается по умолчанию, разве не так?

– Ладно, ладно, – согласился он, оставляя легкий поцелуй на ее щеке. – Наверное, когда начал искать тебя в своём времени. Я много думал: о тебе, обо мне, о нашей ситуации и осознание как-то само пришло.

– Ммм, – только и ответила Кэтрин.

Она немного вывернулась из его объятий, давая себе возможность заглянуть ему в глаза.

– Крис, – чуть растягивая его имя, начала Кэтрин и невинно улыбнулась. – Скажи ещё раз.

– Я. Тебя. Люблю.

Каждое слово – мимолетный поцелуй в губы.

Ее улыбка стала ещё шире, как у ребёнка, получившего долгожданный подарок. Она наклонилась к самому его уху и прошептала:

– Чтобы ты знал: я тоже тебя люблю.

Следующий день и последующие за ним принесли приветливое солнышко, взамен снежной непогоде. Снега за прошедшие сутки выпало предостаточно: он белыми шапками лежал на кронах деревьев, замёл все дорожки и тротуары и толстым слоем укрыл крыши домов во всем Лондоне.

Прошло уже 3 дня с появления Криса. Все это время они с Кэтрин провели за беззаботными прогулками и разговорами. В общем, вели себя так, как любая другая пара влюблённых молодых людей.

Помня о том, как они расстались в прошлый раз, Крис теперь очень тщательно следил за тем, чтобы вовремя сменить пластину в приборе на новую. Это развилось в небольшую паранойю: чем ближе подходило время, тем чаще Крис поглядывал на прибор, который, секунда за секундой, отсчитывал время назад. Кэтрин предлагала завести будильник, чтобы он оповещал, когда до окончания таймера останется минут 5, но Крис отказался, сославшись на желание контролировать время самому.

Вечером четвёртого дня они сидели за бокалами белого полусладкого, когда Кэтрин попросила:

– Расскажи мне о своей семье.

Крис от неожиданности чуть не подавился вином. Живот стянуло неприятным узлом. Он мог что-то соврать и отшутиться, но груз личной правды уже давно тяготил его, желая выплеснуться наружу. О его семье было известно Тому, и то не во всех подробностях.

Кэтрин сразу заметила его резкую смену настроения, и, положив ладонь поверх его руки, ласково сказала:

– Ты можешь не рассказывать, если не хочешь. Я не настаиваю.

Крис слегка мотнул головой, чтобы скинуть с себя тревожные мысли и, подумав, ответил:

– Нет, все в порядке. По правде говоря, я хотел бы поделиться этим с тобой.

Он сжал ее ладонь в ответ и глубоко вздохнул, прежде чем продолжить, глядя на их переплетенные руки:

– Своего отца я не помню. Он ушёл, когда мне не было и двух лет. Когда я немного подрос, то пытался разузнать о нем у мамы, но она каждый раз начинала плакать. Так что, я смирился с тем, что отца у меня нет. Моментами, я ужасно завидовал мальчишкам в школе, у которых были отцы. Они учили их казаться на флайбордах и играть в кибербол. А у мамы едва хватало денег на еду и одежду для нас.

– Нас?

– Да. У меня есть старший брат – Стивен. Он, он... Он пропал полтора года назад. Собственно, потому я и начал... В общем, он пропал, но я все ещё не теряю надежды, что он вернётся. Я знаю, что он жив. Просто не может не быть, понимаешь?

Крис замолчал и с отрешённым видом начал перекачивать вино в бокале. Ему было тяжело на физическом уровне рассказывать о своей семье. Тяжелее всего было осознавать, что

у него почти никого не осталось. Он все никак не мог привыкнуть терять родных людей. Да и, как вообще можно к такому привыкнуть?

Кэтрин встала со своего места, обошла Криса и, обняв его за плечи, крепко прижалась к нему сзади.

– Может не будем продолжать этот разговор? Прости, что задала такой вопрос.

– Тебе не за что извиняться. Я же сказал, что хочу поделиться этим с тобой. В моей жизни не так много людей, которым я могу доверять.

Эти его слова, как второе признание в любви. Как крик о помощи из чувства одиночества в толпе. В этом времени она – все, что у него есть. Да и в своём времени у него не многим больше.

Время – это все, что у них осталось, кроме друг друга. И его было так катастрофически мало. Слишком мало, даже для одного человека, что уж говорить о двух. Оно беспощадно и милостиво одновременно. Оно – сама жизнь и, вместе с тем, протекает будто отдельно, едва затрагивая ее струны.

В такие минуты хотелось остановить это самое время. Чтобы просто остаться с Кэтрин, на этой кухне. Чувствовать, как она прижимается к спине, ее голос ласковым шепотом щекочет ухо, а тёплое дыхание согревает до самого сердца.

– Ты можешь рассказать мне, что захочешь, – твёрдо заявила ему Кэтрин, целуя в макушку. – Я рядом.

– Спасибо. Так, на чем я остановился? – Школа, – отве-

тил он сам себе, намеренно игнорируя оговорку о брате. – В школе я познакомился с Томом. Он был главным тихоней класса. И, по правде сказать, вначале я его жутко задираю. Я был не очень умным ребёнком, как ты понимаешь.

Кэтрин тихонько захихикала, чем вызвала улыбку Криса, и он продолжил:

– А он, вдруг стал помогать мне с домашними заданиями, делился вкусными сладостями, давал покататься на флайборде, так как своего у меня не было. В общем, делал все, чтобы со мной подружиться. Когда я пообщался с ним поближе, он оказался совсем не таким занудой, каким я его себе представлял. Так мы и сблизились. Хотя, он мне гораздо больше, чем друг. Хотел бы я вас познакомить. Он бы тебе понравился.

– А он знает обо мне? – спросила Кэтрин, переместившись обратно на стул.

– Я ему все уши о тебе прожужжал, – весело ответил Крис, при этом его щеки очень мило порозовели. – А ещё он помогал тебя искать. Мы потратили целый день в библиотеке, штудировав досье. Должен сказать, что я совсем не уверен, что мы тогда выбрали все возможно правильные.

Он сказал так, чтобы хоть немного успокоить Кэтрин, опуская замечание доктора Харриса перед одним из сеансов.

– А потом мы вместе ездили к потенциальным Кэтрин Уайт. Познакомились с очень милой твоей полной тезкой из Рипли.

И он вкратце пересказал эту, местами печатную, историю.

– А ведь это могла быть я, – задумчиво проговорила

Кэтрин, совсем тихо.

– Но она – не ты. А ты просто опять прячешься от меня.

Как тогда, в Австралии. Но я найду тебя, обещаю. В каком бы ни было времени. Ты ещё от меня не отделаешься.

Она слабо улыбнулась, когда он легонько щелкнул ее по носу.

– Не хочу, чтобы ты уходил.

– Но я ведь всегда возвращаюсь. Эй, ну ты чего загрустила? Так не пойдёт.

Он поднялся со стула и подошёл к Кэтрин, подавая ей руку.

– Вставай.

– Что ты задумал?

Кэтрин уставилась на него в непонимании, но руку, все же, подала.

Он резко притянул ее к себе так, что она вскрикнула от неожиданности. Крис закинул ее руки себе на плечи, а свои – положил ей на талию и начал вести их по кругу в такт ему одной известной мелодии.

– Ну же, улыбнись, – шепотом попросил он, ловко покружив ее вокруг своей оси и обняв сзади.

Кэтрин немного растерялась, но быстро позволила Крису вести себя, наслаждаясь магией и, одновременно, нелепостью момента.

Он разорвал объятия, все ещё сжимая ее ладони в своих, легким танцевальным па отошёл от неё на расстояние их вытянутых рук, почти что врезаюсь в столешницу у окна. Габариты ее кухни явно не были предназначены для танцев.

Кэтрин уже во всю улыбалась, не отрываясь смотря Крису в глаза.

– Не знала, что ты ещё и танцор.

– В детстве мы с мамой часто смотрели старые романтические комедии, в которых всегда много танцевали. Мама иногда танцевала со мной и с братом и говорила, что у меня неплохо получается.

– Ну, в чём-то она права.

– Эй, я почти так ж хорош, как Патрик.

– Ладно, ладно, – одобрила его умения Кэтрин сквозь смех.

– Ну, а ты?

– Что я?

– Чем занималась в детстве?

Они вместе сделали ещё пару кругов по кухне, прежде чем Крис отпустил Кэтрин, и они вернулись на свои места у окна.

– Мои родители таскали меня на все, что только можно: начиная от плавания до занятий китайским. По итогам плавать я так и не научилась, голос и музыкальные способности оказались довольно посредственными, для серьёзных занятий рисованием мне явно не хватало усидчивости, а из языков получилось выучить только итальянский, да и тот, в ос-

новном, по песням о любви.

– А журналистика?

– Мне всегда нравилось писать. В детстве и, когда была подростком, то сочиняла стихи для школьных вечеров талантов. А в старших классах стала работать в школьной газете: освещала важные проблемы завтраков в столовой и длины юбок у девочек из группы поддержки. Нет, были, конечно, и более серьезные темы, но они не пользовались популярностью у читателей, что меня очень огорчало. Я даже подумывала об открытии своей независимой газеты, чтобы писать о том, о чем хочется. Но, когда поделилась этим с отцом, он посоветовал выбросить этот бред из головы и серьезно заняться учебой. Он видел меня успешным юристом, а не легкомысленным, как он говорил, журналистом, рыскающим везде в поисках сенсаций.

Кэтрин ненадолго прервала свой рассказ, чтобы собраться с мыслями. Подобные откровения для неё также были в новинку. Но их сегодняшний импровизированный “вечер серьезных разговоров”, как нельзя лучше располагал к откровениям. Быстрым движением поправив волосы и отбросив назад, выбившуюся из них ленту, она продолжила:

– Знаешь, мне всегда было важно именно его одобрение. Мама и так во всем меня хвалила и поддерживала, даже, когда у меня что-то откровенно не получалось. А вот его похвалу было получить практически нереально. Мне казалось, что я всегда его только разочаровывала. Потому что не до-

стигла значительных высот, не была той, какой он хотел меня видеть. Знаю, что со временем он рассчитывал передать мне свой бизнес. Может быть, до сих пор рассчитывает. Но в один прекрасный день я поняла, что это не то, чем я хочу заниматься в жизни. Мы тогда сильно поругались: он кричал, что я не получу от него ни цента, а я психанула, собрала вещи и ушла. Пару недель я жила у друзей, пока, наконец, мама не уговорила меня взять у неё денег и снять себе квартиру. Так, я поселилась здесь, поступила в университет. А с отцом мы до сих пор почти не общаемся, редко видимся, в основном, на семейных вечерах, на которых, считай, что не разговариваем. Знаю, звучит, как история избалованной деньгами девчонки, которой захотелось независимости.

Кэтрин горько усмехнулась и залпом допила вино, характеризуя этим окончание своей тирады.

– Совсем нет, – заверил ее Крис. – Я так не считаю. Мне жаль, что отец не поддержал твои стремления.

– Мне тоже. Надеюсь, когда я начну работать в серьезной газете, он все же поймёт, что я чего-то да стою.

– Ты сейчас работаешь над чем-то?

– Да, у меня итоговая работа на носу плюс мой индивидуальный проект, с которым, пока что все сложно.

– А он, случайно, никак не связан с тем ... инцидентом в заброшенном здании?

– Связан. После него, как раз, у меня и возникли сложности. Я побоялась копать глубже. В своё время ко мне попа-

ли материалы о не совсем легальном бизнесе на территории Британии. На данный момент, я продолжаю собирать информацию, но не предпринимаю таких активных действий. Того раза мне хватило. Но я намерена довести это дело до конца. Для меня это, в каком-то смысле, личное.

Она снова замолчала, раздумывая, не сказала ли, чего-нибудь лишнего. Некоторые моменты своей жизни она хотела бы сохранить в тайне, даже от Криса. Про себя она называла их личным крестом. И, как бы ни было тяжело морально, она и дальше собиралась нести его одна.

– А то, чем занимается твой отец, может быть как-то связанной с нами? Может это о нем пытаются узнать из будущего?

– Даже не знаю...

Кэтрин задумчиво прикусила губы и пожала плечами.

– Его бизнес связан с инвестиционными проектами по всей Британии. Но, с какими именно, я не имею ни малейшего понятия. Я никогда не интересовалась его делами. Знаю, что на кону всегда стояли большие деньги и были замешаны влиятельные люди. Из-за этого за мной все детство и школьные годы таскалась пара-тройка охранников.

– Даже сейчас?

– Сейчас они держаться на расстоянии, но я все равно их замечаю иногда. Поверь, я не в восторге от этого. Но, на данный момент – это максимум свободы, который я смогла отвоевать.

– Вот, значит, какая обратная сторона жизни богатых и знаменитых.

– Как бы банально ни звучало, я всегда хотела обычной жизни. Нет, мне, конечно, нравилось, что мне покупали все, что я просила, но главное ведь не это. Из меня всю жизнь делали человека, которым я не хотела быть. Так что теперь, даже свои ошибки я воспринимаю с гордостью. Просто, потому что они мои.

– А я всегда боялся ошибок. И поэтому совершал их ещё больше.

– Но, в том числе, благодаря им ты стал тем, кем ты есть сейчас. Ни больше, ни меньше.

– Есть ошибки, последствия которых преследуют до сих пор.

– Расскажешь? – робко спросила Кэтрин, накрыв его ладонь своей и внимательно глядя на его лицо.

Он избегал ее взгляда и ответил кратко, опустив глаза:

– Как-нибудь в другой раз. Мы этим вечером и так раскрыли друг другу много тайн.

– Конечно, ты прав, – Кэтрин широко улыбнулась, чтобы показать, что все в порядке. – К тому же, уже поздно. Пойдём спать.

– Какое заманчивое предложение. Пожалуй, не смогу тебе отказать.

Это был последний день пребывания Криса в прошлом за этот сеанс. И начался он очень рано и со звонка в дверь.

– Может, не будем открывать? – сонно спросила Кэтрин, поймав такой же взгляд Криса и, натянув одеяло повыше, укрылась с головой.

К звонку в дверь добавился ещё и звонок телефона, так что Кэтрин все же пришлось покинуть тёплую кровать.

– Да, мама, привет, – услышал Крис из соседней комнаты. – Да, дома. Это ты пришла? Что-то случилось? Так, подожди, я сейчас открою, и ты мне все расскажешь.

Кэтрин вернулась в спальню и словила вопросительный взгляд Криса.

– Это моя мама пришла, – сообщила она, в спешке натягивая футболку и пижамные штаны. – Будет лучше, если ты тоже оденешься.

Поймав своё отражение в зеркале, она быстро причесалась и подошла к Крису.

– Прости, что так получается. И именно в последний день. Но просто так она бы не приезжала. Что-то случилось.

– Ничего, я все понимаю. Позовёшь, когда мне будет можно выйти.

– Конечно. Мы будем в гостиной, так что кухня в твоём распоряжении. Не скучай, – напоследок сказала Кэтрин, чмокнула его в губы и пошла открывать.

– Мама, – Кэтрин крепко обняла ее прямо на пороге. –

Проходи скорее. Что случилось?

Миссис Уайт выглядела очень бледной и осунувшейся. Ее, обычно аккуратно уложенные, волосы были собраны в небрежный пучок, а из глаз вот-вот готовы были политься слезы.

Кэтрин помогла ей снять пальто, провела в гостиную и усадила на диван.

– Тебе что-нибудь принести?

Девушка была не на шутку перепугана состоянием матери. У себя в голове она успела составить уже с десяток ужасных сценариев, но старалась отогнать от себя дурные мысли. Что бы не произошло, они справятся. Всегда справлялись.

– Воды, пожалуйста.

– Сейчас вернусь.

Когда Кэтрин вошла на кухню, Крис заглянул к ней и шепотом спросил:

– Ну, что там?

– Пока не знаю, – так же шепотом ответила она. – Но мне совсем не нравится, как она выглядит.

– Я буду рядом, если что.

– Знаю. Спасибо тебе.

Она слабо ему улыбнулась и, собравшись с духом и кивнув самой себе, что все будет хорошо, вернулась к маме.

– Вот. Выпей, успокойся и расскажи, что произошло.

Кэтрин передала ей стакан с водой, отмечая, как слегка подрагивали ее пальцы.

Миссия Уайт сделала большой глоток и, тяжело сглотнув, наконец, сказала:

– Папу арестовали.

– Что? Когда это произошло?

– Вчера вечером. Его забрали прямо из офиса. Мне уже ночью, по факту, позвонил мистер Эдвардс, наш адвокат.

– И, в чем его обвиняют?

– Операции, связанные с торговлей наркотиками. Пока что, только подозрение. Его взяли под стражу. Мистер Эдвардс будет добиваться освобождения под залог.

– Не могу в это поверить.

Происходящее действительно не желало укладываться у Кэтрин в голове. Она вовсе не считала своего отца святым и никогда не исключала, что он ведёт, не совсем честный, но, по крайней мере, легальный, бизнес. Но подозрения в связях с наркотиками. Для такого должны быть веские основания.

– Ты уже с ним говорила?

– Сегодня собираюсь поехать. Поедешь со мной?

Миссис Уайт нервно прокручивала в руках стакан. Она была испугана и растеряна. Но сейчас, глядя на свою дочь, внешне предельно спокойную, она и сама успокаивалась.

– Да, конечно, поеду. Но, сначала, мы с тобой позавтракаем, и ты хоть немного отдохнёшь. Ты ничем не сможешь помочь папе, если доведёшь себя до нервного истощения.

Миссис Уайт впервые за сегодня слегка улыбнулась. Она мягко провела ладонью по щеке дочери, а в уголках глаз ста-

ли собираться слезы.

– Моя девочка. Ты так повзрослела.

– Мама, ну, перестань. Ты чего? – подсев к ней вплотную, с беспокойством спросила Кэтрин и крепко обняла ее. – Не плачь, ладно?

– Ладно. Не буду.

– А теперь, пошли завтракать. Ой, и ещё кое-что. – Кэтрин закусила губу, подбирая правильные слова. – Я знаю, что сейчас не лучшее время, но я тебя кое с кем познакомлю.

Миссис Уайт вопросительно на неё посмотрела:

– С кем же?

– Я тебе о нем не рассказывала. В общем, это долгая история. Я тебе обязательно расскажу ее полностью, а, пока что, просто познакомлю. Мама, он хороший, правда. Будь с ним помягче.

Миссис Уайт внимательно посмотрела на дочь, которая, вдруг, растеряла свою недавнюю уверенность, залилась краской смущения и не знала, куда деть свои руки от подступившего волнения.

– Ну пойдём знакомиться с этим кое с кем, в которого ты по уши влюблена.

Этим утром воздух в квартире Кэтрин был пропитан разными чувствами абсолютно противоположного характера: радость, безнадежность, забота, отчаяние. Но сейчас главной была неловкость, которую испытывали, по крайней ме-

ре, двое из присутствующих. Кэтрин, которая впервые знакомила парня с мамой, к тому же парня с подобной историей. И Крис, который со всеми остальными в этом времени, кроме Кэтрин разумеется, чувствовал себя предельно неуютно.

Вдобавок, Криса на покидало ощущение, будто он находится под микроскопом. Временами миссис Уайт смотрела на него долгим взглядом, молча и внимательно, но по большей части размышляла о чём-то своём, глядя в окно перед собой.

Закончив с завтраком, Кэтрин нарушила тишину, намеренно громко и фальшиво улыбочиво:

– Мама, ты пока можешь отдохнуть у меня в спальне, а я разбужу тебя через пару часов и вместе пойдём... к папе.

– Не думаю, что в этом есть необходимость. Мы прекрасно можем пойти и сейчас.

– Ещё очень рано и, к тому же, ты мне обещала, – сказала Кэтрин тоном, не терпящим возражений. – Поспи немного.

– И в кого ты такая упрямая?

– В тебя, мамочка.

Проводив миссис Уайт в спальню и взяв с неё обещание не думать о плохом и постараться заснуть, Кэтрин вернулась к Крису.

– Ты как? – мягко спросила она, подходя к нему сзади и положив руки на плечи.

– Я-то нормально. Так понимаю, что я ещё легко отделался, учитывая то, что мы, в основном молчали.

– Да, в любой другой ситуации ты бы не остался без подробного расспроса.

Крис развернулся на стуле, чтобы лучше видеть Кэтрин, как раз, чтобы заметить тень беспокойства, мелькнувшую в ее глазах.

– А ты как? Расскажешь, что произошло?

– Моего отца вчера вечером арестовали. Я не знаю подробностей, но его подозревают в связях с наркобизнесом.

Глаза Криса на миг расширились, а в голове мелькнули мысли о тайнах, которые он так и не раскрыл Кэтрин.

– Мне очень жаль, – только и смог сказать он. – Я могу чем-то помочь?

Кэтрин отрицательно помотала головой.

– Я сама не знаю, чем сейчас можно помочь и, что я могу сделать. Этим делом занимается наш адвокат. Мы сегодня с мамой как раз идём с ним на встречу. Во сколько ты возвращаешься обратно?

Крис сверился с прибором, который показывал 41% заряда.

– Примерно в 5 вечера. Успеете вернуться?

– Не знаю, но очень надеюсь, что да. Неизвестно, на сколько в этот раз ты пропадёшь.

– Но я же вернусь, я обещаю.

“По крайней мере это я могу обещать точно”, – подумал Крис, притянув Кэтрин к себе в крепком объятии. Ведь он знал – следующий сеанс – последний.

Среди повисшей тишины раздался второй за утро звонок в дверь. Кэтрин чуть вздрогнула в руках Криса от неожиданности.

– Ты ждёшь кто-то? – спросил Крис, выпуская ее из объятий.

– Не жду, но сегодня, пожалуй, день неожиданных посетителей, – ответила Кэтрин с тяжелым вздохом.

Это утро уже показало, что ранние, незапланированные визиты не сулят ничего хорошего.

– Это принесли письмо для Майка, – сказала Кэтрин, как только вернулась. – Мне до сих пор приносят его почту. Весь ящик завален его журналами.

Она бросила конверт на стол, аккуратно перед Крисом, и, схватив телефон, начала набирать Майку сообщение, пока не забыла.

Крис опустил глаза на конверт и его взгляд зацепился за знакомую фамилию в поле получателя. Там значился Майк с фамилией Харрис собственной персоной.

– Ты думаешь, что Майк – это доктор Харрис из твоего времени? – уточнила Кэтрин в который раз после того, как Крис высказал ей своё предположение.

Вопрос был риторический, потому он лишь неопределённо пожал плечами, прежде чем ответить:

– Ты мне скажи. Я ведь о нем ничего не знаю: кто он такой, чем занимается, может ли он быть гениальным изобре-

тателем машины времени? – с нескрываемым сарказмом, закончил Крис.

– Мы, вроде, решили вопрос с ревностью, разве нет? – спросила Кэтрин, выгнув бровь.

– Это не ревность, – фыркнул Крис и продолжил немного спокойнее, – просто его, вдруг, стало слишком много.

– Ты ведь даже не уверен, что это он!

– Но я и не уверен, что это не он! – парировал он в ответ.

– Совершенно бессмысленный спор получается. Я знаю, что я ничего не знаю, – заключила Кэтрин словами философа.

– Это пока, – отмахнулся от неё Крис.

– Даже, если это и он, мы все равно возвращаемся к вопросу “почему”.

– Из-за тебя, конечно.

– Но почему тогда он сам не вернулся? Зачем отправлять тебя?

– Согласованность времени, помнишь?

Как будто это было ответом на все их вопросы. Хотя, на самом деле и было. Независимо от того, насколько это укладывалось в голове.

– По-моему, мы ходим по кругу в этих рассуждениях.

– Это, как бы, и есть круг. Замкнутая петля времени.

– Да знаю я, – огрызнулась Кэтрин, – хоть и не до конца понимаю.

Она глубоко вздохнула, присаживаясь рядом с Крисом.

– Тебя совсем не пугает эта тотальная предопределенность? Просто, я, как подумаю, что каждый мой шаг уже был сделан и повлиял на будущее определённым образом, привёл его к одному-единственному исходу, у меня голова идёт кругом.

– Не думаю, что она такая уж и тотальная.

– Ты считаешь, что прошлое можно изменить?

– Да, если знать, что менять.

– А, как же согласованность времени?

– Если, например, менять незначительные детали, то глобальная картина от этого не измениться.

– Зачем тогда вообще что-то менять?

– Просто, потому что можешь, – пожал плечами Крис, вглядываясь в пейзаж за окном. – Или, чтобы изменить хоть что-то. Не всегда на все можно найти логичное объяснение.

– А ты бы хотел что-то изменить, будь у тебя возможность? – спросила Кэтрин так тихо, будто сама испугалась своего вопроса.

– Думаю, что у каждого есть такие моменты.

Он надолго замолчал.

Там, снаружи, завывал ветер, отчаянно терзая оконные стекла своими холодными порывами, пригибая, в попытках сломать, сухие ветки деревьев, растущих вдоль улицы.

В какой-то миг Крису подумалось, что только один ветер и волен над своей судьбой. В его власти подчинять другие жизни, ломать их и перекраивать себе в угоду. Так же и вре-

мя. Оно не разбирает, что и с кем творит. Оно просто есть и ему все равно.

Ты можешь изменить песчинку, но это не поменяет океан.

“А, если знать, что ты все равно не сможешь ничего изменить, будешь ли ты пытаться?”

Ответ очевиден, казалось бы. Но только не тогда, когда тебе дают такую возможность. На этот случай всегда есть пресловутое “а вдруг”, которое разбивает любые рациональные убеждения. Можно назвать это слепой надеждой или верой в чудо. Но человеку нужно во что-то верить. Особенно, в трудные времена.

– В моей жизни было достаточно событий, которые я хотел бы изменить. Но, почти все они были следствием моего выбора.

Кэтрин внимательно посмотрела на его лицо, пытаясь понять, что такого могло произойти в жизни молодого парня, что натолкнуло его на подобные мысли.

– Не ошибается тот, кто ничего не делает, – подметила она, чтобы прервать текущий поток мыслей: Криса и своих собственных.

– Это не отменяет ущерб от совершенных ошибок.

– Я уже не рада, что спросила, – сказала Кэтрин неловко улыбнувшись.

Крис, наконец, повернулся к ней и посмотрел прямо в глаза, так пристально, что Кэтрин на доли секунды даже стало неудобно под этим взглядом.

– Если бы я мог, я бы сделал так, чтобы мама была здорова.

Кэтрин даже рот приоткрыла от такого неожиданного откровения, но сказать так ничего и не смогла.

– Была авария, несчастный случай. Ее спинной мозг оказался поврежден. Почти сразу она впала в кому. Нужно дорогостоящее лечение. Этот проект – шанс для меня заработать нужную сумму. Но, даже после этого, врачи не дают никаких гарантий.

– Мне так жаль, – Кэтрин взяла его за руку и сжала так крепко, как только смогла. – Ты делаешь все возможное.

– Да, – отрешенно согласился Крис. – Наверное. Только этого все равно не достаточно.

Кэтрин оставалось только промолчать в ответ. Тяжёлые мысли и неспособность помочь, лишали всякого энтузиазма. Этот день только начался, а его уже было слишком много, слишком тяжело, слишком лично и слишком по больному.

У каждого есть история, которую он не в силах изменить, как бы не хотел. Она может, на какое-то время, выбивать почву из-под ног, утаскивать на дно, лишать последней надежды. Но, сильные люди балансируют, выплывают, держаться изо всех возможных сил. Особенно, когда есть к кому возвращаться, будь то прошлое, настоящее или будущее. Несмотря на то, что самые дорогие люди находятся по разные стороны времени.

– Отец же приходил к тебе неделю назад? – спросила миссис Уайт.

Они с Кэтрин неспешно шли по парковой дорожке после встречи с адвокатом, которая не принесла желаемого облегчения. Вопрос об освобождении под залог был все ещё на рассмотрении, а дата первого слушания по делу уже была назначена.

– Да. А что, он тебе не говорил?

– На тот момент, об этом знали только ты и он.

– К чему такая секретность? – спросила Кэтрин в полнейшем недоумении. – Или это был не просто визит любящего папочки?

– Ты всегда была умницей, дочка, – сказала миссис Уайт ровным тоном.

От утренней истеричной растерянности не осталось и следа. Она стала лишь недолгой слабостью, на смену которой очень скоро пришла спокойная рассудительность, с долей хладнокровия.

– Где ты его застала?

– На кухне. Он пил кофе. И для меня заварил чашечку.

Кэтрин остановилась и взглянула на маму с недоверием собственной догадке:

– Ты же не хочешь сказать, что он что-то у меня спрятал?

– Это я, как раз, сказать и не хочу. А вот то, что он там что-то оставил – это факт.

– Так он виновен? – чересчур громко спросила Кэтрин,

забыв о всякой осторожности.

– Ты ещё покричи об этом перед полицейским участком! – сурово осадила ее миссис Уайт. – Для твоего же блага, отец не посвящал тебя в дела, которые ведёт, – уже сдержаннее добавила она. – Впрочем, и мне известно не многим больше. По той же причине. К нашему счастью, у нас отличный адвокат и налаженные связи.

– Что ты такое говоришь? – Кэтрин просто не верила своим ушам. – Ты все это время знала?

– Я же сказала, что только в самых общих чертах. Мне этого было достаточно.

– И что же конкретно ты знаешь?

– Что, помимо инвестиций, у него есть и другой бизнес, который, по понятным причинам, ведётся под прикрытием.

– Это наркотики? – тихо уточнила Кэтрин, тяжело сглотив неприятный ком в горле.

– Я не знаю, – больше походило на то, что миссис Уайт говорила правду, хотя в данных обстоятельствах Кэтрин уже ни в чем не могла быть уверенной.

Миссис Уайт взяла дочь за руку, останавливая ее и заставляя повернуться к себе.

– Что бы там ни было, он был и остаётся твоим отцом. А мы – его семьей. И мы поддержим его во всем.

Кэтрин легонько кивнула, но про себя совсем не была готова так быстро соглашаться с мамой. Та, в свою очередь, вполне удовлетворённая немым ответом дочери, отпустила

ее руку и, как ни в чем не бывало, пошла вперёд, оставляя за собой ровную дорожку следов на свежевыпавшем снегу.

Кэтрин проводила ее долгим взглядом и смогла сдвинуться с места далеко на сразу. К горлу подступила тревога, которая сдавила его, словно тисками, мешая сказать хоть слово и думать рационально. Картина привычного мира, казалось, такого понятного, рушилась с каждым шагом вперёд, с каждым словом, с каждой пугающей мыслью. Хотелось расплакаться, так по-детски громко и навзрыд, от обиды и несправедливости, но Кэтрин позволила пролиться только одной слезинке, прежде чем впустить в легкие побольше морозного воздуха и догнать миссис Уайт уже на самом краю парка.

– Поехали к папе, дорогая, – сказала та, с мягкой улыбкой, заслышав приближение дочери. – Он будет рад тебя видеть.

Домой Кэтрин вернулась уже ближе к вечеру. Уставшая, не столько физически, сколько морально.

На встрече с отцом все больше говорила мама. Она же выдавила из себя тихое “Привет”, а остальное время рассматривала его. Он показался ей совершенно незнакомым, чужим человеком, к которому она не испытывала никаких эмоций. Резко улетучились злость и подростковая обида. Им на смену пришло безликое безразличие, когда уже не хотелось ни правды, ни понимания. Возможно, позже придёт желание во всем разобраться, принять для себя решение, как дальше к нему относиться. Но сейчас вместо эмоций была пустота.

Услышав щелчок замка и, последовавший за ним, тихий хлопок входной двери, Крис вышел в коридор. Кэтрин стояла спиной к нему и лицом, к уже закрытой, двери. До его слуха донеслось еле слышное клацание внутреннего замка: Кэтрин явно пыталась сделать больше оборотов, чем нужно. Крис окликнул ее и она, заметно вздрогнув, наконец, перестала возиться с замком и медленно обернулась. Ее лицо было бледным, лишенным малейших красок, глаза смотрели словно сквозь него, совершенно отсутствующим взглядом. Она выглядела потерянной и беспомощной. Запоздалые рыдания хлынули из неё неудержимым потоком и Крис, преодолев расстояние между ними, привлёк ее к себе. Ее тело тряслось мелкой дрожью, а дыхание стало рваным и хриплым.

Крис, без малейших возражений с ее стороны, отвёл ее в гостиную, усадил на диван, дал выпить стакан воды. После трёх глотков и пяти глубоких вдохов, Кэтрин немного успокоилась, но так и продолжала сидеть молча. Только придвинулась к Крису поближе и положила голову ему на плечо, находя в нем опору.

– Все так плохо, да? – наконец, спросил Крис.

– Я сейчас не хотела бы это обсуждать, прости. Это слишком сложно.

– Конечно, я понимаю. Не нужно извиняться. Если тебе что-нибудь нужно, ты только скажи.

Кэтрин резко подскочила с дивана, от внезапного озаре-

ния, и потащила Крису за собой, на ходу рассказывая:

– Вообще-то, ты можешь мне помочь. У тебя же ещё есть время?

Услышав его утвердительное “угу”, она продолжила:

– Мне нужно кое-что найти на кухне. Я не знаю, что это и где его искать. Но это будет явно выбиваться из привычного набора кухонных принадлежностей.

– Ты меня пугаешь.

Крис был озадачен такой внезапной сменой настроения и действий.

– Не бойся. Просто папочка перенёс свои секреты ко мне на кухню, – загадочно уточнила Кэтрин, а в ее глазах вспыхнул недобрый огонёк.

Толстенная папка с документами нашлась практически сразу в духовом шкафу. Учитывая частоту его использования, она рисковала пролежать там довольно долго. Даже при их беглом рассмотрении, от количества описываемых лиц и компаний путались мысли. На то, чтобы изучить все подробно, потребовался бы явно не один день, а, может, и не одна неделя. Через все бумаги красной нитью шло упоминание некоего продукта X. Но ни о том, что он из себя представляет, ни о сфере его применения, сведений не было.

– Должно быть что-то ещё, – постоянно твердила Кэтрин, откладывая в сторону очередную бумажку. – Эти документы, безусловно, важны, но улика слабенькая. Похоже, отец принёс их сюда просто на всякий случай.

– Что-то я плохо соображаю, – сказал Крис, потирая переносицу. – Заварю себе кофе. Ты будешь?

Он оставил просмотр своей половины документов и прошёл к подвесному шкафчику, где стояла банка с кофе.

– А? Что? Кофе? Да, мне тоже завари, – на автомате ответила Кэтрин.

И тут ее осенило. Она щелкнула пальцами и, подлетев к Крису, громко сказала:

– Ну, конечно. Кофе. Тем утром он как раз заваривал мне кофе.

Крис не понял, чем вызвано ее ликование, поэтому уточнил:

– И что?

– А то, что после того дня я ещё ни разу не пила кофе дома. Вдруг в банке что-то спрятано?

Она бережно взяла банку из рук Криса и открутила крышку. Внутри она, почти до краев, была наполнена ароматным кофе. Покопавшись в ней пальцами, она сразу нащупала что-то гладкое и прохладное. Это оказалось металлическим футляром, по размеру не больше сигары.

Переглянувшись с Крисом, который во все глаза смотрел на находку, она раскрутила футляр. Содержимым оказалась прозрачная колба из плотного стекла, заполненная ярко-зеленой жидкостью.

– Что это такое? – недоуменно спросила Кэтрин, скорее у самой себя, но Крис ей ответил:

– Я знаю, что это.

Сигнал на его приборе начал отсчёт оставшейся ему минуты.

Кэтрин уловила резкое изменение его настроения, мягко провела ладонью по его щеке и, понизив голос до шепота, попросила:

– Расскажи мне.

– Пожалуйста, не спрашивай, откуда я знаю.

– Я не буду, – уверенно пообещала она.

Крис ответил, поколебавшись несколько секунд:

– Эта штука, – он даже поморщился при ее упоминании, – самый популярный наркотик моего времени.

Кэтрин чуть было не выронила колбу и уставилась на Криса, округлившимися от удивления и страха, глазами.

– Мне уже пора. Помни, что я люблю тебя.

– Я тебя тоже люблю, – только и успела сказать она, прежде чем он исчез.

Секундой позже на полу ее кухни расплылось зелёное пятно.

Глава 18

Луч от фар проезжающей одинокой машины осветил крошечный мрак затихшего здания. Прошёл мягким светом сквозь оконные стекла, выхватывая очертания рабочих столов и кресел, высоких шкафов и навесных полок, кое-где отражаясь от зеркальных потолков. Путешествуя по пустым

кабинетам, он не находил ни одной живой души в этот полуночный час. Пока не осветлил, заснувшего прямо за своим столом, доктора Харриса, который уже не первый вечер проводил на работе, за чтением записей в дневнике Кэтрин Уайт и просмотром отчета мыслей Кристиана Стара. Обычно, он мог увлечься настолько, что отвлечь его мог только яркий луч солнца, при неожиданно быстром наступлении утра. Но сегодня его внезапно одолел сон, что в последнее время, на фоне, уже ставшей хронической, бессонницы, было редкостью.

Однако, сон был недолгим и был прерван неосторожным лучом той самой одинокой машины, который, по ощущениям Харриса, буквально проник под веки, отразившись на сетчатке глаза.

В конце концов, Харрис проснулся, а вместе с ним очнулась, резким, неприятным приступом, головная боль. Также его частая спутница.

Он резко вскинул голову и сонно огляделся, потирая правую щеку, которую успел отлежать. Неяркое свечение лампы, установленной на ночной режим, отбрасывало желтоватый круг света на стол и, разложенные на нем, бумаги.

Поморщившись от стучащей в висках боли, Харрис поднялся и подошёл к окну. Фонари на улице давно погасли, машина, разбудившая его, уже скрылась за поворотом, а бледный полумесяц только что выглянул из-за сизых туч. Он устало потер переносицу, пока глаза привыкали к полутьме.

Это был долгий путь, длиной, без малого, в десять лет. Десять лет упорной работы, когда одна удача идёт за десятками провалов, маленький шаг стоит сотен миль галопом, каждый день, где есть удача и эти самые шаги, затмевает годы.

Харрис часто ловил себя на мысли, что прошедшее время – ничтожно мало, а затраченные силы – несоизмеримо больше. При этом, желание бросить задуманное на полпути не возникало ни разу.

Даже сейчас, когда он чувствовал себя на пять, а то и на все десять лет старше своего реального возраста, конечная цель, уже упорно маячившая на горизонте, как путеводная звезда, вела вперёд.

Харрис достал пачку сигарет из внутреннего кармана пиджака и закурил, выпуская кольца дыма прямо в оконное стекло. Эту пагубную привычку он приобрёл по дороге, вместе с головной болью и бессонницей. Курение для него стало универсальным средством, помогавшим, и сконцентрироваться на задаче, и отвлечься.

Необходимость засиживаться допоздна на работе пропала ещё с началом активной фазы проекта, но привычка осталась. Да и спешить домой ему было не к кому: у его единственного сына Брайана уже давно была своя жизнь. А мать Брайана умерла ещё много лет назад, когда тот был ещё младенцем. Харрис тогда очень тяжело переживал свою потерю и с головой ушёл в работу и воспитание сына. Его одиночество не было вынужденным, а стало результатом правильно

расставленных приоритетов, по крайней мере, для него самого.

Сигарета превратилась в дымящуюся горстку пепла, а доктор Харрис вернулся в своё рабочее кресло. Бросив короткий взгляд на фотографию сына в стеклянной рамочке в правом углу стола, он пальцем поддел квадратик бумаги, закреплённый под внешней окантовкой рамки. Перевернув его изображением вверх, Харрис ещё долго смотрел на смеющихся и таких счастливых Кристиана Стара и Кэтрин Уайт из 2019го.

Городской парк, едва припорошенный свежим снегом, был особенно многолюден этой декабрьской субботой. Погода стояла солнечная и слегка морозная, что, безусловно, располагало к прогулкам. Детишки бегали наперегонки на коньках по большому катку, залитому в самом сердце парка. По широким аллеям, никуда не спеша и не замечая никого вокруг, прогуливались влюблённые парочки, крепко прижимаясь друг к другу.

Стройные ряды торговых палаток источали аппетитные ароматы жареных на гриле сосисок, сладких пончиков, присыпанных сахарной пудрой и пряного глинтвейна. За всем этим добром выстраивались целые очереди из желающих перекусить на свежем воздухе.

Казалось, что весь город съехался сегодня в парк, чтобы насладиться отличным выходным днём и окунуться в атмо-

сферу стремительно приближающегося праздника.

Доктор Харрис выбрал для прогулок более отдаленную часть парка в направлении озера, в котором в летнее время плавали лебеди и декоративные уточки, а зимой его поверхность, в особо холодные дни, полностью затягивалась ледяной коркой.

– Прекрасная погода, не правда ли, Харрис?

Харрис обернулся на голос. В нескольких шагах от него стоял высокий мужчина в чёрном пальто, наглухо застегнутом на все пуговицы. Его истинный возраст выдавала лишь частая седина в волосах и, едва уловимая, затруднительность в движениях, пока он подходил ближе.

– Не ожидал Вас здесь встретить, мистер Уайт, – ответил Харрис, игнорируя, заданный для проформы, вопрос. – Чем обязан?

Харрис прекрасно понимал, что встреча совсем не была случайной. Во всем, что касалось мистера Уайта случайностей быть не могло. К тому же, его главное правило в бизнесе гласило: “Всегда самому разбираться в подробностях всех своих дел и проектов”. А к руководству этим проектом он всегда подходил с особой тщательностью.

– Ты не изменяешь себе, – усмехнувшись сквозь густую щетину бороды, сказал мистер Уайт, – как всегда, сразу к делу. – Вчера вечером вернулся Кристиан. И он узнал очень невыгодные подробности обо мне. Хотя, не должен был. Это может стать проблемой?

– Не думаю. Его голова сейчас забита Кэтрин.

– Но, тем не менее, он узнал “зеленку”. Похоже, я уделил недостаточно внимания этому парню. Но сегодня утром я навёл кое-какие справки.

– И, что же Вы узнали?

– То, что он в своё время скрыл от Кэтрин. А именно, что он не только был распространителем, но и сам употреблял “зеленку”.

– Он, оказывается, не такой правильный мальчик, каким хотел показаться. Как думаете, почему Кэтрин показала ему находку? Ведь, изначально, она сама обнаруживала Ваше послание.

– Она стала доверять ему больше, чем кому-либо другому. После Австралии.

Мистер Уайт поехал от внезапного холодного порыва ветра, поглубже спрятал руки в карманах пальто и продолжил:

– События меняются, но незначительно. Главная линия времени сохраняется при любых обстоятельствах. Меня больше волнует, что мы, а, в частности, ты будешь делать, когда эта фаза закончится?

– Хочу, для начала, посмотреть, как поведёт себя Крис, когда обо всем узнает, – ответил Харрис, развернувшись боком к мистеру Уайту и лицом к замерзшему пруду, не сводя с него пристального взгляда.

– От его действий больше не будет зависеть будущее

Кэтрин. Поэтому, если он будет задавать слишком много вопросов или будет мешать нашей дальнейшей работе, будь готов устранить его.

Мистер Уайт уже развернулся, чтобы уйти, но напоследок бросил через плечо:

– И советую тебе хорошенько обдумать твои последующие действия. Как бы хорошо я к тебе не относился, я больше не потерплю ошибок и нелепых отговорок.

И он ушёл, не особо дожидаясь ответа.

А, впрочем, и Харрис остался стоять молча.

Когда работа преследует даже во сне, просто неспешно пить кофе с круассаном на своей кухне, да ещё и поздним утром – не всем доступная роскошь. Однако, Брайан Харрис, вот уже десять минут, как пребывал именно за таким времяпрепровождением. Взгляд его то и дело падал на планшет, встроенный прямо в кухонный стол, пришедший на смену газете, чтение которой было привычным утренним ритуалом у многих поколений британцев. Новости были, по большей части, с политическим уклоном, что не особо интересовало Брайана. Раздела о достижениях науки и техники ему с лихвой хватало и на работе, поэтому он остановил своё внимание на нейтральной спортивной колонке.

В будущем все больше видов спорта делилось на категории: “для людей” и “для роботов”. Даже выдвигались предложения о проведении первых в истории робоолимпийских

Игр, но спортивный комитете так и не пришёл к единому мнению на этот счёт. Единственным из всемирно популярных видов спорта, не считая, не особо интересных широкому кругу зрителей, конных видов, который проходил без участия роботов, был бокс. По банальной причине дороговизны “эксплуатации” спортсменов: после каждого боя им требовался бы серьёзный ремонт или же полная замена.

Брайан полностью углубился в чтение результатов последнего тура Супер робо-лиги по футболу среди роботов 21го поколения, как на планшет пришло оповещение о появлении утреннего нежданного гостя. Брайан так и замер на несколько секунд от неожиданности. На пороге его дома, переминаясь с ноги на ногу, очевидно, в легком волнении, стоял Кристиан Стар и уже в третий раз нажимал на кнопку отправки уведомлений.

Если бы Брайану приходилось составлять список самых неожиданных и несвоевременных событий, то появление Криса гордо высылось бы на первой строчке. Они ведь даже не были знакомы, хотя Брайану и было известно о нем многое. И он уж точно не был готов к встрече с ним, как минимум, до окончания проекта.

– Мистер Харрис, – послышалось из-за двери, – я знаю, что вы дома. У Вас на двери горит табличка с “зелёным” статусом.

Брайан выругался про себя, что такая удобная мелочь выдала его, ведь обычно, в свой выходной, он был рад незапла-

нированными гостям. Но открывать все равно не спешил.

– Мне очень нужно с Вами поговорить. Пожалуйста, – снова раздался голос Криса из-за двери.

Нехотя отодвинув от себя чашку с ароматным кофе и выключив планшет, Брайан пошёл открывать, попутно накинув на себя длинный, темно-синий халат. Перед самой дверью он сделал глубокий вдох, чтобы хоть немного успокоить учащенное сердцебиение, и открыл дверь, напустив на себя самое невозмутимое выражение лица.

– Доброе утро, – сказал он, пожалуй, чересчур нервно и громко. – Чем могу помочь?

– Эээ, – многозначительно начал Крис, разглядывая своего собеседника, с плохо скрываемым удивлением, – Здравствуйте. Вы – Брайан Харрис, верно? Сын доктора Харриса?

Брайан в ответ только отрывисто кивнул.

Неловкая пауза грозила затянуться, если бы Крис вовремя не опомнился.

– Вы должны меня знать. Я – Кристиан Стар. Участвую в проекте Вашего отца.

– Да, я знаю, кто Вы. У меня мало времени. Что Вы хотели?

– Ответы. Мне больше не у кого их искать.

Поразмыслив несколько долгих десятков секунд, взвесив все за и против, Брайан ответил:

– Ладно. Но я отвечу только на те вопросы, на которые почитаю нужным.

Он пропустил Криса в дом и вместе они прошли в гостиную, где тот, не дожидаясь приглашения к разговору спросил:

– Я был выбран в проект не случайно?

Брайан снисходительно улыбнулся, ощущая, однако, внутреннюю неловкость от разговора и от ситуации в целом.

– Конечно, не случайно. Вы были выбраны из десятков претендентов и можете гордиться, что вас посчитали лучшим и наиболее подходящим из всех.

– Я ведь спрашиваю не ради золотой звездочки на доске почёта, мистер Харрис. Зачем Вам понадобился именно я?

– Потому что именно Вы должны были отправиться в прошлое, – уклончиво ответил Брайан.

– Из-за того, что так было написано в дневнике Кэтрин?

Брайан резко перестал улыбаться и перевёл озадаченный взгляд на Криса:

– Что Вы знаете о дневнике? Вы его читали?

– Нет, – сказал Крис неуверенно, сразу же сомневаясь, что честный ответ принесёт ему пользу. – Я знаю, что у Вас есть ее дневник, где записаны все наши встречи. А почему Вы боитесь, что я его читал?

– Вам показалось, мистер Стар, – отрезал Брайан, заметно успокоившись. – Ещё вопросы?

– Следующий сеанс – последний?

Глаза Брайана на мгновение расширились в удивлении, но про себя решив, что это не такая уж и большая тайна, он

коротко ответил:

– Да. Но не волнуйтесь, по окончании проекта Вам выплатят щедрые премиальные.

– Как Вы не понимаете? Я ведь не о деньгах сейчас. Что случится с Кэтрин? Почему я не смог найти ее в нашем времени?

– Я не могу ответить на эти вопросы. Прошлое уже случилось. В данном случае, и для неё, и для Вас.

– Тогда, зачем все это?

– Чтобы прошлое случилось так, как должно было случиться.

– В глобальном смысле “зачем”? А не, потому что так должно было быть.

Крис чувствовал, что истина где-то близко. И именно Брайан Харрис точно знает ответы на все его вопросы. К тому же, сам он был смутно знаком Крису, хотя, почти со стопроцентной уверенностью, они раньше не встречались, как бы парадоксально это не звучало.

– Мой ответ будет для Вас чересчур невозможным. Поэтому я, пока что, не буду его озвучивать, – туманно ответил Брайан.

Ему начинал надоедать этот бессмысленный разговор, который хотелось закончить, как можно скорее. Но он не мог не отметить явную обеспокоенность Криса судьбой Кэтрин.

Крис же, со своей стороны, в очередной раз оставался без должных объяснений.

– Я знаю, кто Ваш отец, – не вопросами, так утверждениями, решил он добиться своего. – Я встречал его. В прошлом.

Брайан стремительно перебирал в уме все записи отчетов. Встреча действительно была, но никаких отсылок, которые могли бы натолкнуть Криса на мысль связать Майку и мистера Харриса, он не вспомнил.

– Почему Вы так в этом уверены? – убедившись, что это всего лишь его домыслы, спросил Брайан.

– Я видел письмо, адресованное Майку Харрису, другу Кэтрин.

Увидев недоуменное лицо Брайана, который явно не понимал, о каком письме речь, он пояснил:

– Я скрыл этот факт в отчете мыслей. Похоже, что Кэтрин тоже не стала писать об этом в дневнике. Так вот. Ее дневник вполне мог попасть к Майку Харрису. Который потом зачем-то построил аппарат, который, в последствии, переместил меня в прошлое. В момент, когда я встретился с Кэтрин. И во все последующие моменты, когда я встречал ее, где бы она не находилась. Поэтому, спрошу Вас ещё раз: зачем Вашему отцу понадобилась наша встреча?

В комнате воцарилось долгое молчание, во время которого Брайан развернулся и отошёл на несколько шагов, погружившись в глубокие размышления. А Крис сверлил его спину безотрывным взглядом, словно хотел заставить того повернуться, и нетерпеливо ждал ответ.

– Ты все равно скоро узнаешь, поэтому, не вижу смысла

больше скрывать, – начал Брайан тоном, из которого исчезла недавняя насмешливость и снисходительность. А этот внезапный переход на “ты”, хоть и стёр границу официальности, но звучал предельно серьезно. – Я не жду, что ты мне пове-ришь. Но очень скоро ты сам убедишься в правоте моих слов.

Брайан намеренно делал паузы, внимательно следя за реакцией Криса.

– Так вот. Майк Харрис и мой отец – это действительно один и тот же человек. А Кэтрин Уайт – это моя мама. И я все это время следил за жизнью своей родной матери. Но правда в том, что Майк не является моим отцом в биологическом смысле этого слова. Мой отец – это ты. И мы отправили тебя в прошлое, чтобы я смог родиться.

Глава 19

4 февраля 2021г 7:13

Если это все из-за вчерашних креветок, то я официально заявляю, что откажусь от морепродуктов, как минимум, навсегда. Мало того, что утро началось на целый час раньше, так ещё и этот час я провела в не самом приятном положении и состоянии.

7 февраля 2021 г 7:35

Вывод из последних трёх дней: опытным путём многих проб и ошибок я определила, что практически все продукты, а не только креветки, вызывают у меня подобную негатив-

ную реакцию. Спокойно я могу есть только брокколи с цветной капустой, что наводит на мысли совершенно иного направления, касательно причин моего состояния. Например, вчера я заснула прямо на лекции по философии, чего раньше со мной не случалось. Хотя, должна признать, что и сама лекция тому поспособствовала.

А сегодня мне кажется, что я проснулась уже уставшей. Ко всему прочему, как только я встала с кровати, то почувствовала головокружение. Но, возможно, это потому что я три дня практически ничего не ем. Да и все эти разбирательства с отцом и странное поведение мамы немного выбили меня из колеи.

Но тест сделать все же не помешает.

Когда задумываешься над тем, что что-то случается в последний раз, на ум приходят, в основном, негативные воспоминания.

К примеру, съел ты последнюю конфету. И вот, вроде бы, вкусно, к тому же, повезло, что она досталась именно тебе. Но, в более широком смысле – это черта, которую ты переступил уже не имея конфеты в своей жизни. И ты можешь уже завтра пойти и купить себе хоть дюжину, хоть две точно таких же конфет, а можешь ведь и не купить. Но в данный момент времени и при текущих обстоятельствах у тебя ее больше нет, как нет и никаких гарантий, что она точно появится в будущем, потому что его нельзя определить со

100% уверенностью.

И ведь речь сейчас вовсе не о конфетах, а об абсолютно каждом событии, которое может стать последним и больше не повториться.

Хотели бы вы знать, что больше не сможете купить кофе по пути на работу, в кофейне на углу, потому что она попросту закрылась, а на ее месте теперь магазин комиксов? Оттого, ценили ли бы вы больше последний стаканчик медового капучино с корицей?

В этот день Крису предстояло отправиться на последний сеанс для последней встречи с Кэтрин.

После разговора с Брайаном Харрисом все, казалось, должно было встать на свои места. Но Крис все равно до конца не мог поверить и осознать, что буквально пару дней назад виделся со своим взрослым сыном, который, к тому же, и старше его на добрых 5 лет. Как в такое вообще можно поверить? Абсурда ситуации добавлял тот факт, что доктор Харрис, он же Майк, оказался приемным отцом его сына и, по причине, которую ему не объяснили, воспитывал его в то время, как что-то случилось с Кэтрин.

Иногда, когда Крис допускал правдивость того, что узнал, он все равно не мог составить своё однозначное отношение. С одной стороны, осознание, что у тебя есть ребёнок, пугало, но с другой – они были друг другу совершенно чужими людьми, у которых из общего – разве что цвет глаз и внешнее сходство. К тому же, Крису не покидало странное чув-

ство, будто его использовали, как подопытное животное для эксперимента. С точки зрения этики и морали, наверное, так оно было. На его вопросы, почему же ему не сказали раньше или почему Брайан не хотел с ним знакомиться, ответ был один: “Всеу своё время”. Это раздражало Криса больше всего. Вежливая снисходительность, как прикрытия для нежелания посвящать его в детали, чтобы и дальше отправлять его в прошлое, как послушную овечку.

Роль овечки Крис собирался сыграть сегодня в последний раз. А по возвращении – потребовать ответов, как ему и пообещал Брайан.

В этот день в Центре было особенно многолюдно: казалось весь персонал пришёл то ли проводить его, то ли своими глазами увидеть момент завершения проекта. Атмосфера стояла уж слишком воодушевляющая, что даже пугало.

По пути в кабинет Харриса Крис встретил Софи, которая сразу же приветливо ему улыбнулась, впрочем, как и все остальные сегодня.

– Привет. Как ты? Давно мы с тобой не виделись.

– Привет, Софи. Да уж, давненько. Слушай, ты не в курсе, что здесь происходит? Почему все ходят такие радостные и постоянно мне улыбаются?

– Так сегодня же для многих – последний день проекта. Они не будут задействованы при твоём возвращении. По этому поводу руководство вечером закатывает вечеринку. В Скай баре, представляешь?

– Круто, – пожав плечами, согласился Крис. – Так всех радует возможность уйти пораньше с работы? Только и всего?

– Ну, не совсем. С завтрашнего дня всем сотрудникам, которые закончили работу над проектом, дают отпуск на 3 недели с выплатой премиальных.

– Какая щедрость со стороны Харриса.

– Да, пожалуй, – согласилась Софи. – А ты радостным совсем не выглядишь.

– Для меня работа уж точно заканчивается.

– Эй, ты как? Справляешься? – спросила Софи, обеспокоенная состоянием Криса, который на фоне остальных, казался ещё более мрачным.

– Все в порядке, – отмахнулся Крис, натянуто улыбнувшись. – Не переживай.

– Ну я же вижу. Тебя что-то беспокоит. Это потому что ты больше не увидишь Кэтрин?

– Не только, – тихо ответил Крис. – Все стало так запутанно. Понимаешь, я...

Дверь за спиной Софи открылась и из-за неё показался Брайан. Его взгляд на мгновение встретился с Крисом, прежде чем он отвёл глаза.

– Мистер Стар. Здравствуйте.

Софи испуганно обернулась и, отсмотрев Брайана с ног до головы, чуть отошла в сторону. Он же не обратил на неё никакого внимания, продолжая смотреть куда-то за спину Крису.

– Вас ожидают в кабинете доктора Харриса.

Крис только кивнул в ответ и молча последовал за Брайаном, оставив Софи в недоумении стоять на месте и провожать глазами их удаляющиеся фигуры.

– Доброе утро, Кристиан, – приветливо и фальшиво улыбаясь, сказал доктор Харрис, совсем как на самом первом сеансе. – Сегодня – знаменательный день.

Совершенно ненужная торжественность начинала откровенно раздражать.

Крис даже незаметно закатил глаза, но не стал ничего отвечать.

Харрис неловко откашлялся и продолжил, уже не так радостно:

– Хмм. Так вот. Брайан рассказал мне о Вашем визите. Раз уж Вы все знаете, думаю, что нет смысла разыгрывать эту комедию. Это Ваш последний визит в прошлое. Особых пожеланий нет. Все равно Вы будете поступать так, как должны были поступать.

– Потому что прошлое уже случилось, и оно случилось именно так? – саркастично уточнил Крис.

– Именно. Но тем не менее у меня для Вас будет ещё одно задание: Вы передадите вот это, – он достал из кармана медицинского халата небольшой чёрный предмет, внешне похожий на обыкновенную флешку, только абсолютно сплошной, – Кэтрин. Он сам откроется, когда придёт время.

– Что-то ещё? – спросил Крис.

Передачку для Кэтрин он спрятал в задний карман джинс и уже собрался уходить.

– Это все, – с явным равнодушием ответил Харрис и поспешил вернуться к своим, очевидно неотложным, делам.

Крис развернулся и на секунду его взгляд встретился с Брайаном, который неотрывно смотрел на него и сдержанно кивнул напоследок. Крис кивнул в ответ и вышел из кабинета под недовольное хмыканье доктора Харриса за спиной.

Лаборатория, как всегда, блистала чистотой и стерильной белизной. На кушетке возле стены ждали оставленные для него браслеты с зарядом на 100% и серебристый цилиндр на шесть сменных пластин. Они день за днём будут вести неумолимый отсчёт их с Кэтрин совместного времени.

Крис надел браслеты, положил цилиндр в карман и, по команде механического голоса, нажал на дисплей правого браслета.

Его накрыло привычное ощущение пустоты и темноты. А с ними пришло необъяснимое спокойствие, как будто он возвращался к кому-то правильному, родному и необходимому.

Он скорее услышал, чем увидел Кэтрин, хотя, по идее, должно быть, как раз наоборот. Она с громким возгласом “Крис” бросилась ему на шею в крепком объятии и долго не хотела отпускать.

– Только не говори мне, что я опять пропал на год.

Крис чуть отстранился от Кэтрин, ослабив ее хватку. А она, только взглянув на него, вдруг совершенно неожиданно разрыдалась, снова крепко его обнимая.

– Ну, что такое? – недоумевал Крис. – Что случилось?

– Нет, ничего, – ответила Кэтрин и заплакал ещё громче.

Совсем растерявшийся Крис усадил ее на диван, чтобы подождать, пока она успокоится, продолжая обнимать ее за плечи.

– Я теперь часто плачу, – пожаловалась Кэтрин, шмыгая носом. – Это какая-то катастрофа! Вчера я расплакалась, потому что мне стало плохо от одного вида авокадо. А я их так люблю.

Крис, слушая ее, снисходительно качал головой, пока до него не дошёл смысл происходящего, и он не воскликнул:

– Стоп! Ты, что правда... Беременна?

– Вот уж не думала, что ты так быстро сопоставишь факты. Я и сама узнала только пару дней назад.

– Я тоже, – признался Крис, чем удивил Кэтрин ещё больше.

– Ты знал? Но откуда?

– Я сам до сих пор не до конца понимаю, но мне рассказал наш сын.

– Сын? – громко спросила, в конец обескураженная, Кэтрин. – У нас с тобой ... сын?

И снова разрыдалась, уткнувшись Крису в плечо. Происходящее казалось таким непостижимым и нереальным, но с

такой долей правильности, что Крис ощущал себя абсолютно счастливым настолько, что эта временная линия и все, что с ней связано, стала ощущаться более родной. И, как в этом случае признаться, что уже через неделю они могут больше никогда не увидеться. Крис старался избегать бескомпромиссных отрицаний из внутреннего, суеверного страха. Но он также понимал и был готов продолжать борьбу за своё счастье и против Майком Харрисом, и, если понадобится, против своего взрослого сына. Хотя, все же, в глубине души, надеялся на помощь, а не препятствование со стороны последнего.

Сейчас, когда до всего этого было относительно далеко, Крис просто был рядом с Кэтрин. Это меньшее и единственное, что он мог в данный момент для неё сделать.

– Ты расскажешь мне о нем? – тихонько попросила Кэтрин.

Она ещё теснее прижалась к Крису, заметно успокоившись. Она в принципе испытывала огромное спокойствие, просто находясь с ним рядом.

– Похож на тебя, – улыбаясь, сказал Крис. – Твой носик, твои губки. А вот глаза – мои. А ещё – он старше меня. Что, на самом деле, довольно странно. Хотя, я бы должен был перестать обращать внимание на такие мелочи.

– А как он живет? Чем занимается?

Кэтрин довольно быстро оживилась и, когда прошло первое удивление, в ее голове крутилась тысяча вопросов о сы-

не, которые затмевали любые размышления о странностях и невероятностях.

– Кэт, я разговаривал с ним от силы минут 20.

– Ну и что, ты совсем-совсем ничего не узнал?

– Что-то узнал. Его зовут Брайан, в моем времени, как ты понимаешь, ему 27 лет. Он работает в Центре и был одним из тех, кто разрабатывал устройство, – он кивнул на браслеты у себя на запястьях и продолжил, – вместе с ... Майком.

– Майком? Значит это всё-таки был он. Но как он связан с нашим сыном?

– Он, ну в общем, он опекун Брайана. А меня отправляли в прошлое, как раз за тем, чтобы он, Брайан, родился. Благодаря твоему дневнику он и понял, что, чтобы его будущее случилось, он сам должен этому поспособствовать. Десять лет разработок и вот я здесь.

– С этим более-менее понятно. Но, почему Майк опекун Брайана? Не могла же я к нему вернуться? Не могла, – сама себе ответила Кэтрин, все ближе приближаясь к главному вопросу.

– Если он опекун, то, – она с какой-то мольбой в глазах посмотрела на Криса, словно просила тут же опровергнуть ее подозрения, – меня нет в будущем?

– Я этого не знаю, – честно признался Крис.

Хотя и догадывался, что очень вероятно, что предположение Кэтрин верно.

– Но, я обещаю, что бы с тобой не случилось, я это ис-

правлю.

Это был предпоследний вечер, который Крис проводил в прошлом. Один из тех вечеров, когда семьи собираются вместе, чтобы поужинать чем-то домашним, ароматным и непременно вкусным, потому что за окном снова разыгралась непогода, а вместе всегда уютнее и теплее. На эту неделю у Криса была семья, которой в его времени у него уже не было, была полноценная жизнь которую добровольно нужно будет оставить в прошлом. И, хотя не один из них этого не показывал, в их общение все чаще проникала грусть: под видом мимолетной тихой задумчивости Криса или редких слез Кэтрин, пока он не видит.

– Как думаешь, при других обстоятельствах, мы бы с тобой встретились? Если бы ты был из моего времени или я из твоего? – спросила Кэтрин, между тем как проверяла лазанью в духовке и расставляла свечи для создания романтической атмосферы.

– Я не особо верю в судьбу, признался Крис. – Но в последнее время моя жизнь – сплошное подтверждение обратному.

Он подошёл к Кэтрин и обнял ее сзади, уткнувшись носом в шею и легонько поглаживая ее, ещё совсем плоский, живот.

– Поэтому, если время дало согласие на нашу встречу, то я согласен быть с тобой в любом из времён.

– В твоём точно не надо. Там я тебя неприлично старше.

А вот в моем... Слушай.

Кэтрин вывернулась из рук Криса и повернулась к нему

С совершенно озорным огоньком в глазах, который был явным признаком того, что он что-то задумала.

– У меня есть абсолютно безумная идея. Если ... если ты, конечно, захочешь.

– Заинтриговала. Продолжай.

– Что если нам. Пожениться? – как-то неуверенно спросила Кэтрин и закусила губу, в ожидании ответа.

– Ты серьезно?

Она кивнула и одновременно пожала плечами, будто сама не определилась, серьезно ли она.

Крис улыбнулся и игриво поинтересовался:

– Это предложение?

Кэтрин несильно толкнула его в плечо.

– Вот ещё. Это ты мне его должен сделать. В будущем, разве не парни делают предложение?

– В этом плане у нас полное равноправие. Но перевес, все же, на стороне парней.

Крис огляделся. На глаза, из подходящего, попала только плитка шоколада в фольгированной упаковке. Быстрым движением он освободил фольгу от сладкого лакомства и, пока Кэтрин с чуть приоткрытым ртом следила за его манипуляциями, соорудил подобие кольца.

– Возможно, это не так, как тебе виделось в твоих мечтах, но...

Крис прочистил горло и продолжил максимально серьезным и уверенным тоном:

– Кэтрин. Ты... Выйдешь за меня?

Кэтрин протянула ему, дрожащую от волнения, руку даже раньше, чем Крис успел договорить. Она часто закивала, сказала трижды “да... да... да” и снова расплакалась, хотя за время, пока он был рядом, стала заметно спокойнее.

Крис осторожно надел кольцо на ее безымянный палец и закрепил его сверху незамысловатым узлом. Много позже он будет считать это решение одним из лучших в своей жизни. А пока, пускай и ненадолго, они оставались в границах своей маленькой уютной вселенной, которую им заменила квартира Кэтрин в зеленом районе лондонского Brenta.

– Объявляю вас мужем и женой. Можете поцеловать друг друга.

К осуществлению авантюрной затеи Кэтрин было принято решение привлечь ещё и Миру в качестве, не то регистратора брака, не то священнослужителя. Впрочем, и от того, и от другого она взяла частичку для своего образа. То есть одета она была, конечно, не в рясу, а в брючный костюм, но в черно-белых тонах. Для солидности она надела очки, а для соблюдения традиций держала в руках книгу – томик “Гордости и предубеждения”, как символ истории Золушки для взрослых девочек. Она же, по дороге к Кэтрин, купила кольца для молодоженов в ближайшем магазинчике “Все за

1 фунт”, поразительно точно угадав с размером для обоих.

Их своеобразная церемония была одновременно трогательной, как в самых слезливых мелодрамах и спонтанной, как свадьбы в Лас-Вегасе. Вместо привычных клятв о вечной любви – всего три слова: я тебя люблю. Но они важнее и сильнее сотен других слов. Вместо свадебного торта в три яруса – пара пончиков в шоколадной глазури из “Dunkin doughnuts”. Вместо белоснежного платья невесты – комбинезон из белого денима.

Церемония прошла быстро и Мира со словами “Дети мои, а теперь я оставляю вас наедине” поспешила к себе домой.

– Я могу теперь называть тебя миссис Стар? – спросил Крис, как только они остались вдвоём.

– Звучит так, будто мне уже за 50, и я Мама звездного Лорда.

– Кого-кого?

– Ооо, как у вас все запущено в этом вашем будущем. Неужели, слава супергероев Marvel оказалась такой недолговечной? У нас каждый школьник знает эти фильмы.

– Если честно, я не особо люблю старых супергероев.

– А вот сейчас было обидно.

Кэтрин чуть надула губы и прищурилась, выражая тем самым вселенскую обиду.

– Ты у меня самая красивая и молодая, – сказал Крис, целуя ее в щеку.

Она сразу подставила вторую, а в придачу получила ещё

и поцелую в кончик носа и губы. После чего заулыбалась, как довольный ребёнок, который только что, как минимум, съел банку нутеллы.

– Дома я обещаю тебе посмотреть все фильмы про этого твоего звездного Барона.

– Лорда, – тихо поправила его Кэтрин. – А ты правда должен уйти?

– Мы ведь это уже обсуждали. Сегодня вечером я вернусь в своё время, хочу я этого или нет. Мы оба знали, что это случится.

– Но это ужасно несправедливо, – Кэтрин для верности даже топнула ногой. – Я не хочу тебя отпускать. Ты мне сейчас нужен, как никогда.

– Знаю, милая. Но мы ведь ещё встретимся.

Он сказал так только, потому что должен. Он сам себе не верил. Но главное, чтобы поверила Кэтрин. Врать абсолютно не хотелось. Ложь надоедливой кошкой скреблась изнутри, постоянно напоминая о себе. Она отражалась в глазах, которые он все чаще отводил, в голосе, который едва заметно дрожал, в объятиях, которые в такие моменты становились ещё крепче.

А Кэтрин ему верила. Но все же задалась логичным вопросом, который пришёл в голову:

– А что если твоя миссия, то, ради чего ты возвращался в прошлое, закончена уже сейчас и ты больше не вернёшься? Что, если так заканчивается наша история?

– Я верю в истории, которые не заканчиваются.

Ложь все ещё оставалась горьким привкусом на языке, пока он обнимал ее так крепко, как только возможно.

– Я люблю тебя, – сказала Кэтрин, пряча свою улыбку на его плече, полностью расслабляясь в его руках.

– Я тоже тебя люблю, – эхом ответил он, зажмурив глаза и отгоняя от себя тяжелые мысли.

Ровно через два часа и семнадцать минут Кэтрин оставила последнюю запись о том, что она виделась с Крисом. Перед самым уходом он передал ей послание от Майка с его четкими, но от этого не более понятными указаниями.

Не проходило и дня, чтобы Кэтрин не вспоминала о Крисе. Его имя было в каждой записи из ее дневника, а в мыслях – так ещё чаще. Она все больше любила оставаться одна, хотя Мира, ее мать, Майк, который снова появился в ее жизни и даже отец, которого выпустил под залог, а позднее полностью оправдали, не очень-то давали ей такую возможность. От бесконечных нотаций, что нужно жить дальше, жить ради ребёнка, становилось тошно. Она злилась на окружающих за чрезмерное внимание, на Крису, за то, что так и не сдержал обещание и на себя, за то, что никак не могла взять себя в руки.

Через семь с половиной месяцев на свет появился здоровый, крепкий малыш, которого Кэтрин, уже задолго до его рождения, называла Брайаном.

Прямо в момент его рождения у неё на короткое мгновение закружилась голова. Когда она прикрыла глаза в попытках прийти себя, то увидела перед глазами саму себя, сидящую в небольшой светлой комнате. Видение исчезло, так же быстро, как и появилось, когда тишину вокруг пронзил громкий детский плач. Кэтрин тут же переключила все своё внимание на крошечного человека, который быстро успокоился в ее руках.

До этого момента она не знала, что может испытывать такую любовь. Бескорыстную, всеобъемлющую, с готовностью отдать всю себя. Забота о сыне затмила любые переживания. И, хоть ненадолго, но в душе Кэтрин воцарилось спокойствие.

Чего нельзя было сказать о ее физическом состоянии. С каждым днём Кэтрин все больше ощущала беспричинную слабость, но списывала ее на материнские хлопоты. Майк был рядом почти каждый день, чтобы помочь и дать ей возможность отдохнуть, но Кэтрин не хотела оставлять маленького Брайана ни на минуту.

Тем утром Кэтрин проснулась очень рано. Весеннее солнце ярким светом заливало спальню, поэтому ей пришлось плотно задернуть шторы, чтобы не разбудить малыша, который безмятежно спал рядом с ней на кровати. В образовавшемся полумраке стало заметно странное зеленоватое свечение, которое исходило из верхнего ящика прикроватной

тумбы. Внутри обнаружилось послание от Майка из будущего, которое Кэтрин положила туда почти сразу же, как Крис его отдал. Свечение стало в разы ярче и Кэтрин поспешно вышла в другую комнату, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Послание оказалось довольно коротким и оказалось аудиозаписью:

“Кэт, милая, мне жаль, что именно я должен рассказать тебе о том, что сегодня случится. Прежде всего знай, что я тебя все так же люблю и позабочусь о Брайане, как о собственном сыне.

Так вот. Не знаю как, но догадываюсь почему, но сегодня ты исчезнешь из любого времени. Просто перестанешь существовать. Признаюсь честно, я пока что не знаю, где и как тебя искать, но знаю, что где-нибудь ты есть. И я обещаю, что найду тебя.

А сейчас я вынужден попрощаться с тобой. Запиши все, что услышала в дневнике и предупреди молодого меня, чтобы зашёл к тебе.

И поторопись. У тебя осталось не так много времени. Всегда твой. Майк”.

Голос затих, свечение погасло и оглушающая тишина сдавила Кэтрин со всех сторон. Не было ни слез, ни истерик, а только беспомощное спокойствие на пути к неизбежному.

Она сделала все, как и было сказано: в точности описала услышанное в дневнике, позвонила Майку, который тут же сорвался и поспешил к ней, и вернулась к Брайану, который,

по-прежнему, спокойной посапывал в кровати.

Совсем скоро Кэтрин ощутила небывалую легкость и поняла, что ее время пришло. Поцеловала на прощание сына, который, словно почувствовав неладное, проснулся и захныкал. В ту самую секунду, как Кэтрин закрыла глаза, во входную дверь вбежал запыхавшийся и, не на шутку, встревоженный Майк. Его встретил плач Брайана, который только что остался один.

А Кэтрин открыла глаза в совершенно другом месте.

Эпилог первой части

– Верни. Меня. Обратно.

Это было первое, что сказал Крис собственному сыну по возвращении. Брайан лишь понимающе улыбнулся в ответ.

За время проекта он привык видеть Криса по ту сторону экрана и потому не мог относиться к нему никак иначе, как просто к участнику проекта.

Второй раз в жизни Брайану выпала возможность рассмотреть своего биологического отца поближе и получше. Сейчас он наблюдал за трагедией одного человека и не мог оставаться равнодушным: в глазах того было столько же злости, сколько и непонимания, решимость рассыпалась вдребезги о бессилие, а бездействие с каждой минутой становилось невыносимее.

– Мне нужно обратно. К Кэтрин, – взмолился Крис.

– Я знаю, – спокойно ответил Брайан, но сердце дрогнуло при упоминании мамы. Долгие годы после того, как он узнал правду о том, что на самом деле произошло с ней, он винил себя за случившееся. Маленьким мальчиком он частенько перелистывал альбом с ее фотографиями. Однажды, среди прочих, нашлась полоска из четырёх фотографий, на которых она была запечатлена с красивым молодым парнем. Они над чем-то смеялись, улыбались друг другу и выглядели очень счастливыми. Когда Брайан спросил у Майка, которого он тогда, как, впрочем, и сейчас, называл папой, кто это рядом с мамой, тот разозлился и отобрал фотографию. Брайан тогда очень сильно плакал и не понимал, зачем же папа так поступил.

Уже на отборе в проект Брайан снова увидел того парня с фотографии и тогда же узнал, что это был его настоящий отец. Но никаких родственных чувств он, понятное дело, к нему не испытал.

Но вот сейчас что-то изменилось. Захотелось узнать его получше, поговорить с ним. Особенно после, не особо удачной, первой встречи. Поэтому Брайан предпринял попытку к сближению, сказав:

– На сегодня сеансы окончены. Мы можем обсудить остальное где-нибудь в другом месте?

Крис с минуту рассматривал его с недоверием, словно искал подвох. Но все же кивнул и последовал за Брайаном на выход из кабинета.

Сегодня необходимости в отчете мыслей уже не было, а от осмотра Крис отказался. Поэтому, уже через 5 минут они оба вышли из Центра на улицу, занесённую редким снегом, не стовариваясь повернули направо и молча двинулись в направлении единственного ресторанчика поблизости, не считая бара, который открывался после 9 вечера и пары кофеен с кофе навынос.

– Как ты себя чувствуешь после сеанса? – разрушил Брайан затянувшуюся паузу. – Зря ты отказался от осмотра.

– Давай обойдёмся без любезностей. Мы оба знаем, что это простая формальность. Это Майк подговорил тебя со мной поговорить?

– Нет. Его сегодня даже не было в Центре.

И добавил зачем-то:

– Он встречался с бабушкой.

– С отцом Кэтрин?

Крис заметно заинтересовался этой, будто нарочно сказанной, подробностью.

– Да, именно с ним. Он главный инвестор проекта. Мы с папой всегда занимались только разработками и внедрением. Все остальные вопросы были на нем.

– Зачем ты мне все это рассказываешь?

– Я хочу быть честным и открытым с тобой. Это важно для нашего дальнейшего. Как бы это сказать? Взаимодействия. Но, хочу тебя предупредить, чтобы ты был аккуратнее и следил за тем, что ты говоришь и делаешь.

– Что ты имеешь в виду?

– Что, если ты будешь активно мешать дальнейшему течению проекта, тебя могут устранить.

Крис сразу воспринял это заявление в штыки, как угрозу. В нем уже начало подниматься возмущение, готовое выплеснуться наружу. Но Брайан его опередил:

– Что бы ты себе не думал, я не желаю тебе зла. Ты же, все-таки, мой отец.

Крис неопределённо хмыкнул, но промолчал.

– К тому же, – продолжил тем временем Брайан, пропуская его недовольство мимо ушей, – мне будет нужна твоя помощь. Ради мамы.

Его слова возымели нужный эффект, потому что Крис, обреченно вздохнув, сказал:

– Ладно. И как же мне понять, куда вмешиваться, а куда нет? Я так понимаю, что проект и для меня продолжается?

– И да, и нет. Твоё участие потребуется. И совсем скоро. А пока что делай, как я тебе сказал и ничего не предпринимай.

За разговором они уже дошли до ресторана и заняли столик у окна.

– Послушай, я знаю, что это сложно, – сказал Брайан, видя, что Крис не совсем согласен с таким планом. – Я понимаю тебя, как никто другой. Я ведь тоже по ней скучаю.

Крис вскинул голову и внимательно посмотрел на Брайана, ожидая, что он скажет дальше. Но тот молча смотрел на улицу, где уже зажигались первые фонари, делая атмосферу

особенно уютной.

– Ее ведь больше нет? – спросил Крис со слабой надеждой на отрицательной ответ.

– Да, ее нет, – тихо подтвердил Брайан.

– Мне нужно вернуться назад и все исправить, предупредить ее.

Крис резко поднялся с места, привлекая к себе ненужное внимание других посетителей. Брайан встал следом и крепко схватил его за локоть, останавливая.

– Вот этого-то я и боялся. Твоих импульсивных поступков, которые не доведут до добра.

Крис грубо сбросил с себя руку Брайана, но все же остался стоять на месте.

– Ты не сможешь ничего изменить. В глобальном плане. Ты уже пытался. В мамином дневнике есть запись об этом. Но итог все равно один.

Крис упрямо отказывался верить, что все напрасно, раз уже его действия привели к гибели Кэтрин.

– Что с ней произошло? Я имею право знать.

– Конечно, имеешь, – уже спокойнее ответил Брайан. –

Присядь.

Крис вернулся на своё место, а Брайан продолжил:

– Мне было всего несколько недель, когда она исчезла. Не знаю наверняка, что произошло, но мама исчезла из нашего мира. Просто перестала существовать в прошлом, настоящем и будущем. Почему? На данный момент у меня есть

только одно предположение. Ты, – он сделал паузу и мельком взглянул на Крису, который слушал его, затаив дыхание, – бывал в прошлом, в которое, при нормальном течении времени, дорога тебе была закрыта. Твоё пребывание создавало парадокс. Каждый раз в прошлом ты проводил времени больше, чем отсутствовал в нашем. Эта разница как бы вычиталась из жизни мамы, но была слишком незначительной, чтобы ощутимо на неё повлиять. Когда же появился я, баланс был нарушен окончательно. По всем законам меня не должно было существовать. Но время, по какой-то причине, восстановило баланс за ее счёт.

– И где она сейчас?

Слова давались Крису с трудом, а услышанное больше походило на сумасшедший или пьяный бред, чем на правду. Но он верил Брайану и в то, что врать тому было бессмысленно.

– Где-то, где не нарушается баланс времени. Это нам только предстоит выяснить.

– Ты думаешь, что она может быть жива? Все это время?

– Мне нужно в это верить, иначе чувство вины сожрет меня окончательно.

Крис сосредоточенно посмотрел на Брайана. Сейчас перед ним словно был маленький мальчик со своими детскими страхами и травмами, на исправление которых он потратил большую часть своей взрослой жизни. Криса посетила, с одной стороны – вполне закономерная, а с другой – неожиданная, мысль: что, если бы он все это время был рядом, имел

возможность разделять его переживания? Смог бы он все сделать правильно? Воспитать его хорошим человеком?

Крис отогнал от себя такие размышления, которые шли вразрез со здравым смыслом и были далеки от нормы его жизни своей невозможностью.

Но, все же, сказал:

– Не стоит винить только себя. Я виноват не меньше. Поэтому и прошу твоей помощи.

– Ты ведь все равно это сделаешь, все равно попытаешься?

Крис, с готовностью, кивнул.

– Хорошо, я помогу тебе. Но потом мы с тобой обсудим, как реально помочь маме.

Крис, конечно, четко услышал эти слова, но самоуверенно надеялся на свою правоту.

– Тогда жду тебя сегодня в полночь на парковке у бокового входа в Центр. Убедись, что за тобой не будут следить, – предупредил Брайан и, не прощаясь, вышел из ресторана.

Брайаполун сам подготовил все необходимое для сеанса. Он впервые и, более того, в одиночку, собирался запускать механизм перемещения в прошлое. Тем не менее, он не раз наблюдал, как это делали другие. Однако, была ещё одна сложность: он намеревался отправить прошлое не только Криса, но и себя, вслед за ним. Функция отложенного страта изначально не была предусмотрена, поэтому он решил, что в этом ему поможет Крис. Затея была рискованной, так как

Брайан сам не без труда разобрался в механизме перемещения, а уж доверить управление человеку совершенно далекому от технической части проекта было сродни самоубийству. Но Брайан просто не мог удержаться от возможности увидеть маму вживую. Хоть ненадолго, хоть издалека. Тем более ее, хоть и не очень однозначные, записи, давали надежду на успех.

Часы в лаборатории показали без 7 минут двенадцать, и Брайан поспешил на встречу с Крисом, который уже ждал его на неосвященном участке парковки.

Первая попытка перемещения оказалась не совсем удачной: Крис вернулся обратно спустя 5 минут, вымокшим до нитки и сильно ослабленным из-за частых перегрузок. Брайан пытался уговорить его перенести сеанс, чтобы восстановиться, но Крис согласился только немного подождать, а через время попробовать снова.

Чтобы не терять время даром, Брайан постарался, как можно более подробно объяснить Крису, как управляться в аппаратной (благо, что никакие параметры менять Крису не пришлось), а сам вернулся в лабораторию для перемещения.

Его сеанс начался ровно там, где и должен был: сразу после перемещения Криса обратно, Брайан возник почти на том же месте, поливаемый стеной дождя и не видящий ничего вокруг, кроме лица мамы. А она просто стояла и смотрела на него со смесью недоумения и разочарования. Как же больно было наблюдать в ее глазах, что она ожидала увидеть

на его месте совершенно другого человека. Пускай даже она тогда понятия не имела, кто он такой. Для Брайана на какой-то миг это было слабым оправданием. Он смотрел, как она, смахнув с себя, как ей казалось, наваждение, окликнула его и уже подалась вперёд, чтобы подойти ближе, как ее дважды позвали по имени. Она обернулась, и Брайан посмотрел в ту же сторону, где увидел (а точнее, знал, кого должен был увидеть) своего молодого отца, выглядывавшего из-за двери дома напротив и не различимого через плотный поток воды.

Брайан поспешил скрыться в ближайшем переулке. Тяжело дыша, он прислонился к холодной кирпичной стене, опустил голову и прикрыл глаза. Им завладело странное чувство, которое, как он понял, было с ним всегда, но особенно ярко проявилось только сейчас. Это было чувство, что для своей мамы он навсегда так и остался незнакомцем, случайным прохожим на ее пути, за которого она, однако, отдала свою жизнь.

Сложно сказать, помогла ли эта короткая встреча душевному спокойствию Брайана, но она случилась, как должна была. Ни больше, ни меньше. Что лишний раз подтверждало ничтожность шансов на спасение Кэтрин.

После неизменного протяжного сигнала, Брайан вернулся в лабораторию, где Крис был уже решительно настроен на перемещение во второй раз. Который оказался более удачным. Крис успел оставить записку – предупреждение под дверь Кэтрин, вложив в конверт, как ему показалось, для

большей наглядности, одну из их совместных фотографий.

– Прости, у меня не было другого выбора.

Извинялся Крис по возвращении за то, что по сути, предпринял попытку препятствовать появлению Брайана на свет. Но Брайан не мог его винить, а даже в чём-то понимал и был благодарен за все то время, которое тот провёл с мамой и делал ее счастливой.

– Как видишь, со мной ничего не случилось. А значит будем подходить к решению задачи с другой стороны: не будем искать способ изменить ваше будущее, но попытаемся найти, где мама в ее настоящем.

Из дневника Кэтрин Уайт

Все, что у меня здесь есть – это небольшая комнатка, так похожая на мою прежнюю, и мой неизменный спутник – дневник. Теперь и мне стали доступны путешествия во времени и пространстве. Я поочередно могу видеть то Криса, то нашего сына, стоит мне только подумать о них. Однажды, я даже видела их вместе. Я наблюдаю за их жизнями со стороны, но не могу до них докричаться. Я лишь узник в этом месте. Мне не нужно ни еды, ни сна. Я условно разделяю дни в дневнике, но в действительности не знаю, сколько я здесь пробыла и сколько ещё пробуду.

Это место может казаться раем.

Тогда, почему здесь так адски одиноко?

Конец первой части

Часть 2

Глава 1

Крис с силой втянул в себя воздух и открыл глаза. За окном было ещё темно, часы показывали 6:32 утра, а по календарю уже начался новый – 2050-ый год. Который Крис встретил уже совсем другим человеком.

За последний месяцы его понятная жизнь, которая отличалась постоянством, претерпела значительные изменения. Оглядываясь назад, он и представить себе не мог, что с ним произойдёт столько событий, сколько не было за всю его жизнь. Его чуть не убили – это раз. Он, неприлично много раз, истекал кровью – это два. Он встретил самую лучшую девушку на свете, благополучно влюбился в неё – взаимно, что немаловажно, – и женился на ней. Это было три, четыре и пять. Ко всему вышесказанному добавлялось ещё и обретение взрослого сына и, не много не мало, путешествие в прошлое на 30 лет назад. Куда Криса, собственно, и отправил его сын. Это событие стало отправной точкой в его дальнейших приключениях, которые и привели его к тому, где он был сейчас. Не в его собственную квартиру, конечно, в которой он сегодня проснулся, а к его теперешнему состоянию и мыслям.

Крис перевернулся на бок и взял с прикроватной тумбочки телефон. На экране высветились непрочитанные сообщения и один неприятый вызов. Два сообщения оказались поздравлениями с Новым годом от Софи и от Джо, с которыми он успел сдружиться во время проекта и, будем честны, без участия которых, вряд ли бы вообще дожил до 2050-го. Далее следовало сообщение от Брайана, который назначил ему встречу в Центре на завтра на 16:00, с короткой припиской в виде новогоднего поздравления. Пропущенный вызов был от его лучшего друга Тома, который, не получив ответа, сразу прислал сообщение, что зайдёт к нему сегодня. Быстро настрочив ответы, Крис отложил телефон и откинулся обратно на подушку.

После его последнего перемещения прошло уже две недели, за которые он учился жить по-новому. Принимать новую изменившуюся реальность, которая не совсем готова была принять его. Пару раз он виделся с Брайаном, чисто в исследовательских целях со стороны последнего. Во время одной из таких встреч Крис столкнулся с доктором Харрисом, который, кроме приветствий, больше и словом с ним не обмолвился, но выглядел крайне недовольным. После этого Брайан неделю не выходил на связь, а попытки дозвониться встречали преграду в виде постоянно повторявшегося: “В данный момент я не могу Вам ответить и сам перезвоню, как только освобожусь”. Крис не знал, предназначалась ли эта отговорка только для него или же Брайан был не доступен и для

всех остальных. Но его крайне раздражало это вынужденное неведение, казавшееся намеренным, со стороны Брайана.

Сегодняшнее сообщение немного обнадежило Криса и, вместе с тем, запустило механизм ещё большего нетерпения от предстоящей встречи.

Крис и сам не заметил, как второй раз провалился в сон, который был прерван, уже не в первый раз, приходом Тома.

– Дружище, каждый раз ты меня встречаешь в таком виде, что я сомневаюсь, рад ли ты меня видеть, – бодро сказал Том, вместо приветствия.

Не дожидаясь приглашения, он вошёл в квартиру и начал снимать куртку, пока Крис закрывал дверь, с тщетными попытками быстро проснуться. Выходило у него из рук вон плохо, и он пару раз широко зевнул, прежде чем смог сказать:

– Доброе утро. Это – твоя новая фишка, приходите ни свет, ни заря?

– Вообще-то, уже половина одиннадцатого, – сообщил ему Том, нравоучительным тоном. – Кстати, а ты почему не выспался? Встречать Новый год ты с нами отказался. Праздновал где-то на стороне?

– На правой стороне кровати, – огрызнулся Крис.

– Обожаю твоё настроение по утрам.

Том сказал это с такой интонацией, будто после этого собирался потрепать Криса за щеку.

– Обожаю, как ты меня обожаешь, – пробурчал в ответ

Крис и усмехнулся от нелепости их диалога.

– Что за необходимость увидеть меня в такую рань? – осведомился он, когда они с Томом прошли в небольшую гостиную.

Крис устроился в излюбленном продавленном кресле, а Тому предложил диван напротив, но тот остался стоять.

– Ты знаешь, какой сегодня день? – вместо ответа спросил Том.

– Первое января. А у тебя есть другие варианты?

– А точнее? – не унимался Том.

– Первое января 2050 года. День, когда мой лучший друг задаёт раздражающие вопросы? – предположил Крис, почесав подбородок с очень задумчивым выражением лица.

– Ха-ха. Это день, когда, как ты выразился, твой лучший друг нашёл тебе, наконец, нормальную работу. И, заметь, без малейшей угрозы для твоей жизни.

– Ты сейчас о чем?

Крис вмиг посерьезнел и чуть подался вперёд, в ожидании ответа.

– Отец в конце концов уволил эту Эмили, я вообще удивлён, что он продержал ее так долго, учитывая ее, эмм, недалёкость. Так вот, теперь ему нужен новый личный ассистент и я уже порекомендовал тебя.

– Но я же ничего не понимаю в аналитике!

– А тебе и не нужно. Ты будешь планировать его личный график, согласовывать встречи, выполнять мелкие поруче-

ния. А потом, когда вникнешь в курс дела, попробуешь поработать уже в моем отделе. Тебе, конечно, не будут платить какие-то заоблачные деньги, но оплата будет вполне достойной. Согласись, я шикарно придумал?

Том был явно в восторге от самого себя и своей идеи, вот только Крис этого восторга не разделял.

– Том, – начал он, тщательно подбирая слова, чтобы не обидеть друга, – большое спасибо за предложение. И, вообще, за все, что ты когда-либо для меня делал. Но я не могу его принять. Думаю, что ты должен понимать почему.

– Но, Крис. Проект ведь закончен. К тому же, ты сам говорил, что Брайан уже неделю не выходит на связь и игнорирует твои звонки. Ты выполнил свою часть контракта, позволь им дальше разбираться без тебя. Это дела уже их семьи.

– Ты сейчас серьезно говоришь? Это и мои дела тоже! Мои и Кэтрин!

Последнее предложение он прямо-таки прокричал.

– Крис, ты ведь знаешь, что Кэтрин больше нет? – осторожно уточнил Том.

– То, что ее нет в будущем, не значит, что ее нет совсем. И я найду ее. Мы найдём ее. С Брайаном.

Том видел, что друг ушёл в глубокое отрицание очевидного, как ему казалось, факта. И понимал, что сейчас вряд ли сможет что-то ему доказать, а вот разругаться – запросто. Он молча ждал, пока Крис немного успокоится, размышляя о своём. Том искренне надеялся, что известие о работе сможет

хоть немного отвлечь друга. Но, похоже, тому нужно было время, чтобы прийти в себя. На самом деле, Том даже представить себе не мог, что чувствует Крис и совсем не знал, как ему помочь.

– Брайан сегодня написал мне, – наконец, сказал Крис после довольно продолжительного и, напрягающего обоих, молчания. Скорее из необходимости поделиться своими тревогами, чем из желания начать разговор.

Том, все это время рассматривавший комнату, перевёл на Криса удивленный взгляд.

– И что же?

– Назначил встречу на завтра. И поздравил с Новым годом, – добавил Крис со слегка нервным смешком.

– Это ведь хорошо? – утверждение Тома прозвучало скорее, как вопрос, потому что по виду Криса было сложно понять, что он думает по этому поводу.

– Скорее да, чем нет, – ответил Крис, пожимая плечами.

– Но тебя что-то беспокоит, – проницательно подметил Том. – Не хочешь поделиться? После ... окончания проекта ты не особо со мной общался.

Крис глубоко вздохнул, понимая, что друг, как всегда, прав. Он сейчас злился на него за непонимание, хотя сам же не удосужился ему что-либо объяснить, предпочитая оставаться со своими проблемами наедине. Упуская из виду, что он теперь, как никогда нуждался в поддержке Тома.

– Начну с того, что я совершенно не знаю, как мне об-

щаться с Брайаном. В те редкие дни, когда он хочет со мной общаться.

– Прошло всего две недели. Ты же не ждёшь, что вы сразу станете лучшими друзьями?

– Нет, конечно. Я просто не могу принять тот факт, что у меня есть взрослый сын, который старше меня на 4 года. Звучит, как полный бред, да?

Крис ещё раз нервно улыбнулся и мельком взглянул на Тома, который, не отрываясь, смотрел на него.

Тот отрицательно покачал головой и ответил:

– Пока ещё нет. Я скажу, когда ты начнёшь нести полную чушь, а, ещё лучше, сразу потащу тебя к специалисту.

– Всегда знал, что на тебя можно положиться.

Напряжение между ними стало потихоньку спадать.

Крис откинулся на спинку кресла, заметно расслабившись. Он даже не мог представить, в каком состоянии находился в последние дни и, как ему не хватало их с Томом особого общения.

– Расскажи, о чем вы говорили? – попросил Том, все же присаживаясь на диван, понимая, что разговор будет долгим.

– Об эксперименте. Потом по очереди переместились в прошлое. И ещё раз об эксперименте. Как ты понимаешь, у нас масса общих тем для разговоров по душам.

Том внимательно посмотрел на друга. Он знал его достаточно хорошо, чтобы понимать, что ирония в его словах была призвана скрыть равнодушие и обеспокоенность.

– Он относится к тебе, как к участнику своего проекта.

– Да, – согласился Крис.

– И тебя это не устраивает, потому что...?

Его замечание заставило Криса задуматься. Он уже знал ответ, но искал подходящие слова, чтобы выразить его.

– Потому что он, как никак, мой сын. Мой и ... Кэтрин.

Ее имя он произнёс на выдохе и тише. Будто, оно причиняло ему физическую боль.

– Я боюсь, что меня рано или поздно отставят за бортом, и я больше ничего не смогу сделать. Я и так не нравлюсь Харрису, а, если ещё и не найду общий язык с Брайаном, то... я потеряю ее навсегда.

– Ты пытался как-то поговорить с ним об этом?

– Скажем так, я не особо в этом преуспел. Я тогда был на эмоциях, мог слишком резко ему ответить.

– Что ты имеешь в виду?

– Сразу после моего возвращения, у нас был разговор. Не знаю, как сказать. Я, в каком-то смысле, повёл себя не совсем правильно. Но, это я сейчас понимаю. А тогда его добродушие мне казалось фальшивым.

– Что конкретно ты ему сказал?

– Вроде как, назвал его попытки узнать, как я себя чувствую, ненужной формальностью. Но, самое страшное не то, что я сказал, а что я сделал.

– Можно поконкретнее?

– Как я и говорил, я ещё пару раз перемещался в прошлое

совсем на короткое время.

– Да, – кивнул Том нетерпеливо, – ты ещё упоминал, что об этих перемещениях было написано в дневнике..., – он загнулся и решил не упоминать имя Кэтрин. – В дневнике.

Крис кивнул, подтверждая правильность его слов.

– Но, если смотреть по сути, я осознанно попытался изменить прошлое так, чтобы он не родился. Вряд ли это может считаться проявлением зарождающихся отцовских чувств.

– Из всего, что ты мне сейчас сказал, выходит, что тебе нужен Брайан только, чтобы и дальше быть в проекте, – заключил Том и тут же добавил, увидев возмущение на лице Криса, – прости, но это так и есть. И я уверен, что он тоже это понимает. Нет ничего удивительного, что он не считает нужным и важным общаться с тобой о чём-то за рамками эксперимента.

– А может, это Майк наговорил ему что-то обо мне? – предположил Крис, упрямо игнорируя доводы Тома.

– Может и наговорил. Но Брайан уже и сам давно взрослый мальчик. Он читал дневник, видел твои отчеты и вполне может составить о тебе собственное мнение. Поэтому, если этот Майк все-таки что-то ему и наговорил, не нужно своими действиями и словами доказывать его правоту.

– Думаешь?

– Ты услышал мое мнение. Остальное решать тебе. Но попробуй увидеть в нем человека, своего сына, в конце концов. Как бы странно для тебя это не звучало. Не жди, что вы

быстро найдёте точки соприкосновения, только потому что у вас есть общая цель и гены. Но, для начала, и это немало.

Крис смотрел в пол перед собой и долго не мог ничего сказать. Слова Тома не стали для него большим откровением. Он и сам понимал, а более того, чувствовал, что в том, как к нему относится Брайан, есть и его вина тоже. Стоит признать ее большая часть.

– Постарайся постепенно узнавать его получше. Не знаю. Предложи ему сходить куда-нибудь.

– А куда обычно ходят отец и сын?

– На матчи робо-лиги, например.

– По-моему, это уже перебор, – Крис скептически поджал губы. – Я не собираюсь играть с ним в дочери-матери. В сыновья-отцы. Короче, смысл ты понял.

– Я просто предложил. Опять же, решать тебе.

– В целом, ты прав, – не мог не согласиться Крис. – Но я все равно ловлю себя на мысли, что я актёр в каком-то старом ситкоме и сейчас кто-то возьмёт и крикнет “Стоп! Снято!”

Крис быстрым движением взъерошил волосы и вопросительно глянул на Тома, ожидая, что он скажет.

– Вот только это – реальная жизнь. И все проблемы не разрешатся только из прихоти режиссера и сценариста.

– Ты явно выбрал себе не ту профессию, – заверил его Крис, подняв указательный палец, в подтверждение своих слов. – И, опять же, не могу с тобой не согласиться.

– Ладно, – вдруг резко подытожил он, для пущей убедительности, с силой ударив ладонями по подлокотникам кресла. – Завтра постараюсь быть с ним паинькой.

– Будь собой. Заботливым и участливым папочкой Крисом.

– Эй! Не смей меня больше так называть, – возмутился Крис, скрестив руки перед собой и посылая в Тома убийственный взгляд.

– Как? Крисом? Или папочкой? – Том уже во всю веселился, игнорируя напускную злость друга.

– Напомни, почему я все ещё тебя терплю?

– Меня можно только любить, – заявил Том с невинной улыбкой.

Крис, до этого момента еще пытавшийся сохранить серьезное выражение лица, прыснул со смеху.

– Тогда это многое объясняет, – сказал он, отсмеявшись. – Ладно, расскажи лучше, как отметил?

Крис решил перевести, отжившую себя, тему, чтобы опять не погрузиться в неловкую тишину. Которой, в последнее время, стало заметно больше между ним и Томом, если только разговор не был о проблемах самого Криса. Он поймал себя на мысли, что почти не интересовался последними событиями из жизни друга и внутренне устыдился, каким плохим другом стал он сам.

– Учитывая то, что ты с нами отмечать отказался, все пришлось переиграть, и мы с Элис были вдвоём. Сначала съез-

дили к моим родителям, а потом, ближе к полуночи, поехали на площадь Героев. Юбилейный год, обещали масштабное шоу и все такое. Короче, Элис меня туда потащила. Будь моя воля, я бы всю ночь провёл на диване за поеданием острых крылышек.

– Как она могла так с тобой поступить? – картинно возмутился Крис. – Кстати, когда это ты успел познакомить ее с родителями?

– Вчера и познакомил, – ответил Том и усмехнулся своим мыслим. – Забавно получилось, на самом деле. Я им не говорил, что мы собираемся прийти. И Элис сказал уже в такси.

– И как она отреагировала?

– Разнервничалась жутко. И всю дорогу поправляла прическу.

– Как она тебя на месте не убила за такое?

– Ей было некогда. Собственно, в этом и состоял мой план: не дать ни одной из сторон времени одуматься.

– В целом, как все прошло?

– Папа весь вечер был сама любезность и душа компании, хоть и не всегда его шутки были к месту. Элис ему явно понравилась. А мама устроила ей настоящий допрос с пристрастием! Нам с папой приходилось время от времени прерывать их диалог, иначе Элис сбежала бы прямо из-за стола. Шучу, конечно, – тут же добавил Том, улыбаясь. – На самом деле она держалась молодцом. Под конец вечера мама даже сменила гнев на милость и пару раз ей улыбнулась.

– Кстати, сколько вы уже вместе? – спросил Крис, а про себя отметил, как каждый раз загораются глаза друга, когда он говорил об Элис. Наверное, он сам выглядел также, когда разговор заходил о Кэтрин. Правильно говорят, что все влюблённые выглядят одинаково.

– Почти полгода, – ответил Том.

– Немало, – заключил Крис. – Не помню, когда в последний раз ты встречался с кем-то так долго.

Не то чтобы Том менял девушек, как перчатки. Просто, в отличие от Криса, отношения которого можно было пересчитать на пальцах на одной руке, Том не мог долго быть в одиночестве. Несмотря на это, к каждым новым отношениям он относился со всей серьезностью.

– Ты же знаешь, что я обычно довольно быстро понимаю, когда, образно говоря, игра стоит свеч. С Элис свечи зажигаются сами. Если ты понимаешь, о чем я, – сказал Том и заговорщицки поиграл бровями, прямо, как его тезка из старого мультфильма про мышонка и кота, когда последний что-то замышлял.

– Избавь меня, пожалуйста, от подробностей. Ты ранишь мою чересчур слабую психику.

– Ты о моей психике не особо заботился в последнее время, – сказал Том.

С его лица тут же сошла вся веселость, когда он понял, какую глупость сболтнул.

– Прости, я не хотел.

Крис попытался изобразить на своём лице небрежную беспечность:

– Я и правда многовато говорил о себе.

Его губы чуть дрогнули в попытке улыбнуться, но в последний момент он передумал и с отстранённым видом посмотрел в сторону, избегая взгляд Тома.

– Тебя беспокоит слишком много вещей, чтобы я мог их игнорировать. Ты ведь знаешь, что можешь поделиться со мной, чем угодно и когда угодно.

– Знаю. И чувствую, что завтра вечером твои услуги мне ещё понадобятся. Да и послезавтра – тоже.

– Ты хочешь, чтобы я был с тобой в больнице?

– А ты сможешь?

Крис перевёл на друга взгляд и в его глазах отразилась, даже не надежда, нет, а необходимость поддержки на каком-то, невообразимо сложном, уровне в физическом и эмоциональном плане.

– Что за вопросы! Я буду рядом, сколько нужно.

– Спасибо.

– Да брось. Что говорят врачи?

– Шансы 50 на 50, но я надеюсь на лучшее, – ответил Крис, но мысленно добавил, что готовится к худшему. Некоторая пессимистичность, всегда присущая ему, с годами только усугубилась, хоть он и предпочитал ее проявлять только наедине с собой. Как он считал, так ему было проще справляться с трудностями, внешне оставаясь позитивно

мыслящим. Лишь немногие, кто знал Криса достаточно хорошо, умели понимать, когда он пытался скрыть своё беспокойство.

– Я могу что-то ещё для тебя сделать? – спросил Том.

– Ты и так уже сделал достаточно, – заверил его Крис. –

Разве что, почаще вставляй мне мозги на место.

– Это я могу, уж поверь. Нет, ну а правда? Как у тебя с деньгами?

– Денег вполне хватает. Сейчас остаётся только ждать и надеяться.

Надежда. Мы находим в ней поддержку, когда ничего другого не осталось. В самых обреченных случаях в ней же находим и самообман. Она, как яд и лекарство в одном флаконе. И только доза имеет значение. Недаром, именно надежда была на самом дне ящика Пандоры. Она остаётся даже после всех печалей и горя. Ведь, человеку нужно во что-то верить. Или в кого-то. А ещё лучше, чтобы и в тебя при этом тоже кто-то верил.

Глава 2

День первый.

“А вдруг, если я открою глаза, то исчезну совсем?” – эта мысль трусливо ворвалась в мое сознание, когда я почувствовала, что больше не нахожусь в своей квартире. Ощу-

щение легкости пропало. Ему на смену пришла опустошенность. Словно из меня разом вынули все чувства, оставив наедине с одиночеством. Бывали дни, когда все, чего я хотела, чтобы меня просто оставили в покое, побыть одной, отдельно от всего мира. Но, в глубине души, я всегда боялась одиночества. А, вернее, той пустоты, что за ним следовала. Сейчас же я ощущала себя ее частью.

Я осторожно открыла глаза. Я стояла посреди комнаты, совсем крошечной. Меньше моей спальни, но так на неё похожей. В ней не было ни светло, ни темно, а единственным источником света служило окно, занимавшее добрую половину стены напротив меня. От него исходило свечение, цвет которого сложно было определить наверняка. Зелёный переходил в желтый, а потом – в голубой. Мне стало интересно, что его даёт, и я подошла ближе. В глазах резко потемнело, и я едва успела схватиться за край стола, который стоял прямо под окном, иначе бы потеряла равновесие. Голова закружилась и мне потребовалось время, чтобы прийти в себя. Картинка перед глазами стала чётче, а свечение, падавшее на поверхность стола цветными бликами, окрасилось в розоватые тона. Совсем, как закатное небо.

На мое сознание обрушились десятки мыслей, под тяжестью которых я осела на стул, так удачно стоявший рядом.

Где я? Как я сюда попала? Что мне делать? Как вернуться обратно? Неужели я ... умерла?

Вспомнились слова Майка из его прощального послания.

Он говорил, что я исчезла. Именно исчезла, а не умерла. И я чувствовала себя живой. Или же хотела чувствовать. Как будто было достаточно одного желания.

Я огляделась. Стол, стул и небольшая кровать – это все, что было в этой комнате. Если не считать ещё одного предмета, лежавшего на столе, который я сразу узнала. Ведь мой дневник выглядел точно также. Но, в отличии от моего, этот был совершенно пустым. Эта запись оказалась первой, а привычные даты и точное время пришлось сменить на малоинформативную нумерацию, начиная с первого дня.

Находиться в этой комнате было непривычно. Воздух ощущался менее плотным и разреженным. Совсем, как в горах, когда мы в детстве с родителями ездили в Италию на каникулы. Но, на удивление, дышать было легко, разве что, мне показалось, что я стала чаще вдыхать. Пространство вокруг, если хорошенько присмотреться, подергивало, едва заметной рябью, как будто оно состояло из небольших углублений или неведомая и непонятная сила посылала по нему волны, как ветер, тревожа поверхность озера. Я прислушалась. От окружающей тишины сделалось жутко и руки непроизвольно покрылись мурашками. Мне стало страшно. Признаюсь, что на некоторое время я впала в истерику и поддалась неконтрольным рыданиям. Я жалела себя и проклинала свою судьбу, молотила кулаками о столешницу до кровоподтеков, боль от которых я почувствовала много позже. Наверное, я даже кричала, срывая горло до болезненных хрипов. Обесси-

лив, я осела на пол, который чуть деформировался под моим весом, словно я сидела на жестком батуте. Я не сразу заметила его подобную особенность. А, может, она проявлялась только в том конкретном месте.

Понемногу я успокоилась. Закрыв глаза, глубоко вздохнула. В голове возник образ Криса, каким я запомнила его в нашу последнюю встречу: светло-русые волосы, по-небрежному слегка взлохмаченные, милая полуулыбка, любимые голубые глаза. Я невольно улыбнулась. Снова открыв глаза, я посмотрела в окно. Свечение за ним вместо розового стало голубовато-лиловым, и я почувствовала, что меня буквально притягивает к нему. Не в силах ему сопротивляться, я медленно встала и, чуть пошатнувшись на месте, подошла ближе. То, что я там увидела, я списываю на галлюцинацию от моего шокового состояния.

Я увидела Криса. Он был в какой-то комнате и сидел в кресле. Фонарь за окном отбрасывал на пол слабые блики, но в целом комната утопала во мраке. По позе Криса было понятно, что он спал: голова была чуть наклонена набок, руки расслабленно покоились на подлокотниках кресла, а тело иногда вздрагивало, словно он на какое-то время, просыпался, но ту же засыпал по-новой. Возле его ног стояла бутылка с какой-то темной жидкостью на дне, а рядом с ней, перевёрнутым, лежал пустой стакан.

Даже во сне его лицо выглядело встревоженным и нахмуренным. Хотелось дотронуться до него, чтобы разглядеть

морщину, залёгшую посередине его переносицы.

Внезапно, Крис вздрогнул и проснулся. Глаза все ещё оставались прищуренными, когда он сонным взглядом обвёл комнату, зябко поеживаясь. Он попытался подняться, но получилось у него это далеко не сразу. По-видимому, он был прилично пьян. Споткнувшись о стакан, который покатился дальше по полу и врезался в ножку дивана, Крис, еле удерживая равновесие и неуверенно пошатываясь, прошёл к окну, чтобы закрыть его. Он вздрогнул, как от холода и провёл рукой по лицу. Он казался таким уставшим, что даже выглядел гораздо старше своих лет. Я проследила, как он медленно пробирался в другую комнату, по пути натыкаясь на все подряд и раздраженно жестикулируя руками. Судя по тому, что его губы шевелились, он ещё и что-то говорил. Но слов я не слышала. Было похоже на то, что я смотрела немое кино с ним в главной роли. Совсем некстати вспомнились старые фильмы с Чарли Чаплином и текстовые вставки в них для дополнения сюжета.

Картинка в окне исчезла, сменяясь сине-голубым свечением, словно чья-то невидимая рука переключила канал телевизора.

Я опёрлась о столешницу, до рези в глазах всматриваясь в окно, не в силах оторваться. Я почувствовала, как по моей щеке потекла слеза, то ли от того, что я не знала, как вернуть своё внезапное видение обратно, то ли от того, что я, кажется, не моргала все это время.

Попытки открыть окно не увенчались успехом из-за банального отсутствия ручки, а удары кулаками не имели никакого эффекта. Я почувствовала острую боль, а стеклу хоть бы что. Оно, как и пол, только слегка прогибалось под моими ударами и, очевидно, было сделано из неизвестного мне материала.

Вопрос “Где я?” буквально-таки витал в воздухе, казалось, протяни руку и можно будет дотронуться до крючковой буквы Г. Но ответа я, естественно, не знала, как и не знаю его до сих пор.

В своих записях я уже начала ходить по кругу, поэтому буду заканчивать. Дам себе время поразмыслить. Как же кстати, что у меня его здесь в избытке.

День второй

Я разделяю дни чисто условно. Только для того, чтобы иметь возможность отмерять проведённое в этом месте время. Это скорее глупая привычка, но для меня она стала необходимостью. Чтобы внести в мое вынужденное положение хоть немного контроля.

Я успела заметить некую закономерность: цвета за окном, хоть и сменялись с разной периодичностью, но, все же, сама их последовательность сохранялась. Так, зеленовато-желтое свечение сменялось голубым, а затем розовым цветом. Он постепенно темнел, становясь практически чёрным, чтобы

затем окраситься в лилово-голубой и, в конце концов, стать опять зелёным с желтым. И цикл повторялся вновь. Что интересно, когда я, не отрываясь, смотрела в окно, цвет свечения не менялся, но стоило на секунду отвести взгляд, как краски переходили в следующую фазу.

Поэтому, для себя я решила, что сегодня условный вечер моего условного второго дня. Хотя, по ощущениям, прошло немногим больше, чем пара часов. Я до сих пор не чувствую ни голода, ни жажды, ни усталости. Но лучше бы их, чем страх, который всегда со мной. Он давно уже въелся в кожу и осел глубоко внутри.

Временами я слышу невнятные шорохи, доносящиеся откуда-то снаружи. Они переходят в отголоски голосов, которые будто зовут меня.

Ещё вчера я заметила, что в комнате есть дверь. Не могу с полной уверенностью сказать, была ли она здесь изначально, но сейчас она определённо находилась позади меня, прямо напротив окна. Она чернеет своей абсолютной пустотой и, даже стоя к ней спиной, я все равно не могу не замечать ее. Иногда мне кажется, что за ней кто-то притаился. Он ждёт, как только я открою дверь, чтобы вцепиться в меня и утащить за собой.

И вот сейчас, когда я это написала, это ещё больше стало походить на полоумный бред.

Но я все равно не открою эту чёртову дверь. Даже не подойду к ней, как бы она к себе не манила. В этой комнате я

чувствую себя в относительной безопасности. Со мной просто ничего не происходит. А там... там неизвестность. Которой я очень боюсь.

Здесь мне стало почти все понятно. Меня окружают понятные, одинаковые стены. Я сейчас сижу за понятным столом на четырёх ножках и делаю записи в понятном дневнике, понятной, синей ручкой. Понятная кровать, на которой я вчера лежала, была не жесткой, не мягкой. На ней была белая простынь и подушка в белой наволочке. И мое любимое, но не совсем понятное – окно в половину стены. Пейзаж за ним циклично сменяется разноцветным сиянием.

А, что за дверью, мне совершенно не понятно. Вдруг, там нет вообще ничего? Вдруг, если я открою ее, то все закончится. Не будет этой комнаты, меня, окна, в котором я уже дважды видела Криса. Вообще ничего не будет. А я не хочу не быть. Я хочу быть в этой комнате, писать в этом дневнике и смотреть в окно. Я хочу гораздо большего, но сейчас мне доступно только это.

Я заметила, что на последних строчках мое дыхание стало учащенным. Это трудно не заметить, когда тебя окружает тишина.

Не знаю, что ещё написать, поэтому буду заканчивать. Пожалуй, прилягу. Меня это успокоит. Всегда успокаивало.

День пятый

Перечитав последнюю запись, я ужаснулась своим рас-

суждениям. Вышли какие-то записки сумасшедшей, ей-Богу. Решила дать себе перерыв и немного успокоиться.

Сегодня я видела Брайана. Стоило мне подумать о нем, представить его у себя на руках, как я действительно увидела его у себя на руках, только по ту сторону окна. Та, другая я, полулежала на диване, а он, свернувшись клубочком у неё на груди, сладко спал. Я хорошо помню тот день. Было начало сентября, но в Лондоне стояла невыносимая жара, которая пришла на смену непривычно прохладному лету. Был уже вечер, все окна были открыты нараспашку, но в комнату проникал только едва уловимый ветерок. Вентилятор в углу совсем не спасал, а кондиционер был только в другой комнате. Но Брайану вздумалось уснуть (после продолжительного и громкого “концерта”) только там. Я слушала его размеренное дыхание и у меня самой, нет-нет да закрывались глаза. Тот вечер был одним из немногих, которые мы провели только вдвоём. Майк заехал утром, только, чтобы завезти нам продукты, и дальше уехал по важным делам; Миры не было в городе, а родителям я сказала, что со мной побудет Майк. Тогда я была рада, что все меня оставили в покое. А сейчас бы все отдала, чтобы кто-то, на самом деле любой из них, оказался здесь со мной.

Картинка за окном плавно поменялась. Теперь передо мной вновь была я сама. Только уже в тот день, когда я исчезла. За считанные минуты до этого. Я никогда не видела такого выражения на своём лице. Хоть я и частенько верте-

лась перед зеркалом. Но от такого взгляда у меня по коже пробежали мурашки, а на глазах выступили слезы. Изображение словно приблизилось ко мне вплотную так, что я смогла рассмотреть любую черточку, любую морщинку на своём лице. В том своём взгляде я увидела обреченную покорность тому, что вскоре должно было произойти. В отличии от меня теперешней, у меня тогдашней не было слез, только губы чуть подрагивали, будто я собиралась затеять диалог с самой собой, но так и не вымолвила ни слова. Я стояла спиной к Брайану, который опять тихо спал, теперь уже на кровати, и даже улыбался во сне.

Внезапно, я изменилась в лице. Словно с него сошла тень и его озарило светом. Я поняла, что произойдёт дальше и поспешила поцеловать напоследок Брайана, который, почуввав неладное, тут же проснулся и громко заплакал.

В окно ударило яркое свечение, и я зажмурилась, роняя на щеки невыплаканные слезы. А когда открыла глаза, меня уж не было. Картинка за окном становилась нечеткой, будто выцветала. Я видела, как в комнату вбежал перепуганный Майк. Как он молниеносно, повинувшись какому-то первобытному инстинкту, схватил Брайана на руки, чтобы успокоить.

Я почти ничего не могла различить перед собой. То ли оттого, что глаза застилали слезы, то ли, потому что не могла больше концентрировать свои мысли на Брайане, но за окном опять было только розоватое свечение.

Сейчас за окном практически темно, и я едва вижу, что

пишу. Вот так закончился очередной условный день. Спокойной мне условной ночи.

День седьмой

Сегодня я поставила седьмой плюстик на стене рядом с кроватью. Говорят, что это счастливое и очень знаковое число. Не то, чтобы и я так считала или в моей жизни были события, связанные с семеркой. Нет. Просто, в текущем положении оказалось, что мне нужно во что-то верить. Прямо-таки жизненно необходимо. Совсем не потому, что я растеряла по частям весь свой рассудок. Просто так становится чуточку легче. Лишний повод для радости. И сегодня он был не единственным.

Я и до этого замечала, что комната понемногу меняется, обзаводясь все новыми и новыми вещественными подробностями. Например, на следующий день после того, как я мимолётом подумала о зеркале, оно появилось на стене рядом с дверью. Небольшое, как раз, чтобы рассмотреть своё лицо. Я заглянула в него всего на пару секунд и до сих пор избегаю своего отражения. Оно показалось мне неправдоподобно бледным, с нотками безумия в широко распахнутых глазах, с чуть приоткрытым, в немом удивлении, ртом. Я отказываюсь идентифицировать его с собой. Это будет равносильно принятию факта, будто я умерла.

Естественно, поводом для радости стало не зеркало. Бук-

важно сегодня, когда я лежала на кровати и под мои закрытые веки проникали зеленоватые лучи из-за окна, я открыла глаза и обнаружила на стене, прямо над моими отметками, книжную полку. Книг на ней не было, если не считать моего дневника, точнее его предыдущей версии. Или теперешней копии. Не уверена, как его правильно называть. В общем, в нем были все записи, которые я и так помнила наизусть, но перечитывать их доставило мне подлинное удовольствие.

Я и не увидела, когда в комнате совсем потемнело, хотя обычно я замечаю каждую фазу свечения. Я отложила дневник и снова легла на кровать, где всегда коротала эти “ночные” часы. Пожалуй, впервые за “дни”, проведённые здесь, я чувствовала относительное спокойствие. Скорее всего, причина крылась в моем чрезмерном напряжении, которое перелилось через край и перешло в совершенно противоположную эмоцию. Возможно, именно поэтому, когда я скосила взгляд на дверь, которая по-прежнему зияла своей чернотой, даже больше, чем обычно, из-за окружающей темноты, она не показалась мне такой пугающей. Настолько, что я даже поднялась с кровати и подошла к ней, впервые прикоснулась к ее шершавой поверхности, к гладкой, круглой ручке. Но не настолько, чтобы открыть ее. Хотя, признаюсь, во мне проснулось любопытство, подстегиваемое отчаянным желанием узнать хоть что-то новое об этом месте. И что, я была уверена, скрывалось за этой дверью.

Окно окрасилась желтоватыми лучами нового дня. На

чёрном силуэте двери проступила короткая надпись: “Я уже здесь была”, выполненная какой-то белой краской и моим почерком.

Больше я не подходила к двери.

День девятый (день первый в комнате №2)

Похоже, в этом месте я растеряла всю свою фантазию. Или же наоборот, оно оказалось настолько невероятным, что никакой фантазии не хватит. Может быть поэтому я не смогла придумать другого названия помещению, скрывавшемуся за дверью, кроме его сухой нумерации?

На первый взгляд комната, в которой я сейчас нахожусь, не имеет существенных отличий от предыдущей. Сюда словно перекочевала вся мебель, вместе с окном и неизменным свечением за ним. Оба дневника я взяла в эту комнату сама, боясь, что они могут попросту исчезнуть. Например, как исчезли отметки со стены под книжной полкой или надпись с двери. Теперь на месте отметок на стене красуется цифра девять, заботливо оставленная мной в напоминание, а дверь опять блистает своей девственной чернотой.

При попытках вернуться в первую комнату я обнаружила, что дверь не открывается. Интересно, какова вероятность, что эта комната – та же самая?

Повозившись с дверью какое-то время и окончательно убедившись, что она не поддаётся, я развернулась и прошла

в центр комнаты. Тело рефлекторно вздрогнуло, потому что там оказалось ощутимо холоднее. Холод исходил откуда-то сверху, и я подняла голову, уставившись в потолок. Только тогда я заметила, что всю его центральную часть покрывала, как будто зеркальная, ледяная корка. Я протянула к ней руку, которую сразу обдало морозной волной, но так и не смогла до неё дотронуться. Рядом стоящий стул послужил мне необходимым возвышением. Протянув руку во второй раз, я коснулась этой области на потолке. Моя ладонь не встретила сопротивления, как от обыкновенной твёрдой поверхности, и мои пальцы прошли через потолок насквозь. Было очень странно, но я не почувствовала, что вещество, из которого была сделана эта корка, а, может, и весь потолок, обладало хоть какими-то свойствами жидкости или твёрдого тела. Я, словно касалась воздуха, а мои пальцы никак не находили отопру.

Я резко отдернула руку, хотя, вопреки ожиданиям, и не почувствовала обжигающего холода.

У меня возникает все больше и больше вопросов об этом месте. И ни на один я так и не получила ответа.

Кроме единственного: я уверена, что мои видения за окном напрямую связаны с моими мыслями и самыми сильными желаниями.

– Думаю, что Майк не в восторге от того, сколько времени мы проводим вместе, – сказал Крис с кривой усмешкой.

Он сидел в просторном кресле в кабинете Брайана и с интересом наблюдал, как тот, в который раз за сегодня, вскакивал со своего места и мчался к магнитной доске на противоположной стене, чтобы оставить на ней очередные записи. Которые уже через минуту были резко стёрты в едином порыве.

– А? Что прости? Я задумался и не услышал, что ты сказал, – Брайан опять сел на место и вернулся к изучению, особо интересующей его разработки ученых из университета Беркли.

За прошедшие две недели он успел связаться с десятком исследовательских групп по всему миру в поисках новых идей и информации. Как раз сегодня он получил ответ от доктора Ричардса, которого заинтересовала его проблема и он любезно поделился подборкой своих, уже опубликованных, статей.

– Как твой отец относится к тому, что мы с тобой общаемся? – ещё раз уточнил Крис, не сдаваясь.

– Мы с ним не обсуждали эту тему, – ответил Брайан, не отрываясь от монитора, – к тому же я взрослый человек и вполне сам могу решить с кем и сколько мне общаться. Он ведь понимает, что наше общение – это чисто научная необходимость.

– Конечно, – вынужденно согласился Крис.

Но внутри что-то неприятно кольнуло.

– О чем читаешь? – поинтересовался он после долгой паузы. Брайан не особо спешил посвящать его в подробности.

– О теории квантовой запутанности, – ответил тот и, как часто делал, перевёл тему:

– Опиши ещё раз свои ощущения от перемещения. Ты рассказывал о каком-то пограничном пространстве.

– Я не знаю, как правильно назвать это место и является ли оно пространством в привычном понимании, – Крис про себя отметил, что на его размышлениях уже начало сказываться общение с человеком науки. – Там было тихо, определенно за все сеансы я не услышал ни единого звука. Как ты понимаешь, я не могу утверждать, что там было ещё и темно, потому что у меня были постоянно закрыты глаза. Но по ощущениям именно так и было. А ещё под собой я не ощущал никакой опоры: теряя ее при перемещении из лаборатории, я обретал ее опять только уже будучи в прошлом. Это состояние, наверное, похоже на свободное падение или полет, когда тело не находит на своём пути никаких препятствий.

– Ты сейчас очень точно описал действие гравитации согласно общей теории относительности, – перебил его Брайан и продолжил свои размышления, – получается, что твоё движение из условной точки “А” в нашем времени было остановлено в точке “Б” уже в прошлом. Также, как поверхность Земли останавливает, подброшенный вверх, мяч. Сложность

лишь в том, чтобы принять, что прошлое и будущее – это всего лишь направления, как вверх и вниз. Ты направлялся в прошлое посредством разности значений плотности энергий. Не важно, – оборвал он сам себя, из нежелания забивать Крису голову непонятными ему терминами. – Ты двигался через пространство-время, которое было искривлено таким образом, чтобы ты смог попасть в прошлое. Но что, если мама как раз и попала в точку пространства между нашими временами? Что, если она застряла в неопределённом времени в неопределённом месте?

– Тогда, как нам его определить? – Крис даже подался вперёд в надежде, что и на это у Брайана найдётся объяснение.

– Я не знаю. Пока не знаю, – подчеркнул тот, вскинув указательный палец для убедительности.

Его поведение напомнило Крису о ещё одном странном событии, которое произошло с ним в день, а точнее в ночь, после возвращения из Австралии.

– Есть ещё кое-что. Это случилось не во время перемещения и даже не в прошлом. Я видел один очень странный сон.

– Просто сон? – с сомнением переспросил Брайан. – Не внезапное, я не знаю, озарение? Может быть, видение?

– Ты физик или ясновидящий? – скептически спросил Крис. – Да, это был сон. Но не просто сон, как ты выразился. Он показался таким реальным.

– Ближе к делу, – нетерпеливо перебил его Брайан.

Он встал из-за стола и оперся на него, скрестив руки перед

собой, чем очень напомнил Крису доктора Харриса.

– Я к тому и веду, – попытался, как можно спокойнее ответить Крис. – Сейчас я уже не вспомню все до подробностей, но я определенно уверен, что видел Кэтрин. Она сидела за столом в небольшой комнате и что-то писала, по-моему, в своём дневнике. А я был, словно сторонним наблюдателем. Прямо перед ней было окно и, когда я подошёл поближе, то увидел самого себя, как ни странно, с тобой.

– Со мной? Ты хочешь сказать, что видел меня во сне? Когда это было?

– Когда я вернулся из Австралии. Тогда я не придавал этому сну значения. Но сейчас я уверен, что это был ты.

– И что было потом?

– А потом Кэтрин заплакала, – тихо ответил Крис, глядя прямо перед собой. – Она смотрела на нас и по ее щекам бежали слезы. И это все. Не знаю, есть ли в нем какой-то смысл, но...

– Есть, – уверенно заявил Брайан.

Он порылся в ящике стола и достал оттуда, уже довольно потрёпанный, дневник Кэтрин.

– Он уже давным-давно оцифрован, но мне нравится именно бумажный вариант. Мама, когда писала в нем, вкладывала частичку себя и так она мне кажется, ближе что ли.

– Я понимаю, – заверил его Крис.

Их взгляды на мгновение встретились и оба выражали печаль. Брайан первым отвёл глаза, словно вспомнил, что не

должен показывать что-то настолько личное.

– Я где-то видел запись о подобном, – быстро заговорил он, безжалостно пролистывая несчастные страницы. – Вот. Кажется, здесь. Да, точно.

Он едва шевелил губами, про себя читая строки, по которым проводил подушечками пальцев. Его взгляд становился все мрачнее, посреди переносицы залегла глубокая морщина и он, казалось, не собирался озвучивать прочитанное вслух.

– Что там? – нетерпеливо спросил Крис поднимаясь с кресла.

Он подошёл к Брайану и постарался заглянуть ему через плечо. Но тот захлопнул дневник, резко развернувшись к Крису.

– Да что с тобой не так? – не сдержался, наконец, Крис. – Помниться, когда-то ты хотел быть открытым.

С минуту они просто молча смотрели друг на друга. Брайан прижимал к себе закрытый дневник, как своё тайное сокровище, которым ни с кем не хотел делиться. А Крис уже мысленно ругал себя, что попытки наладить отношения он начал явно не с того.

Брайан с тяжелым вздохом опустил в свое кресло и потер переносицу, прикрыв глаза и давая себе время на размышление перед ответом. Ко всему прочему, что ему было сказать? Он, конечно, слегка лукавил по поводу отношения отца к его общению с Крисом. По правде сказать, они даже немного поругались из-за этого. Майк отказывался по-

нимать, зачем вообще Брайану вздумалось поддерживать с Крисом какие-либо отношения, будь то рабочие или личные. Все доводы самого Брайана словно пролетали мимо. В какой-то степени он, конечно, понимал неприязнь и даже ненависть отца к Крису. Но сам, при этом, испытывал довольно противоречивые эмоции. Ненависти в нем не было и в помине, как и внезапной родительской любви. А необоснованное, с его точки зрения, недоверие Криса к нему лишь отталкивало.

Но сегодня Крис вёл себя по-другому, более дружелюбно. Попытался завязать разговор и, если бы Брайан не был настолько поглощён своими идеями, он бы мог заметить эти попытки.

– Чего ты хочешь? – спросил Брайан напрямую, так и не придумав ничего лучше в своё оправдание. – Сначала ты обвинял меня в неискренности и дистанцировался от меня, сведя наше общение к чисто рабочему. А теперь сам предъявляешь мне претензии, потому что я не соответствую твоим представлениям о любящем сыночке?

Получилось резко и грубо, а отброшенный на стол дневник с успехом дополнил напряжение в его словах.

Крис, все это время с вызовом смотревший на Брайана, виновато опустил глаза.

– Я не это имел в виду. Как видишь, я и сам едва ли подхожу на роль заботливого папочки, если уж выражаться твоими терминами. Но так уж сложилось, что ты вынужден со

мною общаться, хоть тебе и не особо хочется. Я и сам, поначалу, был не в восторге от такой перспективы. Но только лишь, потому что я растерялся и мое поведение было защитной реакцией. Понимаю, что это довольно слабое оправдание, однако, если ещё не поздно, я бы хотел извиниться за своё поведение.

Он поднял глаза на Брайана, который внимательно смотрел на него, и протянул ему руку в знак примирения.

Брайан немного поколебался, словно оценивал ситуацию, заставляя Криса понервничать, но, в конце концов, чуть приподнялся в кресле и пожал руку в ответ.

Облегчение, которое при этом почувствовал Крис, было сравнимо с тяжелым грузом, который, наконец, свалился с его плеч. Он даже выдохнул громче положенного.

Они кивнули друг другу и неловко убрали руки. Опять повисла неудобная тишина, уже не впервые за сегодня.

Брайан сел обратно в своё кресло, а Крис, немного потоптавшись на месте, вернулся в своё.

– К твоему сведению, – тихо начал Брайана, глядя на свои, сложенные на столе, ладони, – я общаюсь с тобой не только из необходимости.

Он замолчал ещё ненадолго, прежде чем продолжить:

– Знаешь, когда отец впервые показал мне мамин дневник, мне не было и 20. Большую часть своей жизни я считал его родным и до сих пор считаю. Но тогда мой привычный мир будто перестал существовать. Написанное в дневнике я

сначала посчитал полнейшим бредом или глупой шуткой. Ты сам понимаешь, насколько трудно мне было поверить, что это правда. Я тогда несколько дней не разговаривал с отцом и всерьёз думал, что схожу с ума. Я не мог смириться с тем, что он обманул меня по поводу того, что на самом деле случилось с мамой. Маленькому мне говорили, что мамы больше нет и указывали на небо. Помню, как подолгу сидел на заднем дворе и всматривался в облака в надежде, что мама вот-вот выглянет из-за них. Уже позже мне рассказали, что мама погибла в аварии. И у отца, и у бабушки с дедушкой при ее упоминании, всегда становилось такое лицо, что я не пытался выпрашивать подробности. Я изучал ее жизнь по фотографиям и мне казалось, что хоть немного, но я узнавал ее. А потом появился этот дневник и все оказалось ложью. Я узнал о тебе, но у меня никогда не было особого желания тебя найти. А после разговора с отцом я понял, что мы все равно встретимся. Ты был для меня сродни мифическому персонажу, о котором я знал даже меньше, чем о маме. Ещё тогда я осознал, что отец, мягко говоря, тебя недолюбливал. По понятным причинам, мы никогда не говорили о тебе. Да и во время самого проекта разговоры не заходили дальше обсуждения твоих сеансов. Поэтому я имел прекрасную возможность составить о тебе свое собственное мнение.

После своей долгой и довольно откровенной тирады Брайан замолчал. Ему требовалось время, чтобы правильно подобрать слова, ведь он, даже для самого себя, окончательно

не определился в своём отношении к Крису. Сейчас, в образовавшейся тишине, Брайан мог отчетливо наблюдать его волнение. То, как Крис бросал на него мимолетные взгляды и сразу отводил глаза, как часто сменял положение рук, потому что любая поза казалась ему неудобной, как время от времени кабинет наполнялся его тяжелыми вздохами.

– Я боюсь тебя узнавать, – все же признался Брайан, понимая, однако, всю неоднозначность своих слов, поэтому поспешно добавил, – боюсь разочароваться в тебе, как в человеке, которого когда-то полюбила моя мама. Признаюсь, у меня в голове уже есть некий твой образ, составленный по маминому дневнику и твоим отчетам мыслей. И он не очень-то вяжется с твоим отношением ко мне. Скажи честно: ты винишь меня в смерти мамы?

Крис резко вскинул голову и уставился на Брайана в недоумении:

– С чего ты взял? Если уж на то пошло, то я не считаю ее – он тяжело сглотнул, потому что следующее слово горьким комом застряло в горле, – мертвой. Но, если тебе хочется искать виновных в этой истории, то и я виноват не меньше.

Каждый из них искал в лице другого любые признаки лжи или сомнения. И не находил. Может быть в первый раз за их общение, они были искренними настолько, что это причиняло почти физическую боль от тяжести этой правды. Ведь у них была одна общая потеря. И, если у Криси отняли его невозможную любовь, то Брайан лишился единственного са-

мого близкого в мире человека.

– Искать и назначать виноватых совсем не решит нашу проблему, – подытожил Крис. – И, если у меня есть уверенность, что ты сможешь прекрасно обойтись и без меня, то я без тебя уже точно не справлюсь. Поэтому притворяться, что я готов помогать тебе бескорыстно, я не буду. Конечно же, я хочу ее вернуть и прекрасно осознаю, что только ты мне в этом поможешь. Но изворачиваться и имитировать резко проснувшуюся, ни с того, ни с сего, отцовскую любовь, не в моей природе. Я знаю, что нужно время, чертовски много времени, – уточнил он с нервной улыбкой, – чтобы ты начал мне доверять, и я не исключаю, что я буду вести себя так, что его потребуется ещё больше. Но все, что я сделаю, будет ради неё. Думаю, что в конечном счете, именно это для тебя и важно.

– Звучит не так уж плохо, – заключил Брайан после долгих раздумий.

Он расслабленно откинулся на спинку кресла и положил руки за голову. В какой-то момент он поймал себя на мысли, что все же начал проникаться к Крису, если не симпатией, то довольно искренней признательностью. Его лица коснулась мимолетная улыбка. Напряжение, висевшее все это время в комнате, опускалось к нулевой отметке, пока не было окончательно сбито одним-единственным вопросом Брайана.

– Хочешь, я отправлю тебе копию маминого дневника? Она много писала о тебе. Не думаю, что она бы возражала,

чтобы ты его прочёл. Она правда тебя очень любила.

– Спасибо, – только и смог вымолвить Крис.

В своей голове он ещё добавил, что тоже ее любил, да и любит до сих пор. Но счёл своё признание не совсем уместным.

Они просидели так до глубокой ночи, пока за окном опять не началась метель, безжалостно терзающая стекла. Брайан с головой ушёл в изучение статей, иногда прерываясь на записи или, если его вдруг озаряла по-настоящему стоящая идея, делился ей с Крисом. Который в свою очередь, был занят чтением дневника, воскрешавшего в его памяти ещё вполне свежие воспоминания, которые открывали свои новые грани, показывая чувства Кэтрин, ее душу и сомнения, радости и переживания, страхи и надежды.

– Ты знал, что отец Кэтрин, – он запнулся на слове “наркоторговец”, но вовремя остановил себя, понимая, что он совсем не знает, как к этому отнесётся Брайан, ведь, все-таки, это его родной дед. – Кхм, то есть, знал, чем он занимается?

– Я раньше неосознанно придерживался позиции мамы и не лез в их с отцом бизнес, пока он не касался меня.

В глазах Криса сразу же вспыхнуло любопытство, но он быстро подавил его, давая Брайану продолжить.

– В первый раз прочитав мамин дневник, я, безусловно, заинтересовался ее находкой. С этим вопросом я и отправился к отцу. Он, будто, только этого и ждал, а потому его ответ показался мне неправдоподобно заученным. Он ска-

зал, что дедушку тогда подставили, а то вещество – было секретной экспериментальной разработкой, которая не должна была попасть в руки полиции. Какое именно это было вещество, он не уточнял, а от прямого вопроса просто отмахнулся, сказав, что не знает.

Брайан снова замолчал, прикидывая в уме, насколько он может рассказывать это Крису. Поэтому тут же предупредил:

– Надеюсь, что этот разговор останется между нами.

Крис молча кивнул и даже затаил дыхание, принимая его слова, как некую проверку на доверие, которую он совсем не собирался проваливать.

– За объяснениями я потом пошёл к дедушке, который вроде бы и дал ответ, но настолько размытый, что у меня вовсе не прибавилось понимания. Вроде как, это вещество, как он сам назвал его – мое самое большое разочарование – должно было сделать прорыв в медицине, но оказалось огромным провалом.

– Подожди-ка, – прервал его Крис. Заслушавшись, он совсем упустил из виду, что он как раз-таки узнал то вещество:

– Насколько я помню, я тогда объяснил Кэтрин, что это такое и чем оно является в нашем времени.

– Так и было, – согласился Брайана, – но только не тогда, когда я впервые читал дневник.

– Что ты имеешь в виду?

– Что записи изменились. Как бы это объяснить? Любое событие – это цепочка мини-событий. Чем оно масштабнее,

тем больше “звеньев” в этой цепи. Так вот. Такие события могут образовывать некое подобие закольцованного времени. Например, глобальное событие, как бы нарциссично не звучало – это мое рождение. Чтобы я родился, ты должен был отправиться в прошлое. Чтобы ты отправился в прошлое, должна была быть построена, так называемая машина времени. Чтобы ее построить, должен был быть дневник, в котором будет описана ее идея. А, если есть дневник, в котором это описано, значит уже есть машина времени и ты, отправившийся в прошлое. И история повторяется. Но, иногда, под действием разных факторов, эти звенья-события деформируются и происходят незначительные изменения. На всю цепочку в целом это не сильно влияет, но отдельный ее участок даёт своеобразный сбой.

– То есть, получается, что есть вариант истории, при котором я не рассказываю Кэтрин о “зеленке”?

– Да, он был. И я допускаю, что, в каком-то смысле, он есть и сейчас, и существует как бы параллельно. Но с тех пор, как записи в дневнике изменились, этот вариант я склонен принимать, как единственно верный. Знаю, это сложно понять, – усмехнулся он, глядя на полнейшее недоумение на лице Криса.

– Ты даже представить не можешь насколько. И сколько же может быть таких вариантов?

– Как минимум, по два на каждый шаг, требующий решения. То есть, практически на любой.

– Хочешь сказать, что прямо сейчас есть такие же мы, только выбравшие другой вариант событий, который существуют параллельно нам?

– У меня нет прямых аргументов “за” эту теорию. А “против” – есть только презумпция недоказанности. Теория не доказана до тех пор, пока нет прямых ее доказательств. Запутанный каламбур получился.

– У меня уже голова кругом идёт от всех твоих теорий, – сказал Крис и, не сумев сдержаться, зевнул, прикрывая рот ладонью.

– Уже так поздно, – подметил Брайан, сверяясь с часами, после красноречивого жеста Криса. – Я подвезу тебя?

Крис явно был не готов к такому предложению, но устал настолько, что с радостью принял его.

– У тебя есть своя машина? – спросил он, когда они уже вышли из кабинета в коридор и направлялись к выходу.

– Да, – подтвердил Брайан, – хоть это и не всегда удобно, сам понимаешь, из-за ограничений. Но мне повезло, у меня есть разрешение первой степени, – и пояснил, увидев непонимание на лице Криса, – я могу ездить в будние дни, а сегодня, технически, уже понедельник, так что мы ничего не нарушим.

Когда они спустились на парковку и подошли к единственной машине на ней, Крис на мгновение потерял дар речи и тупо уставился на автомобиль перед собой.

– Это же..., – только и смог вымолвить он.

– Мамина машина, – закончил за него Брайан. – Пришлось изрядно над ней поработать, чтобы она соответствовала сегодняшним требованиям по безопасности окружающей среды. Я и забыл, что оставил здесь именно ее.

Они расположились на передних сидениях, и Брайан завёл мотор, который отозвался во всю свою мощь.

Выкатив машину на заснеженную улицу, Брайан сразу переключил управление на автопилот и ввёл адрес Криса на приборной панели. Автомобиль ярко сверкнул фарами и в мгновение ока скрылся за поворотом.

Глава 4

Брайан Харрис переступил порог своего дома уже практически под утро.

– Смарты, я дома, – негромко сказал он в пустоту.

Потолок над его головой тут же зажегся приглушённым светом и приятный, женский голос ответил:

– Вы сегодня очень поздно. Задержались на работе?

Брайан усмехнулся, как делал всегда, когда персональная смарт-система его дома, между прочим, его собственная разработка, отчитывала его за позднее возвращение. Конечно, в глобальном плане, она была едва ли на это способна, но все же он постарался вложить в неё алгоритмы, не присущие другим системам. Поэтому, она была не лишена сарказма, хоть и применяла его крайне редко, но, в большинстве

случаев, просто проявляла чуть больше участия в своих выражениях.

– Да, пожалуй, задержался чуть дольше, чем обычно.

Привычка отвечать Смартти, как он ее ласково называл, была скорее печальным следствием его образа жизни, чем вариантом использования дополнительных возможностей системы.

Он снял ботинки и пальто, которые успели пропитаться снегом и от этого немного потяжелели. В стене справа открылась ниша, из которой выехала вешалка. Брайан аккуратно нацепил на неё своё пальто, которое тут же скрылось за раздвижными дверцами. Послышался легкий шум, который сопровождал процесс моментальной сушки.

– Чай, кофе? – вежливо предложила Смартти, как только получила сигнал о начавшейся сушке верхней одежды и сопоставила его с информацией о погоде снаружи.

– Кофе с молоком и сахаром, – чуть подумав, ответил Брайан. – В большую чашку, будь добра.

– Ваш кофе будет готов через 47 секунд, – отрапортовала Смартти и со стороны кухни сразу донёлся звук перемалываемых зёрен, а чуть позже – аромат свежесваренного кофе.

Спать Брайан уже не собирался, да и сна у него не было ни в одном глазу, а потому он забрался на диван, сжимая в руках огромную кружку с кофе, и вытянул ноги, устало их разминая. С пару минут он бездумно листал ленту новостей в телефоне, но информация никак не желала восприниматься.

В голове и так теснилось слишком много мыслей, которые в мгновение ока сменяли друг друга, так, что мозг казался подобием только что заведенного механизма.

Брайан попытался сосредоточиться на одном-единственном действии – поглощении кофе. Подушечками пальцев он чувствовал приятное тепло, исходившее от чашки. С каждым новым вдохом получал порцию горьковатого аромата. А первый глоток смог принести ему не только удовлетворение вкусовых рецепторов, но и желанное спокойствие.

Хотя, в его жизни и присутствовала, преимущественно, работа, спокойные вечера в ней выдавались нечасто. Но Брайан, в каком-то смысле не мог по-другому. Не мог и не умел. С того самого момента, как он прочитал дневник, все его заботы, целиком и полностью, были направлены в будущее. Ведь он, с точностью до дня, знал, когда сбудутся его планы, а некоторым из которых только предстояло осуществиться. По этой причине он совсем забывал жить настоящим, отодвигая другие сферы своей жизни, не то, что на второй, на самый задний план.

С самого детства он был не особо общительным ребёнком. Да и как тут было стать таковым, когда растёшь в огромном доме, полном родных и прислуги, но с полнейшим отсутствием сверстников?

Первое яркое воспоминание Брайана приходилось на посиделки в кругу семьи за рождественским ужином, когда ему было пять. Несмотря на то, что он, Майк, мистер и миссис

Уайт жили в одном доме, Рождество было чуть ли не единственным поводом собраться всем вместе. Майк и мистер Уайт работали в компании последнего. Уходили они рано, а возвращались, когда чаще всего маленький Брайан уже крепко спал. У миссис Уайт нередко были свои заботы и, хотя, она и души не чаяла во внуке, но не собиралась посвящать ему все своё время.

В то рождество они сидели вчетвером за праздничным столом. Рядом стояла пышная, зелёная ель, которую Брайан впервые, не без помощи миссис Уайт, конечно, наряжал самостоятельно, чем он сам очень гордился. Этим он сразу, как только принесли десерт, поспешил поделиться с Майком и мистером Уайтом. От Майка он тогда услышал похвалу, но сильнее всего запомнились слова мистера Уайта, сказанные в нравоучительной манере:

“Большие шарики нужно вешать снизу, а сверху – поменьше”.

Вот и все, что он сказал, чем очень огорчил маленького Брайана. Уже перед сном он спросил у Майка:

“Пап, а почему дедушке не понравилось, как я украсил елку?”

“Ему все понравилось, просто он очень устал на работе”, – заверил тогда его Майк.

“Ты тоже устал, но тебе же понравилось”, – запротестовал Брайан, чем вызвал снисходительную улыбку Майка.

“И ему тоже. Дедушка таким образом выражает своё одоб-

рение”.

На протяжении всей жизни Брайан привык не получать хоть какое-то одобрение от мистера Уайта, хотя и, неосознанно, к нему стремился. А после маминого дневника вообще обзавёлся мыслью, которой никогда, ни с кем не делился. о том, что мистер Уайт винил его в смерти своей дочери.

Брайан до сих пор был склонен считать себя виноватым во всем, что случилось с его мамой, а потому проецировал такие мысли на отношение других людей к себе.

Он никогда особо не любил обсуждать свои душевные переживания с кем бы то ни было, пускай даже и с очень близкими людьми, предпочитая проживать эти диалоги у себя в голове. Поэтому сегодняшний разговор с Крисом был скорее исключением. Брайан вообще достаточно тяжело впускал в свою жизнь новых людей. С Крисом же он, хоть и не сразу, почувствовал связь, которая совсем не была следствием их близких родственных уз. А, скорее наоборот, возникла вопреки его внутренним установкам и постоянным метаниям от желания узнать Крису поближе до того, чтобы загнать их общение в чисто рабочие рамки. Однако, с самого начала последнее не имело никакого смысла. Потому что, как верно подметил Крис, Брайан вполне мог справиться и без него.

Ответ крылся гораздо глубже. Его тянуло к Крису из, вполне обоснованного, желания узнать человека, который был так близок его маме. И, хотя, тот же Майк всегда был частью жизни Брайана, именно Крису он негласно считал тем,

от кого мог получить подробности о жизни своей мамы, которых ему так не доставало.

Такая заикленность на построении наиболее полного образа Кэтрин была результатом странных ощущений и предчувствий, преследовавших Брайана с самого детства. Как некоторые дети представляли, что играют с воображаемыми друзьями, так и Брайану казалось реальным незримое присутствие мамы. Из семейного альбома с фотографиями он знал, как она выглядела, а потому четко понимал, кого не раз видел во сне. Так уж вышло, что в детстве Брайану довольно часто снился один и тот же сон: небольшая комната, в которой была только молодая девушка – его мама. Она сидела за столом напротив окна. Когда Брайан подходил к ней ближе, он каждый раз видел, что она листает альбом с его собственными фотографиями. При чем, как раз в том возрасте, в каком он был каждый раз, когда видел эти сны. По пробуждении он сразу бежал перелистывать свой альбом, который прятал под кроватью, и представлял, что сейчас его мама делает то же самое.

Эти сны всегда провоцировали у Брайана ещё большую тоску, с которой он, в силу маленького возраста, не знал, как справиться. Именно поэтому он часто рассказывал Майку, что с ним опять играла мама. Тогда Майк садился в кресло, усаживал его на колени и подолгу говорил с ним. О том, что его мама сейчас в мире, из которого она не может вернуться. О том, как она любила Брайана и как наверняка, сейчас

скачает, когда смотрит на него. А Брайан каждый раз после этого просил рассказать ему, какой она была. И успокаивался, заслушав очередную порцию историй от Майка.

Пожалуй, сегодня как раз и был такой день, чтобы опять прибегнуть к помощи своего отца: когда мыслей и вопросов стало слишком много. Нет, конечно приём с сидением у него на коленях уже двадцать лет, как не работал, но Майк все ещё был для Брайана тем человеком, к которому он шёл за советом.

Допив последний глоток кофе, он отставил пустую чашку на пол и блаженно прикрыл глаза, проваливаясь-таки в объятия сна.

– Ты хотел о чём-то поговорить? – спросил Майк Харрис, отрывая взгляд от монитора компьютера и переводя его на, только что вошедшего, Брайана.

– Да. То есть, нет. То есть, как дела, пап?

Брайан неспешно вошел в кабинет отца и остановился, прислонившись к стене, чуть левее стола, за которым сидел Майк.

– Все хорошо. Только не говори, что соскучился за выходные.

– А, что, если и так?

– Тогда мог бы, для приличия, позвонить. Сообщение с поздравлениями не в счёт, – сразу отрезал он Брайану пути к возражениям.

– У меня были дела.

Майк чуть нахмурился.

– Какие же?

– Я виделся с Крисом. Ещё раз, – ответил Брайан, опустив глаза.

– И?

Брайан посмотрел на отца, лицо которого стало ещё более нахмуренным.

– И мы немного поговорили.

Майк многозначительно хмыкнул, но ничего не сказал.

А Брайан продолжил.

– Я, на самом деле, хотел узнать твоё мнение, если я буду время от времени с ним видеться. Я считаю, что это может очень помочь в дальнейшей реализации проекта.

Свои личные мотивы Брайан, однако, благоразумно предпочёл не озвучивать.

– Ты же уже знаешь мое мнение. Но тебя, я вижу, оно не останавливает. Тогда, зачем тебе нужно мое благословение?

Майк внимательно посмотрел на сына. С течением времени, он все больше напоминал ему Кэтрин. Особенно сейчас, когда в жизнь Брайана, также, как и 30 лет назад в жизнь Кэтрин, врвался Крис, а он опять не мог никак этому воспрепятствовать. А в случае Кэтрин, даже поспособствовал их встрече. Печальнее всего было то, что он не мог иначе. Он принял своё решение много лет назад, когда откликнулся на затею мистера Уайта, которая втянула его в многолетнюю че-

реду событий, все время ведущих его к заранее известному итогу. Этим решением он принёс в жертву всю свою жизнь и для него никогда не было вариантов, в которых он бы поступал по-другому.

– Я хочу, чтобы ты понял, почему я это делаю.

– А ты сам понимаешь? Почему ты так уверен в человеке, которого совсем не знаешь?

Брайан на мгновение был сбит с толку таким вопросом.

– С чего ты взял, что я ему доверяю?

– Потому что ты пришел ко мне не с вопросом о нем, а с вопросом о вашем общении, как о свершившемся факте. Поэтому, я повторю вопрос, зачем тебе нужно мое благословение?

– Чтобы дать мне понять, что я поступаю правильно, – выпалил Брайан, не сдержавшись. – Я путался в этой истории, сколько я себя помню и сейчас запутался окончательно. Я не понимаю, к кому и как мне относится. Я очень боюсь тебя обидеть. Но Крис... не чужой для меня человек. И знаешь что? Мне его чертовски жаль. Он, в каком-то смысле, оказался случайным участником нашей семейной драмы. И, хотя, без него абсолютно ничего бы не случилось и даже меня бы здесь не было, он и для тебя, и для дедушки – даже не человек, просто средство, которым можно попользоваться и выбросить за ненадобностью.

Брайан отчаянно пытался контролировать свой голос, но то и дело срывался практически на крик, а потому, по окон-

чании своей тирады, его дыхание совсем сбилось и в кабинете были слышны его громкие, рваные вдохи.

– Как давно ты принимал лекарство? – как можно спокойнее, поинтересовался Майк, осторожно поднимаясь из-за стола, чтобы медленно подойти поближе к Брайану. – В последние недели ты сильно переживал и должен был принимать его ежедневно.

Брайан перевёл озадаченный взгляд на отца и несколько раз моргнул, чтобы прийти в себя.

– Вчера я вернулся поздно и забыл выпить таблетку

– У тебя есть сейчас хоть одна с собой? – спросил Майк, на всякий случай подходя ещё ближе и, незаметно для Брайана, держа руки чуть вытянутыми в его направлении.

Похлопав себя по карманам брюк, Брайан достал откуда небольшую блистерную упаковку из трех изумрудно-зелёных таблеток. Одним движением он извлёк полупрозрачную капсулу и проглотил, даже не запивая.

С пару минут они оба стояли на месте, застыв в нелепых позах и почти не двигаясь.

– Прости, – тихо попросил Брайан и опустил в ближайшее кресло. – Я не должен был этого говорить.

– Не должен был, – согласился Майк, вернувшись на своё место за столом. – Но я понимаю, что ты хотел сказать. Просто будь осторожен с этим Крисом. Он не так прост, как может показаться.

Брайан слабо кивнул в ответ, не глядя в сторону Майка.

Он не любил свои внезапные срывы. Сейчас они, впрочем, были редким явлением. Он почти всегда мог контролировать свои поступки и мысли, осознавать, когда нужно остановиться. Глубокий вдох и протяженный выдох. Повторить десять раз. Этот нехитрый порядок действий уже давно въелся в мозг на уровне подсознания и в моменты помутнения звучал в голове голосом Майка, мало изменившимся со времён его детства.

– Обещаю, что буду осторожен.

– Хорошо. Удалось узнать что-то новое? – резко перевёл тему Майк, уводя Брайана от неприятных размышлений.

– Не то чтобы новое. Скорее – непонятное. Помнишь, у меня были сны о маме?

Майк напряжённо кивнул, пока что не понимая, к чему ведёт Брайан.

– Оказалось, что у Криса тоже был подобный сон. И даже мама в дневнике писала о похожем у неё.

– Что ты имеешь в виду?

– То, что во всех трёх случаях присутствуют, как минимум, две общие черты: собственно, мама и комната, в которой она находится. Таких совпадений просто не бывает.

– Ты думаешь, что она находится в этой комнате?

– И да, и нет. Комната – это скорее абстракция, за которой скрывается что-то, куда более сложное и необъяснимое. И эти сны могут быть своеобразной формой общения, способом передачи информации от неё к нам. Будто мы трое свя-

заны сквозь пространство и время.

Обсессивное состояние Брайана очень быстро перетекло в довольно мирное русло, чему Майк не мог не радоваться. Чего нельзя было, однако, было сказать об этой теории трехсторонней связи. Он, конечно, и раньше подозревал ее силу и возможное практическое применение, но только в отношении Брайана и Кэтрин. Наличие в этой связке еще и Криса его нисколько не радовало, скорее, даже наоборот. Но пока он не нашёл достаточное подтверждение возможности устранения этой переменной, ему приходилось мириться с таким порядком вещей.

– Я только повторяюсь, чтобы ты был с ним поосторожнее, – бесстрастным тоном сказал Майк. – Над твоей теорией я подумаю и мы обсудим ее позже. А теперь извини, у меня много работы, – добавил он, когда его взгляд упал на телефон, который отобразил только что пришедшее сообщение от мистера Уайта:

“Сегодня, в 23:00, в парке у озера”.

Глава 5

Кэтрин чувствовала, что задержалась во второй комнате, пожалуй, слишком надолго. Частота смен “рассветов” и “закатов” стала уж чересчур высокой: она то и дело добавляла следующую отметку на стену под книжной полкой. Теперь, рядом с цифрой девять было уже 6 чёрточек. Время неумо-

лимо неслось вперёд, пока она, все так же, сидела на месте. А, может, это она неслась мимо чего-то недвижимого?

В этом месте Кэтрин потеряла способность чувствовать не только время (ей всегда казалось, что день длится не больше получаса), но и пространство. Особенно, в моменты своеобразного перехода от “ночи” к “утру”, когда она открывала глаза и не сразу могла понять, где заканчивается верх и начинается низ. На какие-то короткие мгновения, Кэтрин все казалось перевернутым с ног на голову.

Она ощущала себя Алисой из Страны чудес. Кто бы мог подумать, что книга, которой она зачитывалась в детстве, когда-нибудь воплотится в, пусть и такой искаженной, но реальности.

Комната все ещё странным образом материально воплощала мысли и случайные фразы Кэтрин, записанные в дневнике. С которым она не расставалась, в моменты, когда не была занята бдением у окна или чтением книг, услужливо появлявшихся на полке.

К слову о книгах: завтра полка наверняка обзаведётся бессмертным творением Льюиса Кэролла, а сегодня в распоряжении Кэтрин появились другая, с довольно интригующим заголовком – “История ночи”. Пожалуй, слишком часто в этих стенах, она размышляла именно об этом времени суток. А может, то были отголоски ее прошлой жизни, в которой, насколько она помнила, была подобная книга.

Кэтрин действительно назвала, в одной из недавних запи-

сей, свою жизнь до попадания в первую комнату, как прошлую. Потому что стала считать ее безвозвратно утерянной. Иногда, она ловила себя на мысли, что не может с уверенностью сказать, что было в ее этой прошлой жизни. Кем она была на самом деле, были ли Крис и Брайан? Что уж там говорить про книгу, появившуюся сегодня по непонятным причинам.

Пока что, такие помутнения на почве неуверенности случались с Кэтрин всего пару раз. Но их оказалось достаточно, чтобы она, с несколько маниакальной тщательностью, перечитала от и до свой дневник из прошлой жизни, а затем, переписала наиболее значимые, по ее мнению, события, уже в новый, тем самым ещё лучше откладывая их в своей памяти.

Кэтрин совершенно не нравилась ее теперешняя жизнь, но в силу того, что изменить что-либо она не могла, то старалась находить плюсы своего положения. Их оказалось немного, и они были незначительны, что все равно не помещало Кэтрин несколько воспрянуть духом от их осознания. Во-первых, и что немаловажно, она могла наблюдать за жизнью Криса и Брайана. И если с жизнью Криса она была, в целом знакома, то, что творилось с сыном после ее исчезновения, было для нее загадкой. К ее удивлению, она часто видела с Брайаном ещё и Майка, который, по ее собственным догадкам, взял на себя заботу о ее сыне. Это открытие отозвалось в ее душе благодарностью и уважением. Ведь раньше Кэтрин даже и не думала о том, насколько сильна любовь и

привязанность Майка к ней. В такие моменты ей хотелось оказаться с ним рядом, но ей оставалось только играть роль безучастного наблюдателя.

Окно “показывало” ей лишь короткие истории, словно вырванные из альбома с фотографиями. Но и этих эпизодов было достаточно, чтобы составить представление о жизни Брайана. В его детские годы Кэтрин часто видела его в доме ее родителей, в некогда бывшей ее, комнате, немного переделанной под проживание в ней мальчика. Из чего она сделала вывод, что Брайан или жил там, или проводил достаточно время с бабушкой и дедушкой.

Больше всего Кэтрин запомнился один фрагмент, который она увидела уже будучи во второй комнате, в день под номером 5. Она застала Брайана, сидящим на кровати. Сложив ноги по-турецки, он что-то увлечённо читал, освещая книгу фонариком своего телефона. Скорее всего, было уже довольно поздно и ему давно пора было спать. Пару раз он отрывался от книги и поднимал голову, несколько секунд гипнотизируя дверь, прислушиваясь к шагам с другой стороны, готовый в любой момент притвориться спящим. По крайней мере, сама Кэтрин частенько проделывала подобное. В какой-то момент дверь открылась и в комнату пролился яркий свет из коридора, а в проеме появилась фигура Майка. Он был одет, совсем не по-домашнему, в темный костюм, как если бы только что вернулся с работы. Брайан сразу захлопнул книгу и поднял голову на Майка в немой рас-

терянности. И, хотя Кэтрин по-прежнему не могла слышать ни звука, она отчетливо видела, что ни один из них не сказал друг другу и пары слов. Она наблюдала, как Майк медленно подошёл к кровати Брайана и сел на ее край. Кэтрин точно также, как и ее сын по ту сторону окна, замерла в ожидании. По тому, как облегченно опустились плечики Брайана, а затем он и вовсе обнял Майку, она поняла, что тот не ругал мальчика и не сказал ему ничего плохого. Наоборот, они начали очень оживленную беседу, если судить по тому, как Брайан снова открыл книгу, демонстрируя ее Майку и глядя ему в глаза, то ли в поисках одобрения, то ли ответов на вопросы, которые он, возможно, задал.

“О, Майк”, – не уставала шептать Кэтрин в то время, как уже поливала слезами, сложенные на столе, руки. Других слов, чтобы ещё раз выразить свои чувства от открывшейся ей сцены, у неё не находилось.

После этого трогательного и одновременно тяжелого для неё фрагмента, Кэтрин долго не решалась подойти к окну. Она видела, что свечение за ним частенько рассеивалось, как всегда бывало, когда окно собиралось показать ей очередную историю, но совсем не готова была увидеть какую. Вместо этого она надолго, на целых три дня, углубилась в чтение, чтобы хоть как-то рассеять плохие мысли, прерываясь только, когда становилось совсем темно.

Это и было вторым плюсом пребывания в комнате и, собственно, вторым занятием, за которым Кэтрин могла убить

время. Хотя, очень часто ей казалось, что это время убивает ее, настолько жестокой и незаслуженной она считала свою судьбу. Не раз это осознание доводило ее до полнейшего отчаяния и тогда идея о том, что, возможно, пора бы открыть вторую дверь и посмотреть, что за ней скрывается, не казалась настолько пугающей.

И достигла она своего апогея на десятый день, когда свечение за окном было как-то по-особенному ярко-голубым, а взгляд Кэтрин все чаще останавливался на двери, которая прямо-таки манила своей неизвестностью.

Кэтрин встала с кровати и медленно, будто во сне, подошла к двери. Она не показало ей, ни чем-то страшным, ни чем-то благостным. Пару секунд на раздумье – и вот ее рука тянется к заветной ручке. Когда пальцы уже крепко ухватились за холодный металл, Кэтрин вдруг задумалась о том, что же она ожидает и что бы хотела увидеть по ту сторону. Ей отчаянно надоело ее заточение в четырёх стенах, пускай в нем и имелись кое-какие плюсы. Но вторая комната так и осталась подобием тюрьмы. А ей же хотелось свободы, которую она видела в возможности сбежать от давящего на неё однообразия.

И она побежала. Отчаянно и быстро. Она побежала тем быстрее, чем больше за каждой из дверей оказывалось одинаковых комнат с, вмиг ставшими ненавистными, окнами и полками. Двери за ее спиной хлопали все громче, ее дыхание все сильнее сбивалось, а руки все больше уставали толкать

дверь за дверью, которые, казалось, становились только тяжелее. Кэтрин перестала замечать, что происходит вокруг, а все, что она видела перед собой – бесконечная череда дверных косяков, сливающихся в калейдоскоп размытых, коричневых пятен. Хлопок, три больших шага, больше походивших на прыжки, и хлопок повторялся вновь, но уже с другой стороны. Он стоял оглушающим набатом в ушах Кэтрин, затмевая собой любые мысли и даже полумысли. Когда одной-единственной все же удалось пробиться, Кэтрин остановилась, как вкопанная, едва за спиной закрылась очередная дверь.

То, что ей открылось, заставило ее испуганно вжаться в дерево, лихорадочно нащупывая круглую ручку. За дверью, насколько хватало взгляда, была пустота, которая прямо-таки светилась своей чернотой. Кэтрин плотно зажмурилась, так по-детски спасаясь от чего-то страшного и неизвестного. Простояв так какое-то время в полнейшем бездействии, парализованная собственным воображением (ведь ничего настоящего ужасного Кэтрин не увидела), она снова медленно открыла глаза. Тут же перед ней мелькнула яркая вспышка и в мгновение ока растворилась. Кэтрин часто заморгала, до рези в глазах вглядываясь в темноту, в которой, как не старалась, не могла ничего увидеть. Вторая вспышка была замечена ею чуть раньше, а оттого Кэтрин имела возможность проследить ее зарождение из крошечной искорки, появившейся из ниоткуда, словно окружающее пространство

вывернуло свои карманы и вытряхнуло из них все содержимое, до едва заметного расширения и, в конце концов, затухания. Как замороженная, она всматривалась в темную бесконечность перед собой и даже сделала два робких, несмелых шага вперёд, после того, как носочком аккуратно проверила наличие там твёрдой поверхности. Факт того, что ей было на что опереться немного приободрил Кэтрин и она сделала ещё пару крошечных шагов. Но оказалось, что она отошла уже достаточно далеко от двери, чтобы, обернувшись, нащупать вместо неё пустоту. Внезапно, это стало ее мало заботить, потому что из темноты начала зарождаться третья вспышка. Она оказалась гораздо ближе, чем первые две, и теперь, достигнув своего пика, образовала едва уловимую фигуру, показавшуюся Кэтрин смутно знакомой. Но и она исчезла прежде, чем девушка смогла хоть что-то понять.

Каждая вспышка сопровождалась только светом, но не звуком, а потому Кэтрин в какой-то момент подумала, что потеряла способность слышать. Но мысль об этом растворилась в темноте, стоило появиться очередной искорке. В этот раз Кэтрин могла с уверенностью сказать (и сказала бы, если бы не боялась не услышать свой голос), что фигура, возникшая перед ней, была определенно человеческой и, судя по очертаниям, мужской. Стоило невообразимой догадке пробраться в голову, как она тут же подтвердилась вполне наглядным проявлением: сперва фигура метнулась влево от Кэтрин, а затем переместилась в противоположную сторо-

ну, пока не зависла в пространстве прямо перед ней, внезапно алым, пятном. Она смогла четко рассмотреть лицо Криса, как только проявились его очертания. Его глаза были закрыты, губы плотно сжаты в тонкую линию, а кожа казалась неестественно бледной. Да и красноватый оттенок мигом впитался в пустоту, словно его и не было.

Кэтрин казалось, что она смотрела в лицо Криса, как минимум несколько минут, но сколько бы шагов вперёд она не делала, как бы не старалась протянуть к нему руку, он все равно оставался равноудалённым от неё. Пока его фигура снова не уменьшилась до едва заметной точки, а потом и вообще не исчезла.

Вспышки продолжали мелькать с разных сторон, проносясь мимо Кэтрин. Только ещё одна была, в отличии от остальных, алой. При чем была такой не сразу, а приобрела этот оттенок где-то на середине своего пути. Во всех вспышках неизменно возникал облик Криса. Каждый раз он был почти одинаковым: закрытые глаза, тело, выпрямленное в линию, со сложенными по бокам руками. Точно так же, как перед каждым его перемещением в будущее, которые наблюдала Кэтрин.

Черeda вспышек закончилась так же внезапно, как и началась, и Кэтрин снова со всех сторон обступила непроглядная чернота. Она липла к коже, словно пыталась поглотить ее, утащить на дно самой глубокой бездны, чтобы оставить там навеки. В голове Кэтрин, внезапно, помутнело, в ушах

зашумело, а ноги быстро потеряли опору, так, что она рухнула вниз, теряя сознание. Теряя образ Криса, двери за спиной и, ставшей ненадолго привычной, пустоты. Теряя саму себя, оставляя ее в прошлой, уже такой неправдоподобной, жизни.

Кэтрин не знала, как много времени она провела в небытие, но, очнувшись, она больше не чувствовала себя собой. Она лежала ничком на кровати в комнате с книжной полкой, столом, стулом и окном, за которым разливалось розовато-сиреневое свечение. На стене по-прежнему красовалась цифра девять, наспех выведенная ее рукой, а рядом отчетливо виднелись десять коротеньких чёрточек. Они казались безмолвным доказательством, что ей просто привиделись, и бесконечные двери, которые она отпирала одна за другой, и пустота, скрывающаяся за последней из них, и, конечно же, вспышки, в которых ей виделся образ Криса.

Описать, что изменилось вокруг или же в ней самой, Кэтрин не смогла бы, даже, если бы сильно попыталась. Вот только она перестала узнавать себя даже в своих мыслях, настолько они казались ей чужими и противоестественными. Ее терзали внутренние, незнакомые ей, демоны, внушающие ужасные идеи. Кэтрин казалось, что она заперта в клетке за все прегрешения мира и останется в ней на веки веков. Каждая секунда, коих она успела сосчитать уже сотню, чудилась ей отдельной, долгой вечностью.

Мысли, цифры, страхи кружились в ее голове, как стре-

мительный водоворот, затягивая Кэтрин все глубже в пучину, из которой нет возврата. Она тяжело осела на пол и ее губы искажил безмолвный крик. Давясь собственным неровным дыханием, она закашлялась, глаза увлажнились проступившими слезами, а трясущиеся руки обхватили колени так крепко, что побелели костяшки пальцев.

Свечение за окном постепенно померкло, знаменуя тем самым окончание очередного условного дня.

Глава 6

В приемном отделении, где сидели Крис и Том, было тихо. Посетителей и больных не было, а потому робот за стойкой регистрации перешёл в режим ожидания.

В том же режиме находились и молодые люди, только тревожные движения Криса, когда он ерзал в кресле, нарушали застывшее безмолвие вокруг. Они сидели так уже около часа и за все это время перекинулись лишь парой слов. Крис – из банальной неспособности поддерживать беседу на отвлеченные темы, когда само его сознание могло концентрироваться только на одной мысли. А Том – из четкого понимания, что его слова не принесут другу никакого утешения, а только могут разозлить, ведь в минуты нервного напряжения Крис терпеть не мог пустой болтовни.

Каждый раз, когда в приемной кто-то появлялся, не важно человек или робот, Крис вскакивал на ноги, с безумны-

ми глазами провожая вошедшего. И всякий раз, Том мягко останавливал друга, держа его за плечо и усаживал обратно в кресло.

– Принести тебе что-нибудь? – Том нарушил, в конце концов, молчание, когда их бдение уже приближалось к двум часам.

– Нет, ничего не надо. Спасибо, – ответил Крис, неохотно выныривая из своих тяжких размышлений.

Том не собирался вступать с ним в споры, а потому лишь обеспокоено покачал головой. Выйдя из приемной, он направился напрямик в кафетерий, который находился в соседнем крыле, связанном с этим длинным коридором.

Несмотря на отнекивание Криса, он все же прихватил для него стаканчик бодрящего кофе (так как ждать им ещё было долго) и большой круассан с ветчиной и сыром, потому что у Тома закрадывалось подозрение, что друг вряд ли сегодня тратил время на завтрак, как, впрочем, и на сон.

Том нашёл Криса ровно там же и в том же положении, как и 15 минут назад. Разве что его руки теперь лежали на коленях, а не были плотно сомкнуты на груди, и было заметно, как они слегка подрагивали. И голова была чуть опущена и наклонена набок. Похоже, что усталость и напряжение все же взяли верх и Крис ненадолго задремал.

Том аккуратно сел на своё место, стараясь не издать ни звука и тихонько принялся за свой импровизированный ланч. Но Крис почти сразу проснулся, словно ощутил при-

сутствие друга (а, может, присутствие еды, ведь он и правда был чертовски голоден). Он удивленно посмотрел на Тома, соображая, когда тот успел вернуться и почему он этого не заметил. А потом резко вскочил и заозирался по сторонам в поисках кого-то или чего-то.

– Я что, заснул? Как долго я спал? Есть какие-то новости?

– Сядь, пожалуйста, и успокойся, – медленно сказал Том. Он излучал внешнее спокойствие, которое хоть немного, но все же передалось Крису. – Меня не было от силы минут 10.

Крис, удостоверившись, что друг прав, вернулся на своё место. Том подтолкнул ему пакетик с выпечкой и протянул стаканчик с кофе:

– Поешь. Займёшь себя хоть этим. А то твои дёрганые движения отбивают у меня весь аппетит.

Том криво усмехнулся, хоть и шутка сразу показалась ему нелепой и неуместной.

Крис попробовал отмахнуться, но Том настойчиво не опускал руку, снабжая это красноречивым взглядом, и друг, все же сдался.

Когда с трапезой было покончено (за рекордно короткое время, надо сказать), Том предложил:

– Может сходишь проветришься? А, если придёт врач, я тебе сразу позвоню.

Но, как раз в этот момент появился доктор Смит и все внимание Криса переключилось на него.

– Ну что там? – спросил он со все возрастающим волне-

нием. Уж очень ему не понравилось выражение лица доктора. – Как все прошло?

Доктор Смит привык приносить родным своих пациентов не только хорошие новости. Иногда ему казалось, что в этом и заключается самая сложная часть его профессии. Ведь ему приходилось быть тем, кто убивает всякую надежду. Но, тем не менее, за годы работы, его тон приобрёл некую отчужденность и поэтому звучал сейчас так равнодушно и ровно:

– Боюсь, что у меня нет для Вас хороших новостей, мистер Стар. Как я и говорил Вам ранее, риск осложнений после операции был очень высок. И, к сожалению, она не дала желаемых результатов. Мы можем продолжать поддерживать ее жизнедеятельность аппаратным методом. Но я не буду Вас обнадеживать и обещать, что миссис Стар когда-нибудь придёт в себя. Боюсь, что процесс уже может быть необратим.

– Неужели ничего нельзя сделать? – воскликнул Том, в то время, как Крис сохранял молчание, отказываясь верить, что все его усилия оказались напрасными. Ответа доктора Смита он уже не слышал и узнал его только от Тома, пока сам доктор ждал реакции от Криса. Собственно, ответом было предложение об экспериментальном методе лечения, который ещё находился на стадии клинических испытаний.

– И Вы мне только сейчас это предлагаете? – спросил Крис, наконец, совладав с собой. Он гневно посмотрел на доктора, ожидая, как минимум обоснованных объяснений.

– Этот метод, как я и сказал, сейчас на стадии активного

тестирования. Но все добровольцы получают довольно малую дозу вспомогательных препаратов из-за легкой степени повреждений. Я не знаю, что случится, увеличь мы дозу, что необходимо в этом конкретном случае. Я не даю никаких гарантий. И в целом не буду Вас обнадеживать – шансы крайне малы.

Крис опять погрузился в молчаливые раздумья, а потому за него ответил Том:

– Дайте нам, пожалуйста, 10–15 минут на размышление, если можно?

– Конечно, – отрывисто кивнул доктор и поспешно вышел из приемной, оставляя Криса и Тома одних.

Снова воцарилось молчание, но Том терпеливо ждал, когда Крис заговорит первым. Но тот не спешил. Он возлагал такие надежды на успешный исход операции, ради которой столько работал, что сейчас не мог найти в себе сил признать очевидное. Все оказалось напрасным: стремления, длиною в месяцы, закончились провалом. Несколько долгих минут у него были только мысли отчаяния, которые нашли своё отражение в устало склоненной голове, которую он обхватил руками.

Постепенно до Криса стал доходить смысл слов доктора Смита, пересказанных ему Томом. Сначала, они не показались ему тем самым лучиком надежды, а наоборот – лишь жалким способом продлить неизбежное. Но, чем больше он размышлял, тем больше склонялся к тому, что, все же, стоит

попробовать.

“Ты ничего не теряешь, если попробуешь”, как обычно говорят в случаях, когда сталкиваешься с муками выбора, что в данный момент не значило ничего. Ведь ему было, что терять. Но без этой попытки шанс потерять был ещё выше.

– Думаешь, стоит попробовать? – спросил, наконец, Крис, уже приняв решение, которое все равно нуждалось в поддержке друга.

Том задумался, не ожидая такого вопроса. Он мог безоговорочно присутствовать рядом, говорить с другом, поддерживать, но принимать настолько важные решения, он считал, что Крис должен самостоятельно. Поэтому он ответил, как можно мягче:

– Я не могу решать за тебя, – Том посмотрел ему в глаза и увидел в них то, что заставило добавить, – к тому же, думаю, что ты и сам уже знаешь ответ на свой же вопрос.

А потом сказал еще, теперь уже совсем тихо:

– Она бы одобрила любое твоё решение, можешь быть уверен.

Крис дёргано кивнул, плотно сцепив губы, потому что к глазам стали подступать внезапные слезы, а сейчас для них было не время.

Врач вернулся ровно через 15 минут и сразу получил утвердительный ответ Криса.

– Я подготовлю все необходимые бумаги. Вам нужно будет их подписать.

– Доктор, – окликнул его Крис, с трудом выдавливая из себя слова. – К ней можно? Я хочу ее увидеть.

– К сожалению, сейчас я не смогу Вас пропустить. Приходите завтра. Я скоро вернусь, когда все подготовлю, – добавил он снова.

Когда с бумагами и прочими формальностями было покончено, Крис и Том вышли под последние лучи заходящего, зимнего солнца, которое уже стремительно скрывалось за горизонтом.

– Домой? – уточнил Том, вопросительно глядя на Криса, готовый принять любое его намерение, лишь бы не оставлять его сейчас одного.

– Не хочу домой, – отрезал Крис. Он зябко поежился под резким порывом ветра и покрепче укутался в тёплую куртку.

– Разгуливать по улицам – явно не лучший вариант. К тому же, вечером холодает. Поэтому сейчас поедem ко мне, а потом – куда захочешь. Я весь твой на сегодня.

– Ты так всех уговариваешь? – осведомился Крис со слабой улыбкой, которая была чуть ли не первой за сегодня.

– Не всех, а только тех, кто мне уж очень нравится, – в тон ему ответил Том, шутливо потрепав его за щеку. – А ты просто чертовски хорош.

Сдавленный, кашляющий смех Криса разнесся по парковке пугающим эхом.

Отсмеявшись, он спросил уже серьезно:

– А Элис не будет возражать?

– Она уехала к родителям на неделю. Так что нам никто не помешает, – заговорщицки добавил Том.

– Ты просто невыносим, – покачал головой Крис.

Но другу удалось немного рассеять его тревоги. К нему понемногу начала возвращаться уверенность, что не все потеряно и все ещё может получиться. А значит будет новый день и его медленная, но верная борьба продолжится. И в этот самый момент Крису показалось, что ему хватит сил на все задуманное.

Парк был почти что безлюден, если не считать несколько парочек, жавшихся к друг другу, да двух любителей собак, которые, уже тащили своих питомцев к главному выходу.

Свернув с широкой аллеи, Майк Харрис зашагал по знакомому маршруту вглубь парка, ведущему напрямиком к озеру. Там его уже ждали.

– Наши встречи на этом месте уже становятся доброй традицией, – сказал мистер Уайт, стоя спиной к Майку, едва слышав его приближающиеся шаги по хрустящему снегу.

– Что за срочность? – как всегда без приветствия, спросил Майк, поравнявшись с ним. – Почему мы не могли поговорить в офисе?

– Здесь мне спокойнее, – ответил мистер Уайт.

А Майк задумался было ли это оправданной необходимостью или же чудаковатой прихотью старого человека? Последнее, однако, с натяжкой можно было применить к Уайту.

– Я бы хотел поговорить о Брайане. Меня очень беспокоит его поведение.

– Почему же Вы сами с ним не поговорите? – спросил Майк со значительной долей иронии, потому что прекрасно знал ответ.

– Меня он, к сожалению, не слушает.

“Почему же интересно?” – пронеслось в голове у Майка, а мистер Уайт продолжил:

– А тебе он доверяет и прислушивается к твоему мнению.

– Увы, не всегда. А если Вы о его общении с Кристианом Старом, то ничем не смогу помочь. Я уже говорил с ним, и его позиция по этому поводу осталась неизменной.

– Вот как, – задумчиво проговорил мистер Уайт, совсем не удивляясь, как показалось Майку. Впрочем, его лица, обращённого к озеру, все равно не было видно. – Значит, придётся действовать моими методами, раз уж по-хорошему не выходит.

– Что Вы имеете в виду?

– То же, что и раньше: я не намерен больше терпеть его присутствия в жизни Брайана, а потому сделаю все – вплоть до его физического устранения.

– Чем он Вам так не угодил? Не то, чтобы я был от него в восторге, но все же...

– Он знает обо мне неудобную для меня правду. И рано или поздно он заговорит. И хорошо, если в таком случае он заявится напрямую ко мне или к тебе. А если, к примеру, к

Брайану или ещё к кому похуже? Если уже не рассказал.

– Не рассказал, – с уверенностью сказал Майк, переводя усталый взгляд на пожилого мужчину. – Брайан бы не стал скрывать от меня. Он бы потребовал ответов. Думаю, что для Кристиана эта правда также неудобна, как и для Вас. Хоть и по другому поводу.

Майк замолчал, устремляя взгляд вдаль на гладь озера, подернутую коркой льда, которая успела совсем истончиться за эти пару дней оттепели. Если бы кто-нибудь только знал, как ему надоели бесконечные интриги, обманы и замалчивания. Он достал сигарету и закурил. Он знал, что мистер Уайт на дух не переносил запах сигаретного дыма, впрочем, как и почти всех, кто его окружал. Знал он также, что тот не скажет ему ни слова, а лишь отойдёт на пару шагов и отвернёт голову в противоположную сторону. Майк в душе каждый раз радовался этой небольшой победе. Ведь все остальные битвы он сдавал без боя. Ради сына, ради призрака Кэтрин, которая все время присутствовала в его жизни незримой тенью. И из-за которой он сам уже давно был похож на тень. Но в душе никогда не переставала теплиться надежда. А, впрочем, даже, если бы ее вдруг отняли, он бы все равно ни о чем не жалел.

Сигарета уже почти догорела в его руках, хоть он не сделал и пары затяжек, наслаждаясь своим мимолетным превосходством.

– Хватит этой драмы, – прервал мистер Уайт его внутрен-

нее ликование, не выдержав. То ли оттого, что замёрз стоять на промозглом ветру, то ли – потому что его стали изнутри пожирать его собственные мысли, которые были тем отчетливее, чем тише было вокруг. – Ты должен поговорить с Брайаном ещё раз и заставить его не общаться с этим мальчишкой.

Он повернулся обратно к Майку и гневно воззрился на него с высоты своего не маленького роста.

– Я не стану этого делать. К тому же, зная характер Брайана, он с удовольствием сделает все наперекор.

– Тебе, я вижу, совсем наплевать на его здоровье, – зашёл мистер Уайт с другой стороны, все же теряя терпение. – Это общение может спровоцировать новые приступы.

– Ваши таблетки, – Майк резко выделил эту фразу интонационно, – исправно действуют. И я Вам напомню, если Вы, вдруг, забыли, что именно Вы посадили моего сына на эту дрянь!

Они со злобой уставились друг на друга, напоминая двух разъяренных быков.

Мистер Уайт первым проявил самообладание и сказал, как можно спокойнее:

– Это лекарство уже тогда имело доказанную эффективность.

– И поэтому Вы дали его пятилетнему ребёнку!

– Его состояние вызывало у меня опасения. И ты прекрасно знаешь и знал тогда, что это было необходимо.

– Я знаю только то, что тогда я струсил, вместо того, чтобы запретить эксперименты над ним, а ещё лучше – увезти его подальше.

– Но ты не сделал ни того, ни другого, – заключил мистер Уайт с неким удовлетворением. Он привык, что все вокруг поступают так, как хотел он.

Майк не сразу нашёл, что ему ответить. Чаша весов вновь была не на его стороне, и он был вынужден померить свой пыл.

– Что Вы хотите, чтобы я сделал?

– Сделай так, чтобы этот Кристиан исчез из нашей жизни. И предварительно внуши ему, что не стоит рассказывать чужие секреты. Как ты сделаешь и то, и другое, меня мало волнует. Но советую тебе постараться. Иначе я им займусь. А у меня, повторюсь, уже будут совсем другие методы.

– Только не впутывайте в это Брайана. Достаточно того, что я готов и дальше работать на Вас, – озвучил Майк свой утвердительный ответ, прежде чем, как обычно, уйти не прощаясь.

Глава 7

Хлопнула входная дверь и миссис Уайт настороженно вскинула голову. Было уже далеко за полночь, а ее мужа все не было дома. Впрочем, так бывало довольно часто. По правде говоря, ее давно перестало интересовать время, кода

он приходил. Ей хватало того, что каждый раз по возвращении, за очень редким исключением, он поднимался на второй этаж, чтобы пройти в ее комнату и кратко поцеловать в лоб. А она никогда не ложилась, пока не услышит заветный хлопок двери и шум, поднимающихся по лестнице шагов.

Но в этот раз муж так и не появился в ее комнате и миссис Уайт знала, что он наверняка закрылся у себя в кабинете, готовый провести там всю ночь до самого утра.

Так оно и было. Мистер Уайт вошёл в темную комнату и плотно затворил за собой дверь, прокрутив позолоченный замок 2 раза до упора. Свет он так и не зажег, предпочитая наблюдать за слабой полоской луча от только что взошедшей луны. Но и она исчезла, едва он успел расположиться на широком кожаном диване.

Не совсем важно, что послужило причиной, возможно, разговор с Майком или особый вид тоски, который бывает накрывает даже самых невозмутимых из нас, вот только в этот вечер (а вернее, уже ночь) мистер Уайт был в том самом расположении духа, когда тянет обдумать свою прошедшую жизнь и, возможно, понять, почему она сложилась так, а не иначе.

Итак...

Джордж Гордон Уайт родился и рос в бедной семье, а потому всегда стремился не только к финансовой независимости, но и к финансовому достатку. С малых лет он пытался заработать любым способом. Сначала разносил почту по

ближайшим домам, но доходов от этого едва ли хватало на сладости и мороженое, хоть он и очень старался не тратиться по пустякам. Потом была билетная касса местного кинотеатра, а бонусом – лучшие киноленты тех лет. Некоторые он смотрел так много раз, что знал буквально наизусть. Бывало, он раздавал рекомендации, что стоит смотреть, а что нет. За что получал на чай от благодарных зрителей и на орехи от администратора кинотеатра. Тогда же он понял одну простую истину: если выходить за рамки дозволенного, можно, как нарваться на неприятности, так и получить поощрение. Даже одно и то же твоё действие может иметь совершенно разный отклик у разных людей. И только ты сам решаешь, какой из них для тебя важнее. А ещё, столкнувшись с, по его мнению, вопиющей несправедливостью, он для себя решил, что когда-нибудь обязательно будет работать сам на себя и поступать так, как только он считает нужным.

На достижение этой цели у него ушло немало лет и столько же профессий, которые он сменял с той частотой, с которой они переставали приносить ему удовольствие или достаточные, на тот момент, деньги. Продавец в магазине комиксов, доставщик пиццы, мойщик посуды в закусочной, а впоследствии официант там же. Стрижка газонов и кустов, мойка машин и выгул собак. Он находил все новые работы с завидной регулярностью и никогда не сидел без дела. Он работал, сколько себя помнил, откладывая фунт за фунтом. Но не забывая при этом об учебе, которая давалась ему легко

и без видимых усилий. Он всегда был смышлённым малым, а вкупе с феноменальной памятью, любовью и восхищением учителей, учился на отлично.

Все ближе маячила его главная цель – юридический факультет. Все больше пополнялись накопления “На учебу” в виде массивной жестяной коробки, которую он хранил у себя под кроватью.

Цели этой, однако, не суждено было сбыться. А все из-за одного судьбоносного случая, который приключился с Джорджем Уайтом одним, особо туманным, утром в конце сентября. Тогда, пятнадцатилетний паренёк брёл по улице, носком ботинка пиная камешек на дороге, размышляя о странностях устройства человеческого мозга, а ещё о том, чем ему заняться на этот раз. Его только что, совсем не вежливо, попросили из магазина комиксов, что, как он думал было большой ошибкой со стороны владельца и даже началом конца всего его бизнеса. А все потому, что предлагаемые им, Джорджем, улучшения в работе магазинчика не встречали бурного одобрения и, в конце концов, ему сказали, что его замечания никому не интересны и давать советы он может кому-нибудь другому и где-нибудь в другом месте. Сказано это было совершенно другими выражениями, местами нецензурными, и Джордж, решив не молчать, поделился с владельцем магазинчика – дородным и не слишком наделённым умом Бобом Дейли – своими самыми искренними мыслями и о нем самом, и о его “консервной банке” (магазинчик

снаружи был обшит алюминием).

После такого инцидента утро казалось ему ещё более пасмурным и промозглым, чем было на самом деле. Он бы и дальше продолжал пинать камушек, не этот, так другой, если бы не был остановлен открытой нараспашку и загородившей добрую половину тротуара, стеклянной дверью, на которой была надпись, нанесённая чёрной краской “Адвокатское бюро Томпсон и партнеры”. Причем слово “партнеры” было старательно стерто и от него остались лишь полупрозрачные очертания.

Джордж из любопытства заглянул внутрь. За дверью начинался длинный, слабоосвещенный коридор, который заканчивался еще одной дверью, на этот раз деревянной. Все из того же любопытства, он аккуратно переступил порог и медленно, стараясь не издавать ни звука, прошёл по нему до упора. Дверь была чуть приоткрыта и за ней виднелся массивный деревянный шкаф, все полки которого были уставлены книгами с одинаковыми чёрными корешками.

– Вы по объявлению? – донёсся до него резкий, низкий голос из-за двери и Джордж вздрогнул не столько от неожиданности, сколько от поразительной властности в интонациях его обладателя. – Входите!

Джордж немного потоптался на месте, но быстро принял решение и отворил дверь.

За ней оказался просторный кабинет, обшитый тёмными деревом, а оттого создававший довольно мрачное впечатле-

ние. В центре возвышался массивный стол, за которым сидел, сложив руки в замок на столешнице, пожилой мужчина, лет семидесяти на вид. На краю стола стояла позолоченная табличка с именем – Николас Дж. Томпсон. И ниже курсивом – адвокат.

– Ты Джон? – спросил тот, подаваясь всем корпусом вперёд, чтобы получше рассмотреть вошедшего.

– Джордж, сэр.

– Это не так важно, – старик все ещё изучающе смотрел на него. – Я думал ты будешь постарше. Сколько тебе лет, сынок? – но в его голосе не было ничего отеческого.

– Мне недавно исполнилось восемнадцать, сэр, – соврал Джордж без запинки, понимая, что лучше скрыть свой истинный возраст. Хотя, и на свои годы он выглядел с натяжкой, но, все же, надеялся, что мистер Томпсон, в силу своего преклонного возраста, уже не заметит разницы.

Так и получилось. Впрочем, если старый адвокат и заподозрил что-то, то виду не подал.

– Ты знаешь, для какой работы тебя прислали?

Естественно, Джордж понятия не имел для какой, как и то, кто его должен был прислать. А потому постарался изобразить на своём лица частичную осведомленность, выступая чуть вперед:

– Я думал, что Вы посвятите меня в подробности, сэр.

Мистер Томпсон рассмеялся хрипловатым, старческим смехом.

Джордж не совсем понимал, что же его так развеселило, а потому внутри чувствовал себя крайне неловко, хотя внешне пытался сохранить невозмутимость.

– А ты смекалистый, я смотрю. Сработаемся, – сразу заключил мистер Томпсон.

На том и порешили.

Мистер Уайт переменял позу. Глубокие погружения в прошлое заняли немалое время и тело требовало хоть минимальных движений. Про себя он улыбался, вспоминая те беззаботные времена. На какое-то мгновение ему снова захотелось стать тем пятнадцатилетним мальчишкой, жадным до знаний, который с невероятной быстротой углублялся во все новые и новые тома по юриспруденции из того самого, массивного шкафа, пока не прочитал их все.

Ценнейшие годы практики, присутствие, с легкой подачи мистера Томпсона, на судебных процессах, сделали из Джорджа Уайта, если не профессионального юриста (для чего не доставало, как минимум, лицензии), то уверенного любителя. За все возможности он был безмерно благодарен мистеру Томпсону, но все же больше всего, когда тот безвременно покинул этот бренный мир. А так как родных или более близких людей у него не обнаружилось, то и все бюро отошло Джорджу. Который в свои двадцать с лишним лет неожиданно сделался богатым владельцем прибыльного бизнеса.

Клиентов, в том числе постоянных, было хоть отбавляй, а вести их дела самому, по понятным причинам, он не мог. Имея кое-какие связи, он смог переманить к себе двух, если не лучших, то подающих большие надежды, адвокатов, и дела вновь пошли в гору.

Но, как это всегда бывает, удача не могла сопутствовать ему вечно. Она и не стала. Примерно через год к нему заявился один из его подчиненных с возмутительно наглой просьбой:

– Я требую своей доли в делах компании. Я приношу тебе больше половины доходов и считаю, что имею право получать ещё и дивиденды от участия в бизнесе.

– Другими словами, ты хочешь стать партнёром “Адвокатского бюро Томпсон”, – заключил Джордж совсем не просительным тоном.

Он покосился на входную дверь в теперь уже свой кабинет. Табличка с названием за прошедшие годы уже несколько раз менялась, хотя само название осталось неизменным. Он хорошо помнил те затертые буквы, когда-то обозначающие слово “партнеры”, но так быстро и легко вычеркнутое из истории. И Джордж ясно увидел решение вопроса, словно продиктованное свыше самим мистером Томпсоном. Не делить ни с кем свой бизнес. Потом что, рано или поздно, именно твоё имя может быть стерто из истории.

А потому ответ его был однозначным, хоть и весьма неожиданным для несостоявшегося партнера, который счи-

тал, что сможет с легкостью надавить на своего юного директора.

– В таком случае, Вы можете быть свободны, – Джордж изменил своё обращение на подчеркнуто официальное, чтобы не оставить никаких сомнений в окончательности своего решения. – За расчетом сможете зайти на следующей неделе.

За окном кабинета мистера Уайта стала заниматься холодная зоря. Он неуклюже потянулся и принял сидячее положение. Эта бессонная ночь, тем не менее, придала ему сил. Он ещё с большей отчетливостью понял, что поступает правильно. По отношению к себе, прежде всего.

Он встал с дивана и медленно прошёл к столу, выдвинул нижний ящик. Достал из него продолговатую капсулу. Закинул ее в рот и проглотил, не запивая. стакан с водой, наполненный почти до краев, так и остался стоять на столе. Впереди у Джорджа Уайта был очень долгий день.

Крис еле дождался утра, так ему не терпелось поехать в больницу, чтобы навестить маму. Его мучали странные предчувствия, которым он не мог найти объяснения. Ещё и эти непонятные сны.

Ему опять снилась Кэтрин в этой маленькой комнатушке. Действия во сне не отличались разнообразием. Они сменялись слишком быстро, будто он следил за ее распорядком дня в ускоренной перемотке. Она то сидела за столом, то ле-

жала на кровати, то стояла у окна. То спиной к нему, то полубоком.

Вдруг, она что-то услышала. Сначала чуть повернула голову вправо, а потом развернулась полностью. Ее лицо застыло крупным планом, как в стоп-кадре. Ни в каком другом сне он не видел ее лица так близко, а теперь мог рассмотреть, как чуть подрагивали ее, слегка приоткрытые, губы. Какое бледное и осунувшееся у неё лицо, а глаза, беспорядочно блуждающие, не фокусировались ни на чем конкретном. Рот скривился в полуулыбке, а потом она рассмеялась. Звука смеха и никаких других звуков Крис не слышал, а оттого ее беззвучная гримаса выглядела жутковато. Она закончила так же резко, как и начала, с любопытством рассматривая что-то перед собой, с серьезным видом. Сделала шаг вперед, второй. Подняла руки, толкнула невидимую преграду перед собой и выбежала в полуоткрытую дверь, за которой виднелось золотистое, пшеничное поле.

Крис почувствовал, что падает, словно Кэтрин толкнула его, а не дверь, хоть он и был лишь сторонним наблюдателем. В следующее мгновение он проснулся. Не вскочил, оглядываясь по сторонам, а просто открыл глаза с глубоким вдохом, как бывает, когда выныриваешь из глубины, в которую сам же нырнул.

На потолке плясали неясные тени, которые в первые секунды по пробуждении показались Крису колосьями золотистой пшеницы. Он прикрыл глаза, стараясь побыстрее за-

быть сон, показавшийся ему до того жутким, что заставлял верить в его реальность. Не сиюминутную, конечно. Он не ожидал увидеть Кэтрин и через пару часов. Но обязательно грядущую. Как предвестник этого перед его глазами возникло ее лицо, застывшее бледной маской. Было в его выражении что-то, чего он не узнавал за знакомыми чертами. Что пугало не столько неизвестностью, сколько невозможностью стереть его, просто оказавшись рядом. Он схватился за голову в попытках удержать ускользающее сознание. Где-то на его подкорках билась, как назойливая муха о прозрачное стекло, одинокая мысль: “Зачем все это?”

Глубоко вздохнув, он сел на кровати. Свесил ноги на пол. Зажег ночник на прикроватной тумбе. Комнату сразу обволокло мягким оранжевым светом. Крису нравилась эта комната, как и весь дом Тома в целом. Здесь, пожалуй, было уютнее, чем в его собственном.

За дверью послышались шаги, затем краткий стук и она, почти сразу, отворилась. Крис даже не успел ничего сказать. Из-за двери показалась голова Тома, который радостно улыбался.

– Доброе утро, – поприветствовал он Крису бодрым голосом. – Вижу, ты уже проснулся.

– Доброе, – отозвался Крис, не поворачиваясь к нему, стараясь придать своему голосу нотки веселости.

Видимо, у него это совсем не получилось, потому что Том спросил:

– Что-то случилось? – и полностью зашёл в комнату, оставившаяся на полпути к Крису.

– С чего ты взял? – ещё одна слабая попытка увести разговор от недавних переживаний.

– Может потому, что ты стоишь ко мне спиной и не хочешь показывать своё лицо?

Проницательность Тома столкнулась с мальчишеским желанием Криса принять негласный вызов. Поэтому, он резко развернулся к Тому всем корпусом, чем вызвал, однако, лишь дружелюбную улыбку.

– Остынь, приятель. Того и гляди, сейчас бросишься на меня.

Крис словно пришёл в себя и опустил глаза.

– Прости. Я просто плохо спал.

Том понимающе кивнул и сказал, прежде чем оставить Криса одного:

– Собирайся. У тебя полчаса. Сегодня мой автомобильный день, так что я подкину тебя до больницы. И... завтрак на столе.

По пути в больницу они сделали приличный крюк, чтобы заехать в один из чуть ли не единственных книжных в стране. Том, естественно, не возражал, но всю дорогу подозрительно долго молчал, что составляло поразительный контраст с его вчерашней разговорчивостью.

– Ты ему доверяешь? – спросил он наконец, чем застал

Криса, который всю дорогу смотрел в окно, врасплох.

– О ком ты?

– О Брайане.

– А почему ты спрашиваешь? – Крис перевёл взгляд на Тома, но тот неотрывно следил за дорогой, хотя вполне мог, как обычно, включить режим автопилота.

– Сначала ты ответь.

Крис догадался, что то была лишь уловка Тома, чтобы не встречаться с ним глазами. Но спорить не стал, а вместо этого ответил:

– Скорее да, чем нет.

– Объясни, – попросил Том, пожалуй, резче, чем требовалось, что насторожило Криса ещё больше.

– Зачем тебе это? Я пересказал тебе все наши разговоры.

– Мне нужно знать, – ответил Том с нажимом на втором слове. И добавил уже мягче: – Обещаю, что все объясню после того, как ты ответишь.

Крис неопределенно дернул плечами, выражая своё согласие. Причин искать подвох в словах друга, пусть и внезапно странных, у него никогда не было.

– Не могу объяснить толком почему, но я верю, что все, что он мне рассказал – правда. Но то, что она неполная, я верю не меньше.

– Как думаешь, что он не договаривает?

– Мы только вскользь затронули эту тему, и, судя по его словам, ему ничего не известно о деятельности компании его

деда. Я о “зеленке”.

– Он не знает, что это?

– Догадывается. Прочитал в дневнике. Но ему нужны доказательства. А ещё лучше – признание. От отца Кэтрин или Майка.

– Они могут наплести ему все, что угодно.

– Да, ты прав. А почему ты интересуешься?

– Мне поступил анонимный запрос о Центре “Кайт”.

– Тебе лично?

Том мотнул головой в отрицании.

– Нашей компании, конечно. Обычная практика в наше время. Никто не хочет открывать своё настоящее имя.

– О чем запрос?

– Простая проверка данных: легальность бизнеса, связи с другими компаниями.

– И, что ты выяснил?

Крис сел к Тому вполборота, а тот бросил на него беглый взгляд.

– Ничего. Совсем. Центр полностью чист и даже причастность Джорджа Уайта к его деятельности не докажешь.

– Я так и думал, – сказал Крис, с досадой хлопнув ладонью по ноге. – Но при чем здесь Брайан? Ты нашёл что-то на него?

– Все в пределах истории, можешь не переживать. Но, все же, будь осторожен.

– Думаешь, что запрос был от него?

– Может от него, а может от бабули из дома неподалёку, которой показалось, что там сильно допоздна горит свет. Но я бы хотел попросить, – Том замялся, бросил на Криса ещё один осторожный взгляд, прежде чем спросил:

– Если что-нибудь узнаешь, дашь мне знать? Оказалось, что отец уже давно копает под этого Уайта, но без особых успехов. Он не хотел мне говорить, но тут я сам пришёл к нему с вопросами.

Крис неопределенно кивнул, что Том расценил, как согласие, чем на самом деле оно не являлось.

Машина мягко завернула на парковку у центрального входа в больницу “Джона и Элизабет”, которая за годы прогресса лишилась приставки святы в названии.

– Ты куда потом? Домой? – спросил Том, внутренне радуясь возможности перевести тему.

– Да. Может ещё заскочу за продуктами, дома шаром покати. Не переживай ты так, я уж большой мальчик. Со мной все будет хорошо.

– Напишешь мне, как она? – попросил Том, когда Крис уже открыл дверцу.

– Напишу.

Они пожали друг другу руки и Крис вышел из машины.

– Будь осторожен, – крикнул друг ему напоследок.

В палате, как обычно, было тихо, светло и без изменений. Предварительно доктор Смит сказал, что миссис Стар нахо-

дится в стабильном состоянии и разрешил посещение.

– Доброе утро, мама, – сказал Крис очень тихо.

А потом начал говорить почти без остановки. Так много и обо всем на свете. О Кэтрин, за которой он очень скучает, о Брайане, с которым у него начали понемногу складываться отношения, о Томе, который передавал ей привет и, как он его сейчас поддерживает. Какая за окном погода и о последних новостях в мире. Прочитал несколько страниц только что купленной книги. И ему было абсолютно плевать, что на все свои слова он не получал ответа. Только бы не молчать ни минуты.

Время посещений истекло очень быстро, но Крис чувствовал себя, как выжатый лимон, морально истощенным. Он уже собирался уходить, когда медсестра внесла в палату небольшой бокс, который используют для переноски таблеток. Она оставила его на столике у кровати и быстро вышла, чтобы не мешать Крису прощаться. Но его внимание привлёк не сам бокс, а знак на нем изображенный, а точнее – точно такая же эмблема, которую он видел каждый раз, когда приходил на сеансы в Центр “Кайт” – большая буква “К”, заключённая в круг, ярко-красного цвета.

Чертыхнувшись про себя, Крис уже хотел было пойти за медсестрой или доктором Смитом и потребовать объяснений. Но быстро сообразил, что это было бы не лучшим решением.

Глубоко вздохнув, он посмотрел на часы, прикидывая, на-

сколько поздно или рано наносить утренние визиты. Про себя решив, что, если никого не застанет, то сможет приехать вечером, Крис попрощался с мамой и стремительно вышел из палаты.

Уже через 10 минут (благо ближайшая телепортационная будка находилась совсем недалеко от больницы) он уже стоял на крыльце дома Брайана и громко барабанил в дверь, считая такой способ более доходчиво способным намекнуть на срочность, чем звонок. Почти сразу за дверью послышались шаги и ее открыл Брайан, уже полностью одетый, очевидно, чтобы выйти на работу.

– Привет, – быстро начал Крис, – надо поговорить. Есть время?

– Привет. Конечно, заходи. У меня тоже есть к тебе разговор.

Глава 8

Неопределенный день в какой-то по счёту комнате

Я перестала отмечать прошедшие дни. Отчасти из-за того, что не до конца уверена, что слово “прошедшие” также, как и определение “дни” могут быть применены к этому месту. Отчасти, потому что оставив за спиной десятки дверей и, казалось, столько же комнат, я все равно вернулась к исходному состоянию. Поэтому я уверена, время и пространство в привычном для меня понимании, здесь не значат ничего.

Цепляясь за знакомые понятия, я только все дальше ухожу в неизвестность.

Я устала жалеть себя и оплакивать своё положение. Так недолго и сойти с ума.

Сегодня (не могу сразу отделаться от временных определений) я видела Криса и Брайана (его повзрослевшую, но сразу узнаваемую версию) в какой-то стерильно-белой комнате, похожей на лабораторию. Видение быстро исчезло и мне было совсем не понятно, чем они занимались, но увиденное вселило в меня надежду.

Кто-то скажет, что довольно глупо в моем положении уповать на надежду. И будет по-своему прав. Но для меня – это не просто надежда, это далекое подтверждение, сквозь время и пространство, что по ту сторону меня кто-то помнит.

Кэтрин давно поняла, что видения (как она их теперь называла) за окном и книги на полках появляются в комнате не просто так, а повинувшись ее мыслям и желаниям, скрытым и не очень. И, что сама комната – это результат ее внутреннего состояния. Но углубляться дальше этого понимания ей мешали вполне субъективные преграды в виде страха, неопределенности, безысходности.

Тогда она твёрдо вознамерилась не подчиняться силе обстоятельств, как могла гнала от себя неприятные мысли, пыталась усмирить свою бурную фантазию или хотя бы приспособить ее под что-то приятное, чтобы эпизод с пустотой не

повторился. И ... ничего не изменилось. Но это только на первый взгляд. Когда она не только решила, но и внутренне почувствовала силу своего спокойствия, то окружающая действительность и сама начала преобразаться.

Кэтрин все ещё находилась в комнате, но та уже перестала казаться ей местом заточения. Что-то неуловимо новое и даже уютное стало ощущаться в каждой из четырёх стен. В том, как они слегка расступились, растягивая свободное пространство. Как уже довольно долгое время (опять же, понятие, едва ли относящееся к этому месту) комната не погружалась в “ночную темноту”, а ласкала глаз спокойным, умиротворяющим светом. Как, в конце концов, дверь, так пугающая ее поначалу, приветливо приоткрылась, словно приглашая разведать скрытые за ней чудеса.

Кэтрин с любопытством, но не без некоторых опасений, подошла к двери и заглянула за неё. В лицо сразу ударило волной травяной свежести, а в глазах зарябило от всех оттенков изумрудного. Она поглубже вдохнула воздух, в котором теперь различались нотки цветов и недавно прошедшего дождя, и переступила через порог. Ступня сразу утонула во влажной траве и Кэтрин с удивлением обнаружила, что на ней нет обуви. Это обстоятельство не вызвало у неё неудобств, и она медленно прошла вперёд, попеременно оглядываясь на дверь, которая так и оставалась открытой. Похоже, что пространство не собиралось ее пугать, а было к ней благосклонно. Или же она нащупала тонкую нить гар-

монии, которая могла привести ее к спокойствию.

Подняв голову, Кэтрин увидела то самое свечение, которое простиралось так далеко, сколько хватало глаз, и переливалось всем спектром цветов, которые она раньше принимала за смену фаз одного дня.

В некоторых местах трава доходила ей до середины бедра, так, что можно было ладонью ощутить ее колючие кончики.

Кэтрин показалось, что она узнала это место. Она была в похожем, в ее прошлой жизни. Широкий луг, сплошь усеянный разнотравьем и полевыми цветами. С одной стороны, окруженный молодым леском, а с другой – извилистой речушкой.

Стоило ей так подумать, как на горизонте и вправду выросли стволы молодых деревьев с широкими кронами, а где-то неподалёку послышался мерный плеск воды.

И тогда Кэтрин смогла на полную ощутить умиротворение. То самое, к которому она так стремилась.

Она перестала бояться, что дверь закроется, а вокруг не останется ничего, кроме темноты. Она почувствовала, что может открывать и закрывать любые двери, когда ей вздумается. Может построить вокруг себя и лес, и горы, и моря. Когда пространство вокруг почувствует ее правильные мысли, она сможет все.

О том, что это всего лишь иллюзия, она в тот момент предпочитала не думать.

– О чем ты хотел поговорить? – хором спросили Крис и Брайан, как только последний закрыл за ними дверь.

Они обменялись неловкими улыбками, а Крис как-то сразу растерял весь свой пыл.

– Извини, что явился к тебе так с самого утра, без предупреждений. Подумал, что ты ещё можешь быть дома, а встретаться в Центре может быть слишком подозрительно.

– Ты правильно подумал. Проходи, располагайся. Выпьешь чего-нибудь? – предложил Брайан в дружелюбной манере.

Такое поведение Крис оценил и поставил ещё один мысленный плюсики в колонку “доверяю Брайану”.

– Нет, спасибо, не нужно. Если можно, я сразу начну.

Он быстро прошёл на середину комнаты, заложив руки за спину, и обернулся, внимательно посмотрев на Брайана.

– Я только что был в больнице и видел символ Центра на коробке с лекарствами для моей ..., – он запнулся и поправил себя, – пациентки.

– Твоей пациентки? – с недоумением переспросил Брайан, устроившись в кресле и наблюдая за нервными перемещениями Криса с явной тревогой.

– Потом расскажу, – отмахнулся тот.

Что означало: “Я ещё не решил, стоит ли мне так много рассказывать о своей жизни”.

– Центр занимается разработкой лекарственных препаратов? – тем временем продолжил свою линию Крис.

– Занимается, – подтвердил Брайса, – только они, по большей части, экспериментальные и широко не применяются.

– Это мне, как раз, сказали. А ты знаешь, насколько они безопасные и ... эффективные?

Брайан догадался, что пациентка, о которой говорил Крис, была очень важна для него. Ему очень хотелось узнать подробности, но спросить ещё раз напрямую он не решился, предпочитая ждать, когда Крис сам захочет ему рассказать. А потому ответил только:

– Я лично не имею никакого отношения к разработкам. У меня совсем другая специализация. А у тебя есть сомнения в их эффективности?

– Ситуация такая, что я теперь во всем сомневаюсь, – с горечью ответил Крис, отошёл к окну и уставился в него немигающим взглядом.

Повисла тишина, которую первым нарушил Брайан, многозначительно откашлявшись, тем самым привлекая внимание Криса:

– Я бы смог что-то узнать, если бы сам знал больше подробностей от тебя. Мой отец, – он замолчал на этот неловком ответе, – доктор Харрис был занят в некоторых разработках. Я мог бы узнать у него что-то.

– Не нужно, – довольно резко ответил Крис. – Тебе я доверяю, но ему говорить не стоит.

Неожиданное признание поразило и Брайана, и Криса своей откровенностью

А последний, не долго думая, добавил:

– Пациентка – это моя мама. Она попала в очень серьезную аварию, после которой она уже несколько месяцев в коме. Спинной и головной мозг оказались сильно повреждены.

– Мне очень жаль, – сказал Брайан, пока Крис ненадолго замолчал.

– Денег, которые я заработал на проекте, хватило, чтобы оплатить операцию. Но она прошла неудачно и не принесла никаких результатов. Тогда врач и предложил мне экспериментальное лечение. Но, когда сегодня я увидел этот знак ... Не пойми меня неправильно, но, если сопоставить все факты, то у меня немало поводов для осторожности.

Его последние слова, хоть и были похожи на обвинение, но Брайан не мог не признать, что на то у Криса действительно были основания. К тому же, его история звучала вполне правдоподобно.

– Я постараюсь что-то узнать, – пообещал он. – У меня и у самого есть вопросы.

– Ты о “зеленке”? – уточнил Крис и внимательно проследил за заинтересованным взглядом Брайана, обращенным к нему.

– Что ты о ней знаешь?

– Это сильный наркотик. Очень популярный и недешёвый.

– Откуда ты ...?

– Я не хочу об этом говорить. Просто знаю и все. Видел,

как он действует на людей. При чем на каждого – по-разному. В этом его уникальность. Он будто подстраивается под потребности человека, вычисляет какие-то его особенности и влияет на них. Под его воздействием один может становиться очень спокойным, а другой будет в сильнейшей эйфории. Ещё он как-то влияет на память. Ты, то помнишь все до мелочей, то вообще ничего.

– Я все равно на верю, что кто-то из моей семьи может быть причастен. Разработку могли, например, украсть и обратить в преступное русло.

– Или же ты глубоко заблуждаешься.

Каждый, пока что, оставался при своём мнении, но никто не стал провоцировать конфликт. Поэтому, на какое-то время, в комнате снова повисло молчание.

– Ты что-то хотел рассказать? – вспомнил Крис.

– Да, точно, – рассеянно проговорил Брайан, явно больше погруженный в свои мысли.

Крис уставился на него в ожидании.

– Ну...

– Ах да. В общем, я много думал о том, почему тогда у меня не получилось отправить тебя в прошлое надолго.

Крис нетерпеливо кивнул, чтобы Брайан продолжал.

– С технической точки зрения все было правильно. Я сам занимался разработкой аппарата, ошибки быть не могло. И тогда я вот о чем задумался. Ты каждый раз оказывался в прошлом ровно в том месте и времени, где была мама.

– Да, но это все было описано в дневнике. Вы каждый раз точно знали, куда меня нужно отправлять, разве не так?

– В самом общем смысле – да. Так оно и было. Только понимаешь, пространство-время – это довольно хрупкая материя. Задавая координаты, мы, в каком-то смысле, полагались на удачу. Только теперь я понимаю, что это была вовсе не она.

Крис же абсолютно ничего не понимал, а наоборот – запутался ещё больше. И его взгляд очень красноречиво это выражал.

Но Брайан, кажется, и не замечал его недоумения. Он вскочил с кресла и начал нахаживать круги по комнате, предаваясь рассуждениям:

– Между тобой и мамой существовала, нет, существует связь. Можем условно назвать ее эмоциональной. Поэтому ты видел сон о ней, поэтому каждый раз оказывался там, где она. И поэтому, вы так быстро, кхм, сблизились.

Крис задумался, стоит ли говорить, что он видел ещё один сон, но решил, для начала выслушать Брайана до конца.

– Но видимо отец додумался до этого раньше, но решил не полагаться целиком и полностью только на вашу связь. Думаю, что и у аппарата есть своя эмоциональная составляющая.

– То есть ты не заешь, как работает твоя собственная машина?

Брайан посмотрел на Криса с раздражением, но высказы-

вать его не стал, а ответил другое:

– Во-первых, я не один занимался разработкой. А во-вторых, я уже говорил, что на мне была только техническая часть. О существовании эмоциональной я, до некоторого времени, даже не догадывался.

– Почему ты не спросишь у Харриса?

– Пока что хочу разобраться сам, – отрезал Брайана. И продолжил свои рассуждения:

– Если мыслить логически, то эмоциональная составляющая, из-за своей нестабильности, должна была добавляться уже на заключительном этапе. То есть, перед самым перемещением. Вспомни, может быть было что-нибудь необычное?

Крис задумался, прокручивая в голове каждый из сеансов.

– Вроде бы нет. Каждый раз меня встречал доктор Харрис и проводил в свой кабинет на своеобразный инструктаж. Один раз он передавал мне браслет. Тот, который с таймером. В остальных случаях я находил браслеты уже в лаборатории. А потом начинался обратный отсчёт, я становился прямо, закрывал глаза и проваливался в пустоту. Ну, ты и сам знаешь. Испытал на себе.

– А ты точно помнишь эту пустоту во время самого последнего сеанса? Я-то вернулся благодаря кнопке экстренного возврата. А тебя буквально выкинуло из прошлого.

– Не пойму, к чему ты клонишь?

– К тому, что с твоим перемещением было что-то не так.

Но я не могу понять, что именно. Это должно быть что-то на уровне, не знаю, подсознания, сознания или особого физического состояния.

– Подожди. Ты уже не раз спрашивал меня про ощущения от перемещения и это особое, пограничное пространство. Значит, ты сам в нем не оказывался?

– Нет. Я тебе не говорил, но я уже тогда задавался вопросом, что же пошло не так. Сначала я думал, что просто его не заметил. А ты пустился в такие пространные объяснения, что я сразу засомневался. Не мог же я такое пропустить? Потом я решил, что всему виной короткая продолжительность самого сеанса или же эффект первого раза. Но, чем больше я размышлял, тем больше склонялся к мысли, что дело на самом деле не в этом.

– А ты читал мои медицинские заключения? – вдруг спросил Крис, чем немало удивил Брайана.

– Нет. Мне, как ты понимаешь, больше были интересны твои отчеты мыслей.

– Вдруг мы сможем найти зацепку в них?

– Вполне возможно. А, кто их составлял? – уточнил Брайан.

Он одновременно заинтересовался идеей Криса и был зол на самого себя, что упускал множество деталей, которые могут быть важны.

– Думаю, что Софи. Это медсестра, – пояснил Крис, вы с ней должны были пересекаться. Симпатичная блондинка, –

он немного смутился под взглядом Брайана, но тут же продолжил:

– Так вот. После каждого сеанса она занималась обследованием моего состояния. Проще говоря проводила осмотр.

– Может ты и прав. Как с ней можно связаться? Сейчас проект приостановлен. Не думаю, что она сейчас в Центре.

– У меня есть ее номер. Я могу позвонить и договориться о встрече. Когда тебе будет удобно?

– Давай завтра вечером. Около восьми. В ресторанчике недалеко от Центра.

– Хорошо, договорились. Я, наверное, пойду. Я и так тебя уже прилично задержал, – сказал Крис, думая, что новости на сегодня закончились.

– Ты совсем меня не задерживаешь, – дружелюбным тоном ответил Брайан, хотя, по правде говоря, уже давно должен был быть на работе.

– А, вот ещё что. На следующей неделе я буду проводить кое-какие опыты. Это может помочь узнать, что случилось с мамой и где ее искать. Ты сможешь прийти?

– А можно?

– Конечно.

– Тогда я приду. Обязательно.

Крис все же засобиравшись, чтобы не злоупотреблять гостеприимством Брайана. Уже на выходе он обернулся к нему и сказал со всей искренностью:

– Спасибо.

– Это тебе спасибо, – ответил Брайан с искренностью не меньшей.

Они обменялись крепкими рукопожатиями и попрощались.

Крис возвращался домой, когда небо уже посерело от, позимнему рано, опустившихся сумерек. Дорога была слегка скользкой после того, как относительная оттепель дня сменялась на небольшой мороз вечера, так, что ему постоянно приходилось ловить себя, чтобы не упасть. Прошедший год и так принёс ему достаточно травм, некоторые из которых ещё напоминали о себе и красовались на коже, хоть и скрытые слоями одежды.

Дом, в котором находилась его квартира, располагался далеко не в самом респектабельном районе города, на самой его окраине. Тем не менее, район был тихим и, в более солнечную погоду, даже довольно милым, но в это время черно-белый пейзаж каменных домов казался ещё более мрачным, а стволы деревьев, лишённые листвы, на другой стороне улицы, лишь дополняли общую угрюмость.

Поскользнувшись пару раз почти у самого порога, но устояв на ногах, Крис тихонько выругался и посмотрел вверх. Старая привычка проверять, есть ли кто дома, даже, если он уже почти год, как жил один. На какое-то короткое мгновение ему показалось, что занавеска на окне слегка качнулась, словно кто-то только что выглядывал из-за неё, но при-

смотревшись получше он увидел только темное окно, без каких-либо признаков движения.

Поднявшись пешком на свой этаж, Крис подошёл к квартире и остановился. Похлопав несколько раз по карманам куртки в поисках ключей, он наконец поднёс их к замку и только тогда увидел, что дверь, с едва заметным номером 33 на ней, была приоткрыта.

“Странно”, – подумал Крис, отступая от двери на пару шагов, опасаясь, что на него могут сразу наброситься. Слишком уж живы были воспоминания о недавнем утреннем визите и его последствиях. Он неосознанно потер правый бок, бывший уже вполне здоровым. Свободной рукой Крис нащупал телефон, готовый в любой момент отправить вызов в полицию и заодно, если успеет, сообщение Тому.

Но, ни то, ни другое он сделать так и не успел, потому что застыл на месте, как громом поражённый. Ключи, а за ними и телефон с грохотом упали на пол и этот звук отразился от стен, увеличив свою силу.

– Стивен? – еле слышно спросил Крис, в равной степени не доверяя ни тому, что только что сказал, ни своим глазам.

– Ну привет, братишка.

Глава 9

– Ты, как будто не рад меня видеть, – сказал Стивен, когда они уже зашли в квартиру.

От шока Крис не мог сказать и слова, а только, широко раскрыв глаза, рассматривал брата, словно перед ним был живой труп. Стивен и вправду больше походил на призрака, чем на человека: его лицо было бледным, глаза казались впалыми из-за темных теней усталости или напряжения, залёгших под ними. С тех пор, как Крис видел брата в последний раз, тот сильно похудел и, хотя он и был одет в свободную рубашку с длинным рукавом, под ней просматривалось прямо-таки тощее тело.

– Что с тобой произошло? – спросил наконец Крис, пребывая все в том же недоумении.

– Давай не сейчас. Я все расскажу, но позже. Я устал с дороги и просто умираю с голоду. А в холодильнике я так и не нашёл ничего путного.

Он подошёл ближе к Крису и раскрыл свои объятия, но как будто до конца сомневался, что брат их примет. Но его сомнения быстро рассеялись, когда Крис, в одно мгновение, обхватил его руками и сжал так крепко, как только мог.

– Вот теперь я вижу, что ты мне рад, – прохрипел Стивен, неловко высвобождаясь из хватки брата.

– Не могу поверить. Ты здесь. Живой.

Сколько бы Крис не твердил о своей вере, что с братом все в порядке, мысли об обратном, нет-нет да закрадывались к нему в голову, как беглые преступники. И, чем больше времени проходило, тем это убеждение все больше крепло, и он все неуверенней высказывался о благополучной судьбе бра-

та. Но сейчас Стивен стоял перед ним во плоти, как говорится. Крис мог не верить своим глазам, ушам, рукам, но по отдельности, а не всему сразу. Чувство тревоги на время притупилось. Его заслонил тот вид радости, который он уже и не надеялся ощутить: радость братской любви, радость от присутствия рядом родного человека, которому можно доверить свои переживания.

– Ещё рано меня хоронить, братишка.

Крис все больше узнавал своего старшего брата. Он немало изменился внешне, но внутри был все тот же.

– А где мама? На работе? – спросил Стивен радостно, в явном предвкушении встречи.

Крис сразу помрачнел и с сожалением взглянул на брата. Он долго не мог подобрать слов, как лучше рассказать горькую правду, но его молчание в полной мере выражало предстоящее неприятное известие. Стивен напрягся, окидывая Крису беспокойным взглядом.

– Может присядешь? – аккуратно предложил Крис, с явным опасением воспринимая болезненный вид брата и серьёз сомневаясь в его теперешней стойкости.

– Что случилось? – спросил Стивен предельно твёрдым голосом, как и положено старшему брату.

– Она в больнице. Жива и относительно здорова, – начал Крис, решив сразу же развеять опасения брата по поводу самого худшего.

– Относительно? Что с ней произошло? – голос Стивена

был полон самообладания, но Крис все равно мучительно искал подходящие слова.

– Это произошло около года назад. Она тогда опять допоздна задержалась на работе, доделывая один из своих бесконечных отчетов. Она позвонила мне, сказала, что ещё успевает на последний автобус и скоро будет дома. Но домой она так и не доехала.

Крис бросил на брата беспокойный взгляд. Один из тех, которые нужны, чтобы лишний раз убедиться в произведённом эффекте и стоит ли продолжать рассказ в том же ключе. Как бы плавно и мягко Крис не старался говорить, эта горькая пилюля уже начала действовать на Стивена, и он сделался ещё бледней, чем был. Но его сдержанный кивок был сигналом Крису продолжать.

– Мне позвонили врачи скорой помощи, нашли мой номер в ее телефоне. Они уже везли ее в больницу, и я сорвался туда же. Уже позже, в разговоре с полицейским, я узнал, что ее сбила машина, летевшая на бешеной скорости, прямо на выходе из офиса. Машину так и не нашли. Сказали, что камеры не смогли идентифицировать ее номер. Но я в это не верю.

– Что с мамой? – повторил Стивен уже более напряжённо, находясь почти на пределе.

Тянуть дольше уже было нельзя и Крис, набрав в легкие побольше воздуха, выдал на одном дыхании:

– Она сейчас в коме. Сильно поврежден спинной и голов-

ной мозг. Но шансы есть. Небольшие, но есть. Она сейчас на экспериментальном лечении.

– Экспериментальном? – спросил Стивен с явным недоверием. – Ты не мог настоять на традиционных методах?

Это прозвучало, как упрёк, и Крис ответил также резко, который, однако, больше походил на оправдание:

– Я делаю, что могу. Собрал деньги на дорогую операцию, оплачивал ее пребывание в больнице.

– Прости. Я и не думал тебя обвинять. Ты говорил про операцию?

– Да. Но она прошла неудачно. Вот врач и предложил альтернативный вариант. У меня не было другого выбора, понимаешь?

– Успокойся, я все понимаю. Если ты думаешь, что я тебя в чем-то обвиняю, то это не так.

Крис молча кивнул. У него начинала болеть голова и он устало потер переносицу.

– Ты, наверное, голодный? – спросил он рассеянно, словно забыл, что брат как раз с этого и начал. – Схожу куплю тебе что-нибудь, здесь недалеко. Да ты и сам знаешь, – добавил Крис и неловко откашлялся. Не дожидаясь ответа, он оделся и вышел на свежий, морозный воздух.

Крис оглянулся на окно четвёртого этажа – единственного, в котором горел свет. В нем виднелся силуэт Стивена, который наблюдал за ним. Крис махнул ему рукой и двинулся вдоль по улице. Он едва замечал спешащих ему навстречу

прохожих.

“Что со мной не так? – думал он. – Я веду себя так, будто и не рад Стивену. Но, почему он не захотел сразу рассказать, что с ним произошло? Почему, за все полтора года, ни разу не пытался с нами связаться? И вообще, пробрался в квартиру, словно вор. Может хотел меня напугать? Какие глупости.”

Крис всю дорогу до магазина продолжал вести споры с самим собой. Его что-то тревожило, но он никак не мог понять, что именно.

Отчасти поэтому он несколько минут бесцельно бродил между полками, трижды сворачивал в кондитерский отдел и дважды сталкивался в парнишкой, который расставлял на полках недавно привезённый товар. В третий раз, едва завидев Крису, бедняга вжался в полку, а сам Крис поспешил поскорее свернуть в другой ряд. Кое-как загрузив тележку провизией (обычно покупки занимали от силы 10 минут, потому что Крис не очень-то любил готовить, а просто покупал уже готовую еду или заходил в ближайший 3D-фуд), он двинулся к кассам и, расплатившись, груженный двумя увесистыми пакетами, вышел на улицу.

Дорога домой заняла, как ему показалось, меньше времени, потому что теперь он был полон воодушевления и переступил порог квартиры уже во вполне приподнятом настроении.

Стивен дожидался его на кухне, где уже успел заварить

им по кружке ароматного какао из остатков, которые нашёл в шкафу.

– Пахнет, как в детстве, – с порога крикнул ему Крис.

Он занёс свою ношу на кухню и стал выкладывать покупки на стол.

– Ты решил накормить этим всем меня или ещё придёт человек 10? – поинтересовался Стивен, осматривая все увеличивающуюся гору продуктов.

– Это, вроде как, мой способ показать, что я тебе рад.

– Ты никогда не искал легких путей, – усмехнулся Стивен своей, уже позабытой, но все же очень знакомой, широкой улыбкой.

– Поверь мне, далеко не всегда, – многозначительно заметил Крис.

Сгрузив половину продуктов в холодильник, а остальную – рассовав по шкафам, Крис оставил на столе только коробку с замороженной пиццей.

В свое оправдание он поспешил сказать:

– Обещаю, что завтра обязательно что-нибудь приготовлю. А это, – он кивнул на яркую коробку, – твоя любимая. С сыром, чесноком и беконом.

Несколько минут на кухне стояла тишина, прерываемая только еле слышными звуками жевания. Когда с пиццей было покончено и они оба, довольные и сытые, сидели за столом, широко раскинув ноги, не в силах пошевелиться, Стивен спросил:

– Крис?

– Мм?

– А кто эта девушка? На фото. Я увидел на тумбочке в спальне.

Крис отвёл взгляд, чтобы не было видно, как он вдруг по-мрачнел.

– Это Кэтрин.

– Очень красивая, – рассуждал Стивен, совсем не замечая реакцию брата. – Познакомишь?

– Нет, – резко сказал Крис, поднимаясь, и стал убирать соус стола.

С одной стороны, он был рад, что Стивен не стал снова затрагивать тему их мамы, разговоры о которой он совсем не был готов сегодня продолжать. Но из всех возможных вопросов он нечаянно задал наиболее болезненный.

– Ты чего? Я же пошутил. Я рад, что у моего брата появилась девушка. Вы отлично смотрите вместе, – продолжал Стивен, не подозревая, как больно было Крису это слушать. Одобрение брата выдавалось издевкой, хоть в этом и не было никакой его вины.

– Прости, – сказал Крис, виновато посмотрев на брата и в который раз ругая свою несдержанность. – Просто с ней сейчас все сложно.

– Поругались?

– Не в этом дело. Она ... пропала.

Крис хотел рассказать брату о Кэтрин, но никак не мог

придумала, с чего начать. К тому же, он не был уверен, что сейчас для этого было подходящее время.

– Я могу чем-нибудь помочь? – спросил Стивен.

Крис посмотрел на него с удивлением, но тут же благодарно улыбнулся.

– Я пока сам не знаю, что могу сделать. Мы можем поговорить об этом завтра?

– Конечно.

– Ты, наверное, устал? Я постелю тебе в спальне.

– А ты?

– Лягу на диване, как в старые добрые времена.

– Уверен?

На какой-то момент Крису показалось, что Стивен почувствовал себя неуютно.

– Я большой мальчик, Стив. Меня больше не пугает диван и монстры под ним.

Стивен криво усмехнулся. Он помнил, как в детстве всячески пугал младшего брата, то призраком за шторой, то домовым под холодильником, то монстром под старым диваном, который сам по себе внушал ужас, особенно, впечатлительному, маленькому мальчику. Гораздо позже, уже будучи взрослым, и Крис, и Стивен столкнулись с настоящими монстрами, у которых, однако, было человеческое обличие. Но ни один, ни второй, пока что не догадывались, насколько похожие им выпали судьбы.

– Спокойной ночи, Крис.

– Спокойной.

Уже лежа в постели Крис думал о том, что между ним и Стивеном успела вырасти стена недопонимания, в которой кирпичиками выступало каждое сказанное слово. Он попытался найти причины. Что творилось в голове у брата, он, естественно, знать не мог. Его же собственное молчание, а вернее, замалчивание, он для себя объяснял тем, что полная история требовала довольно много времени, чтобы ее рассказать. К тому же, он твёрдо решил, что одной новости, ко всему прочему, настолько тяжелой, для одного вечера было вполне достаточно.

За своими размышлениями Крис не заметил, как уснул.

Его затянула уже знакомая пустота или, вернее, ощущение пустоты. Она была вязкой, тягучей, облипающей со всех сторон. Было немного тяжело дышать, а ноги не находили никакой опоры. Вокруг было тихо, а если хорошенько прислушаться, то можно было различить только собственное сердцебиение.

Крис открыл глаза, но это ничего не изменило. Он попробовал пошарить руками вокруг себя, но пустота утекала сквозь пальцы, оставляя на ладонях неприятное чувство сырости и прохлады. Крис попробовал что-то сказать, но его язык словно прилип к небу и наружу вырвалось только нечленораздельное мычание. Тогда он решил немного подождать, ведь каждый раз за пустотой следовало перемещение,

либо в прошлое, либо обратно – в своё настоящее. Он даже для верности опять закрыл глаза, как будто это было самым необходимым условием.

Крис попробовал прислушаться к своим ощущениям. Что-то словно держало его в этой пустоте. Осторожно, но настойчиво. Давало выбор, хотя на самом деле его и не было, будто опуская его под воду, где он, однако, мог дышать. Этакая безысходность, но с известным исходом.

Ему стало казаться, что эта пустота – это все, к чему он стремился в этой жизни, вершина его желаний или глубина его возможностей.

Он снова открыл глаза, когда его ноги почувствовали что-то похожее на твёрдую поверхность: ровную, но слегка неустойчивую. Так похожую на его внутренние ощущения. Вдруг вдалеке (а может на расстоянии вытянутой руки) он увидел еле мерцающую точку света, как маячок, который звал за собой. Она слабо пульсировала на фоне непроглядной темноты, то становясь ярче, то почти растворяясь в ней. Из-за этого Крис не мог понять движется ли она по направлению к нему или от него, или же стоит на месте. Как не мог понять это и о самом себе.

Он попытался пройти вперёд. И, хотя, он и ощущал, как двигаются его ноги, все же само движение казалось лишь иллюзией, обманом его чувств. Из небольшой точки свет впереди уже увеличился до размера шарика, от долгого и пристального внимания к которому, у Криса в глазах заплясали

яркие огоньки. Потому он не сразу заметил очертания двери, которые все чётче вырисовывались в тёмном, но теперь уже не таком пустом пространстве.

Вот он уже был в шагах десяти от двери и мог рассмотреть округлую ручку, которая выделялась металлическим отблеском на общем темном фоне, словно ее до этого поворачивали много раз.

Когда до двери осталось пять шагов, Крис остановился в нерешительности, но дверь продолжила приближаться. Как если бы они неслись навстречу друг другу в бешено вращающемся отдельном клочке Вселенной, где кроме него и двери напротив, нет ничего. И, как бы он не сопротивлялся, они столкнутся и это неизбежно. Он уже мог дотянуться до круглой ручки рукой и его пальцы сомкнулись на прохладном металле.

Влекомый каким-то внутренним инстинктом, Крис сразу же повернул ручку. Но дверь не поддавалась, все ещё оставаясь твердыней в бесконечно пустом пространстве. Он даже не пытался обойти ее или просто заглянуть сбоку. Он точно знал, что за ней скрывается то, что ему нужно. И, что увидеть это можно, только повернув эту пресловутую ручку.

Ещё несколько безуспешных попыток сопровождалось все возрастающей волной отчаяния.

И вот, когда ручка наконец провернулась до упора и послышался слабый щелчок, а в образовавшуюся щель от двери проник яркий свет по другую ее сторону, Крис открыл

глаза и увидел потолок в гостиной своей квартиры.

Какое-то время он лежал не шевелясь, всей кожей чувствуя, ещё бывшую совсем недавно такой реальной, пустоту.

“Это был просто сон”, – подумал он и вместе с этой фразой улетучились последние остатки ощущений.

За окном быстро пронеслась одинокая машина, озарив на мгновение бледное лицо Криса.

Остаток ночи он провёл в безуспешных попытках снова уснуть.

– Ты уже проснулся? – из-за двери осторожно показалась голова Стивена.

– Да, – ответил Крис, – проходи.

Его голос звучал не слишком бодро после ночных приключений во сне, и он попытался это скрыть. – Как спалось? – его тон вышел почти непринужденным.

– Лучше, чем обычно за последнее время.

– Что ты имеешь в виду?

Крис внимательно посмотрел на брата, силясь понять, что тот сейчас чувствует и о чем думает. Стивен выглядел нервным, постоянно кидал обеспокоенные взгляды на улицу за окном, словно ожидал кого-то или, наоборот, боялся увидеть.

– Стивен? – окликнул его Крис и тот слегка вздрогнул от собственного имени. Похоже, что мыслями он был совсем не здесь.

– Да, прости. Я просто... Пойду приготовлю нам что-то. Ты ведь голодный? Я – очень.

Он говорил так быстро и вышел из комнаты так стремительно, что Крис только и успел, что раскрыть рот, недоуменно уставившись на закрывшуюся дверь.

– Подожди, – крикнул Крис вдогонку, встал с дивана и прошёл вслед за братом. – Может ты все же объяснишь, что происходит?

Крис нагнал Стивена уже на кухне. Тот стоял у нему спиной, сцепив руки в замок перед собой.

– Что ты хочешь услышать?

– Например, все. Где ты был все это время? Что с тобой произошло?

– Поверь мне, ты не захочешь это услышать. Разве тебе не достаточно того, что я вернулся? Почему ты не можешь так просто принять меня? – Стивен резко развернулся и уставился на Криса с неприкрытой злостью. Его руки все ещё были крепко сложены на груди, а ладони сжались в кулаки. Вся его поза выдавала сильное напряжение, в котором он пребывал. Его дыхание участилось, стало тяжелым, из приоткрытого рта вырывались громкие вдохи.

Крис попытался его успокоить: вытянув руки перед собой, медленно подошёл ближе. Он успел только слегка прикоснуться к Стивену, как тот грубо отбросил его руку. Послышался стук от падения чего-то на пол. Стивен быстро присел, чтобы схватить свою пропажу, но Крис был быстрее. В его

руках оказалась непрозрачная, серебристая капсула, чем-то напоминавшая пулю.

– Это твоё, Стивен? – спросил он, хотя ответ ему явно не требовался. – Что это?

– Тебе не нужно это знать, – Стивен сделал выпад вперёд, пытаясь выхватить капсулу из рук брата. Но Крис ловким движением перехватил ее другой рукой и крепко зажал в кулаке.

– Почему же? Разве ты не поделишься со мной? – саркастично осведомился он, внутренне уже закипая от злости. – Уверен, что у тебя ещё есть.

Глаза Стивена светились недоумением и тревогой:

– Откуда ты знаешь?

– Потом объясню, как-нибудь. Я ведь только это и слышу от тебя. Потрудись сначала сам все объяснить. И да, с этого момента – ты завязал.

И Крис демонстративно выкинул капсулу в мусорное ведро.

– И я надеюсь, что после твоего рассказа все оставшиеся у тебя капсулы будет ждать та же судьба.

– Хорошо, я все расскажу. Ответь только на один вопрос. Сам-то ты откуда знаешь про “зеленку”?

Стивен отодвинул ближайший стул и тяжело опустился на него. Крис последовал его примеру, предвкушая, что разговор будет длинным и не из легких. Он уже немного успокоился, а потому ответил ровным тоном, в котором, однако яв-

но слышалось пренебрежение:

– Мне нужны были деньги. И я какое-то время толкал эту дрянь. Но это все в прошлом.

– Тогда ты сможешь лучше понять меня. Начну с того, что, как ты знаешь, не ты находишь эту работу, а работа находит тебя. Причина была та же, что и у тебя – деньги. Я согласился не сразу, а тот, кто мне это предложил (даже не знаю, как его звали), не очень-то настаивал. В конце концов я принял предложение, твердя себе, что это ненадолго. Накоплю нужную сумму и смогу бросить. Но, чем дальше, тем больше мне хотелось денег. Там же я сдружился с парнем, который, как и я, соблазнился деньгами. Так как вы с мамой ни о чем не знали, я мог рассказать о своих мыслях и тревогах только ему. Дела у меня шли неплохо, но в какой-то момент он стал зарабатывать в разы больше. Я спросил у него, в чем его секрет. На что он мне ответил: “Ты продаёшь, но сам не знаешь что. Я попробовал и теперь лучше понимаю, кому и как продавать”. Когда с продажами стало совсем туго и мне намекнули, что или я срочно нахожу новых покупателей или могу валить на все четыре стороны, я решился попробовать, наивно думая, что от одного раза привыкание не возникнет. Этим я, естественно, не ограничился, но все ещё полагал, что смогу бросить, когда захочу. К тому же, меня окрыляло ощущение эйфории. Я заводил новых друзей, которые становились моими клиентами и не понимал, что только глубже погружаюсь в зависимость. На тот момент я уже пропал для

вас. В прямом смысле слова. Друг посоветовал мне на время залечь на дно, закрыться от реальной жизни. Он твердил, что я в любой момент смогу выйти из игры и вернуться к семье, как ни в чем не бывало, вместе с деньгами. И я ему верил. Все казалось простым и логичным. О тебе с мамой я не сильно задумывался, потому что рассчитывал на своё скорое возвращение. И сам не заметил, как настал тот момент, когда я стал зарабатывать меньше, чем тратил. Я сразу попытался завязать с приемом “зеленки”, перестать тратить деньги на другие дорогие развлечения и людей, которых я считал своими друзьями. Но, прежде чем у меня получилось, я задолжал внушительную сумму очень серьезным людям. Моим боссам, проще говоря. И тогда я сбежал. Собрал все, что у меня есть и пропал для всего мира. Прятался в основном по деревням, работал на фермах, нигде не задерживался надолго.

– Почему ты ни разу не позвонил?

– Я боялся подвергать вас риску. И очень надеялся, что за вами не придут. А с моим появлением это было бы неизбежно.

– Но, почему ты сейчас решил вернуться?

Стивен посмотрел на брата долгим взглядом, прежде чем ответить:

– На самом деле я пришёл попрощаться. Я нашёл способ перебраться в Америку. Начну новую жизнь там, где меня никто не знает. Завяжу, наконец, с этим, – он достал из кар-

мана с десяток капсул и высыпал их на стол, – мне уже почти не нужна новая доза.

– Ты никуда не поедешь. Об этом не может быть и речи, – отрезал Крис. – Твои проблемы мы как-нибудь уладим. Я не собираюсь терять тебя еще раз. Хватит с меня потерь.

Глава 10

Я раньше никогда не задумывалась, почему моя жизнь сложилась так, а не иначе. Что послужило главной причиной того, что я оказалась здесь? Был ли у меня шанс прожить долгую и счастливую жизнь или все было predetermined с самого начала? И, если так, то были ли все выборы в моей жизни действительно моими? Или так просто должно было произойти, а я двигалась по заранее прописанному сценарию, как послушная овечка. Глупая и не понимающая, что ее ведут на убой.

Интересно, знал ли Крис, что все случится именно так?

Значит ли это, что все то время, что мы были вместе, он умело притворялся, что любит меня, а сам расчётливо играл отведённую ему роль? Мне всегда казалось, что он что-то о себе не договаривает. И что я в итоге о нем знаю? Какие-то жалкие обрывки информации. Уже не уверена, что правдивой. Я же была у него, как на ладони. Он знал про мой дневник, наверняка читал его. Знал все мои привычки, чувства, желания и умело пользовался этим. А я влюбилась, думая,

что это мой выбор.

Но, зачем ему это? Какие цели он преследовал? Свои ли? Или он был лишь исполнителем? Ему или кому-то ещё нужен был мой ребёнок, мой мальчик. После я стала уже не нужна и от меня избавились. Не понимаю как, но сейчас это не важно.

Гораздо важнее, что моя жизнь была обманом. Красивой конфеткой в обертке из лжи.

Я всегда чувствовала, что за мной кто-то следит. Оборачиваясь, я никого не находила. Это было внутренним чувством, которому не было подтверждения. Я сама не замечала, как оно загоняло меня в угол и до сих пор загоняет.

Все эти видения за окном – сплошная фальшивка. Самообман от моего обманутого сознания. А может так они за мной следят? Смотрят из-за стекла, которого я не вижу, за моими реакциями. Ставят эксперимент. Какая-то извращённая модель ситуации поведения индивидуума в замкнутом пространстве.

А может это пространство – просто бесконечная симуляция моего умирающего мозга?

Как теперь понять, кому мне стоило доверять, а кто был рядом из необходимости?

Майк? Мы познакомились, будто случайно. И он сразу захотел быть рядом. Пожалуй, слишком быстро. Он всегда оставался со мной, несмотря ни на что. Он воспитывал Брайана. Построил машину, которая переместила Криса в про-

шное. Оставлял мне послания. Но зачем? Неужели настолько любил меня? Или тоже играл свою роль? Был рядом, пока это нужно? Следил, чтобы я не наделала глупостей, чтобы вела себя, как надо.

Впервые за все время, проведённое здесь, у меня раскалывалась голова. Хотелось прямо здесь и сейчас получить все ответы, чтобы ... Чтобы что? Найти хоть одного человека, которому было небезразлично, что со мной произойдёт? Даже, если я найду такого. В доказательства против будут все мои сомнения, а за – только мои чувства.

И все же, я не верю, что Крис меня использовал, он не мог. Он любит меня! Так. Мне нужно успокоиться. Где моя логика и трезвый рассудок? Факты, в конце концов?

Крис появился в моей квартире внезапно. Ночью. Хотя... Первую встречу я вообще не хочу брать в расчёт. Мое восприятие спросонья вполне могло исказиться. Но вот во второй раз. Он узнал меня. Но было похоже, что, как девушку из своего прошлого сеанса, как он это называл. Он сам выглядел удивлённым, что снова переместился ко мне. Постоянно хотел меня успокоить, все объяснить, хотя и сам мало что понимал. Я не могу, не могу думать о нем, как о расчетливом обманщике. Если я буду сомневаться ещё и в нем, то я окончательно сойду с ума. Крис на моей стороне и точка.

И все же... Он часто говорил, что все наши встречи были predeterminedены и случились так, как должны были случиться. Но, даже несмотря на это, у меня был выбор. И я выбра-

ла Криса. Нас обоих поместили в среду, в которой создавались наши искусственные встречи. У меня дома, на пустом шоссе, в Австралии. Это результат высочайших технологий и точнейших расчётов. Но было что-то, что нельзя рассчитать. Чувства, слова, мысли. Они были реальны. И с моей, и с его стороны. Да, пускай нас столкнули принудительно, но вокруг меня были тысячи людей. И мои чувства нельзя объяснить простым: “Так должно было случиться”. Я – не робот, меня нельзя запрограммировать на любовь. А Крис... У него, в каком-то смысле, не было того самого выбора. Он был один, в чужом времени, без малейшего понимания, что на самом деле происходит. Как бы я себя чувствовала, будь я на его месте? Естественно, что тянулась бы к ближайшему человеку, который бы проявил ко мне участие. И таким человеком стала я. Ближе не было. Других он (не считая Миру и Майка) не знал.

А, что творилось в его времени? Был ли у него кто-то до начала проекта? Это уже не так важно. В любом случае, он переместился не из вакуумного пространства. А значит, у него тоже был выбор, в кого влюбляться. И влюбляться ли вообще.

Если бы он был сейчас рядом. Он мне нужен, как никогда! Почему-то внезапно мне стало холодно. Я крепче обхватила себя руками, которые тоже оказались ледяными. Стащив с кровати плед (я совершенно не понимаю, когда и как он появился), я плотно закуталась в него, постепенно со-

греваясь.

Похоже, что мой внутренний холод одиночества просочился наружу. Я снова начала себя чересчур сильно жалеть. Мне не понравилось это чувство. И я поспешила отвлечь себя новой порцией рассуждений. На этот раз опять о Майке. Я стала сомневаться в его мотивации. Хотя бы потому, что не могла ее понять. Выстроив в своей голове логическую цепочку моих с ним взаимоотношений, я задумалась.

Встреча – Признание в любви – Мой отказ – Решение остаться друзьями – Начало отношений – Собственно отношения – Разрыв отношений (по моей инициативе) – Примирение – Его дружеская поддержка.

Немного запнувшись на пункте “Моя смерть” и исправив его на “Мое исчезновение”, я продолжила.

Опека над моим сыном – Создание машины времени – Отправка Криса в прошлое.

По этой схеме Майк вырисовывался жертвой обстоятельств, влюблённый в меня. Может, конечно, так оно и было. Только вот я не помню, чтобы он был подпольным миллионером. Тогда откуда у него деньги на разработку? Кто-то должен был ему помогать.

Из всех, кого я знаю, это мог быть только мой отец. Черт! Он даже после моей смерти пытался все контролировать.

Я посмотрела в сторону окна, от которого разливалось голубоватое свечение. Такое спокойное, что это спокойствие передалось и мне.

Неужели умирают вот так? И что это за место? Рай или ад? Или что-то далеко за пределами моего понимания?

Хотя, стоп. В своём письме Майк говорил, что я перестала существовать. Значит я исчезла. В первую очередь в физическом плане. Как там было?

“Ты исчезнешь из любого времени”.

Что бы это значило? Что время на меня больше не влияет? Или я больше не повлияю ни на одну временную ветку? Хотела бы разбираться в научных терминах чуть лучше.

Время... С одной стороны, мои действия были закономерны и случились, как должны были. Но, с другой стороны. Мы с Крисом не должны были встретиться при нормальных обстоятельствах. А значит и Брайан не должен был родиться. Он не вписывался во временную линию ни прошлого, ни будущего. И, по логике, он должен был исчезнуть. Но вместо него исчезла я.

Ну, конечно. Перед самым исчезновением я уже была внутренне готова пожертвовать собой ради сына. И моего желания оказалось достаточно. Значит ли это, что я останусь здесь навсегда? Мне ведь все равно нет места в моем времени.

Именно в этот момент одиночество свалилось на меня самым тяжёлым грузом. Не так, как раньше, в самом начале. Оно стало осознанным, неизбежным. Я могла сколько угодно храбриться, что здесь все подчиняется моим желаниям, и я могу изменять пространство вокруг как захочу. Но то, что

я одна, я изменить не в силах. Или, все же, могла бы?

От обилия мыслей голова просто раскалывалась. Я раз за разом сопоставляла факты, строила теории, но все они разбивались о незаполненные пробелы в них. Было ясно, что мое абсолютное непонимание перечёркивает любые попытки хоть что-то понять. Круг замкнулся, и я вместе с ним.

“Только бы у вас все было хорошо”, – подумала я о Крисе и Брайане и с надеждой посмотрела на окно.

Медленно поднявшись, я подошла ближе. Ожидаемо я увидела их обоих, но мое сердце все равно забилося в ускоренном темпе. В отчаянии я стукнула кулаком по стеклу, что не принесло ему никакого урона, чего нельзя было сказать о моей руке, которую пронзила резкая боль, впрочем, уже не в первый раз. Но я ее не замечала, все мое внимание было поглощено происходящим по ту сторону. На какую-то долю секунды мне показалось, что они услышали меня. Брайан будто напрягся, а Крис чуть повернул голову в мою сторону. Но, конечно, мне это просто показалось. Они продолжали говорить о чём-то, как ни в чем не бывало.

Они снова находились в этой белой комнате, похожей на больничную палату. Я с удовольствием отметила, что они стояли друг к другу ближе, чем обычно, их позы были расслаблены, а в лицах, насколько я могла рассмотреть, была непринужденность, как, если бы они были, если не друзьями, то очень хорошими знакомыми. От этого понимания на душе стало так тепло и из глаз, в который раз, потекли слезы.

По-моему, я стала ещё более сентиментальной. Я была так рада снова увидеть их вместе. Наверное, это лучшее, что можно ожидать от этого места – наблюдать за жизнью дорожных мне людей.

Я снова перевела взгляд на окно, когда слезы успокоились.

События немного продвинулись вперёд: теперь их разговор больше походил на спор. Брайан говорил больше и активно жестикулировал руками, а Крис отвечал ему коротко, глядя прямо в глаза. В конце концов, Брайан сказал что-то, махнул рукой, словно в бессилии что-то доказать Крису и вышел из комнаты. Крис посмотрел ему вслед долгим взглядом, а потом резко развернулся, подошёл к столу и схватил с него что-то. В следующую секунду я увидела, что это был браслет. Скорее всего тот же, с помощью которого он перемещался в прошлое. Он надел его на запястье и нервно встряхнул рукой. Его взгляд остановился на одном ему известной точке на стене, потому что я там ничего не увидела. С его губ сорвалось какое-то слово, которое было похоже на отмашку, призыв к действию. Он сразу встал ровно, сложил руки по бокам и замер без движения. Таким он мне запомнился в самый первый раз, когда я его увидела: он был сама сосредоточенная готовность. Тогда она разрушилась лишь на пару мгновений, и я узнала, как его зовут. Сейчас же решимость, которая передалась немного и мне, была на его лице до самого перемещения.

Он исчез, а я все ещё продолжала смотреть в окно, виде-

ние за которым уже заволакивало голубоватой дымкой.

За моей спиной раздался тихий, но отчетливый стук в дверь.

Кое-как уговорив Стивена никуда не уезжать хотя бы пару дней, чтобы дать ему возможность разобраться и решить, что делать дальше, Крис вышел на улицу под пронзительное завывание ветра, который опять принёс в город холод.

Было уже почти шесть вечера, когда он вспомнил, что за всеми событиями вчерашнего дня, совершенно забыл договориться с Софи о встрече. Мысленно заклиная Вселенную, чтобы у девушки сегодня был свободный вечер, он набрал ее номер. Через пару гудков на том конце ответил мелодичный голос Софи:

– Привет, Крис.

Ему пришлось говорить очень громко, чтобы перекрыть разбушевавшуюся стихию, прежде, чем он заскочил в ближайший переулок:

– Привет, Софи. Как дела?

Крис мысленно закатил глаза от банальности собственной фразы. Они не виделись с окончания проекта, и он чувствовал себя неловко, что вспомнил о Софи только, когда ему потребовалась ее помощь.

– Все в порядке, – также дружелюбно, как и всегда, ответила Софи. – А ты как?

– Нормально, – быстро ответил Крис.

Когда с формальностями было покончено, он сразу перешёл к делу.

– Софи, у меня есть к тебе разговор. Мы можем сегодня встретиться, если сможешь – в восемь в ресторанчике недалеко от Центра? Прости, что звоню так поздно, но дело очень важное.

– У тебя точно все в порядке? Что-то случилось? – теперь голос Софи звучал обеспокоено.

– Со мной все в порядке, не волнуйся. Остальное – при встрече. Так ты придёшь?

– Конечно. В восемь, правильно?

– Да. Спасибо тебе. Тогда до встречи.

– До встречи.

Крис облегченно выдохнул. Одной проблемой стало меньше. Конечно, он сам ее и создал, но он убеждал себя, что на то у него были веские причины.

Времени до встречи ещё было достаточно, а потому он решил ещё созвониться с Томом. После того, как Крис кратко рассказал о чудесном возвращении брата, друг захотел с ним немедленно встретиться.

– Приезжай ко мне в офис. Я потом подброшу тебя на встречу.

– Ладно, только вызову такси.

Дождавшись машину, Крис нырнул в приятное тепло салона.

– Хотите послушать музыку? – раздался механический го-

лос водителя-робота с переднего сидения.

– Нет, спасибо.

Больше робот не донимал его вопросами.

За что Крис был больше всего благодарен современному прогрессу в сфере услуг, так это за ненавязчивость роботов-исполнителей. Они давно научились считывать не только предпочтения клиентов, которые хранились в общей базе данных практически на каждого человека на Земле, но и их настроение в каждом конкретном случае.

Анализ работы производили по целому ряду параметров, включая громкость и скорость речи, жесты и даже температуру тела. Естественно, чем дороже была предоставляемая услуга, тем точнее был и анализ.

Этот робот был уровня эконом, а потому ему требовалось задать вопрос, чтобы определить желания Криса в данный момент. Но Крис никогда не обращал внимания на такие мелочи, а потому они не доставляли ему неудобств.

Очень скоро машина подъехала к типовому стеклянному небоскрёбу, в котором находилась компания отца Тома.

Крис пересёк широкий холл, кивнул парню за стойкой и поспешил в кабинет друга.

– Мистер Стар, – окликнул его парень, когда Крис был уже у дверей лифта. – Мистер Барнс недавно переехал. Теперь он работает на 17 этаже, кабинет 1703. Из лифта налево и прямо по коридору.

– Спасибо, Сэм.

Том уже ждал его, отложив все свои дела.

– А ты не говорил, что у тебя новый кабинет, – сказал Крис с укором, когда только вошёл и осмотрелся.

– Я не говорил? Разве? Забыл, наверно, извини. Я только пару дней, как сюда переехал.

Том выглядел каким-то рассеянным или растерянным. Оба эти чувства не входили в его характеристику и случались с ним крайне редко.

– Какой-то ты странный сегодня. У тебя все нормально? – обеспокоено спросил Крис, сбитый с толку и оставшийся стоять посреди кабинета.

– Да. Почему нет? В общем, – Том сам запутался в своих же ответах, чем удивил Криса, привыкшего к спокойной рассудительности друга, ещё сильнее. – Есть у меня одно ... дело. Но сначала ты мне расскажи о Стивене.

– Ты меня пугаешь.

– Правда, ничего такого. Но сперва о твоей проблеме.

Крис более подробно пересказал Тому обо всем, что узнал от Стивена. Пока он рассказывал, лицо Тома становилось все более мрачным и задумчивым.

– Слишком много удобных случайностей в этой истории, – заключил он. – Ты ведь тоже не сам нашёл эту замечательную работу?

– Нет, я бы и не подумал такое искать, если бы мне не предложили, и мне не нужны были деньги. А к чему ты klo-нишь?

– Это только моя догадка, ничего больше. Скажи, почему ты согласился участвовать в проекте?

– Из-за денег. Для мамы.

– По этой же причине ты и распространял “зеленку”.

– Да. Когда Стивен пропал, кто-то должен был помогать маме.

– И пропал он тоже из-за “зеленки”.

Криса как будто огрели обухом по голове, и он тяжело осел в ближайшее кресло. К нему понемногу приходило понимание, на которое навёл его Том. И друг озвучил его собственные мысли свои вопросом:

– Что объединяйте оба эти события, не считая тебя?

– Мистер Уайт?!

Софи толкнула входную дверь в ресторан, когда на часах было без трёх минут восемь. В этот раз она не опоздала, хоть и выглядела по-прежнему безупречно. Она пробежала глазами по залу и за дальним столиком увидела, махающего ей, Криса. Там же, спиной к ней, сидел кто-то ещё. Софи на мгновение замерла в нерешительности, но потом с улыбкой приблизилась к их столику.

Крис встал ей на встречу, уступая своё место, а сам сел напротив. Теперь Софи могла рассмотреть незнакомца. Когда Крис сел с ним рядом, она, за долю секунды отметила, как они похожи. Но она быстро выбросила из головы эту мысль и приветливо улыбнулась.

– Брайан, это Софи. Софи, это...

– Мистер Харрис, я знаю, – поспешно сказал она и смутилась. Очевидно, ей было неловко в обществе сына своего непосредственного работодателя, да ещё и под его пристальным взглядом.

– Брайан, – обратился он к Софи, чтобы скрасить неловкость. – И, если можно, сразу перейдём на ты?

Его взгляд все ещё цепко был прикован к ней, от чего Софи совсем растерялась и не знала, куда деть глаза, которые то и дело возвращались к Брайану.

Крис прервал, рисковавшее затянуться, молчание, многозначительно хмыкнув.

Софи будто вышла из-под гипноза и перевела на него взволнованный и смущенный взгляд.

– Да, конечно. Давай будем на ты, Брайан, – пробормотала она, все ещё глядя на Криса, словно искала в нем поддержку. – Но я не совсем понимаю, зачем я понадобилась?

Крис и Брайан одновременно бросили друг на друга трудноразгадываемые взгляды и Крис начал:

– Софи, расскажи нам все, что знаешь о проекте с медицинской точки зрения.

– Ты про особое состояние, в которое тебя вводили перед сеансом?

Софи с сомнением посмотрела на Брайана, потом на Криса и, поняв, что кажется сболтнула лишнего, спросила:

– Вы ведь ничего не знали про особое состояние до того,

как я сказала?

Она почувствовала себя ужасно глупо и с надеждой обратилась к Брайану:

– Я не сказала ничего такого, чего бы не знал доктор Харрис. Он предупреждал меня, чтобы я не обращала внимания на подобные отклонения в состоянии Криса.

– Успокойся, – мягко проговорил Брайан. – Наш разговор останется в секрете. Хочешь кофе?

Софи кивнула, все ещё глядя на Брайана с опасением.

Когда он ушёл, она тут же набросилась на Криса:

– Что все это значит? Ваш интерес как-то связан с Кэтрин?

– В яблочко Софи. Но, пока что, я не могу рассказать тебе больше. Я обещаю, что тебе ничего не грозит, если ты поделишься тем, что знаешь.

– А тебе грозит? – Софи смотрела на него с беспокойством, но в ее глазах вспыхнул небольшой огонёк интереса.

Крис добродушно улыбнулся, но его губы слегка дрогнули, выдавая нервное напряжение, в котором он пребывал все это время.

– Софи. За меня можешь не волноваться.

Как раз в это время к ним вернулся Брайан. Он протянул Софи кофе и сел на своё место.

– Ладно. Я расскажу все, что знаю.

– Это кофе так на тебя подействовал? – спросил Брайан хитро улыбаясь.

Софи пропустила его замечание мимо ушей, хотя, про себя она оценила подобное внимание.

Крис, наблюдая за этой невинной сценой, только покачал головой и призвал обоих переходить уже к делу.

– Особое состояние, о котором я говорила – это результат воздействия какого-то вещества. Сразу скажу, что я не знаю, какого именно. Так вот, эффект от него длится недолго, но в это время поведение человека отличается повышенной концентрацией. словно из головы выбросили почти все мысли, оставив только одну идею. Поэтому ты, Крис, мог так легко записывать отчёт мыслей.

– Ты говорила, что в моем состоянии было какое-то отклонение. В чем оно проявлялось?

– Ах, да. Как бы это правильно объяснить? На изображении твоего головного мозга участок, который отвечает за регулирование процесса сознания и передачу информации светился, как фонарик на рождественском дереве. Будто вся активность нейронов сосредоточилась в одном месте. Собственно, этот эффект и доказывает то, о чем я говорила до этого.

– Для чего может быть нужна такая сверх концентрация?

– Может быть она устраняет эмоциональные помехи, а не является проводником эмоциональной связи, как мы думали раньше? – предположил Брайан. – Как раз то, что нужно, чтобы не ошибиться с пространством и временем.

– Чтобы исключить элемент неожиданности, полагаясь на

самую нестабильную из связей?

– Малоизученную я бы сказал. И совершенно незаслуженно. Вот что значит, выйти за пределы существующих видов взаимодействий в научном плане.

Брайана так захватила собственная теория и ее подтверждение, что он и не обратил внимание на пристальный взгляд Софи, в котором было что-то сродни восхищению.

– Софи, – опять прервал Крис их игры в переглядки, – ты могла бы узнать, что это было за вещество? У тебя же остался доступ в Центр?

– Можно попробовать проверить все отчеты. Вдруг там есть какое-то упоминание. В любом случае, на днях я буду в Центре и постараюсь что-нибудь выяснить. Знать бы, где именно искать.

– Попробуй начать с самого первого отчета, – подсказал Брайан. – Думаю, что он был составлен наиболее тщательно, учитывалась любая мелочь, от которой могла зависеть дальнейшая судьба проекта.

– В этом есть логика. Хорошо, начну с него, а там посмотрим.

– Отлично. Предлагаю в конце недели встретится здесь же и ещё раз обсудить результаты.

Глава 11

“Жизнь нужно прожить так, чтобы самому устанавливать

правила”.

Этот девиз сформировался у Джорджа Уайта в 25. Но и до этого его жизнь медленно двигалась в том же направлении.

Он относился к той категории людей, которые всегда добиваются высот. И неважно: малой или большой кровью, благодаря счастливой случайности или закономерному успеху. В его случае было и то, и другое.

Неожиданно унаследованное адвокатское бюро процветало, но со временем Уайту захотелось большего: иметь более сильное влияние, расширять свой бизнес не вдоль, а вширь – на другие виды деятельности. Этому, как нельзя лучше, поспособствовало ещё одно, весьма выгодное предприятие.

С будущей женой его познакомил ... ее отец. Он был настолько, до неприличия богат, что мог позволить себе выдать свою дочь за не очень обеспеченного. Уайт умел располагать к себе бизнес партнеров, а старика Джефферсона и вовсе покорила, особенно, когда тот узнал его непростую историю, наполненную упорством и удачей.

Мэри Джефферсон была всего на пару лет младше Джорджа и, помимо отцовского капитала, обладала ещё одним, немаловажным качеством: в ней был тот особый вид преданности, который был присущ жёнам многих великих людей. Вполне возможно, что такие женщины как раз и способствовали славе своих мужчин, при этом оставаясь в тени.

После свадьбы перед Джорджем Уайтом открылись практически все двери и круг его влиятельных знакомых значи-

тельно расширился. Политики, бизнесмены, знаменитости, видные военные чины. Многих из них он узнавал достаточно близко, чтобы они считали его своим другом. Он сам едва ли мог назвать хоть кого-нибудь из них даже приятелем. Они доверяли ему свои тайны, а он нередко обращал их в свою пользу, причём проделывал это с таким мастерством, что они едва ли жалели о своей опрометчивости.

Его умелое управление при поддержке части капитала мистера Джефферсона быстро вывели бизнес на новый уровень.

Шли годы и у Джорджа Уайта было все, чем он мог по-настоящему гордиться и считать своим успехом. Бизнес, который с каждым годом разрастался все больше. Удачная женитьба и преумножение капитала. Третьим успехом он собирался считать продолжение рода, наследника, которому в будущем можно было бы передать своё дело, не опасаясь за последствия. Но его единственная дочь росла упрямой и своевольной. И, будто специально, старалась делать все наперекор. К тому же, очень рано в ней стали проявляться ее психические особенности.

Малышке Кэтрин было всего семь, когда Мэри и Джорджа пригласили на беседу в школу. Ее учитель заметил в девочке тягу к постоянному упорядочиванию предметов на своей школьной парте: раскладывать карандаши и ручки по цветам и по размерам, выдерживая идеальное расстояние и положение. Такое пристальное внимание появилось после од-

ного инцидента, а вернее конфликта. Позже Кэтрин со слезами на глазах доказывала, что не хотела делать Энни больно, но та сама была виновата. Она специально перепутала все маркеры на столе Кэтрин, которая так старалась разложить их правильно. Ведь это было очень важно. Чтобы все лежало на своём месте.

Далее последовала целая вереница психологов, каждый – со своим багажом регалий и общепризнанных методик. Каждого без исключения Уайт называл шарлатаном после первого же сеанса, который становился и последним. Он мог до бесконечности перечислять их недостатки вплоть до угрозы лишения некоторых из них, которые имели смелость говорить ему наперекор, лицензии. Но горькая правда крылась в том, что он не мог признать тот факт, что у его дочери могут быть проблемы, да еще и такие, какие не могут решить все его деньги.

Поэтому и решения он выбирал сам и отличались они особой радикальностью, и не всегда шли на пользу самой Кэтрин. Конфликт в школе – нужно сменить школу. Поссорилась с парнем – ввести в ее окружение более подходящего.

Таким образом в жизни Кэтрин, случайно для неё, появлялись люди, которые были удобны ее отцу. Она, конечно же, ни о чем не догадывалась, а редкие сомнения, особенно в повзрослевшем возрасте, списывала на приступы своей болезни. Которые в таких тепличных условиях были довольно редки. Из явных ее проявлений у Кэтрин осталась только

постоянная потребность записывать свои мысли в дневник, с обязательным указанием времени. Из этого следовала слегка маниакальная необходимость повсюду окружать себя часами, которая, впрочем, не вызывала особого неудобства ни у самой Кэтрин, ни у ее родителей. Всего-то в пределах одного помещения – на пару часовых механизмов больше, чем обычно. И ее неизменный аксессуар – часы на руке, которые могли вызвать приступ тревоги, только, если в них заканчивались батарейки.

Поведение Кэтрин, несоизмеримо большую часть времени, мало чем отличалось от обычного. И Джордж Уайт не упускал случая доказать окружающим и себе, что его дочь может стать лучшей во всем.

Отсюда следовало его непреодолимое желание раскрыть в ней чуть ли не все таланты знакомые человечеству: от музыки до каллиграфии, от изучения иностранных языков до верховой езды.

Но, чем старше становилась Кэтрин, тем труднее ему было навязывать свое мнение, пока однажды она не взбунтовалась окончательно, заявив, что в гробу она видела карьеру юриста.

– Почему ты просто не можешь принять мой выбор? – Кэтрин старалась говорить спокойно, попутно вспоминая, где же на этот раз оставила своё лекарство, которое вот уже много лет было ее неизменным помощником в острых ситуациях, когда она теряла над собой контроль. И которое, од-

нако, требовалось ей все реже.

– Потому что ты совершаешь глупость и пока что этого не понимаешь, – тихо, но настолько отчетливо, что не услышать было невозможно, ответил мистер Уайт.

– Тогда пусть это будет моя глупость! До каких пор ты будешь решать, как мне жить? – все малейшие крупички самовладения полетели к ее ногам, разбившись о начинавшийся шторм истерики.

– Кэтрин!

– Да, это мое имя. Спасибо, что напомнил. Его, кстати, тоже ты выбирал, если я не ошибаюсь?

– Упрекаешь меня за то, что я принимал участие в выборе твоего имени?

– Если бы только имени, папа! – в ее голосе было столько боли, что она едва держалась, чтобы не разрыдаться месте. Единственное, что ее до сих пор сдерживало – это решимость на этот раз поступить, как ей хочется. Не в мелочах, а действительно в важном решении, которое может серьезно отразиться на ее будущей жизни. Поступить, как хочется, окончательно и бесповоротно, без уступок.

– Сколько я себя помню, я все время пыталась тебе угодить. Хотела хоть раз в жизни услышать, что ты мной гордишься, даже, когда бы ты понимал, что во мне нет ничего выдающегося. Я честно старалась тянуться за тобой, но поверь, это очень сложно. У тебя есть только два вида мнений: твоё или неправильное. Так вот, я всегда считала себя

сосредоточением всего, что ты воспринимаешь, как неправильное, даже, когда поступала по-твоему.

Лицо мистера Уайта не выражало ровным счетом ничего. Ни один мускул не дрогнул в ответ на искреннюю тираду родной дочери. Он не пытался ее успокоить, полагая, что она сама в состоянии справиться с собой. В случае крайней необходимости, у неё всегда была при себе таблетка, особый препарат, специально разработанный для неё его лабораторией. Много лет назад, следуя своему извечному принципу – поступать, как он сам считал нужным, мистер Уайт не успокоился, пока не было найдено лекарство, которое в максимально короткие сроки и с максимальной эффективностью приводило состояние Кэтрин в норму.

– Если ты планируешь и дальше иметь мою поддержку, то ты должна пересмотреть свои взгляды. Выбор за тобой.

– Свой выбор я уже озвучила.

– Очень жаль, но пока ты живешь в этом доме...

– Значит я больше в нем не живу!

Состояние Кэтрин перевалило за точку кипения. Она стремительно выбежала из комнаты с самым решительным настроением, как можно быстрее собрать свои вещи.

За дверь она наткнулась на печальный и взволнованный взгляд матери, которая сидела в кресле, сжимая книгу так сильно, что побелели костяшки пальцев. Она слышала весь разговор до последнего слова, но не пыталась вмешаться. Только слабо ей улыбнулась, как бы извиняясь за своё без-

действие. Кэтрин, в еще большем разочаровании, пронеслась мимо. В тот же день она собрала вещи и съехала из родительского дома.

Так мистер Уайт окончательно потерял влияние на ее жизнь, вместе с доверием и хорошими отношениями, которые, на самом-то деле, уже давно были лишь их подобием.

Тем временем главный успех его жизни – его бизнес, наоборот, достиг небывалых высот.

Понятия честного и нечестного бизнеса всегда были для него довольно условными. Опять же по причине своего нежелания загонять себя в чьи-либо рамки. Но с некоторых пор даже слово легальность теряло свою значимость, особенно, когда на кону стояли очень большие деньги.

Разработка лекарства для Кэтрин стоила компании мистера Уайта очень больших расходов. Он, как бизнесмен до мозга костей, к тому же не слишком отягощённый моральной стороной дела, не мог не задуматься о более выгодном использовании такого открытия.

Многочисленные опыты выявили, в своём роде, уникальные свойства сочетания активных компонентов: они не только успокаивали, но и в ряде случаев приносили эйфорию, но своего рода тоже спокойную, но от этого не менее сильную и даже более продолжительную. Некоторые также отмечали, что их чувство концентрации иногда доходило до предела и в таком состоянии они могли максимально сосредоточиться на чём-то определенном и очень важном.

Эффект зависел, по большей части, от дозировки, но также немаловажную роль играли психологические особенности и склонности испытуемых.

Впрочем, и это мистер Уайт сумел обернуть в свою пользу. Новый наркотик – как его позже прозвали в народе – “зеленка”, мог удовлетворять сразу несколько потребностей и быстро обрёл популярность. В основном, среди людей творчества и молодежи.

Первые побочные эффекты проявлялись далеко не сразу и даже не у всех. А немногочисленные летальные исходы тщательно скрывались и замалчивались.

К тому же, непосредственную связь мистера Уайта доказать было практически невозможно.

На этом фоне его неудача в отношениях с дочерью выглядела для него самого еще более контрастно. Он не оставил попыток, если не влиять на ее поведение и поступки, то хотя бы иметь о них представление. Для этого он окружил Кэтрин правильными людьми, верными ему в достаточной степени и под влиянием немалых сумм.

Поначалу это было проблематично, ведь Кэтрин, хоть и постоянно общалась со многими людьми, но по-настоящему была близка только со своей лучшей подругой, на которую у мистера Уайта не было ни малейшего влияния.

Все посторонние наблюдения за собой она волшебным образом замечала и передавала через миссис Уайт своё недовольство: напрямую отец с дочерью очень долгое время во-

обще не общались.

Проблема разрешилась сама собой, но, как выяснилось в последствии, при непосредственной помощи все того же вещества, которое время от времени принимала и сама Кэтрин, совершенно не догадываясь о его дополнительных свойствах. Когда эта самая подруга, намеренно или случайно, изрядно промахнулась с дозой и отдала Богу душу (не будем судить о религиозной стороне дела, пряча факт за более красивым определением), вакантное место освободилось.

С этого момента в жизни Кэтрин появилась новая знакомая, а в последствие и подруга – Мира. Она даже чем-то нравилась мистеру Уайту, по крайней мере чуть больше остальных – таких же, как она, случайно неслучайных людей. Вот только однажды в ней разыгралась вина. Ненужное чувство, как он считал, которое тянет человека на дно, никак не делая его лучше. Так вот, она порывалась рассказать все Кэтрин. Видите ли, она по-настоящему стала считать ее своей подругой. Мистеру Уайту удалось уговорить ее держать язык за зубами, но сведения, полученные от неё, больше не были такими исчерпывающими, а сама Кэтрин все больше нарывалась на неприятности. Раскопала, не пойми откуда, информацию о “зеленке” и принялась копать дальше. С похвальным упорством, которое в любой другой ситуации он бы оценил, но тогда пришлось придумывать “информатора”, которому Кэтрин смогла бы поверить, и уводить ее по ложному следу.

А, когда Мира, пускай и неохотно, поведала о новом странном знакомом Кэтрин, который, по ее словам, появился и исчез прямо посреди ее комнаты ночью, мистер Уайт впервые всерьез забеспокоился, опасаясь самого худшего – что болезнь, вопреки его стараниям, продолжила прогрессировать. И сам решил проверить состояние дочери, наплевав на свои же принципы.

Он знал, где она живет, у него даже были ключи от ее съёмной квартиры, опять же, благодаря Мире, но он благо- разумно остался ждать на улице, под, особо палящим в тот день, солнцем.

Появление Кэтрин не заставило себя долго ждать, по боль- шей части потому, что мистеру Уайту было прекрасно из- вестно ее расписание.

Она заметила его издалека, но делать вид, что у неё рез- ко появились неотложные дела в противоположной от дома стороне, было уже слишком поздно.

– Чем обязана? – резко спросила она, поравнявшись с от- цом.

– Это вместо приветствия?

– Тебе мои приветствия больше года были не нужны.

На его лице мелькнула тень болезненной эмоции и Кэтрин, уже встревоженно, спросила:

– Что-то случилось?

– Ты думаешь, что у меня нет других поводов увидеть соб- ственную дочь?

Выражение лица мистера Уайта опять превратилось в каменную маску. Кэтрин всегда ему говорила, что даже на серьезных переговорах он проявляет больше эмоций. Что было правдой, но лишь отчасти.

– Ни за что не поверю, что ты скучал, – ответила Кэтрин, скрестив руки на груди, но тут же сама смягчилась. Она все же не могла делать вид, что не была рада его видеть. Какие бы сложные отношения не были между ними, он все еще оставался ее отцом. – Может зайдёшь? Нечего торчать посреди улицы.

– Спасибо за гостеприимность.

Кэтрин фыркнула, но ничего не сказала в ответ.

До ее квартиры они шли в тишине, которая, по мере приближения, становилась все более неловкой. Как будто между ними что-то непоправимо сломалось, а они оба делали вид, что чинят это давно засохшим клеем.

– Хочешь чего-нибудь.

Кэтрин, не оборачиваясь, быстро разулась и прошла в комнату. Мистер Уайт замер на пороге, придиричиво разглядывая ее простенькую съемную квартиру. Он знал, что его жена регулярно, чуть ли не насильно пихает дочери деньги на жизнь и надеялся, что Кэтрин выберет себе что-нибудь поприличнее.

– Ты проходишь? – Кэтрин выглянула из комнаты и сразу нахмурилась, словив внимательный и недовольный взгляд отца. – Не нравится, как я живу?

Вопрос был скорее риторическим, и мистер Уайт ответил так же:

– Тебе вырядили понравится мое мнение. Поэтому оставлю его при себе.

– Как мило с твоей стороны. Ты проходи, не бойся. Тараканы и крысы здесь уже давно не живут.

Мистер Уайт вопросительно приподнял бровь, а Кэтрин только закатила глаза. Она уже успела отвыкнуть от того, что у отца “аллергия” на ее чувство юмора.

– Ни есть, ни пить ты не хочешь, квартиру мою ты не оценил. Не знаю еще, чем тебя удивить, – она развела руками в стороны в показательном сожалении.

– Прекращай паясничать, Кэтрин, – строго сказал мистер Уайт.

Он прошёл мимо неё и, как ей показалось, с гордым видом хозяина положения устроился прямо посередине дивана.

Кэтрин осталась стоять, тем самым давая понять, что долгий разговор совсем не входит в ее планы.

– Тебе самой не надоело так жить? – спросил, наконец, мистер Уайт, красноречивым взглядом обводя комнату, но имея в виду жизнь Кэтрин в целом.

– Мне кажется, что скорее тебя не устраивает, как я живу. Как ты не можешь понять, я уже сама вполне могу решать, что мне нравится, а что нет. Я очень благодарна тебе и маме за помощь, которую вы до сих пор мне даёте. Но поверь мне, как только я найду работу...

Она не успела договорить, потому что была прервана его насмешливым возражением:

– О какой работе ты говоришь? В третьесортной газетенке со статьями с уровнем ниже, чем сплетни и слухи?

– Почему ты считаешь, что моих способностей хватит только на это? Ты же ничего обо мне не знаешь! – Кэтрин было порывалась выйти из комнаты, но силой заставила себя стоять на месте.

– Зато я знаю, что в приличные издания не берут кого попало с улицы. Нужны связи. Поэтому и начинать придётся с самых низов.

– Тебя, в своё время, это не смущало.

– Не сравнивай даже. У меня никогда не было твоих возможностей.

– А я о них и не просила.

– Беспросветная глупость – не пользоваться тем, что у тебя уже есть.

– Ты хотел сказать, тем, что у тебя есть.

Мистер Уайт сердито уставился на неё, слегка раздражённый таким бессмысленным спором. Пока что ему ясно было только одно: по крайней мере внешне, Кэтрин выглядела абсолютно нормальной. Общение с ней, конечно было далеко от понятия нормального, но было ей свойственно. К своему облегчению, он также успел заметить, что Кэтрин вполне контролировала свои эмоции и, что за их яркой вспышкой следовало медленное и добровольное угасание.

Смысла выводить ее на конфликт у мистера Уайта больше не было, а потому он сказал достаточно миролюбиво:

– Ладно, продолжай играть в журналиста, если тебе так нравится. Только, пожалуйста, будь осторожней. Я не всегда буду рядом, чтобы помочь тебе.

Кэтрин пробурчала себе под нос, что, если не он, так будет рядом кто-то другой, имея в виду охранников, которых она частенько замечала неподалёку от себя и с присутствием которых уже устала бороться.

Мистер Уайт не расслышал ее недовольства или сделал вид, что вовсе не заметил.

– Как там мама? – громко спросила Кэтрин, словно они с ней не общались два дня назад, лишь бы скрасить повисшую тишину.

– В порядке. Скоро улетает в Италию.

– А ты?

– Не смогу. У меня дела.

– Ясно.

Паузы заставляли Кэтрин чувствовать себя максимально неловко.

– Может все-таки чай или кофе?

– Нет, спасибо. Я, пожалуй, пойду.

Она в ответ только слабо улыбнулась и кивнула. Их отношения, никогда не отличавшиеся особой сердечностью, теперь казались безнадежно испорченными. Кэтрин стало интересно, жалел ли об этом отец или ему было все равно?

Уже у самой двери она замешкалась, но приняв внутреннее решение, порывисто обняла его. Он на мгновение замер от неожиданности, а потом неловко похлопал ее по спине. Желание отстраниться друг от друга возникло у них одновременно, а потому не вызвало замешательства.

– В следующий раз звони, когда захочешь прийти, чтобы не ждать меня под дверью.

– Хорошо. А ты заезжай к нам. Хоть иногда.

– Я постараюсь.

По иронии, они оба не сдержали обещания. Мистеру Уайту было проще узнавать о жизни дочери от других, чем из личного общения, которое неизменно оборачивалось в лучшем случае – спором, а в худшем – скандалом с нотками истерики. Сама же Кэтрин не спешила переступить порог родного дома из-за того, что, в таком случае, слезные уговоры миссис Уайт стали бы еще более упорными.

В ситуации, когда каждый остался при своём мнении – проиграли оба.

Новость о таинственном исчезновении Кэтрин мистеру Уайту в тот же день принёс Майк. Вместе с дневником, который задал больше вопросов, чем оставил ответов.

Под тихие причитания миссис Уайт, возившейся с внуком, который совсем не желал успокаиваться, в голове Джорджа Уайта уже начинал вырисовываться план.

Первым пунктом которого, а впоследствии и главным,

был поиск надежного союзника. По всему выходило, и даже дневник содержал в себе вполне однозначные указания, что лучшего кандидата, чем Майк, было не найти. Во-первых, род его деятельности и увлечений, по счастливому стечению обстоятельств, которые сам мистер Уайт считал закономерными, был напрямую связан с научной областью знаний о пространстве-времени. Во-вторых, он был так до неприличия влюблён в Кэтрин, что заручиться его поддержкой для собственной, будущей выгоды не составило бы труда. А в-третьих, насколько сам он разбирался в закономерностях пространственно-временных явлений, сотрудничество с Майком было уже заранее predetermined, хотя ни о какой судьбе, конечно же речи и не шло.

Их первая встреча оставила друг о друге неоднозначные чувства, но вот вторая, к тому же по такому печальному поводу, наметила пути их дальнейших взаимоотношений, которые за последующие годы претерпят не очень большие изменения. Мистер Уайт начал испытывать к Майку уважение за его невероятную преданность Кэтрин – качество, которое он больше всего ценил и в своей жене. Майк же напротив, сквозь все благородные побуждения мистера Уайта отчетливо видел проблески циничного расчета.

– Надо же что-то делать! – Майк повторил эту фразу, кажется, уже раз десять за последние полчаса. – Нельзя же просто тридцать лет сидеть сложа руки!

– Ты же не думаешь, что все, о чем написано в дневнике

случится само по себе? Без нашего вмешательства?

– Вы всерьёз считаете все написанное правдой?

– У тебя есть объяснения получше? С удовольствием их выслушаю.

Майк посмотрел на него с недовольным видом, но промолчал.

– Так я и думал. Запомни, если что-то кажется тебе невероятным, это совсем не означает, что этого не может быть. Просто ты не можешь это объяснить с помощью доступных тебе знаний.

– А Вы можете?

– Я тоже не могу. Но и слова своей дочери я под сомнение не ставлю.

– Вы выглядите таким спокойным. Неужели, Вам все равно, что она пропала? Совсем пропала.

– В данный момент я ничего не могу сделать. А разводить истерику – это самое последнее дело, – мистер Уайт выразительно посмотрел на Майка, заставив того немного усмирить своё негодование.

– Чем я могу помочь? – наконец спросил тот, уже гораздо спокойнее.

– Оказывается ты умеешь задавать правильные вопросы.

“Которых я от тебя и ждал”, – добавил мистер Уайт уже про себя.

– В первую очередь мне нужна твоя лояльность по отношению ко мне. Меньше вопросов – больше дела, и мы с

тобой отлично сработаемся. Второе – мой внук будет жить здесь. Ты тоже можешь оставаться.

Майку очень не понравилась эта затея, но делать ему особо было нечего. Найти и спасти Кэтрин без денег и влияния ее отца было попросту невозможно.

– Я согласен. Но у меня тоже есть условие.

Брови мистера Уайта удивлённо поползли вверх. Обычно ему не то что не ставили условий, слова поперёк никто не решался сказать.

– Какое же?

– Я буду официальным опекуном Брайана.

Глава 12

Все утро Крис не мог найти себе места. Уже раза три он порывался выскочить за дверь и побежать напрямик в Центр, несмотря на довольно приличное расстояние, но всякий раз замечал, что время на часах приближается к назначенному медленнее, чем ему бы хотелось, и вынужденно себя останавливал.

В комнате неслышно появился Стивен. По крайней мере так показалось Крису, потому что, когда он обернулся, то слегка вздрогнул от неожиданности.

– Доброе утро, – подчёркнуто бодро сказал Стивен.

– Доброе, – без всякого энтузиазма ответил Крис.

В который раз оглянувшись на часы, он спросил:

– Я разбудил тебя? Хожу тут по комнате, туда-сюда, нормальным людям спать не даю.

– Эй! Что за приступ самобичевания с утра пораньше? – а потом добавил уже с беспокойством, – Сильно переживаешь?

– Так заметно?

Стивен пожал плечами, мол, заметнее некуда. Он не привык видеть брата таким потерянным. Особенно в ситуациях, когда он, на правах старшего, должен был дать дельный совет, а по факту даже слов поддержки подобрать не мог. К тому же, положение, с его точки зрения, было патовым. Какие бы ходы ни предпринимал Крис, он все равно останется при своём, с той лишь разницей, что, чем больше он приложит усилий, тем сильнее будет горечь от этой жизненной ничьи, которая будет восприниматься, как поражение.

– Ты уже думал, что будешь делать, когда у вас получится найти ее? С неудачным исходом мне, да и я думаю, что тебе тоже, все более-менее ясно. Но, как быть в случае удачи? Она останется здесь? Вернется в своё время? И, если останется, состарится ли при этом на 30 лет? А, если вернётся, что будет с вашими отношениями на таком расстоянии? Люди не выдерживают километры, а уж годы.

– А ты, я смотрю, много думал об этом?

– Достаточно. Только лишь потому, что переживаю за тебя и не хочу, чтобы ты стремился к недостижимым иллюзиям.

– С каких это пор ты стал поэтом?

Пропустив его вопрос мимо ушей, Стивен продолжил гнуть свою линию:

– Ты нужен маме и, в конце концов, ты нужен мне. Ты не можешь игнорировать свою семью.

– Ставишь меня перед выбором?

– Обстоятельства, в конечном итоге сложатся так, что тебе придётся определиться. Будет лучше, если ты заранее решишь, кто для тебя важнее.

– Надеюсь, что ты это не всерьёз. Или хотя бы понимаешь, насколько такой выбор для меня невозможный.

– И ты так просто об этом заявляешь? Сколько ты по факту ее знаешь? Ладно она, но ее семья, они же тебя использовали!

– Вы с Томом не сговорились случайно? – прервал его Крис, припоминая недавний разговор с другом. – Ваши методы по переубеждению поразительно схожи.

– Это только подтверждает, что в твоём окружении есть здравомыслящие люди.

– Давай лучше закончим этот разговор, а? Мы только разругаемся и каждый останется при своём мнении.

Крис даже самому себе удивился, как ему удалось сдержать себя без извечного, хоть и нерационального, желания продолжать спор любой ценой.

– Хорошо. Но ответь мне на один вопрос: ты ведь даже не задумывался, что будешь делать?

– Почему тебя так это беспокоит?

– Не хочу, чтобы ты наделал глупостей. Так что же?

– Не особо, – честно признался Крис и посмотрел на брата. Тот кивнул, лишний раз убеждаясь в своей правоте.

– Я больше думаю о том, что делать сейчас и чем помочь Брайану.

– А вот это уже вообще отдельный разговор.

– Ты про помочь?

– Я о Брайане.

– Seriously, еще пара подобных вопросов и я буду по-настоящему опасаться, не вселился ли в тебя Том.

Крис кривовато усмехнулся, в попытке обернуть разговор, пускай в не смешную, но все же шутку.

– Не увиливай от ответа, пожалуйста. Он ведь твой сын – чисто технически.

– Биологически – это, во-первых. А во-вторых, ты думаешь, я и сам не понимаю? Все гораздо сложнее. Ему тоже очень тяжело. Но он меня принял. Поверил мне. Хотя мог запросто закрыть дверь перед моим носом и все бы для меня было кончено.

– Ты сейчас можешь считать меня законченным скептиком, но мне слабо верится в его светлые чувства по отношению к тебе. Ты по сути чужой для него человек и плевать он хотел, что тридцать лет назад его мать любила тебя.

И тут Крис взорвался.

– Ты не знаешь ничего ни о ней, ни о наших отношениях и не тебе судить об их правильности!

Он нервно заметался по комнате в попытках побыстрее одеться и уйти из квартиры и от этого разговора. Злость застилала глаза, и он не рисковал даже посмотреть в сторону брата.

Стивен же благоразумно остался стоять на месте.

– Она ждёт меня. Пойми ты это уже наконец. Я обещал ей вернуться.

Крис хотел сказать что-то еще, поднял голову на обескураженного Стивена, но передумал, махнул рукой и вышел из комнаты.

Спустя минуту входная дверь за ним закрылась с громким стуком.

– Доброе утро, – поздоровался Крис, как только вошёл в кабинет Брайана. – Я пришёл раньше, но мне сказали, что ты уже здесь.

– Да я и не уходил.

Брайан сидел за своим столом, обложившись кучей бумаг, парой планшетов по обе стороны от себя, а прямо перед ним стояла непонятного вида штуковина, сразу привлекающая к себе внимание Криса. Небольшой предмет из серебристого металла, шарообразной формы, с абсолютно гладкой поверхностью, если не считать маленького углубления, черневшего на его верхней части.

– Что это? – тут же спросил Крис, подходя ближе.

– Я еще не придумал этому названия. Если хочешь, мо-

жешь мне в этом помочь.

– А для чего он? – на ум ничего лучше банального “прибора” все равно не приходило.

– Он улавливает излучение, даже самое слабое, в разных диапазонах и, в теории, преобразует его в сигнал. Которым, в последствии, можно будет заменить временные координаты перемещения в нашем аппарате.

– То есть, мы сможем найти Кэтрин, где бы она ни была? – в вопросе Криса, заданном немного резким тоном, было столько несокрушимой надежды, что Брайан, в который раз, невольно поймал себя на мысли, что проникается к нему все большей симпатией.

– Теоретически – да. А практически – пока не знаю. Я только предполагаю, что прибор, при прохождении из области одного временного отрезка в другой, выявит какую-то аномалию. Но на самом деле, ее может и не быть, и тогда нужно будет придумывать что-то другое.

– Я чем-то сейчас могу помочь?

– Нет, от тебя нужно только присутствие и готовность слушать. В принципе, я мог бы и сам испытать устройство, но подумал, что ты захочешь присутствовать.

Этот простой факт, сказанный будто бы между прочим, тем не менее поразил Криса, который все еще, где-то глубоко в подсознании, ждал от Брайана совсем иных слов и действий: направленных не к нему, а от него. От такого приятного несоответствия ожиданий и реальности, его переполни-

ли чувства, которые хотелось выплеснуть наружу или крепкими объятиями благодарности, или, как минимум, рукопожатием, но он ограничился только коротким, со стороны ничего не значащим, кивком.

– Тогда, чего мы ждём? – спросил он, располагаясь в ближайшем к столу, кресле. Их излюбленные месторасположения не менялись от встречи к встрече и Крис все более чувствовал себя в своей тарелке.

Ровно до того момента, пока дверь не распахнулась и за ней не показался Майк Харрис собственной персоной.

Крису со своего места пришлось обернуться, чтобы он мог рассмотреть вошедшего. Ему не сразу удалось скрыть удивление, а еще меньше – внезапно подступившую злость, от которой ладони сами собой сжались в кулаки. Вот уж кого он абсолютно не ожидал увидеть, хотя тот факт, что после последнего сеанса они до сих пор не пересекались, был целиком заслугой Майка. Он был не намерен проводить в обществе Криса времени больше, чем того требовал протокол проекта.

Впрочем, и сейчас, хотя внешне он выглядел абсолютно спокойным, внутри разыгрывались довольно противоречивые чувства, которые он постарался загасить волной отчужденной холодности.

Сама немая сцена в общем длилась не больше десятка секунд, но по накалу эмоций могла сходу соперничать с лучшими фильмами эры Серебряного века Голливуда.

Брайан громко откашлялся и жестом пригласил Майка сесть напротив.

Позвать их обоих было его, по-своему безумной, идеей. Он безусловно не питал иллюзий в отношении возможного общения этих двоих, но все же стремился показать и одному, и второму своё намерение: отцу – что тому придётся смириться с присутствием Криса в их жизни, а Крису – что Майк, в конце концов, любил его маму не меньше. И, если они все же хотят ее найти, им необходимо будет работать сообща.

– Я вас оставлю ненадолго, – заявил вдруг Брайан, переводя хитрый взгляд с Майка на Криса и обратно, и улыбаясь кончиком губ. Похоже, что эта идея понравилась только ему одному. Но, по крайней мере, они высказали своё возмущение молча.

Как только за Брайаном закрылась дверь, в кабинете повисло удушливое молчание. Ни Майк, ни Крис решительно не понимали, чего от них хотел Брайан.

– Добрый день, мистер Харрис, – все же сказал Крис, в попытке соблюсти правила приличия.

– Добрый, Кристиан. Похоже, что Брайан всерьёз решил нас подружить.

Крис скептически поднял брови. Он почувствовал себя максимально неловко под пронзительным взглядом Майка, который разглядывал его с явным интересом.

Все годы после исчезновения Кэтрин Майк провёл в рабо-

те над машиной времени, которая в конечном итоге закольцевала историю, и в попытках разобраться, чем он так уступал Крису, которого до начала проекта встречал всего один раз. Он виделся ему заносчивым выскочкой, который добился благосклонности Кэтрин (он никогда не признавал в ее чувствах к Крису любовь) исключительно благодаря своей загадочной уникальности. Первая же личная встреча только укрепила его в этом убеждении. Майк предпочитал закрывать глаза на все теории об их обоюдной предназначенности друг другу. Он и согласился на всю эту авантюру только ради двух самых важных людей в своей жизни. Брайана, которого любил, как родного сына и Кэтрин, которую собирался найти и вернуть в тот же день, из которого она и пропала. Крис бы больше не появлялся в ее жизни и, кто знает, может она бы смогла полюбить его, Майка, точно так же, как и он ее.

– Вряд ли это возможно, – спокойно ответил на это предположение Крис, стараясь выглядеть невозмутимо.

Его предположение касалось возможной дружбы. Но нечаянно совпало с невысказанными мыслями Майка.

Майк издал короткий, хриплый смешок, так не соответствующий его обычной серьезности. На мгновение в его лице проступило что-то мальчишеское – готовность вступить в открытое соперничество. Но слишком быстро в нем возобладало рациональное начало, пришедшее с возрастом и с горечью утрат: делить им сейчас по сути было некого, а надежда на успех была чересчур слабой, чтобы всерьез затевать

разборки.

Оптимизм в нем умер в тот день, когда с самого порога, через приоткрытую дверь в квартиру Кэтрин, он услышал громкий плач маленького Брайана, от которого болезненно сжалось сердце, словно предчувствуя неладное. Когда он вбежал в ее комнату, увидел малыша и прочитал, лежащую рядом, записку, то с ужасом понял, что опоздал совсем ненадолго. Еще бы пара минут, как раз те два светофора, которые можно было проскочить на мигающий желтый, и он был бы рядом с ней. Держал бы ее за руку, шептал признания, вместо того, чтобы потом месяцами видеть сны, где она из раза в раз умирает, а он не успевает ее спасти. И сейчас, возможно, у него бы было больше понимания, что именно с ней произошло и, где ее искать. Винить себя во всем случившемся было его излюбленным способом самоистязания. Как с едва зажившей коленки маленькие дети сдирают корочку, так и Майк методично вскрывал едва затянувшиеся раны: сначала за чтением ее дневника, а потом за просмотром отчета мыслей Криса. И в каждом воспоминании был не он. Он считал это ужасно несправедливым и жутко завидовал Крису. Которому без особых усилий удалось заполучить Кэтрин. А он положил почти всю свою жизнь на алтарь любви к ней, без единой гарантии на конечный благоприятный исход, исключительно на девственно-чистой вере, прозрачной, как призрак. Майк прекрасно осознавал, что его ненависть к Крису абсолютно иррациональна, но жалости к его

судьбе, как Брайан, он не испытывал.

– Ты, как никогда, прав, – согласился Майк, выныривая из своих рассуждений. – Если только ты не захочешь выйти из игры. Тогда я с удовольствием пожму тебе руку.

– Я этого не сделаю! – со злостью ответил Крис, чуть ли не вскакивая со своего места.

– Ты так в этом уверен? Хватит ли твоего чувства, которое, как ты думаешь, у тебя есть, когда перед тобой, к примеру, станет выбор?

– О каком выборе Вы говорите?

– Я знаю о тебе гораздо больше, чем ты думаешь.

– Это не Ваше дело.

– Если только это не касается Кэтрин, то да, совершенно не мое. Но ты по какой-то причине возомнил, что, когда мы, – Майк сделал акцент на этом слове, имея в виду себя и Брайана, – найдём ее, то вы будете вместе.

– Это уже, как минимум, не Вам решать, – резко перебил его Крис, ошетинившись.

Его накрыло чувство поразительного дежавю. Такой же разговор о выборе сегодня утром затеял и Стивен. Его буквально носом тыкали в неизбежную истину, от которой он отчаянно воротил этот самый нос. По правде сказать, Крис действительно не лукавил, когда говорил, что не особо задумывался над тем, что же будет дальше. А уж вопрос выбора, так он вообще перед собой не ставил. И, если уж быть до конца честным, то стоило признать, что он просто старатель-

но гнал от себя любые мысли, которые заходили в то время в будущем, которое виделось наиболее туманным. С его стороны это было несколько трусливо, но, когда жизнь стремительно уходила в крутой поворот, не давать волю несвоевременным мыслям – определенно лучше, чем, если бы он просто бездействовал.

– Как ты смеешь думать, что имеешь на неё больше прав, чем я? – предельно ровный тон, с которым это было сказано, никак не сочетался с выражением глаз, в которых застыло яростное раздражение. – Ты понятия не имеешь, каково это – потерять ее тридцать лет назад, а потом все это время из кожи вон лезть, чтобы в конце концов наблюдать, как из раза в раз она выбирает другого. Каково это каждый вечер возвращаться домой после целого дня напряженных поисков решения, зная, что любой твой успех все вернее делает ее трагичный исход возможным. Как каждый раз выбирать не ее только в надежде, что судьба, в конце концов, будет к тебе благосклонна. Я сознательно пожертвовал ей, чтобы Брайан мог родиться, и я сделал бы это еще раз, даже не задумываясь. Но это не означает, что я люблю ее меньше, чем ты.

Майк замолчал, как только горечь от сказанных слов обожгла горло, а ярость холодной волной схлынула с его затуманенного разума. Обычно, он не привык обсуждать с кем бы то ни было свои чувства, даже с очень близкими людьми. Похоже, что, практически нескончаемая, черед бессонных ночей сыграла далеко не лучшую роль в состоянии его нервов.

Не в силах дольше выдерживать прямой взгляд Криса, который не сводил с него глаз, в немом недоверии, Майк отошёл к окну, сцепив руки перед собой. Улицы снова засыпало снегом, который продолжал ложиться на землю бесконечным хороводом снежинок, наспех скрывая любые, оставленные следы. В нашей памяти точно также стираются все воспоминания, недостаточно глубокие для того, чтобы иметь честь остаться в ней подольше. Зато самые сильные, наоборот, застывают бетонным отпечатком. И не стереть, не спрятать.

Крис слегка обернулся на месте, разглядывая спину мужчины, ставшую прямой и напряженной. Возможно, сейчас впервые он увидел не злого доктора, который его ненавидел, а простого человека, имеющего на подобную ненависть свои права. Человека, прожившего непростую жизнь, но тем, не менее, не растерявшего светлого чувства, скрывавшегося в, казалось бы, черством сердце. Крис начинал понимать его невероятную силу духа, которая не могла не вызывать уважения.

Но, в какое бы восхищение сейчас не приводили его слова Майка, самому становиться мальчиком для битья он не собирался. Более того, имея перед собой такой яркий пример самоотверженности во имя любви, Крис и сам почувствовал еще большую внутреннюю силу и решимость следовать за Кэтрин хоть в прошлое, хоть в любое другое из времён. Даже, если потребуется, в самую преисподнюю, если бы вдруг оказалось, что она существует.

– Мистер Харрис, Вы можете мне не верить, но я очень благодарен за то время, когда Вы были рядом с Кэтрин.

“Когда я не смог быть”, – с горечью добавил Крис про себя.

– И Вы можете рассчитывать на любую помощь с моей стороны.

Майк поднял голову и чуть развернул ее в сторону Криса, все также стоя лицом к окну. Выгодная позиция, когда не хочешь, чтобы собеседник заметил смену эмоций на твоём лице. А замечать было что: печаль от растревоженных воспоминаний сменилась удивлением и задумчивостью. Как бы не было трудно, но он был вынужден признать, что сейчас, в рассуждениях Криса смог увидеть частичку себя самого – в готовности к бескорыстному самопожертвованию.

– И спасибо, что позаботились о Брайане.

Майк даже внутренне вздрогнул от этих слов Криса, сказанных тихим шепотом. Он уже собирался ответить, но так и не придумал ничего лучше, чем отрывисто кивнуть, то ли своим мыслям, то ли Крису.

Этот недолгий полу разговор полустычка двух мужчин, искренне любящих одну женщину завершился много лучше, чем мог предполагать Брайан.

Когда он вернулся обратно в кабинет, то застал любопытную немую сцену, по которой на первый взгляд было сложно судить, смирились ли они друг с другом или чуть не побивали. Он уж было начал переживать, что вернулся слиш-

ком рано и нужно было все же сходить к самому дальнему в Центре автомату с шоколадками, как его присутствие, наконец, заметил Крис и улыбнулся ему, показывая, что мол, все в порядке, твоя затея, в общем-то, увенчалась успехом.

Брайан даже самому себе не смог бы дать вразумительное объяснение, зачем ему понадобилось примирять друг с другом двух априори непримиримых людей, которые по всем законам книжных историй были соперниками. Но, как говорить, реальная жизнь никогда полностью не станет сюжетом книги. В ней, помимо извечных чёрных и белых цветов, были еще и все грани серого, не интересные за отсутствием роковой трагичности, но от того более настоящие.

– Я вернулся, – громко сказал Брайан, потому что Майк все еще стоял к нему спиной, не замечая его появления.

– Давай уже поскорее приступим, – пробурчал тот недовольно, но скорее из остаточного чувства злости, чем от текущего. – Ты уже успел рассказать мистеру Стару о сути эксперимента?

– В общих чертах.

Майк обернулся и вопрошающе уставился на него. Под его строгим взглядом энтузиазм Брайана несколько поубавился, но внутренне он понимал, что будь Майк действительно зол, разговор был бы совсем другим. Или его не было бы вообще, а он вернулся в кабинет, где застал бы одного Криса.

– Да, конечно, – он слегка откашлялся, как перед важной речью. – Начнём.

Брайан подошёл к своему столу и взял прибор, который по размеру оказался не больше теннисного мячика и легко вмещался на ладони.

– А разве, чтобы перемещаться в прошлое, не нужен человек? – спросил Крис, подразумевая необходимость особого состояния, чтобы попасть в нужное время.

Брайан выразительно посмотрел на него, призывая к молчанию. Он еще не успел рассказать отцу об умозаключениях, к которым они пришли совместными усилиями, из опасения получить не только уклончивый ответ, как в случае с информацией о “зеленке”, но и препятствия с его стороны. Брайан считал, что имеет право на подобное недоверие, но все же ему было тяжело скрывать что-то от отца.

– Наша цель – не попасть в какой-то определенный момент в прошлом, – уклончиво ответил Брайан, мельком взглянув на Майка, который вернулся на своё место напротив Криса, – а запечатлеть ту область, которую ты описывал при перемещении. Если я все верно рассчитал, то прибор запишет историю распределения волн и их длину, а по их значению мы сможем узнать больше о характере пространства, через которое он будет проходить. Не исключено, что мы выявим гравитационную аномалию. Но все еще рано делать какие-то выводы.

– Не думаю, что мистер Стар понял хотя бы половину из того, что ты сказал, – снисходительно отметил Майк.

– Мне все понятно, – сразу ответил Крис, подчёркнуто

спокойным тоном, даже не взглянув в сторону Майка.

Все же неприязнь между ними так никуда и не делась, а просто перешла в более сдержанную форму, если это можно было так назвать. Но Брайан был удовлетворён хотя бы этим.

Без лишних слов он нажал на кнопку в углублении сверху и положил прибор на край стола, не спуская с него глаз. Крис и Майк, как по команде, немного подались вперёд. Прибор издал слабый звук, походивший на щелчок, и исчез с неяркой вспышкой голубоватого свечения.

– И что теперь? – первым подал голос Крис после того, как пару минут ничего не происходило, а они втроём молча пялились на опустевший стол.

– По моим подсчетам прибор уже должен был вернуться, – озадаченно сказал Брайан, обращаясь в основном к отцу.

– Какие показатели ты вводил?

– Как мы и обсуждали, – немного раздраженно ответил Брайан, – любой день из маминого дневника. Возврат я выставил через 1 минуту. Со всеми временными не состыковками разница должна была быть плюс минус 10 секунд.

– Очевидно, что подходит не любой.

– Был один сеанс, – подал голос Крис, – когда мне показалось, что в той пустоте я услышал чей-то голос. Тогда я не придал этому значения, но сейчас подумал, а вдруг это могла быть Кэтрин. Все эти штуки со временем, – на этой фразе Майк негромко хмыкнул, – я совсем не понимаю, как это работает. Но это ведь не значит, что подобное невозможно?

– Когда был этот сеанс, помнишь? – уточнил Брайан, попутно доставая из шкафчика, встроенного в стену, еще один прибор. Крис разглядел с десятков таких же.

– Последний сеанс, мое перемещение в прошлое.

– Вводи координаты, Брайан, – в голосе Майка слышалось легкое нетерпение. – И установи временной интервал на 5 минут. На всякий случай.

Брайан кивнул в ответ и через несколько секунд уже второй прибор щёлкал на столе, но как будто бы в другом ритме, которому ни один из присутствующих не придал значения в первый раз.

Пять и даже десять минут ожидания снова не принесли никакого результата, кроме еще большего разочарования. Но, как говорится, эксперимент, повторенный дважды, выявит вероятность, а трижды – закономерность. В их случае закономерность пришлось выявлять гораздо больше раз.

– Сколько их там у тебя? – поинтересовался Крис, наблюдая, как за дверцей шкафчика стремительно уменьшается количество серебристых сфер.

– Еще четыре осталось.

Когда все приборы разлетелись в разное время в прошлом, пришлось признать, что первый эксперимент потерпел сокрушительный провал по всем фронтам, и надежда найти загадочные данные исчезла вместе с последней сферой.

– Боюсь, что на сегодня это все, – не скрывая разочарова-

ния, констатировал Брайан.

Он немного виновато взглянул на Криса, который, в свою очередь, то и дело поглядывал на краешек стола, словно мог заставить хоть один прибор там появиться одной силой мысли.

– Да? – спросил Крис несколько удивлённо. Мыслями он был в совершенно другом месте. Не то чтобы он всерьёз рассчитывал, что каждый день они будут получать ценную информацию и уже к концу недели он сможет встретиться с Кэтрин. Но он надеялся хоть на крупицу успеха.

– Мы обсудим наши дальнейшие планы, и я сразу дам тебе знать.

Лицо Майка на этих словах Брайана недовольно вытянулось, но стойкое молчание он все же сохранил.

– Я тогда пойду, – к Крису опять вернулась былая неуверенность и все его слова звучали, как вопросы.

Внезапный, громкий, будто металлический, хлопок перевернул, только успевшего раскрыть рот, Брайана, и Криса, который уже встал со своего кресла и теперь рассеянно топтался на месте, и молчаливого Майка.

На столе возникли, расталкивая друг друга, девять серебристых сфер, которые прямо-таки подпрыгивали на месте от желания поскорее поделиться собранной информацией.

Если закрыть глаза и представить, что все хорошо, то так оно и будет. Этому учат многочисленные сказки для детей и взрослых: на электронных страницах красочных книг с извечным лозунгом “И жили они долго и счастливо” или в мотивационных гайдах в стиле “Мысли материальны – надумай себе лучшую жизнь”.

Но вот ты открываешь глаза, а хорошо так и не стало. Тыковы все так же стоят, а чудовища все так же тянут к тебе свои когтистые лапы. И спасибо, что не стало хуже. А то бы уже совсем – только ложись да помирай.

По этому принципу Крис и жил все последние недели. Он метался между своими обязанностями сына и брата, и своей новой реальностью, которая, в каком-то смысле, все вернее отвоевывала его внимание у прежней жизни.

Он все больше ощущал себя стоящим на перекрёстке, поочередно прыгая то в одну, то в другую сторону, при этом каждый раз возвращаясь на нулевую отметку, с которой и начинал.

Иногда ему казалось, что в его жизни, через сколько бы он не прошёл приключений за эти месяцы, не изменилось ровным счетом ничего. Конечно, если смотреть в сухом остатке. Его мама все так же была в коме, с откровенно низкими шансами на выздоровление, как бы Крис не убеждал себя в обратном.

Кэтрин так и осталась для него недостижимой и планы на ее счёт были очень туманными.

Конечно, были и два несомненных приобретения, которые ворвались в его жизнь, громко хлопнув дверью. Его вновь отыскавшийся брат и свежееобретенный сын. Оба они привнесли еще большую неразбериху, которая в конечном итоге и привела его к перекрестку, где каждый тянул его на свою сторону.

В этот день Крис вместе с братом пришли навестить их маму. Стивен так вообще не видел ее уже больше двух лет, но до последнего оттягивал неизбежную встречу. Даже, если его не ждали слезы вперемишку с упреками, видеть ее в таком состоянии было гораздо тяжелее.

Уже перед самой дверью в ее палату Стивен замешкался, топчась на месте, все не решаясь войти.

Крис сочувственно посмотрел на брата. Он и сам не раз испытывал это чувство, когда желание до последнего отрицать очевидное, убивало всю решимость. Несильно похлопав Стивена по плечу, он приоткрыл перед ним дверь, пропуская вперед, а сам вошел следом.

Только врезавшись в, застывшее на месте, тело брата, он поднял глаза и увидел, что в маминой палате было на удивление многолюдно. Вокруг ее койки стояли лечащий врач и два медбрата и что-то активно обсуждали.

– А что здесь происходит? – громко поинтересовался Стивен, обращая на себя внимание медперсонала.

– Мистер Стар, – доктор Смит ответил Крису, который рассматривал неожиданный консилиум со все возрастающей

тревогой. – Мы как раз собирались с Вами связаться.

Притворная улыбка доктора говорила об обратном.

– Может вы уже, наконец, объясните, какого черта здесь происходит? – снова не выдержал Стивен.

Хоть и обращался он к врачу, но его взгляд был прикован к неподвижному телу, мирно лежащему на койке посреди напряжения, царящего вокруг.

Два медбрата, крепко сложенные ребята, оба в одинаковых белых халатах и шапочках, которые смотрелись на них несколько куце, заметно напряглись, когда Стивен подошёл ближе к маме. Со стороны, однако, смотрелось, что он имеет весьма недружелюбные намерения по отношению к доктору, если брать во внимание его грозный вид: глаза, устремлённые в одну точку, глубокие вздохи, от которых широко раздувались ноздри, ладони, которые непроизвольно сжимались в кулаки.

Доктор Смит, видимо тоже ощутивший угрозу, направленную на него, немного попятился, хотя внешне старался не терять самообладание.

– Мы сейчас со всем разберёмся, – начал он, поднимая руки в сторону Криса ладонями наружу в успокаивающем жесте. – Мне пришло распоряжение о прекращении лечения для пациента №13. Для миссис Стар, то есть.

– Что? – громогласно воскликнул Крис, до этого хранивший молчание, до последнего пытаюсь трезво оценить ситуацию. – Вы не можете так поступить!

Он пару раз моргнул, все еще стоя на месте с открытым ртом, но сказать так больше ничего и не смог.

– Здесь явно какая-то ошибка, – суетливо проговорил доктор Смит. – Я только что провёл осмотр – ее состояние в норме. И в целом за последнее время она начала показывать положительную динамику. Я все выясню и вернусь к вам.

Он быстрым шагом вышел из палаты, все еще выдерживая дистанцию между собой и Стивеном, а затем и Крисом. Оба медбрата с абсолютно невозмутимым видом вышли следом.

Братья переглянулись, озадаченные более чем странными действиями персонала, больше похожими на действия незадачливых преступников, застигнутых на месте преступления. Если бы не общее напряжение и не тот факт, что на кону по сути стояла жизнь их матери, они, возможно, даже бы нашли эту ситуацию вполне забавной.

А так они оба синхронно выдохнули с облегчением, когда комнату вдруг разрезал, казавшийся особенно громким в повисшей тишине, звонок телефона Криса. Он вздрогнул от неожиданности, но уже в следующее мгновение доставал телефон из кармана куртки. На экране высветился неизвестный номер и Крис уже собирался сбросить вызов или, по крайней мере, выключить звук, как в последний момент все же ответил на звонок.

С той стороны, не дав ему сказать и слова, послышался мужской голос:

– Ты только что увидел, что бывает, когда кто-то делает

то, что мне не нравится.

– Кто это? С кем я разговариваю?

Вопросы остались без ответов, будто он говорил с автоответчиком.

– Это было только предупреждение. Но могу обещать, что второго не будет. Скорейшего выздоровления маме.

Последняя фраза прозвучала, как издевка, а в трубке слышались частые гудки – звонивший оборвал разговор, явно не нуждаясь в ответе.

Крис еще пару секунд держал телефон у уха, переваривая услышанное. Все мысли в голове смешались воедино, образуя подобие белого шума, который заглушал звуки извне, словно Крис находился под невидимым куполом.

Стивен, после пары неудачных попыток докричаться до брата, подошёл к нему и слегка встряхнул.

– Эй, ты в порядке?

Крис перевёл на брата затуманенный взгляд, который стал медленно наполняться осмыслением.

– Да. Да, я в порядке.

– На тебе лица нет. Кто звонил?

Стивен не хотел давить на брата, но постепенно начинал терять терпение, решительно не понимая, что вообще здесь происходит.

– Не знаю, кто звонил.

И Крис пересказал не особо содержательный разговор, за которым был скрыт более глубокий посыл.

После недолгих раздумий Стивен произнёс:

– Не буду говорить, что я же тебя предупреждал, но ты и сам все понимаешь. Таких людей лучше не злить.

– Каких людей, Стивен? Которые возомнили себя властелинами мира и могут диктовать всем, как себя вести?

– Неужели ты до сих пор так не понял, с кем имеешь дело? Ты был нужен только, чтобы сбылось написанное в дневнике. Эти люди не перед чем не остановятся, чтобы убрать тебя с дороги. Отступи, пока не поздно. Ты ведь сам потом пожалеешь.

– Черт! – Крис с силой ударил кулаком в дверь в слепом приступе отчаяния. Боль ядовитой стрелой прошила от костяшек пальцев, которые оказались сбитыми в кровь, и до самого плеча. Но ярость, бурлившая внутри, притупляла любые ее проявления.

Он начал ходить по палате, отмеряя нервные, отрывистые шаги. Так мечется по клетке только что пойманный зверь, который еще надеется найти выход.

В глубине души Крис хорошо осознавал, что не имеет никакого права рисковать жизнью мамы, но оказался не готов сделать этот самый тяжелый выбор в своей жизни.

– Я поговорю с Брайаном, – наконец сказал он, остановившись.

– Это очень, очень плохая идея.

Крис долгим взглядом посмотрел на брата, будто ожидая, что тот возьмёт свои слова обратно, но все же вынужденно

кивнул, соглашаясь.

Раздавшийся еще один звонок телефона заставил обоих вздрогнуть.

Даже не глядя на экран, Крис незамедлительно ответил:

– Алло.

– Слушайся своего брата, Кристиан.

И снова, как и в первый раз, гудки послышались раньше, чем Крис даже успел раскрыть рот.

– Снова он?

– Он.

Крис внимательно обвёл комнату пристальным взглядом, выискивая любые признаки скрытых камер или другой прослушки.

– Он слышал все, о чем мы сейчас с тобой говорили.

– Тогда давай поговорим не здесь, – заключил Стивен и вернулся к койке, на которой, все так же безмятежно, лежала миссис Стар. – Не хочу сейчас выяснять отношения.

Стивен придвинул стул ближе к кромке кровати и тяжело опустился на него. Бережно взяв в руки ее ладонь, он крепко сжал ее и подушечкой большого пальца огладил кожу, так быстро успевшую покрыться морщинами. За то время, что он не видел ее она, казалось, постарела на десяток лет: лицо было землисто-серого цвета, а впалые щеки и резко очерченные скулы создавали впечатление, что кожа была натянута на кости. В волосах, аккуратно приглаженных назад, появилось еще больше заметной седины.

– Привет, мама. Это я. Стивен.

Его вдруг обуял страх, что она могла забыть его и все слова разом застряли комом в горле.

Крис подошёл к нему сзади и положил руку на плечо.

– Она слышит тебя.

Стивен, не скрываясь, громко шмыгнул носом, а Крис только сильнее сжал ладонь на его плече, комкая грубую ткань свитера.

– Как ты со всем этим справляешься? – спросил Стивен, упавшим голосом.

– Никак, – честно признался брат. – Но со временем стало немного легче.

Им обоим было больше нечего сказать и они погрузились в спасительную тишину молчания. Сколько они так просидели, каждый из них не смог бы в точности сказать. Когда пришёл доктор Смит, после пространных извинений на счёт произошедшего недоразумения, он сообщил, что, к его большому сожалению, посещение на сегодня закончено.

Взяв с него обещание впредь немедленно звонить Крису по любому поводу, который хоть отдаленно касается их матери, Стивен и Крис вышли на морозный воздух под приглушённые, искусственные огни наступающего вечера.

– Я бы хотел немного пройтись. Один, – сказал Крис, несколько виновато глядя себе под ноги.

– Что ты задумал? – с подозрением и тревогой спросил Стивен.

– Ничего я не задумал. Просто хочу побыть один.

Не объяснять же родному брату, что за время его отсутствия еще больше сблизился со своим лучшим другом и теперь ему физически необходимо было с ним поговорить.

– Как скажешь, – пожав плечами, ответил Стивен после придиричвого и долгого взгляда на брата. Он на особом ментальном уровне, который всегда связывает родных людей, (в особенности, когда между ними всего пара лет разницы) почувствовал, что соединявшая их с Крисом нить стала натянутой, как тетива стрелы, грозясь лопнуть в любой момент от неосторожного слова. А потому, обострять ситуацию еще больше не стал.

Крис запустил руку в карман и достал оттуда связку ключей, которые тихонько звякнули, когда он передавал их Стивену. Оказалось, что остальные два комплекта пропали вместе с пропажей брата и после аварии. Довольно символично, учитывая, что и сам Крис надолго остался жить один.

– Я скоро буду, – сказал он, будто отпрашивался.

Он развернулся и медленно пошёл в противоположную от дома сторону. Стивен наблюдал за его удаляющейся, ссутулившейся совсем не от холода, фигурой, пока она не скрылась за поворотом. Мороз пробирал до костей, и Стивен поспешил домой.

– Ты дома? – без лишних приветствий осведомился Крис в трубку.

На том конце ответили только после паузы, которую он принял за нежелание разговаривать:

– Только что пришёл. Что-то случилось? – но теперь в голосе было беспокойство и Крис мысленно отругал себя за плохие мысли, хоть вызванные крайним нервным напряжением.

– Я могу зайти? Элис не будет против?

– Конечно не будет, что за глупости, – сразу же ответил Том, хотя, подозревал, что она может быть не особо рада позднему гостю. – Ты где сейчас?

– Уже под твоим домом. Впустишь?

– Да, сейчас.

Том сбросил вызов, вышел в коридор, нажал на кнопку открытия входной двери на первом этаже и остался дожидаться друга на пороге.

Тот появился через минуту, принося с собой холод с улицы, от которого сам Том едва успел согреться: сегодня был день, когда он добирался с работы пешком, машину пришлось оставить, несмотря на непогоду, чтобы не нарваться на приличный штраф.

Они обменялись приветствиями и Том провёл Криса в гостиную.

На шум со второго этажа спустилась Элис, поправляя наспех наброшенный халат и запахивая его сильнее.

– Привет. Чаю, мальчики? – с улыбкой сказала она, а Том еще раз мысленно поблагодарил самого себя за выбор такой

потрясающей женщины.

– Привет, Элис. Извини, что без предупреждения.

– Да, брось. Ты же знаешь, что Том и я всегда тебе рады.

И она не лукавила. Видя, какая дружба, проверенная годами, сложилась между этими двумя, она совершенно не собиралась уподобляться многим и многим, которые умудряются ставить перед своим мужчиной выбор: либо я, либо друг. Потому что, как правило, такой выбор оказывается совершенно не в их пользу.

– Я сам заварю, милая. Отдыхай, – сказал Том, подходя к Элис и мягко целуя ее в макушку, что означало не только его заботу, но и показывало, что их с Крисом нужно оставить наедине.

Крис слегка смутился такому открытому проявлению нежности и отвёл глаза, старательно изучая дощатый узор на полу в гостиной. С недавних пор подобные знаки внимания его несколько удручали, хотя он безусловно и был рад за друга.

– Итак, что у тебя случилось на этот раз? – осведомился Том, как только вернулся с двумя огромными кружками дымящегося чая и передал одну из них Крису.

– О Стивене и вчерашнем эксперименте я тебе уже кратко писал, – начал Крис, про себя подмечая, что событий за последние дни было и впрямь немало.

– И об этом ты мне ещё подробно расскажешь. Но, как я понимаю, тебя ко мне привела новость, которую я еще не

знаю.

– Очень пронизательно, – с легким сарказмом ответил Крис, буквально чувствуя, как напряжение, в присутствии лучшего друга, понемногу ослабевает.

Подробно пересказав все события, произошедшие в больнице, он замолчал, ожидая реакцию Тома.

– Не думал, что когда-нибудь скажу это, но я согласен со Стивеном.

– Том!

– Что? Ты думал, что я посоветую тебе не обращать внимания на угрозы? И, если ты планируешь лезть на рожон, как глупый, слепой котёнок, то лучше бы мне вообще не рассказывал все это.

– Я не настолько туп. Но пришёл к тебе, потому что оба простейших выхода меня никак не устраивают. Продолжать открыто общаться с Брайаном и вмешиваться в эксперимент я не буду, но и тихо уходить в тень, словно это больше меня не касается, я не собираюсь. Поэтому мне и нужна твоя помощь.

Том поднял на него удивленный, но заинтересованный взгляд.

– Что ты предлагаешь?

– Звонивший не представился, но очевидно, что это был либо человек, приближённый к отцу Кэтрин, либо же он сам. А ты говорил, что ты со своим отцом копаете под него. Я теперь тоже заинтересован в компромате.

– И что дальше? Шантаж?

– Возможно. Но, для начала, мне нужна информация. А о том, как ее правильно использовать, я подумаю позже.

Том слегка склонил голову набок, внимательно изучая друга.

– Похоже, она действительно необыкновенная.

Крис растянулся в мечтательной, но немного печальной улыбке и опустил глаза, прежде чем ответить:

– Так и есть. Я на многое готов ради неё.

– На многое, но не на все?

– Дам себе скидку на то, что я всего лишь человек и ничто человеческое мне не чуждо.

– Ты удивляешь меня все больше! – воскликнул Том с уважением. – Рассуждения не мальчика, но мужа.

– Закончим на этом обмен фразами мудрецов прошлого. Так что скажешь?

– Увы, мне нечем тебя порадовать. По моим сведениям отец Кэтрин чист, как младенец. Я нашёл кучу информации на людей из его окружения, в том числе и на Брайана, но ничего, что можно было бы связать с ним в незаконном смысле.

– Ты сказал о Брайане?

– Да. Была пара интересных эпизодов с его участием, когда он был еще ребёнком.

Крис отставил кружку с недопитым чаем на стол, опасаясь расплескать все содержимое от услышанного, и подался вперед с нескрываемым интересом.

– Ничего такого, что ты бы уже успел себе понапридумывать. Если судить по тем немногим материалам, которые мне удалось собрать на данный момент, Брайан рос достаточно замкнутым ребёнком, этаким одиночкой.

– Вроде тебя в школе?

– Эй! Я просто был чересчур умным для всех остальных.

– Что никак не вяжется с тем, что ты подружился со мной.

– Ты был сильным и имел влияние. Это была такая стратегия.

– Похоже, она дала сбой, потому что я явно приобрёл больше.

– Ну что ж. Всем свойственно ошибаться.

Крис только закатил глаза.

– Твой рассказ ушёл не в ту сторону, – напомнил он.

– Ну да. Брайан. В общем, он сменил несколько школ и каждый раз покидал предыдущую после стычек с другими учениками. Если опустить подробности, то можно сказать, что временами его психическое состояние выходило из-под его же контроля. В отчетах школьных психологов фигурировал один и тот же диагноз – ОКР. Obsessивно-компульсивное расстройство. Проще говоря у него были навязчивые мысли и идеи, связанные с Кэтрин. Скорее всего, стоило кому-то из детей по глупости и неосторожности задеть эти мысли, как он переставал держать себя в руках, что не удивительно даже для обычного ребёнка, и дело дважды заканчивалось дракой, а трижды – крайне тяжелым нервным сры-

вом. В конце концов его перевели на домашнее обучение, после чего новых отчетов от врачей я не нашёл.

– Он не говорил ни о чем подобном, – сказал Крис, ошеломлённо глядя на Тома.

– Знаешь, это явно не та информация, которой спешишь сразу же поделиться.

– Наверное, ты прав. Не думал, что исчезновение Кэтрин так на него повлияло.

В какой-то степени Крис почувствовал себя виноватым, хотя объективных и логичных причин тому не было. После знакомства с Брайаном он уже не раз задавался вопросом, что было бы, будь он рядом. Сейчас, как никогда раньше, он был уверен, что Брайану могло бы быть гораздо легче.

– Как бы то ни было, – прервал его размышления Том, – полученных сведений хватит разве что на то, чтобы позлить этого Уайта. Тут нужен другой подход.

– Есть идеи?

– Пока что, всего одна. Нужен информатор. Человек, который сможет подобраться к его семье, а в идеале – к нему самому, изнутри. Сначала, я хотел, чтобы это был ты, но, кто же знал, что все так обернётся.

Крис задумался, перебирая в памяти людей, которые могли бы ему помочь. На ум приходил только один человек, который, а вернее, которая уже не раз ему помогала.

– Знаешь, я попробую поговорить с Софи. Она имеет доступ в Центр и, с некоторых пор, к – Брайану. К тому же, я

ей доверяю.

Том сразу вспомнил улыбчивую блондинку и те обстоятельства, при которых они впервые познакомились и соглас-но кивнул.

– Согласен. Она вызовет минимум подозрений, что может сыграть нам на руку, – заключил он, довершив это большим глотком, уже слегка остывшего, чая.

Глава 14

Если я приму новую реальность, может быть тогда она примет меня?

Эта мысль ворвалась в мое сознание с первым лучом рас-света, который озарил окно лиловым свечением. Это время успело стать моим любимым. Как вечный символ начала че-го-то нового, как сама идея возможности что-то изменить.

С того момента, как я услышала стук в дверь, прошло 3 рассвета и два заката. Я ее так и не открыла. Просто не смо-гла. Даже сдвинуться с места оказалось неразрешимой зада-чей, не говоря уже о том, чтобы подойти ближе. Испугалась ли я? Скорее нет, чем да. Не знаю, как правильно объяснить, но в этом месте не только время потеряло своё привычное значение, но и мои чувства претерпели значительные мета-морфозы, как и мое сознание на уровне восприятия.

Мне было некого бояться, а значит и сама идея страха ока-залась попросту отвергнутой. Сродни амнезии, когда забы-

ваешь не только чувство страха, но и все его сопутствующие атрибуты: одиночество, неуверенность, поиск защиты, ожидание опасности. Я сама не заметила, как один за одним стали рушиться барьеры. Сначала внутренние, которые вгоняли меня в тоску по дому, куда я уже не вернусь, по жизни, с которой я рассталась, по мечтам, которые остались далеко в неизвестности. А потом и внешние: постепенно стены комнаты стали терять краски и обретать прозрачность, пока, в конце концов, не исчезли полностью. Исчезла кровать, на которой я проводила вечность оплакивая свою судьбу, полки и книги, дарившие связь с крупными понятиями мира, которому я уже не принадлежала, стол и стул, за которыми я сидела, тщательно записывая свои мысли в дневник, который тоже исчез. Он был последним символом прошлого и в будущем он был больше не нужен.

Зачем это все, когда есть вечность, в мире, который можно построить заново?

Последней исчезла дверь, которая особенно четко выделялась на фоне сияния, становившегося все светлее, пока оно не превратилось в белое свечение.

И я была среди него, почти единым целым. Почти, потому что, казалось, что что-то удерживает меня, не даёт полностью раствориться. Этой тоненькой ниточкой оказалось еще одно видение, которое было не похоже на все предыдущие. Оно было не отдельной сценой, а целым рассказом, объединяющим несколько эпизодов. В отличие от других, это ви-

дение возникло не благодаря моему желанию, а скорее вопреки, ведь узнавать, то что мне открылось я определенно не хотела и не была готова.

Белое свечение сменилось зеленой листвой, а мои ноги обрели осязаемую опору в виде лесной поляны. Чуть поодаль, спиной ко мне, стояла на коленях маленькая копия меня. Я уже привыкла видеть себя со стороны, но в этот раз впервые я не наблюдала за собой через смотровое окно, уже ушедшее в небытие. Я смотрела за очень ранней своей версией, которую мало помню. Хотя, этот случай отпечатался в моей памяти болезненным клеймом.

Я подошла чуть ближе. На последнем шаге я наступила на сухую ветку, спрятавшуюся в траве, и она издала оглушительный треск, заполонивший всю поляну. Маленькая я даже не шевельнулась. Похоже, мое присутствие было беззвучным и бестелесным, сродни призраку. Аккуратно обойдя маленькую фигурку, скрючившуюся над землей, я столкнулась лицом к лицу не только с собой примерно в пятилетнем возрасте, но и с пугающим осознанием собственного я, до сих пор сокрытого во мне. Я наблюдала, как маленькие, детские пальчики осторожно, с особой тщательностью, сгребали небольшие горстки земли вперемешку с травой к центру перед собой, образуя некое подобие холмика. Личико было мокрое от слез, но самих слез уже не было, а все внимание отдавалось текущему занятию. Я помню, как мне было важно сделать все идеально ровно и аккуратно, чтобы

Лори не обиделась.

Лори была моей канарейкой и в то утро в клетке я обнаружила ее, уже остывшее, тельце, без признаков жизни. Это был первый раз, когда я столкнулась со смертью лично. Да и за всю, тогда еще очень короткую, а осмысленную, так тем более, жизнь я едва ли напрямую сталкивалась с таким понятием. А потому я растерялась и не знала, что предпринять. Умом я, конечно же понимала, что что-то не так, Лори не должна была себя так вести, но объяснений найти так и не смогла. С этим вопросом, а еще с тяжелой клеткой наперевес, я пошла к маме. Она путано рассказала мне, что птичка теперь будет в лучшем мире, но для этого ее нужно похоронить в земле и, что вечером папа со всем разберётся. Зачем для этого дожидаться папу, я решительно не понимала, но озвучивать это вслух я не стала.

«Птички обычно живут в лесу, – рассудила я, – значит, нужно отнести ее туда, где она родилась и выросла, пока не попала ко мне».

Ничего лучше так и не придумав, я оделась, взяла опять многострадальную для меня клетку, которую предварительно накрыла огромным красным шарфом (почему-то я вбила себе в голову, что Лори будет неприятен яркий, солнечный свет) и выскочила на улицу через заднюю дверь, а потом по дорожке, прямо за ворота, недалеко от которых, как раз-таки простирался лес, в котором я часто гуляла с родителями.

Места были мне знакомы, а потому я без боязни углубля-

лась все дальше и дальше в лесную чащу, иногда останавливаясь, чтобы поставить клетку и передохнуть. С каждым шагом вперёд шарф сползал все ниже и мне грозило запутаться в его длинных концах, свисавших почти до земли. Ветер рваными порывами трепал волосы, так, что они временами полностью закрывали мне глаза.

В принципе с годами эта черта – если уж вбила себе что-то в голову, так идти к этому упорно и до конца – никуда не делась. Позже это мое состояние назовут Obsessive Compulsive Disorder, то есть навязчивым, что будет выходить далеко за пределы простого упорства.

Очень скоро деревья стали понемногу редеть и передо мной образовался просвет, выведивший на почти идеально круглую поляну. Где, собственно, я, в буквальном смысле, и нашла себя.

Вдруг, маленькая я подняла голову и ясным, осмысленным взглядом посмотрела ровно в ту сторону, где стояла я.

Я не могла понять увидела она там меня или еще кого-то, стоящего за моей спиной, поэтому резко обернулась, но, как я в глубине души и ожидала, там никого не оказалось, кроме плотной стены деревьев, начинающейся от самого края поляны.

– Ты меня видишь? – спросила я негромко, гадая, хотела бы я услышать ответ.

Но его не последовало, хотя маленькая Кэтрин все также продолжала смотреть на меня, почти не моргая.

Как я не пыталась, я так и не смогла вспомнить, что же привлекло мое внимание в тот день. Этот отрезок времени, когда я закончила с могилкой и до прихода отца, оказался начисто стертым из моей памяти.

– Эй, – окликнула я себя уже громче и на детском личике, только что бывшем очень грустным, расцвела улыбка. Она будто бы узнала меня, как своего старого друга, но подходить ко мне не спешила, все также оставаясь на коленях, прижимая к себе грязные, продрогшие от сырой земли, ладошки.

– Ты – это я. Правда? – наконец раздался ее удивленный голосок.

На доли секунды я, кажется, перестала дышать, а по спине пробежали холодные мурашки, совсем недавно отвергнутого, страха.

– Но я тебя совсем не слышу, – продолжала она.

Вытерев руки о красный шарф, она поднялась на ноги, как могла отряхнула ткань джинс на коленках, на которой навсегда остались чёрные и зелёные разводы, и сделала шаг ко мне. Она доверчиво расставила руки в стороны, собираясь меня обнять, но громкий возглас отца за спиной остановил ее и заставил обернуться. Я тоже устремила свой взгляд на него.

Он стоял ровно на той стороне поляны, с которой и началось для меня это видение и растерянно, даже с некоторым, как мне показалось, испугом, смотрел на маленькую меня. Она же сразу, мгновенно позабыв о моем присутствии, бро-

силась к нему и, едва он успел присесть, накинулась на него с объятиями и громким возгласом: “Папочка!”

– Ты что здесь делаешь, Кэтрин? – в мгновение ока его тон и взгляд стали серьезными.

Имея возможность наблюдать эту сцену со стороны, я смогла увидеть, что отношение отца ко мне всегда было немного холодным и отчуждённым, словно проявление мягкости было для него тождественно слабости. В детстве мне казалось, что отец любит меня сильно-сильно и только наша размолвка встала незримой стеной между нами. Но оказалось, что так было гораздо раньше и об эту стену билась еще эта пятилетняя малышка, которая все не спешила размыкать ладошки, когда отец уже слегка отклонился от неё, чтобы подняться.

– Лори теперь в лучшем мире, – торжественно объявила она, когда отец выпрямился перед ней во весь рост и тут же поникла под его нахмуренным взглядом. – Я похоронила ее вон там, – пальчик указал на маленький холмик, едва видимый из-за густой травы, – так мама сказала. Я хотела, как лучше, – добавила она, всхлипывая и чуть не плача.

Тем временем, я подходила все ближе, разглядывая их пристально, как самое интересное полотно великого мастера, стараясь не упустить ни одной эмоции.

Вдруг, лицо отца смягчилось, он улыбнулся самым уголком рта и погладил маленькую меня по голове.

– Я знаю, Кэтрин. Но тебе не нужно было уходить одной.

Мы с мамой очень волновались, когда не смогли найти тебя.

– Но я ведь была здесь, – возразила она, как очевидный факт.

– Мы же этого не знали, зайка.

Что-то внутри меня кольнуло от этого простого, давно забытого, обращения. Я плотнее сжала губы, чтобы сдерживать подступившие слезы и отвернулась, пытаюсь таким образом прогнать видение-воспоминание, которое причиняло мне боль. Пространство вокруг меня и впрямь стало светлеть, до моего слуха доносились уже только обрывки фраз.

“Обещай, что будешь хорошей девочкой, Кэтрин”.

“Скорее пойдём домой, ты же не хочешь заболеть?”

Меня снова окутало белоснежным свечением и вязкой тишиной. Но ненадолго. Четыре удара сердца спустя передо мной стала вырисовываться новая картинка из моего прошлого.

Я стояла на школьном заднем дворе, усыпанном тонким слоем снега. Куда ни посмотри, двор был пустым и безмолвным, что было неудивительно, учитывая это время года.

Но тут дверь, ведущая во двор, распахнулась и в ней четким силуэтом вырисовалась моя фигура, лет этак в двенадцать. Ее тело тряслось мелкой дрожью, но не от холода, а от злости.

Я отчетливо знала, что случится дальше.

– Куда ты убежала, чокнутая? – прилетело ей в спину, и я из прошлого, как вкопанная застыла на месте. Даже меня

внутренне передернуло фантомной дрожью, которая вонзилась в сознание болезненным воспоминанием.

Дэн Стоун – главный красавчик школы – уже нагнал ее в дверях, грубо разворачивая к себе, заставляя смотреть в глаза.

Я поспешила подойти ближе, незаметного протискиваясь между ними, и остановилась в коридоре. За моей спиной уже начинала собираться толпа зевак, которые первыми подоспели к главной сцене этого дня.

Дэн стоял ко мне вполоборота и даже при слабом освещении на его лице отчетливо читалось торжествующее самодовольство.

Младшая версия меня смотрела прямо перед собой, попеременно сжимая то один, то другой кулак, едва сдерживая возмущение, рвущееся наружу.

– Мы с тобой еще не закончили, – угрожающе отчеканил Дэн, надвигаясь все ближе, хотя, казалось бы, что ближе уже было некуда. – Расскажи нам, – он театрально обвёл рукой все прибывающую толпу, в которой, на удивление, до сих пор не было ни одного учителя, – что случилось с той девочкой из твоей первой школы? За что ты избила ее?

Внутри меня горячей волной стала подниматься ненависть к этому мальчишке, уже давно заброшенная на глубину простейших переживаний, которые не были достойны даже моего внимания. Я направилась к нему с твёрдым намерением сделать больно, сбить его спесь. Похоже, что младшая

я испытывала абсолютно идентичные чувства и желания. По крайней мере, мы обе стояли перед ним, а в следующую секунду уже с силой толкали обидчика в грудь. Не знаю наверняка, передался ли ему импульс еще и от меня, но, как бы то ни было, в результате он оказался на полу, скривившийся скорее не от боли, а от самой идеи и воплощения отпора, направленного на него.

По толпе пробежал удивленный возглас, в котором отдельными голосами можно было различить одобрение.

– Никогда больше не называй меня так.

Меня поразило, насколько сдержанно и уверенно малышка Кэтрин сказала это. От недавнего истеричного всплеска не осталось и следа, но я ясно помнила, что тогда в моей голове отчетливо сформировалась мысль, которая в мгновение ока переросла в навязчивую идею: поставить Дэна Стоуна на место и доказать всем, что я могу за себя постоять.

После этой ее фразы шум и улюлюканье учеников вокруг мгновенно затихли.

В этой школе, на тот момент, я проучилась от силы пару месяцев и запомнилась всем тихой заучкой, которая и слова никому поперёк не сказала. На самом деле, до поры до времени, я не видела смысла затевать конфликты. К тому же, это была уже пятая школа, которую я сменила со времён того инцидента, когда проявления расстройства впервые вышли из-под моего контроля. Но в тот день сбылся мой самый большой страх – что в новой школе узнают, почему же на самом

деле мне пришлось перевестись к ним в середине семестра. Почему это была уже пятая школа, начиная с семилетнего возраста. Почему девочка из моей первой школы еще долго не ходила на занятия после моего первого всплеска.

Я стояла практически плечом к плечу с маленькой девочкой, в глазах которой плескались страх и непонимание. Самой себя, прежде всего. Еще тогда она, то есть я, знала, что что-то не так. Что идея, высказанная кем-то или пришедшая на основе наблюдений, мгновенно перераставшая в действие, как это было с несчастной Энни, и не должна быть такой зацикленной, навязчивой, затмевающей собой все другие мысли. Но сама поделаться ничем не могла, потому что не знала как. Потому что боялась показаться слабой, прежде всего в глазах отца, и день за днем теряла надежду на его одобрение, скрывая свои тревоги глубоко внутри.

Она знала, что за каждой новой вспышкой последует мучительный и унижительный разговор со школьным психологом. Все, как один, они твердили о ее неестественной и безосновательной агрессии и прописывали все новые успокоительные, которые с каждым разом становились все сильнее, но оказываемый эффект был, в противоположность, только слабее.

Не в силах больше выдерживать напряженную тишину и взгляд десятков глаз, устремлённых на неё, малышка Кэтрин вдруг резко сорвалась с места и, едва не налетая на, в последнюю секунду расступившихся, учеников, помчалась вперёд

по длинному коридору, не обращая внимания на недоуменные лица всех, кого встречала на пути. Только бы поскорее оказаться подальше в, как можно более уединенном, месте.

И такое место, конечно же нашлось. К слову сказать, нашлось оно еще в ее самый первый день в этой школе, опять же из предусмотрительно-навязчивой мысли иметь уголок на такой вот случай, который был скорее предвиденным, чем, которого нельзя было ожидать.

Боковая лестница в правом крыле на первом этаже – единственная, которая оканчивалась тупиком и не вела ниже на еще один пролёт, как все другие лестницы в школе. Прямо под ней, за кучей коробок и парой старых, давно забытых швабр, был уголок, который привлек ее внимание своей тишиной, скрывавшийся в темноте.

Добравшись до этого спасительного островка спокойствия вслед за ней, я аккуратно, чтобы не спугнуть, – уверенности в том, что, оставшись одна она меня не увидит, не было – пробралась в нишу между коробками. Как только глаза немного привыкли к темноте, я смогла различить ее худенькую фигурку слева от себя. Она сидела на полу, обхватив колени руками, и все еще тяжело дышала от быстрого бега.

– Ты не виновата, – шепотом сказала я ей, но она все равно вздрогнула, поднимая на меня заинтересованный взгляд, все еще слабо различимый при почти полном отсутствии хоть какого-то источника света.

– Кто ты? – спросила она и, в попытке меня разглядеть,

слегка подалась вперёд.

– Я – друг, – просто ответила я.

Теперь я уверена, что моя осторожность была ни к чему – я совершенно точно не помню ни этого разговора, ни в принципе, что со мной происходило, пока я пряталась под лестницей.

Похоже, что встретиться с самой собой и при этом запомнить эту встречу, по каким-то причинам, невозможно. Странно, что меня уже в принципе не удивляет такое видение, в котором я являюсь непосредственным участником, а не наблюдателем, и вызванное не моим желанием или фантазией. Все же, ко всему быстро привыкаешь.

– Мне страшно, – призналась она, пожалуй, впервые вслух. Наверное, сделать это в присутствии незнакомого человека оказалось гораздо легче. Или же она, как и совсем недавно, еще более младшая моя версия, узнала меня.

– Чего ты боишься? – мягко спросила ее я, все еще шепотом, вынуждая ее отвечать мне так же.

– Того, кто я на самом деле.

Ее ответ был таким взрослым и явно осмысленным, что мне даже стало страшно. Как оказалось, сейчас я уже мало помнила свои мысли в том возрасте. Вот и подобные рассуждения звучали для меня странно, будто у меня их никогда не было.

– А кем ты себя считаешь? – еще тише спросила я и, затаив дыхание, ждала ответа.

– Я не знаю точно. Но со мной что-то не так. Я не хотела толкать Дэна, – сказала она, немного подумав. – Я же не виновата, что я такая.

Я услышала ее тихий всхлип и, придвинувшись к ней ближе, слегка приобняла за плечи.

– Не смей думать, что с тобой что-то не так. Такие, как Дэн задираются ко всем. Но ты показала свою силу, и он больше не будет тебя обижать. Знаешь, как я в детстве справлялась, когда меня задирали в школе?

Она приподняла голову и внимательно посмотрела в мою сторону, даже плакать перестала.

А я продолжила:

– Я всегда говорила себе, что у меня есть люди, которые меня любят, друзья, которые не бросят.

– Но они бросают, – упрямо возразила малышка. – Каждый раз, когда я перехожу в новую школу, я опять остаюсь одна.

– Милая, но они ведь не могли перейти вместе с тобой.

– Так меня мама всегда называет, – вдруг сказала она и я осеклась на полуслове.

Но она продолжила, как ни в чем не бывало:

– Конечно не могли. Но я за ними так скучаю. Здесь я еще ни с кем толком не подружилась, а после такого, вряд ли подружусь.

– Вот увидишь, этот Дэн еще будет перед тобой извиняться, – постаралась я ее подбодрить, потому что знала, что так

оно и будет.

– Нет, – она решительно замотала головой и ее волосы несколько раз коснулись моего плеча. – Обычно, это я извиняюсь. Потом меня ведут к школьному психологу, а родителей приглашают в школу. Папа после этого очень на меня злится.

Она снова замолчала, видимо подбирая слова. Я молчала тоже, прекрасно зная, какая болезненная, для нас обеих, тема была затронута.

– Как думаешь, он любит меня?

Мое сердце болезненно сжалось, а тело окатило холодной волной. Кому, как не мне знать ответ на этот вопрос? Но я не знала, что на него ответить.

– Я так старалась быть похожей на него, – сказала она, так и не дождавшись моего ответа.

Мне сразу вспомнилось, как часто я видела, что на столе в его кабинете – идеальный порядок. Он всегда знал, где найти ручку, а где записную книжку. Я подумала, что, если буду вести себя так же, то смогу хоть немного заслужить его одобрение. Поэтому, перед каждым уроком я тщательно раскладывала на парте свои канцелярские принадлежности, используя все новые и новые параметры. Сначала по цветам, потом по размерам, затем по частоте применения – для удобства использования. В один из дней мой тщательно, как для ребёнка семи лет, спланированный порядок был беспощадно разрушен, что виделось мне чуть ли не личной трагедией. Моей

жестокости по отношению к Энни Дэвис это конечно же не умаляло, но хотя бы для самой себя было вполне объяснимо.

– У тебя все будет хорошо, – сказала я наконец.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что я – твой друг. И еще потому что я знаю, что будет в твоём будущем, – добавила я, будучи твёрдо уверенной, что этого разговора она даже и не вспомнит. – Ты вырастешь в красивую, молодую девушку и однажды встретишь очень хорошего парня, которого ты полюбишь и который полюбит тебя.

– Он тоже будет красивым?

– А каким ты хочешь, чтобы он был?

– Ну, – задумчиво протянула она, совершенно переключившись на новую тему, – высоким, сильным, с голубыми глазами.

Я тихонько рассмеялась.

– Таким он и будет, вот увидишь, – пообещала я и на миг представила себе Криса, который в точности подходил под это незатейливое описание.

– Тебе не пора бежать? Тебя уже, наверное, обыскались.

– Ой, точно, – спохватилась она и быстро поднялась со своего места, пробираясь к выходу.

Я всем телом вжалась в стену, пропуская ее. На короткое мгновение, когда она, поравнявшись со мной, поймала мой взгляд, мне показалось что ее озарил узнаванием, но она так ничего и не сказала.

Уже из коридора раздалось ее удаляющееся “Спасибо”, направленное в нишу под лестницей, которая, почти сразу после ее ухода, начала стремительно светлеть, окрашиваясь в контрастный белый, особенно в сравнении с недавней темнотой, цвет.

Я встала на ноги, когда и лестницы, и примыкавшего к ней коридора, как и всего здания школы уже и след простыл. Перед моим взором стали постепенно вырисовываться темно-коричневые, почти чёрные стены какой-то просторной комнаты, очень напоминавшей кабинет отца. Впрочем, когда в шаге от меня вырос огромный дубовый стол, сомнений уже не осталось.

Отец сидел в своём кожаном кресле, сложив руки на столе и, без видимого интереса, листал огромную папку, похожую на отчёт. Я перегнулась через стол, чтобы лучше рассмотреть ее содержимое, но тут и его, и меня отвлек стук в дверь.

– Войдите, – сразу же ответил он, будто уже ожидал кого-то.

Дверь слегка приоткрылась, но с моего места все еще трудно было увидеть пришедшего гостя.

– Здравствуйте, мистер Уайт, – сказал поразительно знакомый голос за секунду до того, как я смогла разглядеть кому он принадлежал.

– Мира!?! А ты, что здесь делаешь? – вырвалось у меня вслух.

Глава 15

Брайан сидел в своём кабинете, который, в последние три дня, пока он бился над разгадкой записей на всех девяти вернувшихся сферах, был ему и спальней, и кухней и, хотя и не в полной мере, ванной комнатой. В общей сложности на расшифровку данных у него ушло две недели, которые рисковали растянуться на месяцы, если бы не одна счастливая случайность.

На первый взгляд он не заметил в записях ничего необычного. Они все начинались громким хлопком, за которым следовало затишье, а затем, всегда через разный промежуток времени, следовал щелчок, который характеризовался приземлением прибора в заданном времени в прошлом.

И все же, Брайан решил провести несколько стандартных измерений, чтобы выявить любые отклонения от первичных параметров. Какого же было его удивление, когда он выяснил, что первоначальная масса каждого прибора увеличилась, хотя и на ничтожно малые величины, при прочих равных условиях. Причём, она изменилась тем больше, чем больше времени проходило между хлопком в его настоящем и щелчком уже из прошлого.

Анализ прибора на уровне элементарных частиц выявил отклонение в виде наличия дополнительных частиц, которые были характерны как раз для пространств, отличных от нашего трёхмерного и доказанные лишь в теории. Но Брайа-

ну сейчас было явно не до сенсационных открытий, которых он и так уже совершил не мало. Все они, однако, оставались неизвестными ученому обществу, в виду их глубокой приватности.

Необходимость поделиться радостными и весьма обнадеживающими новостями с Крисом уже давно стала для Брайана сама собой разумеющейся. Сразу после разговора с отцом, конечно. Который нередко составлял ему компанию в его ночных и дневных исследованиях.

Это был третий про счету звонок Крису. Или четвёртый? Брайан специально и не считал, но на всякий случай проверил телефон.

Все же четвёртый. И это – только за сегодняшний вечер. Все – без ответа.

Он уже начинал переживать, не случилось ли чего. Ведь переживать было, вернее, из-за кого, учитывая тот факт, что Крис засел поперёк горла и его отцу, и деду.

– Он не ответит.

Брайан поднял взгляд от телефона и перевёл его на девушку, робко застывшую в дверях.

– Я могу войти? – спросила Софи, застенчиво улыбаясь, но ее голос, тем не менее не был лишён твердости.

– Да, конечно. Проходи.

Она еле слышно прикрыла за собой дверь и так же тихо прошла к ближайшему креслу, располагаясь в нем.

– Так, что ты имела в виду? Почему это он не ответит?

Софи помедлила с ответом.

Еще пару дней назад с ней связался Крис с просьбой встретиться. Он сначала подробно объяснил свою проблему (очередную, как о ней подумала Софи), а потом и, какую, собственно, помощь он ожидает от неё. Любой вариант, при котором ей бы пришлось обманывать Брайана, она отмела сразу же, из особо личных соображений, расспрашивать о которых Крис тактично не стал. Собственно, пока она решалась, с какой стороны лучше было подойти к Брайану, он уже начал названивать Крису и тянуть дальше было нельзя.

– Я могу говорить с тобой здесь? – она обвела кабинет внимательным взглядом, а затем многозначительно посмотрела на Брайана.

– Будет лучше, если мы поедem ко мне.

Софи вопросительно выгнула бровь, но быстро сообразив, что Брайан ее понял, кивнула в ответ.

– Тогда дай мне пару минут, я соберусь.

– Хорошо.

Пока Брайан выключал компьютер, приводил стол в некое подобие порядка, что было довольно проблематично из-за обилия бумаг с записями на нем, Софи украдкой рассматривала его. Было в нем что-то, неуловимо напоминавшее Крису, а может ей так просто показалось.

Ей вдруг стало очень любопытно узнать, как же выглядела эта Кэтрин, за которую вели неравную схватку с самим временем три сильных, любящих ее, мужчины.

Похоже, в какой-то момент Софи задержала свой взгляд на Брайане дольше, чем было положено, чтобы остаться незамеченной, и за это была одарена лукавой улыбкой. Если бы она не опустила глаза в робком смущении, то заметила бы, как его улыбка стала еще шире от удовлетворения ее реакцией. Софи постаралась изо всех сил сделать вид, что абсолютно не понимает, чему он улыбается. А потому молча встала из кресла и прошла к противоположной стене, где на подвесной полке стройными рядами теснились разноцветные корешки печатных книг, которые все находились на разной высоте, как бы создавая своеобразный нотный стан, где роль высоких нот играли самые внушительные тома по квантовой теории и физике пространства-времени.

Взгляд Софи упал на небольшой квадратик плотной бумаги, лежавший в углублении между книгами картинкой вверх. Она подошла ближе, пока Брайан отвлекся на звонок телефона и отошёл в дальний угол кабинета. Софи невольно потянулась к карточке: никого из людей, изображённых на фото, она не видела раньше, но понять, кто это не составило труда. В молодом мужчине с темными волосами, доходившими ему ниже линии челюсти, легко угадывался, хоть сейчас и значительно повзрослевший и возмужавший, доктор Харрис. На фото он обнимал, так по-особенному заботливо, молодую, стройную девушку, которая держала на руках совсем крошечного малыша. От фотографии веяло каким-то трепетным теплом, исходившим все более со стороны Хар-

риса, который, готов был окружить и Кэтрин, и ее новорожденного сына куполом света своей, по истине, необъятной любви. По крайней мере, так это виделось Софи.

– Я бы все отдал, чтобы мы были такой же семьей, как на этой фотографии.

Софи совершенно не услышала, как Брайан подошел к ней сзади и заглянул через плечо. Вздвогнув, она положила карточку на место и быстро обернулась, в который раз за сегодня отводя взгляд. Но Брайан и сам смотрел ей за спину, на фотографию, будто воскрешая в памяти запечатленный на ней день, который он, конечно же, помнить никак не мог.

– Крис уже тебе все рассказал?

– Только в самых общих чертах, – поспешила сказать Софи, вовсе не желая становится причиной их конфликта.

– Он доверяет тебе. А значит, я тоже, – с легкостью заключил Брайан, обходя Софи, чтобы убрать фото между синим и темно-коричневым томами.

“Знал бы ты, что я тебе собираюсь рассказать, говорил бы так же?”, – с горечью подумала Софи, но вслух сказала другое:

– Мне очень жаль, что так получилось с твоей мамой.

– Да. Мне тоже. Но не будем об этом, – а потом добавил, пожалуй, с излишним желанием придать голосу бодрости, – я уже готов. Можем ехать.

Девять серебристых сфер, оставшихся на его столе блеснули прощальным отблеском, едва за Брайаном и Софи за-

крылась дверь и кабинет погрузился во тьму.

– Смарти, я дома, – привычным приветствием обратился Брайан в никуда.

А женский голос тут же ответил ему, в своей, довольно бесцеремонной, манере:

– Сегодня Вы не один.

Брайан внутренне усмехнулся и готов был поклясться, что сейчас Смарти достаточно придирчиво и скрупулёзно сканировала Софи, что нельзя было в полной мере назвать ревностью, а лишь чем-то, отдаленно напоминавшим ее. Но и за рамки функциональных возможностей обычных смарт-систем это все же выходило.

– Будешь что-нибудь? – спросил Брайан, как любой гостеприимный хозяин дома.

– Нет-нет. То есть да. То есть, давай сначала поговорим.

Всю дорогу, пока они ехали к дому Брайана, Софи прокручивала в голове их гипотетический диалог, но уже на уровне ее изначального монолога нужные слова отказывались подбираться. Она ужасно нервничала, понимая, что, сама того не ожидая, влезла в запутанную историю, грозившей оказаться чересчур личной для неё самой. И как бы она себя не убеждала, остаться в стороне уже вряд ли получится.

– Ты начинаешь пугать меня, – сказал Брайан настороженно. – Рассказывай, что случилось.

– Я так и не придумала с чего начать, – призналась Софи,

нервно перебирая ткань на воротнике своего пальто.

Брайан внезапно перехватил ее руки в свои и так они на какие-то мгновения замерли, глядя друг другу в глаза.

– Так. Во-первых, успокойся, – сказал он, отпуская ее ладони, только чтобы, слегка приобняв, подтолкнуть ее в направлении гостиной. – Во-вторых, располагайся, – он указал на два просторных, светло-серых кресла, – а в-третьих, ответь, для начала на вопрос: почему ты сказала, что Крис мне не ответит?

– Потому что ему нельзя с тобой ни видеться, ни общаться.

– Это еще почему?

– Вот черт, – выругалась она, чем сразу привела Брайана в замешательство, тем самым сбив с толку, – только пообещай мне, что ты не будешь делать ничего необдуманного.

– Допустим.

– Его попросили больше не вмешиваться в твою жизнь. В противном случае пострадают дорогие ему люди.

– Кто попросил?

– Он не сказал.

– И без того очевидно, – сухо ответил Брайан, пожимая плечами.

– Как-то ты отреагировал слишком...

– Спокойно?

– Слишком нормально.

– Просто я ожидал другого ответа. Этот меня не удивил.

– Ожидал или опасался?

Брайан перевёл слегка удивленный, но, далеко не слегка, потрясённый взгляд.

– Какая пронизательность. Я запомню. Да, ты права. Я, признаться, не был до конца уверен в Крисе и подумал, что он мог просто испугаться. А отказаться от проекта мне в лицо тоже не хватило духу. Так что, с одной стороны, я рад, что ошибся.

– Насколько я знаю Криса, он бы так не поступил. Он слишком честный для этого.

– Почему ты так его защищаешь?

– Потому что хочу помочь. И ему, и тебе.

– Я думал, что тебе должно быть все равно.

– Но это не так, – протестующе заявила Софи. Ее ладонь дернулась, видимо с намерением прикрыть рот, будто она сама испугалась того, что сказала. – Я не смогу толком это объяснить. Я просто чувствую. Что могу помочь, что сделаю что-то хорошее и...

Она вдруг замолчала, но про себя успела добавить.

“Что так смогу себя простить”.

Эта невысказанной фраза промелькнула мрачной тенью на ее лице, но быстро исчезла за натянутой улыбкой.

Брайан долго ничего не отвечал. С каждым десятком прошедших секунд Софи чувствовала себя все более неловко, периодически ерзая в кресле, чтобы принять позу поудобнее, нарушая тем самым тишину.

– Знаю, прозвучит немного странно, но спасибо тебе, – сказал он наконец с глубоким вздохом, словно только что заметил, что в комнате есть кто-то еще.

– За что? Я же еще ничего не сделала.

“По крайней мере, хорошего”.

– Значит это спасибо тебе авансом. Вгоняю тебя в долги.

Софи, немного нервно, рассмеялась. Вот только смешно ей совершенно не было.

– Я все же предпочитаю их не иметь. Кстати. Я совсем забыла, что у меня как раз есть то, что сразу выплатит мой, кхм, долг.

Софи порылась в кармане пальто и достала оттуда небольшую бутылочку ярко-зеленого цвета с дозатором-распылителем. Она передала ее Брайану, а он, повертев ее в руках и не найдя ничего примечательного, поднял на неё вопросительный взгляд.

– Только не нажимай, – предупредила Софи.

– И что это?

– Ну как “что”? Вы же сами с Крисом просили меня узнать, использовалось ли какое-то вещество в ходе эксперимента. Так вот. Я справилась лучше – я его достала.

– Как?

– Скажем так, не я лично. Мне помог Джо.

– Это который приносил отчеты Криса?

– Ну да.

– Я смотрю у вас там целое подпольное сопротивление об-

разовалось.

– В каком это смысле? – настороженно переспросила Софи.

– В том смысле, что вы помогаете Крису. А он в этой истории, как бы, пострадавшая сторона.

– Думаю, что пострадавших сторон здесь намного больше. Вот только выигравших ни одной.

– Тут ты права. Но благодаря тебе мы это исправим.

– Мне? Почему мне?

– Потому что мне больше не на кого положиться в Центре, кроме тебя.

Под вопросительным и ошеломлённым взглядом Софи он пояснил:

– Крис сейчас для меня недоступен. Но с этим мы еще разберёмся. А вот отец, как бы я не хотел ему доверять, скрыл от меня наличие этого воздействующего элемента.

Брайан покрутил зеленую бутылочку в руках, которая в свете яркой лампы отбрасывала слепящие блики.

– Как это работает?

– Джо мне вкратце объяснил, что это – некий газ, который распылялся в лаборатории, где находился один только Крис перед самым сеансом. Но вот о его действии Джо не знал.

– С этим я тоже разберусь, – заключил Брайан с тяжелым вздохом, убирая бутылочку в выдвижной ящик столика у кресла.

– Что ты теперь собираешься делать?

– А ты?

– Ты специально не отвечаешь на мои вопросы?

– Я просто пока не знаю на них ответов. Заметь, ты на мои тоже не отвечаешь, – подметил Брайан, хитро улыбнувшись.

– Крис просил меня рассказывать ему, как проходят дальнейшие поиски Кэтрин. Хочет быть всегда в курсе. Вот только я не знаю, как это сделать, не привлекая лишнего внимания. Особенно, если придётся чаще видеться с тобой.

– Допустим, что этот вопрос, как раз, вполне решаемый.

– Правда? Может просветишь меня?

– Я бы мог, конечно, сказать отцу, что ты моя девушка и теперь мы с тобой будем проводить вместе больше времени.

Софи посмотрела на него, не до конца понимая, шутит ли он или говорит всерьёз.

– Расслабься. Это было бы еще более подозрительно. Так что я скажу ему, что ты будешь мне ассистировать во время сеансов. К тому же, мне действительно понадобится твоя помощь. Что скажешь?

– А у меня есть другие варианты, кроме как согласиться?

– Мне бы не хотелось, чтобы они были. А так – на твоё усмотрение.

Софи хотела было развить дальше этот невинный вид флирта, но все же остановила себя, сказав только:

– Значит, я согласна.

Следующим утром, когда Брайан вернулся в свой кабинет,

его ждало неприятное открытие, а вернее отсутствие – все сферы с его стола, еще прошлым вечером лежавшие на нем, бесследно исчезли.

Ожидать, что камеры покажут кого-то, особо не приходилось. А вот, что после их с Софи ухода они выключились совсем, было вполне ожидаемо. Впрочем, та же участь постигла и камеры в главном вестибюле. Вместе с тем охрана наперебой уверяла, что ничего подозрительного прошлым вечером они не заметили, а на вопрос, кто последним ушёл из Центра, они называли его и Софи.

Весьма раздосадованный данным обстоятельством, а еще и подстрекаемый сомнениями, Брайан вернулся в кабинет и стал дожидаться Софи, с которой они договорились встретиться позже.

Своё ожидание Брайан решил скрасить за контрольной проверкой, уже неизвестно какой по счёту, своих вычислений, которые теперь брали за основу не временную составляющую из дневника Кэтрин, а особое излучение частиц, остатки которого как раз и принесли с собой пропавшие сферы.

Вся сложность и опасность предстоящего сеанса состояла в полной нестабильности и непредсказуемости этой основы для перемещаемого. Одно дело настроить прибор на определенную дату, не особо важно – далеко в прошлом или в ближайшем будущем, а совсем другое – полагаться на излучение частиц из другого пространства, где все законы физи-

ки, гипотетически, могут работать совершенно по-другому или не работать вообще.

Его пальцы уже пару минут отбивали ритм по дубовой столешнице, пока Брайан пребывал в том особом состоянии задумчивости, когда мысли постепенно улечиваются, а весь процесс сводится к банальному созерцанию противоположной стены.

Дверь в его кабинет открылась, но вошедшего он заметил только после его приветствия.

– Дедушка? А ты, что здесь делаешь?

– Ты, кажется, произносишь “Доброе утро, любимый дедушка. Как я рад тебя видеть” как-то неправильно.

Брайан не сразу нашёлся, что на это ответить и на полу-вздохе был прерван фразой мистера Уайта, сказанной с довольной улыбкой человека, заставшего другого врасплох:

– Может быть с “любимым” я и переборщил, но все остальное ты бы вполне мог сказать.

– Рад тебя видеть, – интонация Брайана получилась на грани с вопросительной. – Ты хотел о чем-то поговорить?

– Вот так вот, сразу к делу. Все, как мне нравится. Молодец.

Не дожидаясь особых приглашений, мистер Уайт присел на широком диване, в дальнем углу, так, что Брайану, для удобства, пришлось выдвинуть своё кресло из-за стола немного влево. Это был один из излюбленных приемов его деда: заставить других играть по своим правилам. Пускай да-

же в такой мелочи.

– Как продвигается дело с поисками?

В разговорах между собой они почти никогда, по давно сложившейся, негласной договоренности, не называли имени Кэтрин ни в каком виде. Брайану казалось, что причиной тому был тот факт, что мистер Уайт все еще винил его в исчезновении и, возможно, смерти его дочери. Для самого же мистера Уайта ее упоминание было табу, еще одним доказательством совершенных ошибок.

– Отец разве не рассказывал?

– Я бы хотел услышать это от тебя.

– На сегодня планирую первый сеанс. У меня уже, в принципе, все готово. Только вот, – Брайан сделал недолгую паузу, – мои приборы для сбора информации, те девять сфер, помнишь? Сегодня утром я не нашёл их на месте. Они пропали. И, как назло, никто, ничего не видел.

– Странно, – задумчиво проговорил мистер Уайт. – Кто-то решил воспользоваться информацией, содержащейся в них?

– Это вряд ли. Для этих целей они уже, по сути бесполезны. Все, что я узнал с их помощью, уже хранится в моем личном кабинете, куда только у меня есть доступ. И без моего личного присутствия открыть его практически невозможно.

– Для того, кто об этом знает, – с намеком проговорил мистер Уайт. – Советую тебе подумать о всех, кто мог знать об этих сферах и о причинах, по которым их могли украсть. Например, о самых банальных и низких, мальчик мой.

Его слова больше походили на речь змея-искусителя, только вместо искушения он подталкивал Брайана к сомнениям.

– Каких, например?

– Мечь.

– Я не понимаю.

– Не будь наивным, Брайан. Это раздражает.

– Я не так наивен, как ты думаешь, – в ответ сразу ошестинился Брайан. – И, если уж по твоему приказу запугали Криса, то меня так легко отвадить от него не получится.

Слова вырвались сами, минуя осмысление, которое пришло вместе с осознанием собственной глупости.

– Твои обвинения еще более смешны, когда знаешь ту правду, которую знаю я, – спокойно проговорил мистер Уайт, будто у него на любую фразу Брайана был заранее приготовлен ответ.

– Это какую же? – Брайан изо всех сил старался сдерживать свои порывы, чтобы не рассказать мистеру Уайту еще и обо всем, что ему известно о “зеленке”.

– Что твой обожаемый Крис променял тебя на банковский счёт на свое имя, хоть и весьма внушительный. Безусловно, деньги ему нужны на благое дело. Но его выбор был добровольным и никак не связан с давлением или, боже упаси, угрозами с моей стороны.

– Почему я должен тебе верить?

– Потому что я – один из самых близких для тебя лю-

дей, которого ты знаешь всю жизнь, – жестко ответил мистер Уайт и с его словами трудно было поспорить.

– Подумай над этим, когда в следующий раз захочешь меня в чем-нибудь обвинить.

– Я вовсе не собирался...

Но закончить мысль Брайану не дала, без предварительного стука, открывшаяся дверь.

– Мисс Соул, здравствуйте, – подчёркнуто приветливым тоном обратился мистер Уайт к появившиеся на пороге Софи, которая оторопело переводила взгляд с него на Брайана. – Проходите, что же Вы стоите. Брайан Вас просто заждался.

– Здравствуйте, мистер Уайт, – проговорила она еле слышно. Теперь она испуганно косилась на Брайана, который выглядел весьма расстроенным. И, как ей показалось, по ее поводу, что было отчасти, правдой.

– Надеюсь, что ты хорошенько подумаешь над тем, что я только что сказал.

Софи едва успела отойти в сторону, когда мистер Уайт буквально пронёсся мимо неё, с необыкновенной, беря во внимание его возраст, прытью.

– Я не вовремя?

Брайан смерил ее долгим взглядом, прежде чем ответить:

– Когда ты собиралась мне рассказать?

– О чем?

– Тебя Крис подослал? Тебе же даже врать, особо, не при-

шлось. Ты ему все рассказала, а я и рад стараться, выложил все, как на блюдечке. Так вот, к твоему сведению, в украденных сферах уже нет никакого толка. Они ничего не стоят.

– Кто-то украл сферы? Но когда? Мы же вчера ушли...

– Мы вчера так удобно ушли, – сказал Брайан с некоторым отвращением, выделяя предпоследнее слово.

– Ты же сам предложил поговорить у тебя дома.

– Какое удачное для тебя совпадение. Ты наверняка знала, что здесь все разговоры записываются. Тебе просто было нужно увести меня из кабинета, а уж куда мы пойдём было неважно.

– Все было не так. Я хочу помочь тебе!

– И мы возвращаемся к вопросу: зачем? Какой тебе толк помогать мне?

– Чтобы искупить свою вину, – выкрикнула она и ее голос оборвался, так, что она смогла продолжить не сразу. – Перед тобой, перед Крисом. Перед вами обоими.

– О какой вине ты говоришь?

Софи уже было открыла рот, но из него не пролилось ни звука, а глаза ее стали быстро наполняться слезами. Она отвернулась, не в силах смотреть Брайану в лицо.

– О какой вине ты говоришь? – еще раз спросил Брайан и Софи подняла на него испуганные глаза. Его голос прозвучал гораздо ближе, чем она ожидала, а ведь она и не заметила, как он подошёл.

– Я не могу тебе сказать.

Брайан резко схватил ее за локоть и несильно сжал, встряхнув ее.

– Говори, сейчас же.

На удивление его тон не испугал Софи, а наоборот, отразился сожалением в ее глазах.

– Прошу тебя. Не здесь.

Она ласково, почти интимно, провела рукой от его плеча до предплечья. Хватка Брайана ослабла, взгляд прояснился и он, мотнув головой, отступил на пару шагов назад.

– Не здесь, – сказала она полупшепотом, который подействовал на него не хуже успокоительного. – Я правда хочу помочь.

– Прости. Не знаю, что на меня нашло. Я не сделал тебе больно?

– Все в порядке, – заверила его Софи с легкой, открытой улыбкой. – С чего начнём?

– Начнём? Не думаю, что сейчас подходящее время.

– У тебя все готово?

– В общем-то да, но...

– Никаких “но”. Или ты боишься?

– Не то, чтобы боюсь. То есть, боюсь, конечно. Но дело не в этом.

– А в чем тогда?

– Я сейчас не совсем в том состоянии.

– Всегда будет что-то не то. Не бывает идеального момента. Бывает правильный. Я же вижу: чем дольше ты тянешь,

тем больше сомневаешься в себе.

Брайан внимательно посмотрел на неё и спросил со слабой улыбкой:

– И откуда ты все знаешь?

– Я проницательная, помнишь?

Софи моментально удалось навязать Брайану свою нить и логику рассуждений. Он даже забыл, что буквально минуту назад решил для себя, что доверять ей не стоит. Но вот сейчас, когда в разговоре образовалась пауза, а тишину больше не заполняли ее слова, отсутствие вразумительных объяснений с ее стороны вырисовалось перед ним еще ярче.

– Думаю, что тебе лучше уйти.

Лицо Софи вытянулось: она явно не ожидала такого поворота.

– Но я же...

– Хочешь помочь, ты уже говорила. Но сейчас я хочу побыть один. Мне нужно многое обдумать.

Софи посмотрела на него изучающе, будто по одной его позе, взгляду, незначительному жесту могла понять, о чем он думает. Видимо, для себя она что-то да решила, потому что, согласно кивнув, проговорила:

– Ладно. Только не делай ничего необдуманного.

Она подошла к нему вплотную и повторила свой недавний жест, проведя ладонью по его руке ещё раз.

– Звони, если что-то будет нужно.

И, удовлетворившись его сдержанным кивком, вышла за

дверь.

Брайан еще пару минут после ухода Софи стоял неподвижно, не в силах ни понять, ни осмыслить разительную перемену в ее поведении, окончательно запутавшись, кому на самом деле можно доверять и еще больше укрепившись в мысли о необходимости, все же последовать ее совету.

В конце концов, все и вправду было готово. А он был по горло сыт собственным самокопанием, которое грозило стать самозакапыванием.

Конечно, проводить сеанс в одиночку было весьма рискованно, но и ничего более обдуманного он придумать не мог.

В конце концов, выполняя, негласно данное Софи, обещание, Брайан сгрёб со стола внушительную кипу бумаг вместе с рабочим планшетом. С решительностью, которую можно было объяснить, как секундным порывом, так и ощущением момента жизненной важности, он направился в лабораторию для своего первого, полноценного сеанса.

Глава 16

Софи быстро шла по скользким, извилистым улицам, часто оборачиваясь, чем только привлекала к себе лишнее внимание. Вокруг, к ее счастью, было малоллюдно, но в каждом встречном прохожем ей виделся враг. Она понимала, что ее короткий, но эмоциональный срыв в кабинете Брайана, вряд ли останется без внимания мистера Уайта и его людей. И в

этом случае ей уже едва ли удастся отговориться, как она это делала раньше.

В какой-то момент Софи поскользнулась на утоптанном за день и слегка подтаявшем снегу. Уже безнадежно теряя равновесие, она была кем-то подхвачена и удержана от неминуемого падения.

– Аккуратнее, девушка.

Первое, что она увидела – это лучезарную, приторно-фальшивую, как ей показалось, улыбку незнакомца, который все еще держал ее за локоть.

Она резко дернула руку на себя и, чуть опять не потеряв равновесие, отшатнулась от незнакомца, глядя на него, вполне возможно, что безумными глазами.

– Чокнутая какая-то, – донеслось до ее уха, когда она уже второпях переходила улицу на противоположную сторону, совсем не следя за машинами на дороге, пока не словила возмущённый и долгий гудок у себя за спиной.

Едва выйдя на безопасный тротуар, Софи остановилась и мысленно приказала себе взять себя в руки. Ее поступки уже и так не отличались рациональностью и не вполне дружили со здравым смыслом, который в последнее время сохранял упорное молчание, уступая место хаосу безрассудства.

Путь Софи лежал к дому Криса и, чем ближе она подходила, тем ее шаг все более замедлялся. Так ноги, потакая желаниям подсознания, которое она не могла ни контролировать, ни игнорировать, в физическом плане оттягивали мо-

мент неприятных, но необходимых объяснений.

Оказавшись на месте, уже перед самой дверью, когда ее палец замер и завис в сантиметре от кнопки звонка, ей в голову пришла трусливая мысль развернуться и уйти подальше. Не только от дома Криса, но и от всего, что связывало ее с семейством Харрисов–Уайтов и с проектом. Скорее всего, будь в ней чуть больше инстинкта самосохранения и меньше совести, она бы так и поступила. Такая ее версия даже не стояла бы сейчас на пороге, одолеваемая сомнениями, а вышла бы из игры, как только поняла, что она не стоит свеч.

Но, к сожалению, или к счастью, в ней все же не было того самого чутья, а потому она со всей решительностью, на которую успела себя настроить, нажала на кнопку звонка.

С той стороны, почти мгновенно ответили, как будто только и ждали ее появления. Послышался резкий щелчок и дверь перед Софи бесшумно открылась. Она еще раз огляделась по сторонам и, не заметив, никого и ничего подозрительного, перешагнула через порог.

Крис встретил ее одновременно радостной и встревоженной улыбкой.

– Привет. Что-то ты рано. У тебя все нормально?

– У меня – да.

– А у Брайана?

– И у него, вроде бы, тоже. Я могу войти?

– Да, конечно.

Крис посторонился, пропуская Софи в небольшую при-

хожую, освещенную мягким, желтоватым светом: не совсем современным, зато очень уютным.

– Ты сказала: вроде бы? То есть ты не уверена?

– В данный, конкретный момент времени я ведь не с ним. Стопроцентной уверенности у меня нет, – уклончиво ответила она.

На шум в коридоре выглянул Стивен и смерил Софи странным, недоверчивым взглядом.

– Привет.

Она помахала ему в ответ и обратилась к Крису:

– Мы могли бы поговорить наедине? Это очень важно, – добавила она, для придания своей просьбе еще большей значимости.

Крис провёл ее в самую дальнюю комнату – спальню, которую он теперь снова делил со Стивеном. Окна были плотно зашторены, а через узкую щель пробивался серый, зимний день, который уже клонился к своему завершению. Он присел на край наспех заправленной кровати и вопросительно взглянул на Софи. Которая так и осталась стоять в дверях, словно не могла решить ни с чего ей начать, ни куда себя деть. Крис, видя ее волнение, решил не торопить ее, наблюдая, как она медленно сняла пальто и аккуратно повесила его на спинку стула.

Софи прошла вглубь комнаты, к узкой полоске света, отбрасываемую окном на пол.

– Я могу открыть шторы? – спросила она через плечо, а

ее рука, еще до ответа Криса, потянулась к темной, тяжелой ткани.

– Да, если хочешь.

– У тебя очень красивый вид из окна.

Она еще немного помолчала, разглядывая заснеженный город, который был виден далеко вперед.

– Только прошу, не перебивай меня. Мне и так было очень тяжело собраться.

Софи на мгновение обернулась и мельком взглянула на Криса, а он сразу кивнул ей в ответ.

Отвернувшись обратно к окну, она начала свой рассказ:

– На самом деле я должна была рассказать тебе обо всем гораздо раньше. Просто духу не хватало.

Софи стояла так близко к окну, что от ее дыхания стекло начало запотевать. Вторя своим мыслям, она стала выводить на прохладной поверхности замысловатые узоры, не прекращая говорить и удивляясь, что у неё вообще получалось облекать сумбурные слова, которые вертелись в голове во вполне связные.

– Я была с тобой мало в чем честна. Начну с того, что с мистером Уайтом я была знакома задолго до начала проекта. Я тогда была студенткой медицинского университета и выиграла национальный гранд, спонсором которого как раз и был Центр мистера Уайта. Я опущу подробности. Скажу только, что мои идеи так удачно совпадали с его интересами, что, в какой-то момент, он захотел встретиться со мной

лично. Так я впервые оказалась в Центре, а мистер Уайт показался мне довольно приятным человеком, к тому же он проявлял искренний интерес к области моих исследований. Нейропсихология, если тебе интересно. Внимательно выслушав, он предложил мне подработку в его лаборатории, якобы, чтобы продолжить и углубить мои разработки. Я попросила время подумать, на том мы и попрощались. Но, естественно, уже на следующий день я согласилась. Я была маленькой девочкой с большими мечтами. Большие мечты так и остались мечтами, только я перестала быть маленькой.

Софи замолчала и на лице ее пробежала мимолетная, грустная улыбка. Она обхватила себя руками и, будто опомнившись, продолжила:

– После месяца подобия испытательного срока, мистер Уайт приоткрыл мне завесу тайны, с какой целью я ему понадобилась. Его душераздирающая история о болезни внука тронула мое сердце, а похвалы за нестандартный подход к решению вопросов (не такой, как у прочих престарелых умников, как он их называл) вселили уверенность и даже не оставили места для сомнений. Позже я познакомилась с Брайаном, мы стали работать вместе. Для него я была ассистенткой. Мистер Уайт устроил все очень правдоподобно: Брайан уже тогда был полностью поглощён проектом, а я занималась его мелкими поручениями, попутно ведя наблюдения, сближалась с ним. Он выглядел и вёл себя вполне нормально. Разве что всего себя отдавал работе, но это не выходило

за рамки сильной увлеченности. До одного случая.

Ее голос вздрогнул и затих, а тишина комнаты наполнилась глубоким вздохом.

Крис сидел неподвижно, глядя прямо перед собой, сфокусированным на одной точке, взглядом. Пока что ему не особо были понятны переживания Софи и почему ее тон звучал так виновато. Не считая добровольного сотрудничества с мистером Уайтом, конечно. Но он и сам оказался втянутым в сеть его интриг и не мог обвинять ее за это.

– В тот день я слегка задержалась на занятиях и в Центр пришла позже, чем обычно. Когда я вошла в кабинет Брайана и, не глядя, поздоровалась, то не получила ответ и только тогда осмотрелась. Пол был усеян кучей бумаг, кое-где виднелись осколки, как позже выяснилось – от стеклянной дверцы шкафа, а окна были опасно распахнуты настежь. Я сразу подбежала к ним и с опаской взглянула вниз. Высота была головокружительной, как никак его кабинет находился на 21-м этаже, но ничего из того, что в своём воображении я уже успела нарисовать, я там не увидела. Стало очевидно, что Брайана в кабинете все же не было и, где его искать я не имела ни малейшего представления. По большей части мы работали именно в его кабинете и лишь однажды я была в лаборатории, где тогда мельком увидела его отца – доктора Харриса. Я присела на корточки, чтобы осмотреть бумаги. В большинстве своём это были расчеты, в которых я совсем ничего не понимала, но была там и пара копий, сделанных с

рукописного оригинала. Много позже я узнала, да и то случайно, что это был дневник Кэтрин, и кто она, собственно, такая.

Брайан вернулся почти сразу и застал меня за наглым разглядыванием его документов.

Одна его кисть была перемотана, на пальцах все еще виднелись следы крови. Я сделала вид, что собираю бумаги. Моя уловка не сработала, и он начал злиться. Сквозь зубы он попросил меня взять таблетки в кармане его пиджака и принести ему. Блистерная упаковка всего на три таблетки изумрудно-зеленого цвета, одна из которых отсутствовала. Видимо он успел принять ее перед моим приходом. Я протянула ему упаковку, и он резким движением вырвал ее из моих рук. Признаться, в тот момент мне стало страшно. Брайан, конечно, контролировал себя, но устроенный им погром вынуждал держаться настороже. Он, не запивая, глотнул таблетку, потом вторую и прошёл в противоположный конец комнаты, подальше от меня, и отвернулся спиной. Не помню, сколько времени мы простояли молча. Я не рисковала даже шевелиться. Какой-то внутренний голос подсказывал мне, что Брайан держит себя под контролем из последних сил. Но и бросить его и уйти я не смогла.

Софи замолчала. Она так старалась поскорее рассказать о тяжелых моментах, что ей просто не хватило воздуха в легких.

Крис поерзал на месте, ощущая некую неловкость нарав-

не с проснувшимся интересом. Он уже смутно догадывался о происхождении зелёных таблеток, упомянутых Софи, но уточнять не стал, ожидая, когда она подтвердит его догадку.

– Когда Брайан обернулся, – продолжила тем временем Софи, – то выглядел очень удивленным, но, к моей радости, спокойным. Но только я подумала, какое средство способно так быстро успокоить (не считая сильных транквилизаторов, действие которых не предполагает сознательное состояние человека), как он спросил меня, как я здесь оказалась и еще удивился, когда он успел перебинтовать себе руку и вернуться обратно в кабинет. Я подошла ближе и стала расспрашивать о его самочувствии. Оказалось, что небольшим провал в памяти не доставлял ему никаких физических неудобств, а последнее, что он помнил, как вышел в коридор, направляясь в мед. кабинет в поисках аптечки. От моих аккуратных расспросов о произошедшем, как, впрочем, и от прямых, он уклонился. Поэтому мне оставалось только помочь ему с уборкой и осмотреть, как он сделал себе перевязку (я с этим неплохо справляюсь, ты же знаешь).

Софи будто вспомнила, что в комнате не одна и снова оглянулась на Криса.

– Ты знал о его болезни? – обратилась она к нему.

– Да, знал.

– Он рассказал тебе?

– Не он.

Уточнений, от кого Крис это узнал, не последовало.

– Тогда ты, наверное, в курсе о похожих проблемах Кэтрин.

– О ней я не знал. По правде говоря, я бы сам не догадался о Брайане, он никогда при мне не срывался. С чего ты взяла про Кэтрин?

– То, что ты знаешь, как “зеленку”, изначально создавалось, как лекарство для неё.

Крис ошеломлённо смотрел на Софи, не в силах вымолвить и слова.

– Как видишь, изначальные цели были вполне благородные. Это уже потом Уайт решил извлечь из них материальную выгоду.

– Это он тебе рассказал?

– Ну, в целом да.

– Чем же ты заслужила его доверие?

– Тем, что делала, как он просил, – с горечью сказала Софи и отвернулась обратно к окну. – Была с Брайаном, присматривала за ним. Иногда, ради исследования новых свойств “зеленки”, выводила его на эмоции, после которых у него случался приступ. Он ничего такого не помнит. Как и меня не помнит.

По ее щеке прокатилась одинокая слезинка, которая быстро исчезла на полпути к воротничку белой блузки, который она нервно одернула, преграждая путь грустным мыслям.

– При определённых обстоятельствах препарат может вызывать частичную потерю памяти. Также, при моем непо-

средственном участии, был выработан механизм контроля над стираемыми воспоминаниями. Другими словами, можно было стереть что-то или кого-то конкретного.

– И ты решила стереть себя?

На этих словах Софи вздрогнула всем телом и все же не сдержала вторую слезу, прежде чем начать часто моргать.

– Так было нужно. Ему в том числе.

– И что было дальше?

– Потом начался проект. Отборы, на которых я присутствовала, чтобы тебе примелькаться. Сеансы, после которых мне нужно было втираться тебе в доверие.

– Почему ты?

– Видишь ли, – теперь голос Софи звучал отстранённо, почти безжизненно, – в работе с Брайаном я показала свою профпригодность, скажем так. Уайт мне доверял и решил, что я смогу влиять на тебя, если что.

– Если что?

– Если ты начнёшь выходить из-под контроля. Изучив твою биографию, он пришёл к выводу, что воздействовать на тебя грубой силой не лучший вариант. Нужен тот, кому ты сможешь доверять. Помнишь, в самом начале я рассказала тебе о странностях во время отбора?

– Это что – ложь?

– Только частично. Отбор действительно был, для отвода твоих глаз. Это такой психологический трюк: сказать малую правду, чтобы скрыть большую ложь. И, чтобы ты стал мне

доверять. Уловка сработала, а ты и не понял.

Софи изо всех сил старалась не расплакаться. Улыбалась, шмыгала носом, запрокидывала голову к потолку. Сил сказать слово “Прости” не оставалось. Оно комом застревало в горле, мешая дышать.

– А как же Джо?

– Из всех вопросов, тебя интересует только этот?

– Не только. Этот я думаю, наименее сложный.

– Джо здесь не при чем. Он хорошо мог объяснить принцип действия аппарата и вообще всю концепцию эксперимента. Ты задавал вопросы. Не получая от Харриса ответы, ты мог выйти даже из-под моего контроля. А так, тебе было над чем подумать.

– Зачем ты мне все это рассказываешь?

– Потому что я хочу помочь. Тебе и Брайану. С недавних пор Уайт не собирается продолжать поиски Кэтрин.

– Откуда ты знаешь?

– Он сам мне рассказал. А потом попросил отвлечь Брайана, чтобы кто-то из его людей забрал сферы из кабинета.

– С информацией? И ты это сделала?

– Да.

Крис дёрнулся в ее сторону с намерением подойти к ней, заглянуть в глаза, увидеть, что все, что она только что сказала – неправда.

– Остынь, Крис, – словно прочитав его намерения, сказала Софи, – они бесполезны. И Уайт, и Брайан это знали. Уайт

хотел бросить на тебя тень подозрения. В какой-то степени у него получилось. Брайан теперь сомневается во всех.

– Почему Уайт решил прекратить поиски?

– Этого я не знаю, – честно призналась она.

– Ты не ответила на вопрос. Какие у тебя мотивы?

– Если я скажу, что все банально и просто, ты мне поверишь? – Софи оценивающе посмотрела на Крису, не особо надеясь на положительный ответ.

– А ты попробуй сказать правду.

Она улыбнулась краешком губ.

– Туше. Тогда вот тебе моя правда. Я... – следующая пара слов, почти шепотом, – люблю его. Брайана.

Игнорировать навязчивые мысли Брайан больше не мог и принял двойную дозу лекарства. В последние дни он делал так все чаще. Тогда, искать кому-то оправдания, называть виноватых сразу оказывалось неважным.

Лаборатория встретила его уже приевшиеся стерильной белизной. Она помнила не только его триумфы, которые, однако, так и не ознаменовались окончательным успехом. Но и поражения, коих было несоизмеримо больше. Ведь им отводились годы, а не несколько последних месяцев.

Брайан открыл шкаф, за которым скрывался выдвигной стол. Разложив, принесённые с собой, бумаги, он еще раз, теперь уже точно в последний, проверил свои записи и расчеты. Наконец, удовлетворившись, он прошёл в аппаратную,

чтобы настроить все необходимые параметры. После своего первого перемещения, столкнувшись с проблемой банальной некомпетентности Криса в этих вопросах (на фоне все возрастающего недоверия к своему отцу), Брайан озаботился установкой функции отложенного старта которую, непонятно почему, не внесли до него. Теперь это было, как нельзя кстати, и тянуло на, едва ли, не самое правильное решение за последнее время.

Возня с настройками заняла у него больше времени, чем он рассчитывал, но размеренное спокойствие, подаренное препаратом добавляло необходимой концентрации.

Когда все было готово, Брайан вернулся в лабораторию и надел браслеты. На правом из них больше не отображался таймер со временем. Его теперь символично заменял знак бесконечности, занимавший почти весь экран.

Обратный отсчёт запустился автоматически, и он поспешил сгруппироваться точно также, как не раз это делал Крис, а он запомнил, наблюдая за этим. На цифре два Брайан, повинаясь неведомому рефлексу или отголоску воспоминаний, зажмурился, но ощущения пустоты, как и в первый раз, не последовало. Вместо этого он ощутил вполне осязаемую землю, которая слегка проваливалась под ногами.

Брайан медленно открыл глаза. В лицо сразу ударил яркий луч солнца, пробивавшийся через зеленую толщу крон высоких деревьев, от которого он прикрылся ладонью, а в носу зашекотало от резкого запаха леса и болота. Он поднял одну

ногу, а когда опустил ее, то услышал характерное чавканье мокрой земли. И действительно, он обнаружил, что стоит на берегу небольшого озера, сплошь покрытого болотной ряской. Его ботинки все глубже уходили в илистую топь и он, опасаясь за сохранность себя и обуви, не без труда, сделал несколько широких шагов назад.

– Мама? – сказал он вопросительно и неуверенно. Так, что даже сам себя едва услышал. – Ты здесь? – уже чуть громче, но от этого дрожь в голосе была слышна отчетливее.

Он обернулся, как ему показалось на шорох, но за спиной простирались одни только коричневые стволы, кое-где покрытые мхом.

Сомнения, что он мог угодить не туда стали отчетливо формироваться в его сознании. Одним щелчком кнопки, Брайан перевёл экран в режим таймера, который был по умолчанию установлен на отсчёт пятнадцати минут. Так разочаровывающе ожидаемо, секунды потекли в обратном направлении, привычном для нашего времени и пространства. Аргумент был весомым, но Брайан хотел быть целиком и полностью уверен, что его перемещение не достигло цели.

Он решил хорошенько осмотреться, прежде чем нажимать красную кнопку для экстренного возвращения.

Насколько он смог убедиться, весь берег вокруг озера представлял из себя смесь земли и песка пополам с водой и бродить по такому было точно занятием не из приятных.

Единственный путь, который ему оставался – лес за его

спиной.

Пробираясь через высокую траву, которая в некоторых местах доходила ему чуть ли не до бёдер, Брайан очень быстро вышел на слабо утоптанную тропинку, которая, петляя между деревьями, уводила все глубже в лес. Он слабо представлял, что же он собирается искать в месте, где, по сути, искать-то и нечего. Вокруг царили тишина и спокойствие. До тех пор, пока в каких-то сантиметрах от его головы не пронеслась, со стремительным свистом, стрела и не вонзилась в ближайшее дерево позади него. Это случилось так быстро и было так неожиданно, что Брайан и думать забыл о возвращении, а стал внимательно смотреть в сторону, откуда прилетела стрела. Не лишённое смысла, но абсолютно опасное занятие, оправдать которое можно было разве что соображением, что стрелок, кем бы он ни был, вряд ли бы промахнулся.

Так никого и не разглядев, Брайан сделал крошечный шаг вперёд, но тут же был остановлен второй стрелой, воткнувшейся в дерево с противоположной от него стороны.

Он инстинктивно вскинул руки вверх:

– Эй! У меня нет оружия.

Для наглядности он пошевелил пальцами на обеих руках.

Из-за деревьев, чуть левее того места, куда смотрел Брайан, вышел парень с луком и еще одной стрелой наготове. Он медленно, словно крадучись, подходил все ближе, пока Брайан не смог разглядеть, что перед ним совсем еще маль-

чишка. На нем была мешковатая одежда, явно на пару размеров больше, чем требовалось, а голову покрывал капюшон, сильно удлиненный сзади.

Мальчишка сердито выкрикнул какую-то фразу на непонятном Брайану языке, походившим на французский. Собственно, по этой причине он и смог разобрать пару слов: ты и мне. Но, что его не особо были рады видеть, было понятно и так.

Брайан попытался успокоить парнишку, мысленно призывая все свои скудные знания французского на помощь.

– Je m'appalle Brian, – кое-как выговорил он, на всякий случай еще и указывая на себя. Как оказалось, на этом его знания можно было считать исчерпанными.

– Jeanette.

Брайан был уверен, что он ослышался и уже собирался переспросить, когда позади него, со стороны озера, послышались возгласы и топот нескольких лошадей, который быстро приближался.

Мальчишка сразу рванул в лес, да так быстро, что с его головы тут же слетел капюшон, обнажая длинные рыжие волосы, стянутые в тугую косу. Пока Брайан растерянно пялился ему или, вернее, ей вслед, она, ловко перепрыгивая поваленные деревья, скрылась из виду.

Пришёл черед и Брайана убираться отсюда. И, чем скорее, тем лучше. Гул голосов становился все громче, к ним присоединилось завывания собак и ржание лошадей. Во всей этой

какофонии звуков Брайан едва успел расслышать писк браслета, оповещающий, как нельзя более вовремя, что у него осталось десять секунд.

Моментальная группировка, как будто он проделывал это уже десятки раз, крепко зажмуренные глаза и ладони, сжатые в кулаки до такого состояния, что ногти врезались в кожу. В таком виде Брайан и покинул тот странный мир, так и не успев толком поразмыслить, как, почему и где он оказался.

Возвращение в свое время было, в прямом смысле слова, головокружительным и он успел только грузно осесть на пол, когда был подхвачен парой чьих-то рук и, словно в полусне, отведён на кушетку.

Как только зрительная функция более-менее восстановилась, и он смог, наконец, открыть глаза. На фоне слепящей белизны лаборатории над ним возвышались два силуэта.

– А вы, что здесь делаете? – недоуменно спросил Брайан, чуть приподнявшись на локте и поочередно рассматривая стоящих перед ним мужчин.

Глава 17

До меня постепенно доходил смысл происходящего, как и то, что вообще Мира забыла в кабинете моего отца. Весь их диалог постепенно начал теряться, переходя в сплошной белый шум, через который до моего сознания долетали об-

рывки фраз, сказанных Мирой.

Но я уже успела увидеть и услышать достаточно. Очередной мой мир разрушался на части прямо на моих глазах, а поделаться я ничего не могла. Меня бы все равно никто не услышал, как бы громко я не кричала. Поэтому весь свой крик я направила внутрь себя: я ощущала его монотонную вибрацию в черепной коробке, он отдавался холодными волнами мурашек, зудящих по всему телу.

Я смотрела на говоривших и не могла поверить своим глазам. Передо мной сейчас стояли не близкие мне люди, а их телесные оболочки, абсолютно пустые внутри, которым совершенно нет дела до меня, до того, что я чувствую. И, как будто, никогда не было.

– Я не могу с ней так поступить! – словно пытаюсь доказать обратное, крикнула Мира. Да так громко, что все мое внимание обратилось на неё, возвращая меня к их диалогу.

– Но ты уже так поступила. К чему сейчас эти высоконравственные суждения?

– Вы думаете, что она не сможет справиться. Но Кэтрин гораздо сильнее, чем Вы можете предположить!

– Никто в этом мире не может полностью справиться со своими слабостями. А уж такие, как Кэтрин, и подавно.

Я увидела, как отец взял со стола металлический футляр, размером с сигару, и задумчиво повертел его в руках.

– Правда, Мира?

Та же, не сводившая до этого взгляда с, поблёскивающей

в свете лампы, коробочки, протянула невнятное “Аааа”, чем вызвала его снисходительную улыбку.

– Зачем ты пришла ко мне? Хотела бы ты все рассказать Кэтрин, то так бы и сделала.

– Кэтрин не заслуживает такого отношения.

– А я не заслуживаю ее болезни.

Меня бросило в дрожь от глубокого разочарования, прозвучавшего в его голосе.

– И, тем не менее, я потратил много средств, чтобы создать для неё лекарство.

– А потом сделали из него элитный наркотик, – хмыкнув, сказала Мира.

– Ты бы и сама не отказалась от дозы, верно?

– Мне это больше не интересно, – сказала Мира с вызовом, но ее пыл сразу же сник, под взглядом отца.

– Значит так, слушай сюда и запоминай с первого раза, – его голос прозвучал угрожающе тихо, – если ты не хочешь, чтобы Кэтрин узнала, что ты на самом деле за подруга, советую держать язык за зубами. Ты даже пикнуть не успеешь, как я сразу достану и тебя, и всех, кто тебе дорог. Пока Кэтрин тебе доверяет, ты мне полезна. Но лучше тебе не знать, что бывает с людьми, которые больше не представляют для меня выгоду.

Мне не хотелось больше это слушать и я, как могла плотно, закрыла уши руками и, для верности, зажмурила глаза. Голова кружилась, а в горле засел неприятный комок. Но

слез, как ни странно, не было. Я вдруг почувствовала себя такой слабой и беспомощной. Наконец я стала той, какой меня считал отец на самом деле.

Не знаю, как долго я так стояла, но все же заставила себя открыть глаза. Отец снова был в кабинете один, а громкий хлопок двери говорил о том, что Мира только что ушла.

Что же до сих пор держало меня в этом воспоминании? Мне казалось, что я уже увидела достаточно, но меня еще ждал финальный штрих.

Отец еще пару раз провернул футляр между пальцами, а затем за пару оборотов открутил крышку и медленно вылил его содержимое себе в рот.

Откинувшись на спинку кресла он еле слышно проговорил себе под нос:

– У каждого есть слабость, с которой он не может справиться.

Уже в следующую секунду я наблюдала за тем, как и он, и вся комната становились менее четкими, пока не стали прозрачными, а это видение сразу сменилось следующим, снова не давая мне опомниться и осмыслить в полной мере, что вообще происходит.

Очертания комнаты, в которой я теперь оказалась, я узнала сразу же – это была моя собственная спальня в квартире, которую я снимала. Не успела я толком осмотреться (все вокруг казалось таким знакомым и незнакомым одновремен-

но), как в комнату вошёл Майк с маленьким Брайаном на руках, а следом за ним – мой отец.

Брайан сразу показался мне немного подросшим. Он доверчиво обнимал Майка за шею и вёл себя абсолютно спокойно, как если бы все время, что я его не видела, он только и проводил что на руках у Майка.

В свою очередь Майк выглядел обеспокоенным и даже недовольным.

– Нам нужно серьезно поговорить, – начал отец и, не спрашивая разрешения, сел на край кровати.

– Мы с Вами уже все обсудили, как я думал, – Майк всем своим видом пытался показать свои намерения поскорее закончить этот разговор.

– Почему ты продолжаешь снимать эту квартиру? – спросил отец. – В этом нет никакого смысла. Вы с Брайаном можете жить в моем доме. Мэри будет очень рада. К тому же, я думал, что мы договорились об этом ещё в самом начале.

Я была удивлена тону отца: он не приказывал, не настаивал, просто предлагал, хотя и настойчиво, и явно не в первый раз. Так он делал только в тех редких случаях, когда завоевать доверие определенного человека было важнее, чем проявить, пускай и незначительную, но, все же, слабость.

– Как это обстоятельство относится к теме разговора?

Ответа, ожидаемо, по-моему, даже для Майка, не последовало, поэтому он сам ответил на вопрос отца:

– Брайану здесь нравится. Я пару раз отвозил его к себе, и

он вёл себя очень беспокойно. К тому же..., – он замолчал, будто прикидывая, стоит ли озвучивать все свои мысли, – когда Кэтрин вернётся, ей захочется остаться здесь, я думаю.

– Главное, что она вернётся.

Я во все глаза смотрела на Майка и в выражении его лица видела только одно: надежду, которая в любой момент могла свести его с ума.

До этого видения я была уверена, что им движет любовь ко мне, которая со временем (очень скоро, как теперь стало ясно) перекинулась и на моего сына. Я знала, что ему было обо всем известно с самого начала, гораздо раньше, чем остальным. Но, что им движет такое сильно желание вернуть меня, и не просто в наше время, вернуть себе, я и не догадывалась. Я оказалась для Майка выгодной сделкой, так же, как и для своего отца.

Остался ли хоть кто-нибудь, кому нужна я, а не идея управлять моей жизнью?

Похоже, что это видение стало последним, потому что все его участники, как и сама комната стали рассыпаться осколками, оставляя меня среди крошечной тьмы, которую я могла ясно рассмотреть. Она была повсюду и внутри меня, бурлила в крови, заполняла легкие вместо кислорода, пока я сама не стала ее частью.

– Эй, ты в порядке? – с беспокойством спросил Крис, глядя в слегка затуманенные глаза Брайана.

Они с Томом только что ворвались в лабораторию и обнаружили Брайана лежащим на полу в полубессознательном состоянии. Им пришлось аккуратно перетащить его на кушетку и теперь Крис старался его как-то растормошить. Но все его усилия оставались без ответа.

– Он что нас не видит? – спросил он уже у Тома, который стоял рядом.

– Не знаю. Попробуй еще что-нибудь спросить.

Но этого не потребовалось. Потому что Брайан уже пришёл в себя и первым задал вопрос:

– А вы что здесь делаете? Крис, кто это вообще?

– Слава богу, Брайан. Я уже начал переживать, что ты...

В общем, я рад, что ты в порядке.

Он нервно усмехнулся и повернулся к Тому в поисках поддержки.

– А это – Том. И я тебе сейчас все объясню.

– А ты ещё, что здесь делаешь?

Брайан посмотрел за спину Крису на появившуюся в дверях Софи, которая часто дышала после быстрой ходьбы. Следом за ней в кабинет вошёл Майк. Он беглым взглядом окинул всех собравшихся и коротко поздоровался.

Брайан выглядел вконец сбитым с толку, к тому же его голова все ещё слегка кружилась после перемещения. В глазах Криса читалась уверенная решительность, а Том не без интереса рассматривал вновь прибывших, а, в особенности, Майка, с которым не был знаком.

– Господа, – почти торжественно начал Харрис и добавил: – Дама. Раз уж мы собрались сегодня такой тёплой компанией, то, во избежание присутствия нежелательных слушателей и зрителей, подождём еще пару секунд.

И действительно, не прошло и нескольких мгновений, как камеры в противоположных углах кабинета последний раз мигнули синим светом и погасли.

– Похоже, круг посвящённых в эту историю еще больше расширился, – сказал Майк, с намеком на Тома.

– Ах да, – спохватившись, проговорил Крис, – это Том, мой друг. Он мне помогает.

Со стороны, все собравшиеся представляли из себя картину, олицетворявшую собой недоверие. Их взгляды скользили по лицам оппонентов, пока разум делал заключения о допустимой степени открытости.

Сложнее всего пришлось Брайану. Он, в отличие от Криса и, отчасти, Тома, (не говоря уже об осведомленности Майка) не был пока удостоен истории от Софи. Которая, в свою очередь, могла чувствовать себя увереннее остальных, потому что ее понимание ситуации было наиболее полным. Она волей-неволей оказалась тем связующим звеном, той самой красной нитью, до последних пор незримой, которая своим участием затронула все грани прошлого и настоящего и могла определить дальнейшее будущее всех участников этих событий.

Она же, не отрываясь, смотрела на Брайана, но прибли-

зиться к нему не решалась до тех пор, пока не словила его взгляд, преисполненный вопросов. Она без раздумий подошла к нему и присела рядом. Брайан предпринял, с первого же раза удачную, попытку принять сидячее положение, чтобы не выглядеть совсем уж слабо и нелепо в глазах окружающих. По крайней мере, себя он как раз так и ощущал.

– Ты в порядке? – спросила Софи с участием.

Она привычным движением положила руку ему на плечо, чем ни у кого из присутствующих не вызвала удивления. А сам Брайан, на подсознательном уровне, почувствовал себя спокойнее. На какую-то долю секунды ее жест показался ему таким знакомым, но будто бы давно забытым. Но под пристальным взглядом Майка, он сразу же упустил эту идею, не успевшую толком сформироваться.

– Да, в полном, – только и ответил он.

– Братся за сеанс в одиночку было очень глупо с твоей стороны, – обратился Майк к сыну, позволив себе только этот короткий, строгий комментарий в присутствии остальных, но глаза его при этом светились беспокойством.

– Вы все в курсе, по какой причине мы здесь собрались, – продолжил он, как ни в чем не бывало. – И у каждого есть, что рассказать, чтобы мы могли увидеть цельную картину. И вместе придумать, что делать дальше.

Он еще раз обвёл взглядом каждого.

– Вижу, что не все мне до конца доверяют. – Крис и Том мельком переглянулись, что не укрылось от глаз Майка. –

Что ж. Это ваше право. Тем более, что не все из вас и во мне вызывают доверие. Однако, каждый сможет получить выгоду от этого разговора.

Закончив со вступительным словом, он обратился к девушке, которая все также продолжала сидеть рядом с Брайаном, погружённая в свои мысли:

– Софи. Может быть ты начнёшь? Твой рассказ будет самым длинным.

Софи медленно поднялась со своего места. Она буквально затылком ощущала на себе внимательный взгляд Брайана и всех остальных, а оттого во второй раз за день делиться своей правдой становилось в разы сложнее. С надеждой на понимание, но со страхом разочарования в ней со стороны Брайана, она приступила к рассказу. Слова полились непрерывным потоком. Местами, их с трудом можно было разобрать, так тщательно она старалась поскорее разделаться со своей историей. Как будто бы это помогло бы ей почувствовать себя менее виноватой.

– Почему же ты решилась рассказать обо всем только сейчас?

Услышав голос Брайана, она не сразу поверила своим ушам. Но обернуться к нему она так и не решилась, предпочитая взглядом исследовать белоснежную стену, чем смотреть ему в глаза.

– Потому что я только недавно узнала, что проекта больше не будет. По крайней мере, Уайт его больше не намерен про-

должать. Я на многое закрывала глаза и моим поступкам нет оправдания. Разве что... Я думала. Я надеялась, что так я помогаю тебе. Видишь ли, в какой-то момент, когда я впервые взбунтовалась против методов Уайта, он объяснил мне, что вовлеченность в проект для тебя, Брайан, сродни терапии. Ты переводил свои навязчивые мысли в действие и это помогало. Препарат тебе требовался все реже и, вместе с тем, меня в твоей жизни становилось все меньше.

– Так вот, откуда это ощущение, будто я тебя давно знаю, – задумчиво сказал Брайан. Себе, прежде всего.

Эти слова заставили Софи напрячься. По ее спине пробежал холодок, от которого она зябко поежилась, сцепив руки на груди. Это ее тревога рвалась наружу, приказывая пальцам отстукивать на предплечьях нервный мотив из ее бессознательного.

– Ты знаешь, почему он так решил? – спросил Брайан одновременно у Софи и у отца.

– Не имею ни малейшего представления, – ответил Майк таким ровным тоном, что о его истинных чувствах оставалось только догадываться, – я сам об этом узнал, минут десять назад от Софи.

Она только успела обернуться, как все взгляды вновь устремились на неё, а она сама смотрела только на Брайана. Она искала в его глазах презрение, ненависть, да что угодно, кроме отсутствующего, нечитаемой выражения. Как будто ему было все равно.

– Я больше ничего не знаю. Моя задача действительно состояла в том, чтобы вовремя увести Брайана из Центра. Но я сделала это только после того, как убедилась, что он получил всю необходимую информацию из сфер, и сможет продолжить поиски.

– Как так получилось, что Уайт не знал, что сферы бесполезны? – удивился Том, впервые подав голос.

– Он знал, – ответила Софи тихо. – Ему нужно было подставить Криса.

– Это имеет смысл. Уайт давно хочет убрать его с дороги. Крису осталось только согласно кивнуть, ведь обо всем этом ему стало известно ещё днём.

– Вы совсем не выглядите удивлённым, – сказал он Майку с явным укором. – Я думал, что Вам не все равно.

– Помимо моих чувств, которых ты так до сих пор и не понял, есть ещё и здравый смысл. Как мое удивление поможет решению проблемы? Меня сейчас волнуют причины, а не собственные переживания, которые могут подождать.

– Не начинайте снова свои петушинные бои на ровном месте, – пристыдил их Брайан, – кроме этой, у нас есть еще одна проблема. Мой метод не сработал. Я даже близко не переместился к маме. А еще я почти уверен, что встретился с молодой Жанной Д'арк. Но сейчас не об этом. У меня опять не было того промежуточного состояния, о котором ты говорил, Крис. Теперь я понимаю, что дело не в этом газе. Мой препарат, газ, наркотик – в основе лежит одно и то же веще-

ство. И в моем организме его, зачастую, предостаточно. И дополнительные дозы мне нужны. Что тогда не так?

– Хотел бы я ошибаться, но боюсь, что загвоздка как раз-таки в том, кто перемещается, – с некоторым сожалением в голосе, сказал Майк. Он потёр переносицу, словно то, что он собирался сказать, причиняло ему физическую боль. – Крис всегда ее находил. Да, мы знали время, место, на него воздействовал препарат, но будь это не он, ничего бы не вышло.

– Но, как же дневник? – недоуменно спросил Брайан.

– Я долго думал об этом. И мои рассуждения привели меня к не совсем понятным заключениям с точки зрения науки. Мне кажется, что они связаны гораздо сильнее, чем мы могли предположить. Их жизненные системы, их души, если хотите, стремились к друг другу сквозь пространство и время. Так почему бы им в конце концов не сойтись в том месте, где находится Кэтрин?

Абсолютно все в лаборатории уставились на Майка в ошеломлённом удивлении. Каждый, кто хоть немного был знаком с его непростой историей и долгим путём к Кэтрин никогда бы не поверил, если бы не услышал лично, что он мог такое сказать.

– Дневник – был просто источником информации, малой частью глобального пазла, который попросту не сработал бы без двух его главных составных частей.

Кто бы знал, каких усилий стоило Майку сохранять спокойное выражение лица. Только плотно сжатые зубы, от чего

явно очертились его челюсть и скулы, могли выдать, как он старался держать эмоции под контролем.

– Вы хотите сказать, – медленно начал Крис, сомневаясь, все ли верно он расслышал.

– Что теперь нужно попробовать твоё перемещение с теми же параметрами, – закончил за него Майк.

– А как же Уайт? – вмешался Том, которому личная не вовлеченность помогала руководствоваться разумом, вместо чувств. – Вы все это время были на его стороне. Почему вдруг решили помочь Крису?

– Я никогда не был за него. До этого момента я просто не видел смысла идти против.

– Вы знали о его состоянии? – опять спросил Том, впериw в Майка внимательный взгляд. – Знали, что он и сам принимает “зеленку”?

Тот метнул беглый взгляд на Софи, но она старательно отводила глаза.

– Догадывался, но не знал наверняка. Со мной он не делился такой личной информацией. Откуда же вам о ней известно?

– Из надежных источников, – уклончиво ответил Том. – А еще из отчета о его визитах к психоаналитику за последние полгода. Неутешительная статистика.

– Что ж, неплохо, – похвалил Майк, но с некоторой долей сарказма. – Но потребуются доказательства посущественнее.

– И какие же?

– Его личное признание. Я бы даже помог вам его устроить.

– А что мы получим взамен? – вмешался Крис.

Брайан все это время настороженно слушал, не перебивая. На его голову за последние полчаса свалилась куча противоречивых фактов разной степени подтвержденности и, пока что, его мозг соглашался работать только на приём информации.

– Мою помощью, – коротко ответил Майк.

– А что получите Вы?

– Это вам уже знать не обязательно.

– По правде сказать, мне бы тоже не помешало его признание, – заключил Том.

– Вы копаете под него, – проницательно подметил Майк.

– Собираю информацию.

– Неужели для Криса? Какой у него, оказывается, хороший друг, – добавил Майк с неприкрытым сарказмом. – Ответьте мне тогда на один вопрос. Будет лучше, если Вы ответите честно. То, для чего Вы собираете информацию, сможет чем-то навредить компании?

– Меня интересует только Уайт. Это личные счёты, – поспешил добавить Том, пресекая дальнейшие вопросы и стараясь игнорировать вопросительный взгляд Криса.

– Что ж, похоже, Вы не врете. Остальные подробности меня мало интересуют.

– Вы говорили о помощи. В чем конкретно?

– Софи, расскажешь о том инциденте, у нас дома? Всё-таки ты лично при этом присутствовала. А после я объясню, как вы сможете использовать эту информацию.

Девушка метнула в Майка умоляющий взгляд, но он демонстративно отвернулся, перекладывая очередной рассказ на ее плечи.

– Это случилось пару месяцев назад. Я, как обычно, зашла в кабинет Уайта с отчетом. Был поздний вечер, основной свет оказался выключенным, а слабой лампы на столе едва хватало, чтобы хоть немного ориентироваться в пространстве комнаты. В общем, Уайта я заметила не сразу, пока он полулежал в своём любимом кресле, отодвинутом к нише в дальней стене. Как выяснилось, он спал, а от моего громкого хлопка дверью, резко проснулся и спросил так тихо, что я его еле расслышала. Он звал Кэтрин. А потом сказал уже громче, но голос то и дело срывался: «Ты меня ненавидишь». Он все продолжал повторять эту фразу, а я пыталась наощупь найти выключатель, пока неотрывно следила за Уайтом, вернее за его силуэтом на фоне стены. Наконец, я включила свет и столкнулась с выражением его лица, которое я никак не ожидала увидеть. Он выглядел испуганным и смотрел на меня так, словно не узнавал, словно он видел перед собой кого-то другого. Он резко вскочил с кресла, извинился передо мной, точнее, перед Кэтрин, насколько я поняла, и вышел, даже практически выбежал из кабинета, так, что я едва успела отойти в сторону. Я не сразу, но поспешила за ним.

И нашла его уже вместе с мистером Харрисом, который его успокаивал. Мне тогда пришлось на ходу сочинять историю, чтобы прикрыть его странное поведение. Очевидно, Вы мне уже и тогда не поверили? – обратилась Софи к Майку.

– Я подозревал, а после того случая моя уверенность, что Уайта посещают сны, видения, если хотите, в которых он видит Кэтрин, только возросла. Не уверен, такая же у них природа, как и у твоих, Брайан, с Крисом снов, но я уже ничему не удивлюсь.

Теперь в разговор вмешался и упомянутый Крис:

– Во сне я видел, что Кэтрин смотрела на меня и на Брайана через окно. Вы думаете, что и своего отца она могла также видеть? Но, как такое возможно?

– Малоизученные области науки редко поддаются логичным объяснениям. Мы же имеем дело с уникальным случаем, единственным в своём роде. Возможным может быть все, что угодно.

– Тогда, что нам со всем этим делать? – подал голос Брайан, очевидно хотевший побыстрее закончить этот разговор, чтобы побыть одному. – Тайны раскрыты, многие мотивы стали понятнее, но, очевидно, мы ни на миллиметр не приблизились к возвращению мамы в любое из наших времён.

Майк ответил ему не сразу, тщательно взвешивая каждое сказанное слово:

– План не изменился. Я по-прежнему считаю, что стоит попробовать переместиться еще раз. Только пускай это сде-

лает Крис. Уже, исходя из результатов, будем решать, что делать дальше. Все равно, пока мы не найдём способ попасть в место, где находится Кэтрин, любые дальнейшие рассуждения бесполезны.

– А что же делать с Уайтом? – не унимался Том.

Он даже сделал несколько шагов к Майку, всем видом показывая, свои намерения.

– С ним все очень просто. По рассказу Софи ясно, что он чувствует вину перед Кэтрин. Как бы это жестоко не звучало. Хотя, я думаю, что у каждого из вас свое видение порога жестокости по отношению к нему. Так вот. Как бы это ни звучало, но нужно всего лишь сыграть на его чувстве вины. Как это сделать – сами решайте. Дальше я вмешиваться не стану.

Крис и Том выглядели наиболее оживленными на фоне остальных. Им эта идея явно пришлась по душе. Софи нервно топталась на месте, поглядывая попеременно то в сторону друзей, то на Майка, который потерял к присутствующим всякий интерес и уже собирался уходить, то на Брайана, все еще хранившего отрешенное молчание.

– Крис, можно тебя на минутку? – спросил вдруг Майк, стоя уже у самой двери. Крис утвердительно кивнул. – Брайан, не уходи никуда, пожалуйста, я бы хотел с тобой потом поговорить у себя в кабинете.

– Как скажешь, – равнодушным тоном согласился Брайан. Майк поджал губы, недовольный его ответом, но толь-

ко бегло окинул его взглядом, ничего не сказав. Пропустив Криса вперёд, он и сам вышел за дверь.

В лаборатории повисло напряженное молчание, которое кто-то не решался, а кто-то не видел смысла разрушать.

Первой не выдержала Софи. Она подошла ближе к Брайану и постаралась сказать так тихо, чтобы расслышал только он:

– Если ты хочешь. То есть, я могла бы. Я могла бы подождать тебя, и мы бы вместе где-нибудь посидели. Если ты. Хочешь?

Все слова сбились в одну кучу, и она совсем не была уверена, что у неё получилось связное предложение, но повторить еще раз она все равно бы не смогла.

Когда Брайан повернулся к ней, то от его взгляда она была уже и не рада, что вообще спросила. К счастью неловкий момент прервало возвращение Криса.

Он, с мрачным видом, кивнул Тому, что пора уходить, коротко попрощался с Брайаном и Софи, едва выдавив из себя “Пока”, которое обрывалось на последней букве тяжелым вздохом. От бывшего энтузиазма не осталось ничего.

Следом за ними поспешила и Софи, впопыхах даже забыв соблюсти приличия и попрощаться.

Когда Брайан наконец остался один на один со своими мыслями, их будто ветром сдуло и в голове скопился сплошной туман. Ненавистные таблетки, баночка с которыми еще недавно оттягивала карман брюк, были с силой выброшены

на пол, рассыпавшись подобием зеленой лужицы, которая теперь казалась ему болотом.

Что делать, когда одна и та же мысль, одна и та же идея, одновременно и тянула тебя на дно, и оставалась единственным, что могло дать силы выбираться наверх? Брайан не знал.

Глава 18

Софи нагнала друзей уже в вестибюле Центра. Крис, не оборачиваясь и не останавливаясь, пошёл вперёд, тяжело ссутулив плечи и опустив голову. Том немного помедлил, чтобы идти вровень с Софи.

– Почему ты не осталась с ним? – задал он вполне закономерный вопрос.

– Ты же сам все видел и слышал. Он не хотел.

– Он разбит и растерян. Не знает, что ему делать дальше. На его месте я бы вообще ушёл оттуда, хлопнув дверью. Ему теперь есть кого винить, но и собственная вина не стала от этого меньше.

– Говоришь так, будто хорошо его знаешь.

– Просто часто приходилось выступать в роли психолога и советчика, привык подмечать детали, считывать состояние других людей, – Том едва заметно кивнул в сторону друга. – Похоже, мне сегодня пригодятся мои умения. Не знаешь, что этот Харрис мог ему сказать?

Софи пожала плечами:

– Понятия не имею. Так ты думаешь?

– Что тебе стоит вернуться? Определенно да. В крайнем случае, дождись его здесь. Оставишь его – возможно, потеряешь навсегда.

– Откуда ты? Тебе бы в экстрасенсы идти.

Том усмехнулся предложению девушки. Она и сама слегка улыбнулась в ответ.

– Мне Крис рассказал.

Увидев, как на ее лицо проявилось возмущение, он добавил:

– Не сердись на него. Я сам стал допытываться. Он никогда не мог устоять перед моим любопытством. А, если серьезно, посмотри на Криса и того же Харриса. Их любовь к Кэтрин практически обречена на провал, но разве их это останавливает? К тому же, ты не знаешь, были ли у Брайана ответные чувства, о которых он забыл также, как и тебя?

– Разве чувства можно забыть?

– Я заметил, как он смотрит на тебя, когда никто не видит. Крис мне тоже мельком об этом говорил, еще, когда рассказывал о вашем, якобы первом, знакомстве. Сказал, что ты явно понравилась Брайану.

– Правда?

– С какой стати мне тебе врать? Ладно, я побегу, а то Крис рискует превратиться в сугроб, а меня абсолютно не радует мысль откапывать еще и его, – сказал Том, намекая на при-

паркованную у Центра машину, которая, за время их отсутствия успела прилично покрыться снегом.

– Спасибо тебе.

– Не за что. Счёт пришло позже.

Софи недоуменно склонила голову набок.

– Шутка. Ладно, еще увидимся. Пока.

Девушка махнула ему рукой на прощание, а сама уселась на просторном, широком диване для посетителей с твёрдым намерением дожидаться Брайана.

В панорамное окно, около которого стоял Майк, беспощадно хлестал снег, будто стремясь залепить стекло, чтобы закрыть обзор на вечерний город. Сигарета в его руках уже давно потухла и теперь дымилась слабой струйкой, лишенная огня. Во рту еще оставался навязчивый привкус горечи: вязкий и неприятный, как и предстоящий разговор.

Дверь в кабинет открылась и сразу закрылась с тихим щелчком, но Майк не сразу обернулся к вошедшему Брайану, продолжая пальцами разминать остывшую сигарету. Но, к сожалению, оттягивать неизбежное можно было очень недолго, и Брайан прервал ожидание первым.

– Ты все знал.

– Знал, – подтвердил Майк, разворачиваясь.

Он выбросил окурочек в пепельницу, доверху наполненную такими же, занял место в своём кресле и жестом предложил Брайану последовать его примеру. Тот остался demonstra-

тивно стоять на месте, скрестив руки на груди.

– И что? Сколько еще я так же забыл, как и Софи?

– Не так много, как тебе кажется. И, заметь, все – с пользой для тебя.

Брайан саркастично хмыкнул.

– Это ты с дедом так решил?

Упоминание Уайта в одной связке с ним неприятно резануло Майку по ушам. Он немного скривился, что тут же заметил Брайан, сразу устыдившийся своих резких слов.

– Прости.

– Ты вполне имеешь право злиться. Я с самого начала вёл себя малодушно, позволяя Уайту распоряжаться твоей жизнью.

Его пальца трижды отстучали по столешнице неровный ритм.

– Да, – его долгий, протяжный выдох был пронизан внутренним сожалением. – Было бы лучше, если бы ты обо всем узнал от меня и в более спокойной обстановке.

Брайан внимательно слушал и не перебивал по одной простой причине – сказать ему в данный момент было нечего.

– Я знал о болезни твоей мамы и догадывался, что ты можешь ее унаследовать. Тогда мне еще не было известно ни о препаратах, которые она принимала, ни тем более о “зеленке” и ее двойном назначении. Первые симптомы проявились у тебя раньше, чем это обычно бывает и я, понятное дело, запаниковал. Уайт успокоил меня, рассказал о лекарстве. В

то время я уже был с головой занят проектом и, признаться, мало интересовался, что это за препарат, предпочитая довериться Уайту. Правда всплыла позже, когда он и сам начал мне доверять. Я как раз бился над проблемой эмоциональной концентрации для будущих перемещений и, как тебе уже известно, “зеленка” подошла идеально. Впрочем, и она была только маленьким фрагментом, подобно дневнику, заполнявшая все пробелы в общей картине.

Майк ненадолго замолчал, чтобы закурить очередную сигарету. По кабинету сразу разнесся едкий запах, на который он сам уже давно не обращал внимания. Мысли немного успокоились. Он всегда шутил, что это его личный вид успокоительного, который бросить жалко и остановиться с ним нужно. Хорошо, что шутка, сказанная про себя, по определению должна быть смешной только для тебя самого.

Сделав пару затяжек, он продолжил:

– До того, как я обо всем узнал, у тебя уже было пару незначительных провалов в памяти. Например, ты однажды забыл, что Мэри, то есть твоя бабушка, оставила тебя присматривать за водой, которая набиралась для тебя в ванной. Ну и потоп же был! Все кругом было в пене и потом еще неделю пахло лавандой. И еще парочка таких же случаев, которые можно было бы списать на детскую невнимательность, если бы в остальное время ты не показывал свои, абсолютно противоположные качества.

Сильный порыв ветра, ударивший в окно, заставил Майка

замолчать и прислушаться. Но уже опять стало тихо.

– Я так боялся, что Уайт может отнять тебя у меня, что даже и не думал противоречить ему. К тому же, препарат в остальном тебе явно помогал и мне пришлось смириться. Сейчас я понимаю, насколько трусливо поступал, когда предпочитал игнорировать постоянно появляющиеся статьи о загадочных смертях от неизвестного вещества и их независимые расследования, которые постоянно прерывались. По понятным причинам.

Когда ты вырос, я убеждал себя, что все в порядке, что ты и твоя мама – самое главное, что было и будет в моей жизни.

Очередной окурок отправился в пепельницу, а Майк тяжело откинулся в кресле. Разговор давался ему тяжелее, чем он подозревал. Вспоминать ошибки прошлого оказалось так же непросто, как и признавать их.

– Я так виноват перед тобой. И перед ней тоже. Я обещал, что верну ее. И не смог.

– Не говори так, папа, – прервал свое молчание Брайан. – Мы обязательно что-нибудь придумаем.

Майк поднял на него глаза, в которых, помимо тотальной усталости, читалось еще кое-что. В них мелькнула тень еще одной тайны. До сих пор никому невысказанной. Больше предполагаемой, чем истинной, но от того не перестающей быть менее реальной.

– Все, что мы могли бы придумать, я уже озвучил ранее. Но у меня есть весомые основания считать, что...

Дальше говорить у него не получилось. Его внутренний выбор, продолжать ли давать Брайану надежду или сейчас же оборвать ее, столкнулся с внезапной немотой, которая даже мешала дышать.

– Что у нас ничего не получится? Но ведь ты же сам говорил, что только Крис может попасть в то место, где находится мама. Почему же теперь, наедине со мной, ты передумал? – мысли несли Брайана все дальше, он едва успевал озвучивать свои предположения, которые все оборачивались вопросами: – Ты не хотел говорить при них? Тебе нужно, чтобы Крис верил, что все получится? Но зачем? Что ты задумал?

Брайан подошёл ближе и смотрел на Майка, не спуская глаз, требуя ответов.

– Я считаю, что, когда Крис переместится к Кэтрин, он уже не сможет вернуться обратно. Это будет билет в один конец.

Такая тишина, которая после этих слов повисла между Брайаном и Майком, бывает, кажется только после особо сильного раската грома: когда ты находишься в самом эпицентре грозы и на какое-то время стоишь оглушенный, не в силах нормально мыслить. Пару раз Брайан пытался что-то сказать, даже открывал рот, но вместо слов из него вылетали только растерянные выдохи.

– Ты, наверное, хотел спросить, почему я так думаю? – продолжил Майк, когда решил, что первый эффект от его

слов сошёл на нет. – Как я уже говорил, я начал догадываться еще, когда ты рассказал, что при твоём перемещении у тебя не было того переходного пространства, о котором постоянно говорил Крис. Обдумывая эту несостыковку, я все больше убеждался, что и найти Кэтрин способен только он. По сути все началось из-за него и им же должно и закончиться. А их возвращение... Я бы все отдал, чтобы я ошибался и, надеюсь, так и будет. Но уж слишком многое указывает на обратное. Я еще немного покопался в сферах после того, как ты их изучил. Информация, которую они в себе содержали было бы невозможно получить, если бы Крис не подержал одну из них в руках. Его воздействие, присутствие было всегда обязательным. И, если в начале мы воспринимали это, как данность, то теперь – это необходимость. Ты говорил, что обратный отсчёт на браслете, при твоём перемещении, запустился сам собой, что и позволило тебе вернуться. Я думаю, что его отсчёт так и останется со знаком бесконечности. Он опять переместится к ней и у той силы – Вселенной, если хочешь – не будет оснований возвращать их обоих обратно. Круг замкнётся.

Брайан не мог поверить в услышанное. Его ноги сами собой подкосились, и он тяжело рухнул на ближайший стул, который опасно качнулся от такого манёвра. Глаза его бездумно уставились в одну точку на полу, а дыхание участилось. Мысли наполнили разрозненные образы из полуснов, которые разбавляли видения желаний, теперь крошившихся

на мелкие кусочки. Он поднял невидящий взгляд на Майку, затуманенный слезами, но снова не смог сказать ни слова.

Из небытия его вернуло прикосновение, такое же, как когда-то от Софи, но в этот раз фантомное, лишь отголосок былого воспоминания.

– Папа. Неужели, все было зря? И я... зря...?

Майк резко поднялся со своего места, обогнул стол и подошёл к Брайану.

– Встань, сынок.

Брайан послушно встал, нетвёрдо переступил с ноги на ногу и тут же оказался в, по-отечески крепких, объятиях Майка.

– Не зря. Ведь так у меня появился ты.

Он говорил еще что-то, но Брайан уже не слышал, он наконец дал волю своим чувствам, как давно в детстве, прижимаясь к груди отца, который всегда был и оставлся для него нерушимой твердыней. И пускай сейчас на такие мысли не хватало ни сил, ни эмоций, но в глубине души Брайан им восхищался и был безмерно благодарен. Он любил его, в конце концов, как самого близкого человека.

Они простояли так некоторое время, пока Брайан не начал успокаиваться. Два мужчины, родство которых, в особенности сейчас, ощущалось гораздо глубже, чем по крови. Они были друг у друга. Здесь и далее – этого им было достаточно.

– Никогда не смей больше винить себя в произошедшем, –

серьезно и строго сказал Майк, когда слегка ослабил объяснения, чтобы взглянуть в мокрые глаза Брайана.

Тот пару раз согласно кивнул. Вышло слегка дёргано, но, тем не менее, искренне.

– Будет лучше, если ты сам расскажешь Крису. Думаю, что он имеет право знать. А потом уже пускай сам решает, как ему поступить. Поверь, ему тоже предстоит нелегкий выбор.

– Ты о его матери?

– Да, о ней.

– Кстати, – вдруг вспомнил Брайан (отчасти, потому что мысли все еще молниеносно прыгали одна к другой), – что ты ему сказал? Когда он вернулся, у него был такой потерянный вид.

– Ах да. Какое совпадение, что ты спросил об этом, как раз после упоминания его матери. Ведь говорили мы как раз о ней. Вернее, я рассказал ему о еще одном неслучайном событии, которое привело его напрямую на проект.

– Так и будем молчать? – спросил Том, оторвав взгляд от дороги, чтобы в который раз посмотреть на, сидящего рядом, Крису. – Может уже расскажешь, что случилось? На тебе лица нет!

– Не здесь и не сейчас. Для начала я хочу выпить, – ответил тот резко и отвернулся к окну, как будто вид бешено кружившихся хлопьев снега смог бы его успокоить.

– Многообещающее начало, – заметил Том и, наконец

определившись хоть с чем-то, повёл машину в направлении своего дома.

Больше попыток разговаривать Криса и вытащить из него хоть что-нибудь он не предпринимал и целиком переключился на дорогу.

Вся ситуация, в которую он волей-неволей оказался втянут, со стороны уж очень напоминала семейную драму, уходившей корнями в, относительно далекое, прошлое. Какое-то шестое чувство (если бы он верил в теорию, что их у человека всего пять) подсказывало ему, что роль Криса в этой истории еще далеко не сыграна, что в сумме с его теперешним видом и состоянием, только добавляло тревоги за друга. Плюс ко всему прочему, Тома тяготила его личная вина, что он был не до конца честен перед ним, из банального опасения, что истинные намерения всплывут не в то время и не в том месте.

Дом встретил их включённым светом и неожиданным гостем на пороге, а, если точнее, в гостиной.

– Папа? А ты, что здесь делаешь? – озадаченно спросил Том, попутно стараясь изобразить достаточно красноречивые жесты, что сейчас не самое лучшее время для его визита.

Не обратив на них внимания, то ли специально, то ли от волнения, мистер Барнс сходу спросил:

– Как все прошло?

– Нормально, – сквозь зубы процедил Том, – но давай мы поговорим позже. Я сейчас с Крисом.

– Так ты ему еще не рассказал?

– Папа!

– Не рассказал что?

Сам Крис только появился на пороге и теперь не без интереса разглядывал отца и сына, застывших в довольно комичных позах, что только добавляло нелепости ситуации.

– Добрый вечер, мистер Барнс.

– Добрый, Крис, – и уже обращаясь к Тому, – тогда не буду мешать. Подожду тебя наверху.

– А, что вообще происходит? – поинтересовался Крис, как только мистер Барнс ушёл. – Опять какие-то тайны? Я уже и так понял, что ты мне не все рассказывал. Так давай, сегодня как раз такой день: все считают своим долгом открывать мне глаза на происходящее.

Без лишних церемоний Крис подошёл к бару, из которого достал бутылку и пару бокалов. Том не возражал, но настроенно и молча следил за другом.

Наполнив оба бокала, свой чуть ли не вдвое больше, Крис передал второй Тому и мигом осушил собственный.

– Может не будешь так сразу? – попытался вразумить его Том, но его старания были удостоены лишь кривой ухмылки под плескающиеся звуки от наполнения очередной порции.

– У меня повод, – Крис поднял руку шутливым тосте, от которого разило злой иронией, – сегодня день, когда мне открываются все тайны. Кто там следующий на очереди? Не удивлюсь, если сейчас заявится Брайан под ручку с Софи.

– Крис, прекрати. Ты можешь толком объяснить, что тебе сказал Харрис?

– А зачем? Ты же не собираешься мне ничего объяснять. Том устало потер переносицу.

– Ладно. Давай я начну. Никакой особой тайны в этом уже нет. В общем: мой отец и Уайт много лет назад были партнерами. Точнее моего отца партнером, даже младшим, можно было назвать с натяжкой, но его молодые амбиции очень выгодно сочетались с интересами Уайта. В пользу последнего, конечно же. Отец и со мной толком ничем не делился. Знаю только, что их взаимодействие никак не было связано с “зеленкой”, о которой отец узнал уже много позже, а через пару-тройку лет у них вышла размолвка и в конце концов попрощались они не очень-то хорошо.

– И с тех пор твой отец ищет на него компромат? – заинтересованно спросил Крис, заметно успокоившись. Даже бокал оказался отставленным на стеклянный столик рядом.

– Не совсем, как я понимаю. Изначально, у него не было такой цели, и он просто занимался тем, чем и занимается по сей день – аудитом бизнеса, разной степени официальности. Тут я тебе не соврал – запрос и правда был. Только он был давно. И, как ты понимаешь, удовлетворить его полностью компания не смогла до сих пор. В конце концов дошло до того, что, чем больше подробностей узнавал отец, тем больше делом принципа становилось для него докопаться до истины.

– То есть, ты с самого начала знал, чей это проект?

– Начал догадываться, когда ты рассказал о Кэтрин. Но, как ты понимаешь, одна только фамилия была слабым основанием для подобных догадок. Когда все выяснилось, я тут же рассказал отцу, с кем ты связался. Он просил не рассказывать тебе до поры до времени. Вот, как бы, и все. Абсурдная случайность, что все оказалось так связано.

– Я все больше убеждаюсь, что случайности далеко не всегда случайны. Прикрываясь принципами физики, мою судьбу творила пара человек, – в речь Криса опять вернулись злые нотки.

– Ничего не понимаю. Перестань говорить загадками.

Крис осушил и второй бокал, прежде чем продолжить. Одновременно, он все ближе подходил к состоянию, когда чуточку легче воспринимать свалившуюся на голову реальность.

– Авария с моей мамой произошла с легкой руки Уайта. Он вбил себе в голову, что только так меня можно затащить на проект. Об этом же было написано в дневнике!

Крис до скрипа сжал бокал и с силой поставил его на столик, от чего по комнате разнесся стеклянный перезвон.

– Моей жизнью управляли задолго до того, как я начал это осознавать. А я еще и с радостью вёлся.

– Ты-то здесь при чем?

– А кто при чем? Уайт, возмнивший себя Богом? Кэтрин, написавшая дневник? Или Брайан с Харрисом и с их черто-

вой машиной? А знаешь, что во всем этом самое ужасное?

Том так и остался молча стоять, не пытаясь даже предположить ход мыслей Криса. Этого и не потребовалось, ведь сам Крис и ответил на свой вопрос:

– Что все было обставлено до тошноты логично. Даже придраться не к чему. Если, вдруг, отбросить всю моральную составляющую, конечно.

Его лицо вдруг болезненно скривилось от поразившей его мысли:

– Понимаешь, я ведь сам себе не прощу, если не смогу спасти маму.

– Не боишься, что Уайт узнает, что ты продолжаешь общение с Брайаном до того, как мы получим от него признание? Он не тот человек, который будет разбрасываться пустыми угрозами.

– С ней сейчас Стивен, если что он поднимет тревогу. К тому же, Харрис обещал помочь и прислать людей для круглосуточного наблюдения, пока все не закончится.

– Ты ему доверяешь?

– С доверием, как ты понимаешь, у меня сейчас, в принципе, некоторые трудности. Но я ему верю. По всему выходит, что я ему нужен.

– Мне даже, по-своему, жаль его.

– Не хотелось бы признавать, но мне тоже.

Крису все же удалось немного усмирить свои эмоции, впрочем, как и всегда в разговорах с Томом. Когда вместо

слов сочувствия и сострадания, друг просто продолжал беседу, которая помогала и успокаивала в разы лучше.

За последнее время на Криса столько всего свалилось, что в пору бы опустить руки и все бросить. Впрочем, он бы и до сих пор не исключал такой возможности, но уж слишком далеко он зашёл, слишком много людей оказались невероятным образом втянуты в события тридцатилетней давности. Не глобальную историю – с падением астероидов или таянием ледников, а маленькую трагедию в рамках одной семьи. Сейчас Крис, как никогда, ощущал свою близость не только с Кэтрин, но и со своим сыном (хоть и смирится с таким фактом, что у него есть сын, старше, чем он, так и не смог) и даже с Майком, которого не только жалел, но и которому был благодарен.

– Кто бы мог подумать, что все так обернётся? – с некоторой грустью в голосе, сказал он.

– А, если бы ты знал, что в итоге получится, все равно бы участвовал в эксперименте?

Слова Тома заставили Криса надолго задуматься, но однозначного ответа у него так и не получилось:

– Знаешь, я до конца все равно не верю, что все было заранее predetermined, и я не мог ничего изменить. Да, многие обстоятельства оказались подстроенными, но все же, каждое решение было моим: осозанным и необходимым. Поэтому, даже, если это и не так, я предпочитаю думать, что моей жизнью управляют мои выборы.

– Виски определенно открывает в тебе талант к философствованию, – подметил Том, усмехнувшись, но тут же, мигом стал серьезным, – что ты теперь намерен делать?

– Ооо, планы у меня самые глобальные! Вернуть Кэтрин – это раз. И два – показать ее отцу, что не один он может играть чужими жизнями.

Глава 19

Терпение Софи медленно, но верно подходило к концу. Уже прошло больше часа, а по ее ощущениям – так и во все целая вечность, как она торчала в вестибюле Центра под пристальным взглядом охранников. Усидеть на одном месте ей было сложно, а потому она успела несколько раз пройтись из одного конца в другой, постоять у окна, наблюдая за снегопадом, от одного вида которого ее пронимала дрожь. Хотя, что более вероятно, она дрожала от нервного перевозбуждения, пронимавшего все ее тело.

Потому, совершенно неудивительно, что выходявший из лифта, Брайан встретил ее прямо посреди лобби, застывшую в нелепой позе от неожиданности от его появления.

– Софи? – удивлённо спросил он, приблизившись. – А ты что до сих пор тут делаешь?

Пару секунд она выглядела так, словно не была уверена, к ней ли обращаются. Выйдя из ступора, она сказала, не совсем уверенным тоном:

– Я хотела поговорить с тобой.

– Прости, конечно, но мне сейчас точно не до выяснения отношений.

Получить такой ответ, в который раз оказалось ожидаемо больно. Наверное, это отразилось в глазах Софи, потому что дальше Брайан заговорил уже мягче:

– Не хотел тебя обидеть. Прости.

Ее вдруг озарило осознание. Она четко поняла, что ему сейчас нужно, даже раньше его самого.

– Тогда можно просто поехать с тобой? Я могу хоть всю дорогу молчать.

Не то, чтобы Брайан был так уж против ее присутствия. Скорее, наедине с ней, он теперь чувствовал ту особую неловкость, когда ты не помнишь человека и в то же время испытываешь стойкое ощущение, что ты его знаешь и вас даже связывает нечто большее, чем обычное знакомство. Он все не мог отделаться от мысли, что забыв ее, упускает нечто важное. Буквально чувствуя в сознании ускользающую тень воспоминания, он, как не старался, все равно не мог уловить его суть. Но у него появилось вполне сформировавшееся желание разобраться хотя бы в этом.

– Знаешь, а я не против. Поехали.

Софи моментально просияла той самой улыбкой, которая когда-то, сейчас уже казалось, что вечность назад, приглянулась и Крису. Но на этот раз она была самой, что ни на есть, искренней.

К вопросу разборок с Уайтом Крис и Том решили больше никого не привлекать, а справится своими силами.

На разработку плана и согласование деталей у них ушло не так много времени. Однако, это растянулось на несколько дней из-за постоянной занятости Тома на работе.

Его отец уже предвкушал, если не скорую победу, то по крайней мере, один из решающих ударов по Уайту, а потому задерживал Тома допоздна своими, чуть ли не ежедневными, расспросами о том, что же они придумали. С некой маниакальной одержимостью он вникал в каждую деталь плана, пропускал ее через себя и только после этого высказывал свое мнение. Которое Том с превеликим удовольствием выслушал бы уже по итогу.

Что же касается Криса, то для него, чем ближе оказывался назначенный день X, тем больше он сомневался в необходимости обоснованности выбранного ими метода. Жалости к Уайту он, конечно, не испытывал, но его все время терзали мысли, что бы сказала Кэтрин, узнай она об этом. Вряд ли ей бы понравилось. Поэтому Крис тщательно заталкивал такие мысли в самый отдаленный уголок сознания. Но его попытки раз за разом были обречены на провал. Отрезвляло его только присутствие Тома, с его решительным хладнокровием.

Самые последние, но и самые важные детали плана, накануне сообщил им Майк, а именно: время и место. Поздний вечер воскресенья, кабинет в здании Центра на минус

первом этаже. Единственный – без номера и других опознавательных знаков. Имитирующий лабораторию, каких много на всех верхних этажах, но таковой не являющийся.

Проводил их в этот кабинет уже давно знакомый Крису Джо, по просьбе Майка, естественно.

Внутри кабинет очень напоминал тот, где Крис когда-то сдавал отчёт мыслей. Только вместо кресла была широкая и на вид удобная кушетка, а экран был больше своего аналога. Эта комната не была разделена перегородкой и в целом выглядела гораздо уютнее и светлее. Тем не менее, присутствие кого-либо еще, кроме Уайта, предполагалось только, в смежном с этим, кабинете. Который со своими габаритами едва вмещал двух друзей.

Изначально, это помещение отводилось для личного психолога Уайта, который, как думалось последнему, отличался, если не безоговорочной верностью, то хотя бы лояльностью, сродни такой же, как у священника во время исповеди. Но оказалось, что желающих выдать его секреты, а особенно за приличную плату, было немало.

Дверь в основной кабинет хлопнула секунда в секунду с назначенным временем и Крис с Томом, бегло переглянувшись, затаили дыхание. Слышимость и в ту, и в другую сторону была достаточной, чтобы они смогли уловить даже плеск воды, наливаемой в стакан, и пару тяжелых глотков, которые сделал Уайт, запивая таблетку – ту самую, на основе “зеленки”, которую принимала Кэтрин, а позже и Брай-

ан. И идею которой, так удачно и прибыльно раскрутил сам Джордж Уайт.

Еле слышный скрип обивки кушетки о ткань костюма Уайта стал сигналом, что он готов к началу своего сеанса терапии. По предварительным рассказам Джо, знакомого с устройством аппарата для считывания мыслей, Крис знал, что и в какой последовательности нужно нажать, чтобы запустить устройство.

По ту сторону экран сразу засветился ярко-белым светом, а Уайт с некоторым блаженством прикрыл глаза, проваливаясь в свои мысли.

– Сегодня Кэтрин была со мной более приветлива, – начал он, не обременяя себя приветствием.

Крис и Том за стеной испуганно переглянулись, не до конца понимая, что он имел в виду.

– Нет, я все так же вижу эту ненависть в ее глазах, но она уже не высказывает ее вслух.

Фон на экране сменился изображением, которое друзья могли наблюдать в совсем крошечный монитор. Появившаяся картинка была не совсем четкой, местами даже размытой, будто Уайт наблюдал ее через густой туман. Но на деле все происходящее на экране было его недавним сном, одним из многих, участвовавших в последние несколько недель.

За прошедшие, без малого, тридцать лет сны с участием Кэтрин были единичными, да и вообще сновидения посещали Уайта редко. В них она представала едва заметным, по-

дуразмытым силуэтом среди непроницаемой темноты. Как ни странно, эту темноту он запомнил достаточно отчетливо. Но, прежде чем начались сеансы, не придавал ей никакого значения.

Сначала, когда сны участились, по пробуждении он стал испытывать тревогу, а позже – и вовсе непонятный для него страх. От части потому, что сам сон ему не запоминался. Но постоянная тревожность накладывала свой отпечаток на его жизнь, работу и эмоциональное состояние.

До поры до времени Уайта, как ни парадоксально, спасали те самые таблетки. Болезнь, которую он сам долгие годы презирал и считал проявлением слабости постепенного наступала и его самого.

Но совсем скоро препарат стал все менее эффективным, что таинственным образом совпало с появлением снов, которые были все более реальны. В одном из таких он испытал стойкое чувство, что Кэтрин заметила его, увидела из своего, невообразимо чёрного, пространства и прокричала, как сильно его ненавидит.

Сон повторялся в течении недели, просто сводя Уайта с ума! В конце концов, он был вынужден искать помощи у специалиста из той области, действенность которой он в свое время отвергал.

На первом же сеансе Уайт, вместо долгих описаний, просто показал ему свой сон. Как ни странно, разговоры ему действительно помогали, на какое-то время. Однако, не на

столько сильно, чтобы он отказался от идеи прекратить поиски Кэтрин, любимыми правдами и неправдами свернуть проект. Идея о том, что собственная дочь испытывает к нему только ненависть, засела настолько глубоко, что съедала его изнутри. Поэтому ее возвращение он расценивал не иначе, как свою гибель.

Он все продумал и, как ему казалось, просчитал все варианты. Запугать и подставить Криса, запудрить мозги Брайану, чтобы он стал сомневаться во всех и вся, даже в себе самом. Последним пунктом шло бы устранение Майка – физическое или моральное, он еще не решил – как человека, который знает слишком много лишнего и которого он держал на коротком поводке только обещаниями возвращения Кэтрин. Сам же Уайт, который в весьма короткие сроки смирился с уходом дочери, прикладывал усилия по ее поискам, в основном, ради Брайана. По-своему, он в нем души не чаял, хотя проявления его заботы всегда были весьма специфическими.

На деле же оказалось, что нити, которые Уайт усиленно переплетал между собой, заманивая в свои сети все больше людей, словно в паутину, уже давно начали ослабевать и рваться в самых неожиданных для него местах.

Доверие, как чувство, которое он испытывал к кому-либо крайне редко, в итоге и сыграло с ним злую шутку.

Софи, хоть и не осознанно, а больше по велению сердца, стала тем элементом, той ниточкой, которая в конечном сче-

те должна будет затянуться на шее Уайта. Он и представить не мог, что девушка, в которой он увидел все нереализованные амбиции и ожидания по поводу собственной дочери, которую он сам буквально вытянул наверх, сможет его предать.

Но прямо сейчас он еще ничего не осознавал, а продолжал описывать свой сон. То, с какой теплотой он говорил о Кэтрин, в который раз поколебало уверенность Криса. Но его колебания никак не передавались Тому, который уже настраивал воспроизведение заранее подготовленной записи и готов был вот-вот нажать кнопку “Пуск”. Когда его палец уже почти коснулся заветной кнопки, его запястье, вдруг, перехватил Крис. Том перевёл на него вопросительный и даже разозленный взгляд, буквально говоривший: “Ты в своём уме? Что ты вообще творишь?”. Крис определенно не мог похвастаться наличием хоть какого-то ответа, а потому медленно разжал пальцы и кивком головы выразил свое согласие, чтобы Том продолжал.

Тот посмотрел на него еще пару секунд, чтобы убедиться, что друг снова ему не помешает, и нажал на кнопку.

Взволнованный и звонкий голос Кэтрин разнесся вокруг, отражаясь от стен полупустого кабинета гулким эхом:

– Папа? Это я.

Уайт резко распахнул глаза, приоткрыл рот в немом изумлении с примесью страха и сел на кушетке, дико озираясь.

– Кэтрин? – хрипло спросил он, поднимаясь на ноги. Но, так не ступив и шагу, тяжело рухнул обратно. К нему на

мгновение вернулось самообладание, и он поинтересовался, почти своим обычным тоном, обращаясь в ту сторону, где, как он думал, должен был находиться психолог:

– Что это за шутки, Нэд?

Тому пришлось быстро включить воспроизведение, чтобы сбить Уайта с толку.

– Ты не узнал меня, папа? – прозвучал жалобный голос Кэтрин.

В целом на разработку сценария монолога мнимой Кэтрин, а затем на подборку голоса под ее реальный тембр с максимальной точностью, ушло довольно много времени. По большей части из-за того, что нужно было продумать все возможные варианты реакции Уайта.

Но, как они и предполагали, у Уайта долго не находилось, не то что нужных, вообще никаких слов. Он, неожиданно быстро, безоговорочно поверил в то, что с ним и правда разговаривает Кэтрин.

Том, после еще одной консультации с Майком и, падким до денег, психологом, объяснял это настолько сильно накопившимся чувством вины, что разговоры с Кэтрин, правда без ответа, уже стали для Уайта обыденностью. Как пару минут назад, например. Когда Уайт начал с обращения к психологу за стеной, а продолжил уже общением с Кэтрин, образ которой отображался на экране.

Запись продолжилась:

– Ты уже забыл обо мне? Почему ты не заберёшь меня

отсюда, папа? Я хочу домой.

– Ты меня ненавидишь, ненавидишь, – еле слышно проговаривал тот, теперь безотрывно пялясь в монитор. Который, повинуясь бессвязным мыслям Уайта, то становился снова белым экраном, то отображал целый калейдоскоп бесформенных образов, очень быстро растворяющихся в туманной белизне.

– Скажи мне правду! – тон голоса Кэтрин стал угрожающим. – Зачем ты пичкал меня наркотиками всю мою сознательную жизнь?

Со стороны Уайта воцарилась звенящая тишина. Он молчал, а экран исказился жалобной помехой и потух от перегрузки бешеным потоком его мыслей.

Том приостановил запись, предчувствуя момент раскаяния.

Спустя пару минут Уайт и правда заговорил. Слова давались ему с трудом, через длинные промежутки времени.

– Ты не должна была об этом узнать. Я хотел, как лучше. Хотел, чтобы ты стала ... нормальной. Я беспокоился за тебя, Кэт. Слышишь? ... Ты должна меня понять. Этот препарат. Это же все для тебя. И для Брайана тоже. Он так напоминает мне тебя. Так хочет, чтобы ты вернулась... Но я не могу, не могу. Ты вернёшься и возненавидишь меня. И он возненавидит.

Крис испытал стойкое желание сиюминутно закончить происходящее. Какие бы поступки Уайт не совершал, ему

стало его жаль.

Но запись продолжилась прежде, чем он успел хотя бы дернуться в сторону кнопки:

– Зачем ты убил меня? – остро очерченные слова больно резали слух, врезаясь в сознание до основания. – Разве моя жизнь не стоит больше всех этих денег?

Крис не выдержал и все же с силой нажал на кнопку.

Именно сейчас Уайта, сидящего на кушетке с лицом, искажившимся гримасой такой боли, которую Крис надеялся больше никогда в своей жизни не увидеть, настигло раскаяние. Искреннее и чистое, как слезы, градом катившиеся у него из глаз. Казалось, что он мигом постарел лет на двадцать, а его безудержные рыдания набатом стучали в головах Криса и Тома.

Человек, из-за которого Крис почти потерял мать, принёсший столько горя его семье и другим таким же семьям. Который построил свою империю, по пути растеряв, казалось бы, всю человечность, показал себя настоящего. Без напускного цинизма. После проявленного акта жестокости, который был не чужд ему самому всю его жизнь.

Крис в этот момент испытывал двоякие и абсолютно противоположные чувства. Торжество справедливости, когда цель, казалось бы, целиком и полностью оправдывала средства, смешивалось с ощущением отвращения к самому себе. Он не хотел искать себе оправданий. Но в следующий момент сделал то, на что, как он думал, не сможет решиться.

Немного повозившись, он поставил на воспроизведение фрагмент, который записал лично и о котором ничего не знал Том. Он сделал его на тот маловероятный случай, если он сможет проникнуться состраданием к Уайту.

Добавив громкости так, чтобы Уайт точно услышал, Крис запустил запись. Последнюю на этом торжестве правосудия без привкуса торжественности.

– Я тебя не ненавижу, папа.

Крис прокрутил запись еще трижды. Но уже на втором воспроизведении Уайт поднял голову, прислушиваясь, словно слова, которые до этого ранили без ножа, теперь исцеляли.

Том все это время смотрел на друга, как на сумасшедшего, но все же не без восхищения. Его поступок подарил Уайту ту самую искру надежды, которой он сам, прямо или косвенно, лишал многих.

Слабый ее отголосок был, однако, отчетливо слышен в голосе Уайта, сорванного до хрипоты:

– Правда? Кэтрин, это правда?

Крису осталось только включить запись еще на один раз.

После тяжелых, с моральной точки зрения, разборок с Уайтом прошло уже пару дней. Столько же Брайан пытался дозвониться до Крису, но получал только унылую череду гудков в ответ.

О самом инциденте со своим дедом он узнал, как ни

странно, от Тома, который позвонил ему в конце второго дня с просьбой не беспокоиться и дать Крису еще немного времени. Для последнего произошедшее стало той последней каплей, после которой нужно, как минимум, собрать свое сознание воедино и принять свой поступок, как нечто уже свершившееся, а потому необратимое. Каким бы относительным не было это утверждение, при всех известных условиях его истории.

Все это время Крис старался проводить с мамой и Стивеном, радуясь, что в ее состоянии наконец наметилась положительная динамика, а брат больше и не заговаривал о том, чтобы снова обратиться в бега.

В конце концов, Крис сам набрал Брайана, чтобы назначить встречу, ожидая от неё чего угодно, разве что, кроме того, что он узнал в реальности.

Пересказ умозаключений Майка занял довольно много времени, на протяжении которого Крис не проронил ни слова и, не отрываясь, смотрел прямо перед собой. Где-то на середине, все знакомые слова перемешались во что-то непонятное и для их осмысления пришлось приложить усилия. Особенно, когда весь смысл становился яснее, но верить в него все равно не хотелось.

Брайан постарался выдержать паузу и не лезть сразу с вопросами, которые его волновали вот уже несколько дней.

– Что я должен делать? – неожиданно спросил Крис осипшим, от долгого молчания, голосом.

Брайану на мгновение показалось, что Крис говорил, как о своем принятом решении, но потом осознал, что тот ждёт, как раз его реакцию. Как, если бы боялся, что один из его возможных выборов приведёт к разочарованию в нем.

– Я не требую от тебя ответа прямо сейчас. Подумай столько, сколько тебе нужно, а потом мы встретимся и еще раз все обсудим. Ладно?

– Сколько у меня есть времени?

– Я не тороплю. Сколько тебе будет нужно, – еще раз повторил Брайан, максимально мягко.

– У тебя уже все готово?

– В каком смысле?

– Для моего перемещения. Все готово?

В первую секунду Брайан сомневался, правильно ли он расслышал. Поняв, что он услышал верно, он стал сомневаться, правильно ли Крис его понял.

– Я может, как-то не так выразился, но ты же понимаешь, что, при благоприятном исходе перемещения, ты, практически стопроцентно, не сможешь вернуться. Застранешь в этом межвременном пространстве. И хорошо, если с мамой.

– Будешь меня отговаривать? – Крис выдавил из себя слабую усмешку.

– Эмм, нет. Но я хочу, чтобы твоё решение было взвешенным, и ты четко понимал все последствия.

– А я и понимаю.

– Ты так спокойно об этом заявляешь! Это же твоя жизнь.

– А с чего ты взял, что у меня с ней не будет жизни?

В этот момент с Брайана можно было писать картину под названием “Подлинное удивление”. Или он мог бы быть живым примером для системы Станиславского.

– Обещай подумать хотя бы до завтра, – попросил Брайан скорее для проформы, уже сам не веря, что Крис изменит свое решение. Но, как бы то ни было, он волновался за него.

– Если ты просишь...

– Да, прошу. И хочу, чтобы ты знал. Даже, если ты изменишь свое решение, я пойму, правда. И мое отношение к тебе останется прежним.

Немного помолчав, подбирая слова, он добавил:

– Я очень рад, что узнал тебя. Знаешь, после того, как я узнал правду о маме, я воспринимал тебя, как случайного незнакомца, абсолютно безликого. К тому же, еще и моложе меня. Но теперь ты стал для меня примером. Того, как нужно любить. Такой же, как...

– Как твой отец?

– Да. Тебе неприятно, наверное, это слышать? Ты же тоже... мой ... отец.

– Я на звания и не претендую. Но мне важно, что ты это сказал. Спасибо.

Возникшая пауза, тем не менее, не была неловкой. Они оба наконец открылись друг перед другом и переступили через себя, времён их первых встреч. Брайан, не без непосредственной помощи Криса, хоть немного избавился от обре-

меняющего чувства вины. А Крис обрёл уважение и уверенность в своей значимости в жизни Брайана.

Путь, который они прошли к друг другу, оказался для обоих таким же важным, как их совместный путь к Кэтрин. И они были готовы продолжать этот путь вместе, без громких званий, как сказал Крис. Но всем же известно: что сказано тише, проникает глубже.

Брайан, как бы невзначай, перевёл тему, чувствуя потребность расставить все точки над и:

– Я слышал об истории с моим дедом. В целом я не одобряю то, что вы сделали, но я понимаю твои чувства. И от себя хотел бы попросить прощения за то, что случилось с твоей мамой. Это, конечно, ничего не изменит, но мне правда очень жаль. И за последнюю фразу спасибо. Это было сильно.

– Я сделал это ради Кэтрин. И за неё. Я верю, что она бы приняла раскаяние отца.

– Если я могу еще что-то сделать для твоей мамы, ты только скажи.

– Теперь нужно только время. И надежда на лучшее.

В глазах Криса промелькнула невысказанная печаль, но он быстро отвёл их.

– О, я совсем забыл! – спохватился Крис, похлопав себя по карманам джинс. – Я же хотел отдать тебе кое-что. Да, где же они?

Наконец он достал небольшой прямоугольник бумаги и

протянул Брайану.

– Что это? – спросил тот не глядя.

– Хочу, чтобы они были у тебя.

В ладони Брайана оказалось три фотографии, запечатлевшие события тридцатилетней давности, сделанные чуть больше полугода назад. На них Крис обнимал Кэтрин, они весело смеялись и смотрели друг на друга глазами, полными зарождающейся влюбленности.

– Не знаю, остались ли такие же у Кэтрин или потерялись за столько времени, но я бы хотел, чтобы они у тебя были. К тому же, со скромным напоминанием и о моей персоне.

– Да уж, скромности тебе не занимать, – с улыбкой сказал Брайан. Подушечкой большого пальца он провёл по неровному нижнему краю, словно нарочно обрезанного, и перевёл вопросительный взгляд на Криса.

– На четвёртой то, что родители обычно не показывают своим детям, – неловко пошутил тот, но, откашлявшись, проговорил уже серьезно, – я оставил эту фотографию в записке для Кэтрин. На том сеансе, когда ты отправлял меня.

– А я и забыл об этом..., – сказал Брайан, задумчиво разглядывая каждую фотографию. – Когда впервые читал мамин дневник, все удивлялся, кто это сделал?

– Сейчас бы я так не поступил. Не стал бы пытаться изменить наше прошлое.

– Потому что оно и так было predetermined?

– Нет. Потому что я наконец его принял.

Разговор с Брайаном, а позже и с Софи, которая, вполне ожидаемо, присоединилась к ним, надолго затянулся и до-мой Крис вернулся уже за полночь.

Стараясь не разбудить Стивена, он тихонько пробрался в свою комнату и, не раздеваясь, лёг на кровать да так и заснул. Нельзя сказать, что этот день оставил его без сил, наоборот, он наполнил его внутренним воодушевлением. Но что-то словно подбивало его поскорее переместиться в мир грёз, слепляло веки и расслабляло тело, стоило ему только принять горизонтальное положение.

По ту сторону его встретила необъятная темнота, которая всегда сопровождала его в моменты перед встречами с Кэтрин: во сне и наяву.

В этот раз тьма показалось ему легкой, обволакивающей. Она принимала его в свои объятия, внушая спокойствие и чувство правильности происходящего. В противоположность себе, наполняла его незримым светом, который, как магнит тянул его вперёд. И он знал, кто его там ждал. Неизмеримо долго и так невероятно реально.

Кэтрин стояла к нему спиной: ее плечи слегка подрагивали, а длинное платье развевалось на неосязаемом ветру.

Сначала Крис попытался крикнуть ей, чтобы она обернулась, но звук провалился в пустоту безмолвной нотой. Он сделал шаг, а Кэтрин отделилась от него на десять. Он взмахнул руками, а пространство вокруг подернулось густой дым-

кой, сковывая его движения. Шаг, крик, взмах руками и так по кругу. Его троекратное упорство практически обнулялось бесполезностью его действий.

Но вдруг, Крис отчетливо услышал стук в дверь. И Кэтрин тоже его услышала, потому что вмиг перестала дрожать и чуть повернула голову в сторону, прислушиваясь.

Стук повторился и в следующее мгновение само время, словно, пошло вперед: Крис смог сократить расстояние до Кэтрин в пару шагов и положить ладони ей на плечи.

Она не испугалась, как если бы еще до его приближения точно знала, что он стоит за спиной. Обернувшись, она застыла каменным изваянием, долго-долго смотря ему в глаза, даже не моргая. А потом обняла его с такой силой, которую Крис даже предположить в ней не мог.

Последнее, что ему запомнилось перед пробуждением – яркий, ослепляющий, белый свет, который полностью рассеял всю темноту.

– Нам нужно поговорить, – вместо доброго утра, сказал Крис, как только вошёл на кухню, где уже был Стивен.

– Я догадался. И о чем же? Доброе утро, кстати.

– Доброе.

Крис сначала сел на стул напротив брата, но, почти сразу, резко вскочил и пару раз прошёл комнату по периметру, с плохо скрываемым нервным возбуждением во всех движениях.

Стивен с беспокойством наблюдал его метания, но терпеливо ждал, когда тот сам успокоится и будет готов начать разговор.

– Прощу, только не нужно меня отговаривать, – попросил наконец Крис, как будто в своей голове он уже закончил свой монолог.

– Ты же еще ничего не сказал, – подметил Стивен, скептически выгнув бровь, что придавало его лицу несколько злое выражение.

– Не знал, с чего еще начать.

– Поэтому решил начать с конца?

На лице Криса мелькнула тень горькой улыбки. Его сердце болезненно сжалось, а изо рта, прямо как в сегодняшнем сне, не пролилось ни звука.

Он намеренно не стал заранее обдумывать, что же сказать, боясь потерять всю ночную решимость. Но сейчас, лихорадочно перебирая в голове все возможные варианты, один казался ему хуже другого. Вряд ли в мире найдётся хотя бы один удачный способ, чтобы рассказать родному брату, что собираешься добровольно отказаться от семьи. Как не крути, суть оставалась такой. Даже, если бы Крис привёл тысячи аргументов “против”.

– Брайану удалось настроить машину и теперь мы, скорее всего, сможем найти Кэтрин.

– Вы же так и планировали, верно?

– Не совсем. Конечно да, но предполагалось, что мы ее

вернём. В наше или в ее время.

– Но вы не сможете... И что теперь?

Стивен быстро улавливал самую суть разговора, освобождая Криса от обязанности пересказывать ненужные подробности, но тем самым неумолимо приближая время, когда нужно будет огласить свое решение.

– В ближайшие дни будет еще один сеанс. Скорее всего последний. И я намерен в нем участвовать.

– Эмм, ладно. Но, в чем смысл? Ты же сам только что сказал, что не сможешь вернуть ее, – осознание назойливой мухой вертелось вокруг Стивена, но он старательно отгонял его. – Нет. Ты же... Нет. Не может быть. Ты же тогда...

– Не вернусь, – закончил за него Крис.

Стивен резко вскочил из-за стола с четким намерением подойти ближе к брату, будто надеясь рассмотреть тень улыбки или расслышать слово “Шутка”. Но так и остался стоять на месте, в бессильном молчании осмысляя услышанное.

Озвученное признание легло на плечи Криса неподъемной ношей, которую без поддержки Стивена он бы точно не вынес.

– Я не жду, что ты поймёшь меня.

Он широким, чисто мужским жестом, вытер ладонью, собравшиеся на водной линии, слезы и громко шмыгнул носом.

– Но я понимаю, – поспешно заверил его Стивен. – При-

нять, пока, не могу, уж извини. Но прекрасно понимаю. Ты уже окончательно все решил? – абсолютно без намерения его отговорить, спросил Стивен.

– Да. Я не смогу по-другому, – опустив глаза, Крис принялся рассматривать костяшки своих пальцев, попеременно щурясь от, вновь подступающих, слез. – К тому же, Брайан будет тебя помогать. С мамой и вообще. Он сам предложил, представляешь? На днях я вас обязательно познакомлю.

– Сколько у тебя еще есть времени? До сеанса? – тон Стивена был подчёркнуто ровным, но свои истинные эмоции он сдерживал из последних сил, понимая, насколько Крису сейчас нужна его поддержка.

– Мы еще толком не обсуждали, но около недели. Прощаться мне особо не с кем, а все мои дела в последнее время, были полностью связаны с проектом. Как будто вообще все, что я делал в жизни, вело меня к этому моменту.

– Что ты имеешь в виду?

Только теперь Крису открылась полная картина: все элементы истории разложились по полочкам, выстроились в линию в хронологическом порядке и, наконец, приобрели окончательную, хоть и весьма запутанную, логику.

– Я сейчас понял, что все решения, которые я воспринимал, как навязанные, были, в конечном счете, моими. Иначе можно сомневаться во всем подряд и превратиться в параноика. И это решение – оно только мое и ничьё больше.

И Крис рассказал все с самого начала: и про “зеленку” во

всем спектре ее применения, и про любовь Уайта везде и всюду внедрять своих людей, чтобы строить чужие судьбы, и, наконец, про подстроенную аварию, о которой он до последнего молчал... На рассказе об этом Стивен в си­ло­й сжал руки в кулаки, до побелевших костяшек пальцев. Его злоба завибрировала под кожей, вызывая назойливый зуд, от которого сложно было отделаться.

– И что с ним теперь будет? – спросил Стивен, когда Крис закончил свой рассказ недавним инцидентом в Центре.

– Не знаю. За ним тогда пришёл Харрис и увёл его. Уайт уже был не в себе.

Крис запнулся и, тщательно обдумав следующую мысль, сказал:

– Мне кажется, что мы немного перегнули палку.

– Крис, из-за него мама уже год, как в больнице, а ты беспокоишься, что был с ним слишком жесток?! По-моему, он заслужил даже большего.

– Но тогда получается, что я ничем не лучше его. Хоть методы и разные. Что уже сделано, то сделано – я жалеть не буду. Но и дальше по пути мести я не пойду. Уверен, что его история еще будет иметь продолжение. Я еще не говорил с Томом. Он как раз сможет дать этому делу ход. Но они пусть сами с Харрисом все решают.

– Я вот слушаю сейчас тебя и не узнаю. Когда ты успел научиться так философски смотреть на жизнь? Сколько я тебя помню, у тебя всегда действия были впереди мыслей.

– Раньше я и жил действиями. Но последние события, знаешь, заставляют задуматься о смысле всего. Я, кажется, нашёл свой. И спасибо, что не стал меня отговаривать. Для меня правда это очень важно.

– Отговаривать тебя, как раз, бесполезно. Ты с детства делал, что хотел. К тому же, самое меньшее, что я бы сейчас хотел сделать – это разругаться с тобой.

– Спасибо, – губы Криса задрожали, поэтому даже это простое слово вышло обрывочным и нечетким.

– Иди сюда, – Стивен заключил брата в крепкие объятия, – ты навсегда будешь для меня занозой в заднице, – вдруг сказал он и рассмеялся. – Все детство шkodил ты, а по итогу я получал на орехи.

Крис прыснул со смеху, от чего скопившиеся слезы скатились по щекам.

– Но ты должен знать, что я все равно люблю тебя. И всегда буду, – продолжил Стивен уже серьезным тоном. – Останься только, как можно подольше, пожалуйста. Мне без тебя будет как-то грустно.

Дальнейших слов у них еще долго не находилось. А, когда нашлись, то воспоминания увлекли их на несколько часов, в которые они ухитрились уместить не только обсуждения всех прошедших лет, но и очень старались наверстать дальнейшие годы, но уже друг без друга.

Когда Крис впервые пришёл на сеанс в Центр “Кайт” его

ожидания сводились исключительно к количеству денежных знаков, копившихся на его банковском счете, и едва компенсировавших уровень страха перед неизвестным экспериментом.

Теперь же, глядя вверх, как блики солнца отражаются от стеклянных окон громадного здания, он больше не испытывал ни жажды наживы, ни тревоги.

Как и в первый раз, он пришёл сюда один, попрощавшись со Стивеном в спокойной и приватной обстановке дома. Все последние дни они практически не расставались, а, почти ежедневно, с ними проводили время, то Том, то Брайан с Софи. Однажды даже зашёл Майк, по чисто формальному поводу, конечно, но, перед уходом, он пожал Крису руку, что было равносильно всем словам благодарности, которые он мог бы сказать.

Кабинет Майка, в котором Криси уже ждали, встретил его безмолвной, даже траурной тишиной.

– Всем привет, – поприветствовал он собравшихся бодрым голосом, который уж очень явно контрастировал с настроением остальных присутствующих.

Брайан поприветствовал его в ответ, практически синхронно с Софи, которая еще и постаралась изобразить на лице улыбку. Майк слегка кивнул головой, не сводя с Криси напряженного взгляда, как, если бы ожидал, что тот сейчас откажется от сеанса и уйдёт.

Крис же почувствовал себя неловко, но старался не пода-

вать виду. В голову пришла совершенно ненужная ассоциация, что он присутствует на собственных похоронах, но он попытался поскорее отогнать от себя эту мысль.

– Начнём? – немного неуверенно предложил он.

– Уже? – резко спросила Софи, громче, чем предполагала, и ее голос разнесся по кабинету звонким эхом.

– Перестаньте уже, пожалуйста. Почему вы выглядите так, будто меня на тот свет отправляете? – не выдержал Крис в конце концов.

– Действительно, – вмешался Майк, хотя претензия Криса к нему явно не относилась. – Мы все уже обсудили по несколько раз и Крис принял свое решение. Его нужно уважать.

– Неожиданно, конечно, но спасибо.

Майк второй раз кивнул, принимая благодарность, а Крис обратился уже к Брайану:

– Мы же знаем, что так будет лучше. Я совсем ни о чем не жалею. И хочу вернуться к ней.

Софи часто заморгала, как нередко делала в их последние встречи, и бросилась к Крису на шею с крепкими объятиями, едва не сбив его с ног.

– Не думаю, что риск быть задушенным – это то, что мне было уж так необходимо перед сеансом, – пошутил Крис, как только высвободился из ее рук.

– Передавай Кэтрин от меня привет.

– Передам. И скажу, что наш сын теперь в надежных ру-

ках.

От этих слов щеки Софи покрылись горячим румянцем, и она смущенно отошла в сторону, пропуская Брайана к Крису.

– А от меня – обними ее покрепче.

Брайан сам обнял Крису, на своём примере показывая, какие объятия он передаёт маме.

– Обязательно.

– Я буду скучать, – еле слышно шепнул Брайан, так, чтобы только Крис смог услышать.

Эти слова сейчас оказались самыми важными и придали Крису еще больше уверенности и сил.

– Я тоже, – так же тихо шепнул он в ответ.

Майк, стоявший позади, неопределённо хмыкнул, то ли оттого, что расслышал слова кого-то из них, то ли просто хотел уже поскорее со всем этим закончить.

– Я готов, – уверенно сказал Крис, похлопав Брайана по спине, и отстранился.

Попрощаться, морально оказалось гораздо сложнее, чем без слов выйти за дверь, не оборачиваясь. Поэтому Крис предпочёл последнее.

Лаборатория была все такой же ослепительно белой и мало обставленной. На кушетке его уже дожидалась пара браслетов, которые он сразу надел, и пузырек со знакомой зеленой жидкостью, которую больше не было смысла маскировать под газ. О “зеленке” Брайан договорился с Крисом за-

ранее. И, хотя в этот раз, его желание и внимание были целиком и полностью направлены на Кэтрин, для верности, все же решили не убирать препарат.

Он одним глотком осушил содержимое пузырька и кивнул невидимому человеку в аппаратной (которым был Майк), подтверждая свою готовность.

Сверившись с браслетом на правой руке, он убедился, что он отображает знак бесконечности, как и предупреждал Брайан. Крис вытянул руки вдоль тела и, напоследок окинув комнату взглядом, закрыл глаза.

Механический голос начал обратный отчёт, который набатом отбивался в голове Криса, навсегда запечатлевая каждую цифру в его сознании.

5...4...3...2...1.

На этот раз бесконечная пустота, в которую попал Крис была для него одновременно и началом, и концом. Как только он почувствовал, что вошел в резонанс с ее вращением, то открыл глаза.

Эпилог

День ноль

Я стояла, посреди пространства, которое вмиг стало темным, когда позади меня кто-то появился. Внутри меня будто сработал маленький колокольчик, возвещавший о прибытии

кого-то важного. Которого я так долго ждала и, который так же долго искал меня.

Пространство вокруг начало меняться. Сначала едва уловимо, на уровне мельчайших частиц, выстраивающихся в таком правильном порядке, которого невозможно было достичь только с моим присутствием. Затем оно пришло в движение, волнами проносясь мимо меня, щекоча кожу и развевая мое платье, подобно ветру. Наверное, впервые за все время моего пребывания здесь, я обратила внимание на то, во что я одета. Темный верх платья полностью покрывал плечи, а длинная юбка в пол своей расцветкой повторяла все те цвета, которые я видела за окном в “часы” моего бдения в комнате.

Быстрым движением я поправила ленту в волосах, пропуская ее между пальцами, чувствуя нежный атлас на своей коже. Наверное, впервые в этом месте, все мои ощущения были настолько обостренными и полными, что я просто не могла не запомнить их до мельчайших подробностей.

Откуда-то справа раздался отчетливый стук в дверь. Слегка повернув голову в ту сторону, краем глаза я смогла рассмотреть слабое мерцание и самой двери, вернее сказать, ее силуэта. Рядом стоял другой силуэт – мужской, а когда дверь открылась, появился и третий – мой собственный.

Стук повторился, но уже с другой стороны, и мне не нужно было смотреть туда, чтобы понять, кого я там увижу.

Я смогла найти только одно объяснение увиденному – че-

го-чего, а свободного времени для размышлений у меня в этом месте было предостаточно. Так вот. Допустим, моя временная линия в конечном счете привела меня в это пространство и в это состояние, в котором я находилась тогда и продолжаю находиться сейчас. Но есть также и множество других ответвлений от основной линии, существующих вполне самостоятельно, в которых события развивались по другому сценарию, даже, если в итоге сошлись практически в одной точке. И, как раз их, я и смогла увидеть. Скорее всего, были варианты, в которых я так и оставалась здесь одна.

Но мне больше было некогда о них думать. Потому что, в следующий момент я почувствовала прикосновение рук на своих плечах. И я точно знала, кому они принадлежат. Но оборачиваться все равно было немного страшно. Я не могла быть уверена на сто процентов в слаженной работе своего сознания и боялась оказаться в плену какого-то наваждения. Все же пересилив себя, я наконец взглянула в любимые глаза и пусть даже Крис и оказался бы иллюзией, я все равно прижалась к нему покрепче и облегченно выдохнула, когда ощутила его объятия.

Не успели мы сказать друг другу и слова, как все вокруг озарилось ослепительной вспышкой света. Мне пришлось плотно зажмуриться и теснее прижаться к Крису. Стало вдруг очень тепло, даже, я бы сказала, жарко. Как, если бы мы находились в самом эпицентре зарождающегося сгустка тепловой энергии. По крайней мере, Крис так описал свои

ощущения, и я с ним полностью согласна. Затем появилась какая-то мощная, неизвестная сила, которая еще ближе подтолкнула нас к друг другу, словно стремясь сделать нас одним целым. Я вся обратилась в ощущения, которые воспринимались на тонкой грани: между статичным положением и безумным вращением через пространство, между восприятием себя и нас, как чего-то цельного, между жаром от света и, постепенно разбавлявшим его, холодом темноты. Мое тело становилось все более легким, будто я, частичка за частичкой, распадалась и растворялась в ворохе других частиц, чтобы потом собраться заново в новую, возрожденную себя.

Все прекратилось в один миг, который мог быть и вечностью, и нулевым временем, что было одно и то же, по своей сути.

Я вновь почувствовала свое тело и сильные руки Криса, все еще обнимавшие меня. От мысли, что он наконец снова со мной, что он вернулся, как и обещал, на моем лице появилась улыбка. В душе поселилось такое спокойствие, какое бывает, когда солнечным летним днем стоишь посреди зеленого луга, вдыхая аромат полевых цветов и слушая щебечущий разговор двух птиц где-то неподалёку. Когда я открыла глаза, то вокруг меня отчетливо вырисовалась картинка, только что созданная моим воображением. Я часто заморгала, но картинка не исчезла, а наоборот наполнилась еще и звуками, запахами, становясь полноценной, многомерной, реальной. Среди всего этого Крис казался ещё более насто-

ящим. Когда он был так близко, что можно было рассмотреть каждую черточку, мельчайшую родинку, блики солнца на радужке глаз.

– У тебя здесь красиво, – сказал он, игриво усмехнувшись.

– Кажется, это я сделала. Всё это.

– Знаю.

– Знаешь? – я не могла отвести от него глаз, таким невероятным он был.

– Да. А сейчас я попробую, хочешь?

Он сильно зажмурился, поднял голову немного вверх, как если бы размышлял о чём-то. А в следующий момент прямо над нами, буквально из ниоткуда, появилась бабочка. Она становилась то больше, то меньше, словно не могла определиться, какого же ей быть размера, меняла цвет от изумрудно-зеленого до лазурно-голубого, пока не стала глубокого, бархатного, синего цвета с фиолетовым отблеском. Не успела я ей налюбоваться, как она скрылась в густой траве где-то впереди. Я перевела взгляд на Криса, который прямо-таки светился от того, как он был доволен собой.

– Теперь это наша с тобой Вселенная. В первый день ее создания.

Крис оказался прав.

Тот самый момент, когда они коснулись друг друга, ознаменовал собой начало. Нулевое состояние, сродни Большому взрыву.

Мир, где их разделяли годы и километры, не дал им никакого шанса быть вместе. Поэтому, им ничего не оставалось, как создать свой собственный, только для них двоих. На грани существования, времени и пространства, по ту сторону действительности, стерев самих себя из настоящего.

Однажды соприкоснувшись, их жизненные траектории оказались навсегда связанными. И даже, когда они становились все запутаннее, взаимосвязь между Крисом и Кэтрин сохранялась, сквозь пространство и время, пока, в конечном итоге они не нашли друг друга. Сколько бы выборов они не делали, всегда был один – единственно правильный, который помог им оказаться вместе.

Для Кэтрин это была ее внутренняя жертва и готовность отдать свою жизнь в обмен на жизнь Брайана, сам факт рождения которого создал временной парадокс в относительно стабильной системе.

И система нашла выход: “запечатала” Кэтрин в отдельном пространстве, существующем параллельно, но без видимого взаимодействия с основным миром. Тем не менее, даже в таком положении, ее связь с Крисом не разрывалась, реализуясь, в его случае посредством снов, а в ее – с помощью “видений” в окне.

Они отдалялись друг от друга с невероятной скоростью, но продолжали оставаться самыми близкими.

Решение быть с Кэтрин оказалось для Криса тоже сродни жертве. И, хотя об этом он узнал много позже, его жизнь

компенсировала право на жизнь его матери.

В тот самый момент, когда Крис перестал существовать в своём, теперь уже совсем не его, времени, она пришла в себя после, больше чем годичного, пребывания в коме. Это стало неожиданностью и для Стивена, который успел потерять брата и даже не мечтал вновь обрести маму, и для всего мед. персонала, потому что тщетность лечения была для них очевидной.

Первым словом миссис Стар по пробуждении было “Спасибо”. А блестящие от слез глаза, еще долго всматривались в пустое пространство впереди, где никого не было. Уже потом она рассказывала Стивену, что видела Криса, как раз перед тем, как открыла глаза. И уверяла, что это ему она обязана тем, что очнулась.

Сам же Крис, как и, когда-то до него, Кэтрин, мог наблюдать моменты из жизни дорогих ему людей.

Для этого у него было особое место, придуманное им самим: поляна, сплошь поросшая густой травой, которая заканчивалась небольшим озерцом. В его безупречной глади отражалась бело-голубая звезда, которой они с Кэтрин пока не придумали названия, перебрав уже десятки, если не сотни. И звезда поменьше, огненно-желтого цвета, которую было единогласно решено называть Солнцем.

В этом месте Крис мог побыть один, хоть и такая необходимость возникала крайне редко, подумать о мире, в котором он оказался и, как строить его дальше, посмотреть,

как со временем (которое для него перестало ощущаться в принципе) жизнь близких и родных людей меняется в лучшую сторону.

Он знал, что и у Кэтрин тоже есть подобное место.

Она решила не отказываться от идеи с окном, правда теперь оно находилось не в маленькой комнате, а между двух высоких деревьев, прямо в саду, на заднем дворе их небольшого дома.

Все остальное время они проводили вместе. И им уж точно было, чем заняться. Помимо очевидных вещей, по типу того же жилья и мест уединения, нужно было продумать сотню других. Начиная от цвета неба, количества солнц над головой и формы листьев у деревьев, растущих на заднем дворе. И заканчивая поистине глобальными материями, вроде понятий времени, пространства, общих законов функционирования их мира, без которых он рухнул бы, как карточный домик. Они не могли с точностью сказать, что же влияло на их окружение: их желания или непонятные для них функции и законы системы, в которой они оказались, как таковой. Но им нравилось наблюдать те небольшие изменения, которые определенно получалось вносить собственными мыслями.

Поначалу, они развлекались созданием птичек да бабочек всевозможных цветов и видов. На сколько только хватало фантазии и широты горизонта, который охватывал взгляд. Потом они увлеклись друг другом и туда, пожалуй, мы заглядывать не будем. Единственно важное, на чем они оба со-

шлись еще в самом начале – это время. А, если точнее, его ощущение и восприятие. Был ли это эффект плацебо или время здесь действительно текло поразительно медленно, но ни Крис, ни Кэтрин его даже не замечали. Возможно, потому что были наконец счастливы. В своей отдельной, такой понятной, Вселенной. За одну квантовую запутанность от места, которое они когда-то называли домом. До дома только для них двоих. Жизнь давала им миллион вариантов, чтобы не быть вместе, но они выбрали один единственный и разделили его друг с другом.

Конец